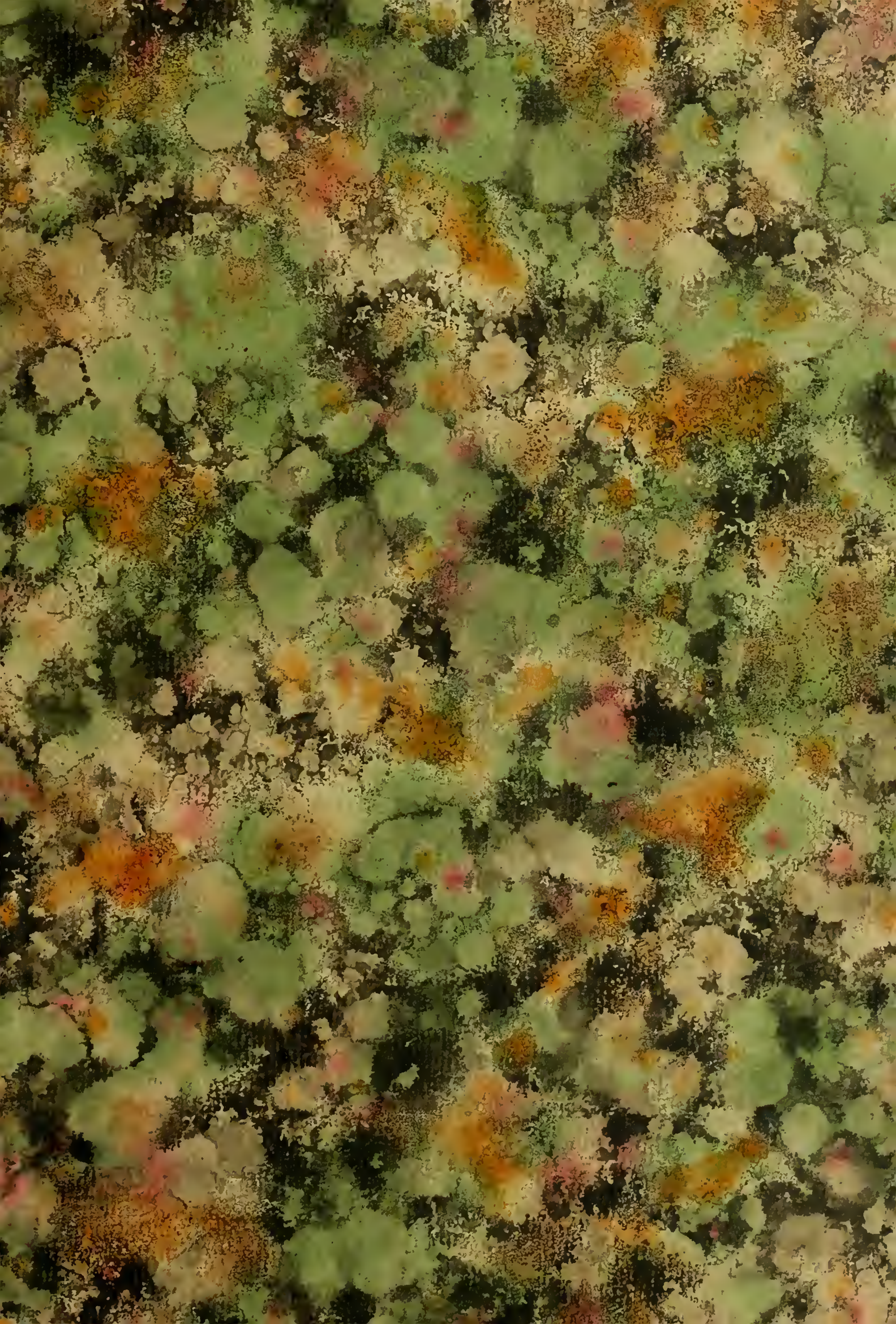

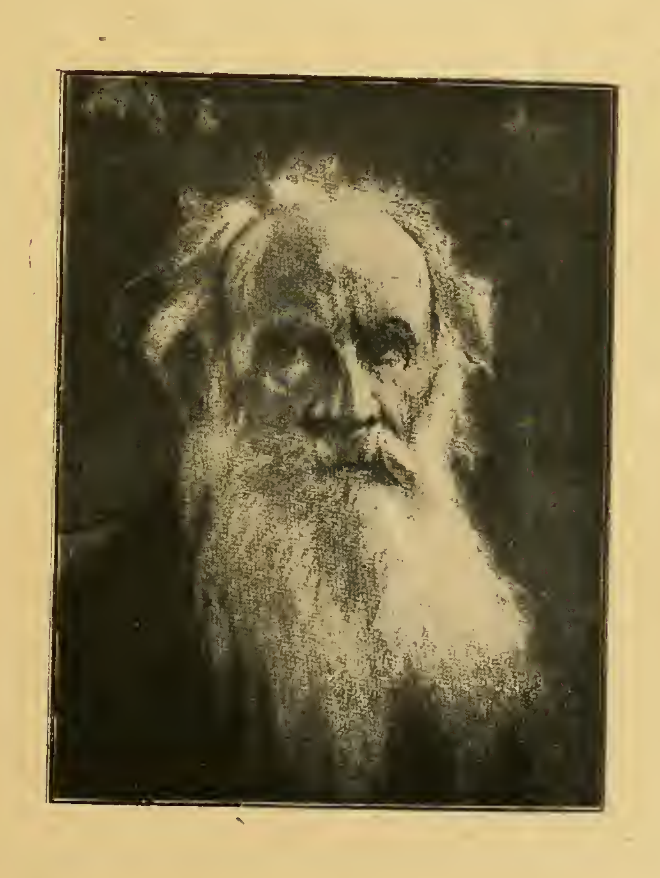
« LA BAGUETTE VERTE » N° 1

«ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА»

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

1—15 Октября, 1920. № 1. Годъ изданія первый.

Редакція и контора: 5, rue Joubert, Paris—9-e.
ПАРИЖЪ.

Въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Левъ Николаевичъ Толстой разсказываетъ о томъ, какъ его братъ Николенька объявилъ однажды своимъ братьямъ, когда Льву Николаевичу было пять лѣтъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзней, ни непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться и всѣ будутъ любить другъ друга и всѣ люди сдѣлаются муравейными братьями.

И я помню, — говорится въ воспоминаніяхъ, — что слово — муравейные — особенно нравилось намъ, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейныхъ братьевъ, которая состояла въ томъ, что мы садились подъ стулья, загораживали ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

Муравейные братья были открыты намъ, — замѣчаетъ Левъ Николаевичъ, — но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, — эта тайна была, какъ братъ Николенька намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Стараго Заказа.

Свои воспоминанія Левъ Николаевичъ кончаетъ словами:

— «Идеалъ муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подо всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же.

И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ».

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ была зарыта зеленая палочка, въ верстѣ отъ стараго яснополянскаго дома, покоится межъ четырехъ дубовъ прахъ одного изъ самыхъ великихъ и благородныхъ людей, проходившихъ когда либо черезъ міръ.

Свою долгую и мудрую жизнь посвятилъ онъ исканію истины, которая должна сдѣлать людей счастливыми.

Свято сохранимъ въ сердцахъ нашихъ его добрые завѣты и съ любовью, и не останавливаясь въ пути, всѣ вмѣстѣ будемъ искать простую и важную тайну, которая написана на зеленой палочкѣ, зарытой у дороги, на краю оврага.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ:
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

Ив. Бунинъ.

КОЗЛИНАЯ ЖИЗНЬ

Разсказъ А. И. Куприна.

Рис. Ре—ми

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ госуда́рствѣ...

Впрочемъ, нѣтъ. Этотъ разсказъ не такъ начинается.

Не въ какомъ иномъ, какъ въ нашемъ царствѣ, въ собственномъ государствѣ, давнымъ-давно жили-были дѣдъ да баба. И, какъ водится, не было у нихъ дѣтей. Были только: кошка Машка, собачка Патрашка и говорящій скворе́цъ Василій Ивановичъ.

Свыклись они всѣ и жили дружно неподалеку отъ города. У каждаго было свое занятіе. Дѣдъ дрова кололъ, дворъ подметалъ, ходилъ пить чай въ трактиръ и кряхтѣлъ на лежанкѣ. Старуха сдавала на лѣто дачу дачникамъ изъ города и ругалась съ ними отъ утра до вечера, а зимою вязала чулки и варежки, и бранила старика. Патрашка ловилъ мухъ, лаялъ на луну и на свою тѣнь, и былъ самымъ отчаяннымъ трусомъ въ деревнѣ; ночью все просился въ горницу, портилъ воздухъ и во снѣ тоненько полаявалъ — бредилъ. Кошка Машка думала, что весь домъ и всѣ въ немъ люди и звѣри, и все молоко на свѣтѣ, и все мясо — все для нея одной заведено. Такая была самолюбивая. Оттого она очень обижалась, если, бывало, дѣдъ ее стукнетъ около молочника ложкой по головѣ, или баба оплеснетъ водой.

Скворецъ Василій Ивановичъ жилъ надъ окномъ, въ открытой клѣткѣ, но

Кошка Машка

ходилъ на полной свободѣ по всему дому, и всѣ уважали его за умъ и за образованіе. Очень искусно Василій Ивановичъ истреблялъ таракановъ и весьма похоже передразнивалъ: какъ дѣдъ ножикъ точитъ, какъ баба цыплятъ съ крыльца сзываетъ, какъ Машка мурлычитъ. Какъ только дѣдъ съ бабой за столъ сядутъ, скворецъ уже на столѣ. Бѣгаетъ, вертится, попрошайничаетъ: "Ч-что же это такое, с-скворуш-шку то поз-за-были?" — А если и это не помогаетъ, онъ прыгъ дѣду на голову, да въ лысину его — долбъ! Дѣдъ взмахнетъ рукой, а Василій Ивановичъ уже надъ окномъ и верещитъ оттуда: "Что же такое за штуки? Что же это такое?"

2.

Такъ то вотъ они и жили въ великомъ согласіи. Разъ зимою легли они спать. А на дворѣ была вьюга. Вдругъ баба повернулась на бокъ и говоритъ:

— Дѣдъ, а дѣдъ, какъ будто у насъ около калитки кто то кричитъ... жалобно такъ...

— А ты спи, знай, — отвѣчаетъ старикъ. — Я только что второй сонъ началъ видѣть. Никто тамъ не кричитъ. Вѣтеръ воетъ.

Помолчали, помолчали. Опять баба безпокоится.

— Да я же тебѣ говорю, встань ты, старый трутень. Ясно я слышу, что это ребеночекъ кричитъ... Мнѣ ли не знать?

Тутъ всѣ звѣри проснулись.

Машка сказала:

— Это не мое дѣло. Если бы молоко или мышь, тогда такъ... А понапрасну я себя безпокоить не согласна.

Вспрыгнула на печку, задрала заднюю ногу кверху, какъ контрабасъ, и завела пѣсню.

Патрашка потянула передними лапами, потомъ задними и сказалъ:

— Бефъ! Что это за безобразіе, уснуть не даютъ!.. Бефъ-бефъ! Цѣлый день трудишься, спокою не знаешь, а тутъ еще ночью тревожатъ. Бефъ!

Собачка Патрашка

...прыгь дѣду на голову,
да въ лысину его—долбъ!

Покрутился, покрутился вокругъ собственнаго хвоста и легъ калачикомъ.

На дворѣ что то опять запищало. Даже и дѣдъ услышалъ.

— А вѣдь это ты вѣрно, баба. Не то ягненокъ, не то ребенокъ. Пойтить что-ли, посмотрѣть?

Спустилъ ноги съ лежанки, всунулъ ихъ въ валенки, снялъ съ гвоздя тулупъ, пошелъ на дворъ.

Приходитъ.

— Старуха, зажги-ка огонь. Погляди, кого намъ Богъ послалъ.

Баба зажигаетъ, а сама торопится!

— Кого? Кого? Мальчика? Дѣвочку?

— Совсѣмъ наоборотъ. Не ребеночекъ, а козя. Да ты посмотри, какая прехорошенькая.

Вынулъ изъ за пазухи, подаетъ бабѣ. Та разъахалась.

— Ахъ, ахъ, ахъ, что за козя! Что за козюля удивительная. Настоящая ангорская!

А козя вся дрожитъ, на ножкахъ и на брюшкѣ у нея снѣгъ обледенѣлъ комьями, хвостикомъ вертитъ и прежалостно плачетъ:

— Б-э-э... Молочка бы мнѣ-э-э...

Дѣдъ своей старухи боялся и зналъ, что она скуповата. Однако осмѣлился, прокашлялся:

— Ей бы, старуха, молочка бы? А?

А старуха и рада.

— Вѣрно, вѣрно, старикъ. Я сейчасъ.

Налила молочка въ блюдце. Но козя была совсѣмъ мала и глупа, ничего не понимаетъ, только ногами въ блюдечко лѣзетъ и все блеетъ.

Тутъ старикъ догадался.

— Подожди-ка, я ей соску сооружу.

Налилъ молока въ аптекарскій пузырекъ, обвязалъ сверху тряпку, колпачкомъ, и сунулъ козѣ въ ротъ.. Ужъ такъ то она принялась сосать, что просто ужасъ. Ажъ вся трясется, и копытцомъ по полу стучитъ.

Кошка Машка говоритъ:

— Здравствуйте! Мое молоко и вдругъ какимъ то бродягамъ.

А Патрашка сказалъ:

— Совсѣмъ съ ума спятили наши дѣдъ да баба.

И полѣзъ подъ кровать.

Василій Ивановичъ проснулся, когда зажгли свѣчку, и заскрипѣлъ что то спросонья. Но увидалъ, что рядомъ на стѣнѣ ползетъ тараканъ. Тюкъ! — и нѣтъ таракана.

А Козя выдудила пузырекъ, еще требуетъ. Дали ей другой, и третій, и четвертый. А сами на нее не налюбуются. Но потомъ дѣдъ пощупалъ, пощупалъ у нея животикъ и говоритъ:

— Точно турецкій барабанъ. Будя. Облопаешься. Идемъ-ка лучше спать.

Залѣзъ на печку и взялъ козю къ себѣ подъ армякъ.

3.

Очень скоро козя въ домѣ освоилась. Научилась скакать съ пола на лавку, съ лавки на лежанку, съ лежанки на печку. И такая утѣшная стала, ласковая, что просто одна прелесть. Не только изъ рукъ ѣстъ, но даже по карманамъ шныритъ. И все бѣгаетъ, суетится, хвостомъ трясетъ, орѣшки разсыпаетъ.

Баба въ ней просто души не чаетъ:

— Послалъ намъ Богъ сокровище за сиротство за наше. Вотъ подрастетъ немножко козлетоночка наша и будетъ молока давать, каждый день по двѣ бутылки. А мы его будемъ дачникамъ продавать. Молоко козье драгоцѣнное, потому что очень цѣлительное — по полтиннику бутылка. А тамъ острижемъ ее, и буду я зимою вязать чулки и перчатки изъ козьяго ангорскаго пуха на продажу. И тебѣ, старикъ, свяжу къ твоему дню ангела напузники на руки.

А козинька между тѣмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а умнѣетъ просто по минутамъ. Такая, наконецъ, премудрая козища стала, что даже ужъ невтерпежъ. Сначала, что она выдумала? Дѣдовъ табакъ жевать. Свертитъ онъ, бывало, себѣ крученку, заслюнитъ и положитъ на краешекъ стола. А коза уже тутъ какъ тутъ. Хапъ, и давай цыгарку зубами во рту перетирать и проглотитъ. Одинъ разъ ухитрилась: дѣдъ забылъ ящикъ задвинутъ; такъ она цѣлый кисетъ съ табакомъ вытащила, изжевала и съѣла.

Но это еще было въ полбѣды. Пришло лѣто и козинька оказала всѣ свои способности. Что ни день, то на нее жалоба. Тамъ капустную разсаду потоптала, тамъ грядку левкоевъ слопала, тамъ молодыя яблоньки обглодала...

— Вы бы хоть привязали ваше убоище! —говорятъ старикамъ сосѣди.

— Привяжешь ее, какже! Пробовали мы ее привязывать, такъ она всѣ веревки перегрызаетъ.

— Ну, а все таки поглядывайте, неудобно такъ-то.

И кромѣ того изучила она одну преподлую манеру — стала бодаться. Идетъ по двору человѣкъ и безъ всякаго вниманія. А она потихоньку зайдетъ сзади, да какъ разбѣжится, да какъ саданетъ лбомъ подъ колѣнки, тотъ мигомъ на задушку и сядетъ. Многіе очень обижались.

И чѣмъ дальше пошло — тѣмъ пуще. Чѣмъ больше козлища растетъ, тѣмъ больше наглости набирается. Черезъ улицу въ огородѣ весь молодой картофель повытаскала, у батюшки всю клубнику — викторію начисто уничтожила, у волостного писаря сахарный горохъ истребила. Каждый день — новое бѣдствіе.

Не вытерпѣли, наконецъ, мужики, собрались вмѣстѣ и пошли къ дѣду-бабѣ.

— Какъ себѣ хотите, дѣдъ-баба, а больше нашего терпѣнія нѣтъ. Житья намъ не стало отъ вашего чудовища безпощаднаго. Вы его или продайте, или на мясо зарѣжьте. А мы больше не согласны.

Попробовала было баба заступиться:

— Что ужъ вы такъ строго? Чай не разорила васъ моя бѣдная козочка.

Мужики какъ грохнутъ отъ смѣха, какъ закачаются.

— Да что ты, матушка! Разуй глаза то. Развѣ же это коза? Настоящій, что ни на есть козелъ, и борода у него, какъ у предсѣдателя.

— Да неужели же? Батюшки, стыдъ то какой. Пропали мои ангорскіе варежки! Ахъ, пропало мое козье молочко.

И въ ту же ночь пристала къ старику безъ короткаго. Пилила его, пилила..

— Осрамилъ ты меня на всю округу. Куда мнѣ теперь глаза дѣвать? Засмѣютъ, задразнятъ меня, станутъ козлиной бабушкой звать. А все черезъ тебя, окаянный старикъ. Нѣтъ, какъ хочешь, а чтобы этой страшной твари въ моемъ домѣ не было. Завтра же веди ее на базаръ продавать. Иначе житья тебѣ отъ меня не будетъ.

Дѣлать нечего. Покорился дѣдъ. Всталъ утромъ пораньше, обмоталъ рога козлу веревкой и повелъ за конецъ.. А козелъ и тутъ отличается. То упрется копытами въ землю, головой мотаетъ, — съ мѣста его не стронешь. То какъ подеретъ впередъ, старикъ за нимъ еле поспѣваетъ, рысью бѣжитъ. Парни идутъ навстрѣчу, заливаются:

— Дѣдушка, а дѣдушка, кто кого на базаръ продавать тащитъ: ты козла, аль козелъ тебя?

...старикъ за нимъ еле поспѣваетъ, рысью бѣжитъ.

Однако, кое какъ дошли они до базара, верстъ за двѣнадцать отъ своей деревни. Удалось дѣду продать козла очень скоро и выгодно. Разставясь съ козломъ, чуть не плакалъ дѣдъ. Говорилъ новому владѣльцу:

— Ужъ ты, милый человѣкъ, поберегти, козелка то. Онъ не простой, а ангорскій. Уменъ до чего: только не говоритъ!..

Вернулся домой. Отобрала у него баба деньги. Легли спать.

А на утро... батюшки! Что за крикъ такой страшенный на улицѣ? Дѣдъ и баба къ окну. А на нихъ снаружи прямо такъ и пялится противная козлиная морда — ровно самъ нечистый. Сталъ на дыбки, передними ногами въ стѣну стучитъ, ушами хлопаетъ, бородищей трясетъ, носомъ дергаетъ и оретъ во все горло:

— Бэ-е-е-е... Поѣсть бы мнѣ-э-э-э-э...

А на шеѣ у него мотузокъ веревки болтается. Отгрызъ таки, подлецъ!

Да это еще что! Глотнувши свободнаго то воздуха, сталъ козелъ такъ по всей деревнѣ озоровать, точно новый Емелька Пугачевъ объявился, котораго

— Бэ е-е-е... Поѣсть бы мнѣ-э э-э-э...

дьяконъ въ недѣлю православія съ амвона проклинаетъ. Разъ пять его старикъ водилъ на продажу. Одинъ разъ въ телѣгѣ увезъ за тридцать верстъ, голову ему въ мѣшокъ завязывали. Вернулся вѣдь! Черезъ два дня вернулся. Весь въ репьѣ, въ ссадинахъ, хромой, грязный, вовсе неприличный — и деретъ горло на всю деревню.

— Рады ли вы мнѣ-э-э-э-э?...

Дошло наконецъ до того, что опять пришли мужики къ дѣду, на этотъ разъ уже всей деревней отъ мала до велика. И сказали:

— Ну, дѣдъ, давай рѣшать по душѣ. Либо ты одинъ живи въ деревнѣ со своимъ козломъ, а мы отсюда уйдемъ, куда глаза глядятъ, либо ужъ такъ и быть мы останемся, а ты уходи отъ насъ со своимъ извергомъ.

Тутъ бабу взорвало, точно бочку съ порохомъ. Какъ напустится она на старика:

— И пошелъ ты вонъ изъ моего дома, и чтобы я тебя больше не видѣла, и на порогъ тебя больше не пущу, пока ты своего товарища не зарѣжешь. На, вотъ, бери ножикъ и веди козла въ лѣсъ. И больше я знать ничего не хочу.

Что оставалось дѣлать старику?

Проснулся утромъ до зари, опять обвязалъ козлу рога и потянулъ за собой. А козелъ, какъ нарочно, вдругъ добрый-предобрый сдѣлался, ласковый-преласковый: точно его подмѣнили. То мордой о дѣдово колѣно потрется, то въ глаза ему заглянетъ, то за рукавъ его теребитъ...

Пришелъ дѣдъ въ лѣсъ, сѣлъ у дорожки на пенекъ и заплакалъ.

— Ну, какъ я своего козлика доморослаго зарѣжу? Лучше бы ужъ мнѣ на самого себя руки наложить! Никакъ я не могу этого сдѣлать.

— Дѣдушка, а дѣдушка, кто кого на базаръ продавать тащитъ: ты козла, аль козелъ тебя?

Только вдругъ слышитъ пѣсню. Изъ за еланьки выѣзжаютъ на дорогу справа по шести всадники-драгуны. Лошади подъ ними какъ на подборъ всѣ рыжія, идутъ охотно, весело, фыркаютъ на росу, поигрываютъ. Солнышко тутъ взошло, шерсть на нихъ золотомъ отливаетъ, блеститъ на оружіи. Одна красота, а кругомъ все зелено.

Высокимъ теноромъ, задравъ горло, заливается запѣвало.

Ротмистръ скомандовалъ, дернулъ усами:
— Ребята, смотрѣть веселѣй.

А хоръ какъ хватитъ:

Справа по шести, сидѣть молодцами.
Не горячать лошадей.

Такъ по всему лѣсу гулъ и пошелъ. Всѣ звѣри и птицы шарахнулись.

Вахмистръ попридержалъ коня, подъѣхалъ къ дѣду:

— Ты чего тутъ, старикъ, дѣлаешь? О чемъ плачешь? Что это у тебя за козелъ такой страховидный?

— Ахъ, батюшка - начальникъ, вотъ со мной какое горе... Такъ то и такъ то, — и разсказалъ дѣдъ всю свою бѣду.

— Ну, дѣдушка, это ты на старости лѣтъ глупости задумалъ. Подожди-ка, я тебя сейчасъ выручу. Стой, равняйсь!... Ребята, желаете козла принять въ эскадронъ?

Солдаты обрадовались:

— Сдѣлайте милость, Никандра Евстигнѣевичъ. Наши кони давно по козлу скучаютъ. Первое дѣло мухи его вони не терпятъ, а, главное, домовой его боится. Самое разлюбезное дѣло выйдетъ, если возьмете. Первый козелъ будетъ по всей дивизіи.

— Ладно. Сколько, старикъ, хочешь за козла вмѣстѣ съ веревкой?

— Да что вы, служивые! Буду я съ васъ деньги брать? Вамъ въ походѣ каждая копѣечка нужна: и на шило, и на мыло, и попить что бы было. Берите такъ.

— Утѣшный старикaнъ. Ну, спасибо тебѣ.

А вы далеко ли, воины, путь держите?

— Мы то? А вотъ ѣдемъ нѣмцевъ бить.

— Ахъ, вы, мои милые. Ну, дай вамъ Богъ въ сохранности вернуться.

— И ты живи, дѣдушка, поскрипывай. Эй, Петровъ, заводи.

Бѣсятся кони, брещатъ мундштуками
Пѣнятся, рвутся, храпя-я-тъ.

Ударили въ тарелки, засвистали соловьемъ, залился подголосокъ, заходилъ, заплясалъ бунчукъ...

Пришелъ дѣдъ домой туча-тучей. Со старухой и говорить не хочетъ. Это онъ нарочно такъ притворился, что будто бы

ему козла зарѣзаннаго жалко. Старуха повѣрила и ничего не разспрашиваетъ.

Но, какъ прошло недѣли съ двѣ, а козелъ все не возвращается, тутъ ужъ дѣдъ признался во всемъ откровенно. Ужасно баба обрадовалась:

— Спасибо, голубчикъ. Снялъ ты съ моей души камень.

4.

А козелъ, какъ поступилъ на военную службу, такъ какъ будто въ ней и родился. Нашелъ, наконецъ, свое настоящее мѣсто. И сразу сталъ страхъ какой отчаянный! Бывало, идутъ драгуны передъ обѣдомъ къ водкѣ, а ужъ кто нибудь непремѣнно вспомнитъ:

— Надо бы было и козлу поднести. Вася, Вася!.. Василь-Васильичъ.

А онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Вихремъ примчался. Бородой трясетъ.

— Водки мнѣ-э-э-э!..

И хлѣбъ съ солью ему полагался. И табачку давали пожевать. А за сахаромъ онъ самъ по солдатскимъ карманамъ лазилъ.

Но за то какъ только полкъ выходитъ на ученье или на смотръ, онъ ужъ непремѣнно при первомъ эскадронѣ въ первомъ взводѣ въ первомъ ряду, рядомъ съ правофланговой лошадью. Отогнать его было никакъ невозможно. Даже старшіе начальники махнули на него рукой. Безобразно, конечно, когда козелъ своимъ дикимъ галопомъ скачетъ рядомъ съ конями, но ничего, мирились, знали, что козелъ полковой любимецъ.

Потомъ козлу пришлось и на настоящую войну попасть. Долго онъ туда ѣхалъ: сначала по желѣзной дорогѣ, потомъ шелъ пѣшкомъ, опять съ лошадьми въ вагонѣ, черезъ рѣчки на паромахъ переправлялся и въ бродъ, зашелъ совсѣмъ въ невѣдомыя страны. И тутъ о немъ намъ уже мало извѣстно. Говорятъ, что ходилъ три раза въ атаку на артиллерію. Былъ раненъ, но легко, солдаты его своими средствами вылѣчили. Говорятъ тоже, что за его безстрашіе повязали ему солдаты на шею красную ленту. Вспоминалъ ли онъ о дѣдѣ-бабѣ? Должно быть, вспоминалъ. Но дѣло воинское тяжелое, некогда не только письмо написать, а и поѣсть некогда...

5.

Дѣдъ-баба до сихъ поръ поскрипываютъ, но ужъ очень старенькіе стали, вовсе дряхлые. Кошка Машка оглохла. Патрашка совсѣмъ поглупѣлъ, разлѣнился и сталъ у него прескверный характеръ. Одинъ скворецъ держится молодцомъ. Бывало, утромъ вдругъ заоретъ:

— Бэ-э-э! Молочка бы мнѣ-ээээ...

Баба такъ къ окну и метнется, а потомъ на скворца полотенцемъ замахаетъ.

— Кишъ ты, окаянный! До чего напугалъ. Я и вправду подумала, что это наша милая козинька просится....

А. Купринъ.

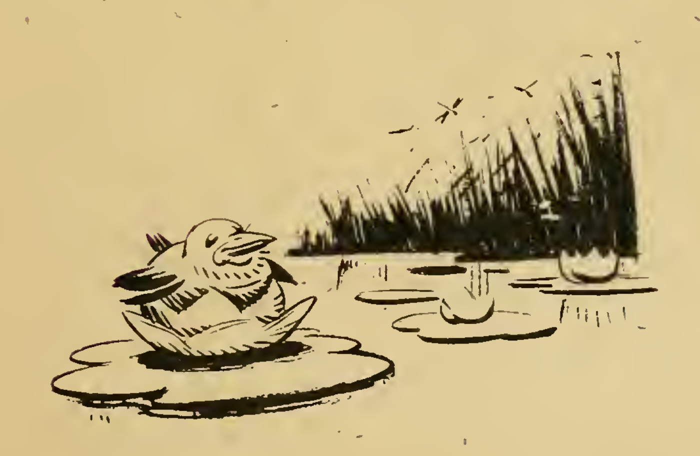

Птенецъ

К. Бальмонтъ.

Птенецъ свалился изъ гнѣзда.
Онъ былъ какъ бѣло-сѣрый зайка.
Какая горькая бѣда,
Что подъ гнѣздомъ была вода,
А не зеленая лужайка.
Птенецъ летать еще не могъ.
Несоразмѣрныя усилья.
А между тѣмъ течетъ потокъ.
Всему отмѣренъ краткій срокъ,
Трепещутъ маленькія крылья.
Но на водѣ какъ колыбель
Цвѣла упругая кувшинка.
Птенецъ упалъ туда въ постель,
И тотчасъ выпрыгнулъ на мель.
И въ кустъ. Рости же крылья, спинка.

МОЙ ДѢДУШКА.

Мнѣ было семь лѣтъ, а дѣду моему семьдесятъ три, но были мы друзьями закадычными: я разсказывалъ ему объ индѣйцахъ и блѣднолицыхъ властителяхъ прерій, объ отважныхъ мореплавателяхъ и безстрашныхъ укротителяхъ змѣй, а онъ, засучивъ рукава халата и шевеля скрюченными желтыми пальцами, говорилъ мнѣ, что я расту головорѣзомъ и что меня нужно пороть. Я хохоталъ, запрокидывая голову, и дергалъ дѣда за бороду.

На зиму мы уѣзжали въ городъ, и дѣдъ оставался одинъ въ пустомъ деревенскомъ домѣ, гдѣ по ночамъ пищали мыши, ворчали древніе каштаны въ саду, и на чердакѣ, у стропилъ, какъ оглашенный, засвистывалъ вѣтеръ. Тучи плыли низко надъ деревьями, дни становились холодны и прислуга вставляла зимнія рамы.

— Прощай, — говаривалъ дѣдъ, крестя меня размашистымъ крестомъ, и цѣлуя въ глаза, — по веснѣ гренадеромъ будешь, а меня, можетъ, черви въ могилѣ точить станутъ. Такъ-то-съ, башибузукъ.

Въ городѣ грызла меня тоска: надо было поутру рѣшать ариѳметическія задачи, учиться чистописанію, а на улицахъ не разрѣшалось ни прыгать черезъ тумбы, ни показывать городовому языкъ. Зато я писалъ дѣду длиннущія письма на восьми страницахъ и рисовалъ ему картинки: моего учителя съ бородавкой на носу и мурзилокъ; въ отвѣтъ дѣдъ мнѣ присылалъ деревенскіе гостинцы: желтыя антоновскія яблоки, крыжевенную пастилу и ржаныя лепешки, отъ которыхъ пахло деревней.

Помню, однажды, утромъ, когда до смерти хотѣлось спать, мать разбудила меня съ заплаканными глазами и сказала, что дѣдъ опасно боленъ. Тотчасъ же мы выѣхали: я, мать и городской докторъ съ маленькимъ ящичкомъ, который не разрѣшалось открывать. Въ поѣздѣ ѣхать было весело: мчались голыя осеннія поля, телеграфные столбы, темныя отъ дождя, сторожевыя будки; кондукторъ очень ловко прощелкивалъ билеты; на каждой станціи къ поѣзду выходилъ человѣкъ въ красной шапкѣ и смотрѣлъ на всѣхъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ по крайней мѣрѣ директоръ гимназіи. Мама сидѣла въ уголку тихая, часто прикладывала къ глазамъ платокъ, пропитанный одеколономъ, а докторъ скрипучимъ и скучнымъ голосомъ говорилъ о томъ, что нарывъ въ горлѣ — это пустое дѣло, надо его прорѣзать, и дѣдъ будетъ спасенъ.

— Да, но годы, годы, — говорила мать жалобно, — ему за семьдесятъ.

— Пустое, — говорилъ докторъ, трещалъ пальцами и зѣвалъ.

Отъ станціи до имѣнья дѣда нужно было ѣхать три версты; надъ желтыми полями набухли сентябрьскія злыя тучи, лѣсъ стоялъ мокрый и нахохлившійся, но все же я узнавалъ родныя мѣста: вотъ Марьина горка, вотъ Бѣленышъ, вотъ Тихій долъ — и билъ въ ладоши, прыгая на маминыхъ колѣняхъ. Но уже во дворѣ дѣдова дома, когда съ крыльца, качая головой и прихрамывая, сошла Настасьюшка и проговорила нараспѣвъ: "и,- плохъ, батюшка, плохъ", мнѣ стало грустно. На лѣстницѣ и въ переднихъ горницахъ стояла душная тишина, зловѣщая, точно всѣ дни здѣсь курили паклей; окна были завѣшаны и огромные стѣнные часы съ маятникомъ,

похожимъ на мѣдный тазъ, не шли, чтобы не тревожить дѣда тиканьемъ.

Дѣдъ лежалъ въ спальнѣ, въ огромной, краснаго дерева, съ точеными спинками, кровати, съ закутаннымъ горломъ и лицомъ багровымъ и страшнымъ; борода его была встрепана, онъ говорилъ только шепотомъ.

— Папаша, голубчикъ, что съ вами? — сказала мать, припала къ его рукѣ, и слезы изъ глазъ ея хлынули. Сухою рукой, съ рѣзко выдавшимися венами, дѣдъ ласкалъ ея голову.

— Не смѣй болѣть, дѣдъ! — закричалъ я, затопалъ ногами и побѣжалъ вонъ изъ спальной. Я забился на подоконникъ, за тюлевыя гардины, и просидѣлъ тамъ до ночи въ слезахъ. На улицѣ стало холоднѣй, и двойныя стекла запотѣли, изъ подъ рамы тянуло сыроватымъ холодкомъ. Меня забыли. Когда стало темно, я сошелъ съ подоконника и на цыпочкахъ, самъ боясь своихъ шаговъ, подошелъ къ двери. На тумбочкѣ возлѣ кровати дѣда, мигая, горѣла оплывшая свѣча, бросая на потолокъ уродливыя тѣни, похожія на крылья летучихъ мышей. Облокотясь о кровать, спиной ко мнѣ стоялъ докторъ и спокойнымъ голосомъ говорилъ:

— Если вскрыть нарывъ, вы тотчасъ станете здоровы. Дозвольте, я вамъ вскрою нарывъ. Это безболѣзненно — подъ кокаиномъ. Слава Богу, не въ первый разъ въ своей жизни я вскрываю нарывы.

— Папаша, позвольте, — просила мать, стоя на колѣняхъ передъ постелью. Дѣдъ лежалъ лицомъ къ окнамъ, лобъ его былъ потенъ и борода слегка шевелилась. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ просипѣлъ съ трудомъ:

— Не дамъ. Какъ укажетъ Господь, такъ и будетъ.

И покачалъ головой.

Ночью я не спалъ. Я видѣлъ, какъ въ комнату мою входила мать, становилась на стеганую цыновку передъ кивотомъ и, складывая на груди бѣлыя худыя руки, молилась Пресвятому Спасу. Припадая лбомъ къ полу, она замирала такъ, и плечи ея вздрагивали, и мнѣ становилось страшно, я сбрасывалъ одѣяло, садился въ постели и тихо звалъ:

— Мама!

Она подходила къ кроваткѣ, обнимала меня, мы плакали вмѣстѣ.

— Мальчикъ мой, — говорила она, прижимаясь ко мнѣ мокрой щекою, — если бы дѣдушка согласился... помолись за него Богу, мальчикъ.

Утромъ вѣтеръ разогналъ тучи, проглянуло солнце и небо было, какъ лѣтомъ; снопы солнца бросались въ окна, зажигая золоченые багеты, желтый полъ блестѣлъ. Дѣдушкѣ стало хуже, онъ уже не могъ говорить, глаза его запали и лицо осунулось. Докторъ разводилъ руками, говоря, что ни припарки, ни компрессы не помогутъ, что можетъ помочь только вскрытіе нарыва. Я подошелъ къ постели и, глядя дѣду прямо въ глаза, сказалъ строго:

— Дѣдъ, я прошу тебя, не капризничай. Ты не маленькій, стыдно.

— Иди, иди, — сказала мать, — не мѣшай дѣдушкѣ, онъ, можетъ-быть, заснетъ.

Дѣдъ закрылъ глаза, и всѣ вышли на цыпочкахъ; только за дверью мама не сдерживала слезъ, онѣ текли по ея щекамъ ручьями. Здѣсь пришла мнѣ въ голову мысль, какъ спасти дѣда. Что слезы? слезами не поможешь. Безъ шапки, гремя по лѣстницѣ, я выбѣжалъ въ садъ, прыгая черезъ вчерашнія, уже полупросохшія лужи. Подъ окномъ дѣда росъ старый разлапистый каштанъ, ему было лѣтъ двѣсти. Я оглядѣлся кругомъ, поправилъ поясокъ на блузкѣ и, оплетая ногами влажный ствомъ, полѣзъ наверхъ.

Противъ окна дѣда во второмъ этажѣ я спрятался въ листьяхъ: въ комнатѣ не

было ни кого. дѣдушка лежалъ съ раскрытыми глазами, мутными отъ боли, глядя мимо меня на плывущія быстрыя облака; на бѣлой простынѣ, покрывавшей его до подбородка, четко обрисовывались его руки и его пышная растрепанная борода, въ которую я такъ любилъ запускать пальцы.

— Дѣдъ! — закричалъ я, высовывая голову изъ моего убѣжища, — ты видишь меня, дѣдъ?

Онъ поднялъ глаза, и взгляды наши встрѣтились. Лицо дѣда стало испуганнымъ, онъ слабо пошевелилъ пальцами. Мнѣ же некогда было терять времени.

— Дѣдъ, если ты не согласишься сейчасъ же... ты слышишь меня? Если ты не согласишься на операцію, я брошусь внизъ, даю тебѣ слово!

Лицо дѣдушкино изъ краснаго сдѣлалось синимъ, онъ хотѣлъ приподняться, крикнуть — и не могъ.

— Дѣдъ, дай мнѣ слово! — требовалъ я.

И здѣсь случилось необыкновенное дѣло: дѣдъ кивнулъ мнѣ головой. Мнѣ не нужно было бросаться внизъ, право, я могъ еще пожить на бѣломъ свѣтѣ.

— Я вѣрю тебѣ, дѣдъ, — проговорилъ я торжественно и, стараясь не порвать штанишки, медленно началъ слѣзать съ мокраго каштана. На землѣ я прыгнулъ черезъ ровъ, показалъ языкъ телку, глодавшему стволъ бузины, проскакалъ на одной ногѣ и, что было духу, взлетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ, перешагивая черезъ три ступеньки. Въ спальню къ дѣдушкѣ меня не пустили; стоя у двери, я слышалъ, какъ докторъ открывалъ свой ящичекъ и гремѣлъ тазомъ. Черезъ полчаса вышла мама съ тихимъ, счастливымъ лицомъ и, взявъ меня за руку, повела къ дѣдушкѣ. Докторъ съ засученными рукавами мылъ руки у умывальника. Дѣдъ слабой рукой взялъ меня за ухо, потомъ за носъ, по щекѣ его катились слезы.

Черезъ два дня дѣдушка мнѣ говорилъ. Впрочемъ, онъ сказалъ для перваго раза всего три слова:

— Сашку надо выпороть.

Я захохоталъ, запрокидывая голову и, если бы было можно, дернулъ бы дѣда за бороду — это уже непремѣнно!

Александръ Дроздовъ.

ПЕЩЕРА ХРАБРЫХЪ

САША ЧЕРНЫЙ

1.

У Нарвскаго залива
Лежитъ песчаный пляжъ.
Зелененькая ива
Вздымаетъ свой плюмажъ...
Румяный факелъ солнца
Забрызгалъ блескомъ даль,
На лодкѣ два эстонца
Волочатъ сѣть, какъ шаль...
Валы изъ взбитыхъ сливокъ
Растутъ и тамъ и тутъ,
И сотни бѣлыхъ гривокъ
Къ купальнымъ будкамъ льнутъ.
За пляжемъ дремлютъ дюны,
Летитъ-шипитъ песокъ,
И вѣтеръ многострунный
Гнетъ сосны внизъ и вбокъ...
Подъ елкой на опушкѣ
Песчаный домъ-бугоръ.
Надъ нимъ толпятся мушки,
Надъ нимъ колдуетъ боръ, —
Блестящими кремнями
Разубраны бока,
Мохъ выложенъ пучками,
А дверь — изъ тростника.

2.

За дюнами на дачѣ
Проснулся мальчикъ Бобъ.
Хлебнулъ бурды горячей,
Плеснулъ водою въ лобъ,
Взялъ хлыстъ, савокъ, ватрушку,
Обычный свой багажъ —
И съ крикомъ за опушку
Помчался вдаль на пляжъ...
Примчался, влѣзъ на сваю
И крикнулъ: "Полный ходъ!"
А валъ подкрался съ краю
И пѣной прямо — въ ротъ.
Какъ вкусно пахнетъ море:
Соленымъ огурцомъ!
Подъ сваей въ пестромъ сорѣ
Камышъ лежитъ кольцомъ
Трещитъ подолъ рубашки
Въ подолъ летятъ-хрустятъ
Цвѣтныя черепашки, —
Морской чудесный кладъ...
Чубъ прыгаетъ метелкой, —
Летитъ назадъ бутузъ:
Въ песчаный домъ подъ елкой
Сложитъ безцѣнный грузъ.

3.

Песокъ засыпалъ двери.
Лопата за кустомъ...
Но, стопъ! Какіе звѣри
Забрались ночью въ домъ?
Кто тамъ кряхтитъ, вздыхаетъ,
Шумитъ, шуршитъ травой,

**И съ крикомъ за опушку
Помчался вдаль на пляжъ.**

**Влѣзъ на сваю
И крикнулъ: «Полный ходъ!»**

Скребется и чихаетъ?
Шакалъ иль домовой?
А вдругъ туда русалка
Забралась до зари?
Съѣстъ пряники... Нахалка!
И медъ и сухари!
Тамъ восемь бумеранговъ,
Тамъ стрѣлы, флагъ и ломъ...
Семья орангутанговъ
Быть можетъ влѣзла въ домъ?!
— Удрать? Ужасно стыдно, —
Что скажетъ Мишка Львовъ?
И наконецъ обидно:
Вѣдь Бобъ — "Гроза Лѣсовъ"! —
— Эй, черти! — Шумъ все чаще.
Въ рукѣ лишь тонкій хлыстъ, —
И вотъ раздался въ чащѣ
Условный, рѣзкій свистъ.

4.

Припрыжкою телячьей
Примчался догъ Бурбонъ.
За нимъ съ сосѣдней дачи
Весь прочій гарнизонъ:
Хозяйкинъ мальчикъ Гришка, —
По прозвищу "Кентавръ", —
Сынъ булочника Мишка
И реалистикъ Лавръ.
А сзади амазонки:
Катюша съ кочергой
И Нина въ рубашенкѣ
Съ подвязанной ногой...
Засѣли вкругъ пещеры,
Камнями лупятъ въ дверь:
— А ну-ка, дьяволъ сѣрый!
— А ну-ка, гнусный звѣрь!
— Дѣвченки, брысь къ опушкѣ!
— Эй, мальчики, впередъ!
Догъ лаетъ, какъ изъ пушки, —
И лапами скребетъ.
Мелькаютъ шишки, палки,
Гудитъ прохладный лѣсъ,
И эхо перепалки
Грохочетъ до небесъ.

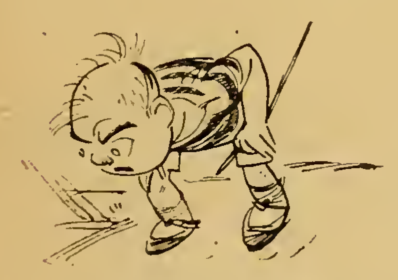
5.

Бой смолкъ. Внутри ни звука.
Отважный мальчикъ Бобъ,
Пальнувши въ дверь изъ лука,
Въ пещеру сунулъ лобъ.
Ворвались вмигъ мальчишки
И рыщутъ по угламъ:
Скамейка, хворостъ, шишки,
Очагъ и разный хламъ...
"Удралъ? Племянникъ швабры!
Сбѣжалъ? Гипъ-гипъ! Ура!
Здѣсь, братъ, "Пещера Храбрыхъ",
А не твоя нора!"
Сплясали танецъ мести,
Сгребли въ очагъ камышъ
И испекли на жести
Раздавленную мышь.
Погрызли шеколада.
"Бурбонъ! Бурбончикъ... Фить!
Ему за храбрость надо

Кусочекъ подарить..."
Бурбонъ влетѣлъ на крики,
Вдругъ сунулъ въ уголъ носъ,
Завылъ и, словно дикій,
Умчался за откосъ.

6.

Ушли. Кто жъ былъ въ пещерѣ?
Кто вызвалъ весь дебошъ?
Весь въ стружкахъ изъ подъ двери
Просунулъ рыльце ежъ.
Чихаетъ онъ и плачетъ,
Невесело ему:
— "Разбой! Что это значитъ?
За что и почему?
Шелъ дождь — я сѣлъ подъ елку,
Смотрю — у дюны домъ.
Прорылъ въ пескѣ я щелку
И поселился въ немъ.
Пришли! Чего имъ надо?
У нихъ вѣдь дача есть..."
И лапками съ досады
Царапаетъ онъ жесть.
Что дѣлать? Легъ въ чернику,
Вздыхаетъ и сопитъ.
Отъ лая и отъ крику
Въ вискахъ буравъ сверлитъ...
Не тѣшитъ птичье пѣнье,
Ни лѣсъ, ни небеса:
Одно лишь утѣшенье, —
Что въ носъ кольнулъ онъ пса.

Семья орангутанговъ
Быть можетъ влѣзла въ домъ?!

И Нина въ рубашенкѣ
Съ подвязаной ногой

7.

На тихій плачъ ежиный
Изъ подъ сухой хвои
Сползлись тесемкой длинной
Лѣсные муравьи...
Пришли двѣ трясогузки,
Вертлявые хвосты, —
Вздохнули по французски
И снова за кусты.
Съ сосны спустилась бѣлка,
Погладила животъ
И пискнула: "Бездѣлка!
До свадьбы заживетъ..."
Что толку? Толку мало.
Ежъ дуется-пыхтитъ...
Но чайка обѣщала
Что Бобу насолитъ.
Потомъ слетѣлись осы.
Жужжитъ-зудитъ ихъ сходъ:
"Постой, народъ курносый,
Ужо вамъ попадетъ!"
Да вѣтеръ, мчась по пляжу,
Лукаво свистнулъ: "Ежъ!
Съ пещерой — я улажу,
А Боба — самъ пугнешь..."

Пришли двѣ трясогузки,
Вертлявые хвосты.

8.

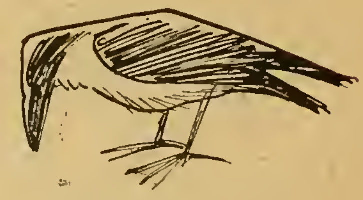
Ежъ былъ серьезный малый,
Солидный холостякъ:
"Хоть здѣсь всего не мало,
Да все это не такъ..."
Принесъ въ пещеру груду
Травы и камышей:
"Здѣсь спать,—сказалъ онъ,—буду,
А тамъ — ловить мышей.
Тутъ ходъ пророемъ черный
Съ кладовкой у стѣны..."
Работаютъ упорно
Колючіе штаны.
"Скамейка?" Смотритъ ежикъ:
"Ступай-ка прочь за дверь!"
Да нѣтъ, не сдвинуть ножекъ, —
Тяжелый, братецъ, звѣрь!
"Къ утру и переѣдемъ",
Рѣшилъ усталый ежъ.
"Пойду, скажу сосѣдямъ, —
Устрою имъ кутежъ...
Веселье, такъ веселье!
Эй, воронъ, слышишь! — "Was?"
"Прошу на новоселье".
"Когда?" — "А завтра въ часъ".

9.

"Катюша!" — шепчетъ Нина, —
"Опять тутъ кто-то былъ...
Раскинулъ всѣ лучины,
Песокъ зачѣмъ-то взрылъ..."
Убрали понемножку
И вывѣсили флагъ.
Поставили картошку
Вариться на очагъ.
Опять сошлись мальчишки,
Затѣяли борьбу:
Бобъ далъ подножку Мишкѣ,
А тотъ его по лбу.
Сварили грибъ въ кастрюлѣ,
Съ крупой изъ сухарей —
И хоромъ затянули
Гимнъ "Черныхъ Дикарей"...
— Зынь-зынь! — влетѣли осы
И сразу Боба въ бровь...
"Ага, молокососы!
Кусай ихъ! Жаль ихъ въ кровь!"
Свалились бумеранги,
Похлебка — на пескѣ, —
И ноги, какъ мустанги,
Мелькаютъ вдалекѣ.

10.

Заливъ рычитъ отъ злости.
Валы пухлѣй медузъ.
За будкой на помостѣ
Штанишки и картузъ...
У свай въ водѣ мальчишки —
И Бобъ, конечно, тутъ.
Волна ползетъ подмышки
И хлещетъ, словно прутъ...
А чайка рѣетъ-вьется,

Прошу на новоселье,
Когда?- А завтра въ часъ.

Взмываетъ бокомъ ввысь,
Грозитъ, кричитъ, смѣется...
Эй, мальчикъ, берегись!
Глазъ зорокъ, клювъ, какъ клещи,—
Взлетѣла на помостъ,
Столкнула въ воду вещи
И показала хвостъ.
Визжатъ, кричатъ мальчишки,
Хохочутъ тамъ и тутъ:
"Вонъ Бобины штанишки
Въ Финляндію плывутъ!"
Волна кружитъ поклажу,
Смѣясь надъ малышемъ...
Бѣги теперь по пляжу
На дачу нагишемъ...

11.

Горитъ на дачѣ свѣчка
Оранжевымъ глазкомъ.
Ежъ вспрыгнулъ на крылечко
И вмигъ прокрался въ домъ.
Въ столовой тихо-тихо.
Спитъ толстый самоваръ.
Какъ круглая купчиха,
Краснѣетъ лунный шаръ...
Трух-трухъ, бѣжитъ нашъ ежикъ,
Крадется, чуть дыша,
Вдоль всѣхъ цвѣтныхъ дорожекъ
На голосъ малыша.
"Ага, вы здѣсь, сударикъ...
Вотъ коврикъ вамъ для ногъ!"
Свернулся тихо въ шарикъ
И у кроватки легъ.
Умылся Бобъ, раздѣлся,
Потомъ задулъ огонь —
И съ визгомъ завертѣлся:
"Ай-ай! Ой-ой! Нетронь!.."
Въ потемкахъ, братъ, не сладко
Стать пяткой на ежа.
Всю ночь потомъ въ кроваткѣ
Вертѣлся онъ, дрожа.

12.

Спятъ дюны, дремлетъ ельникъ,
Заливъ усталъ — молчитъ.
Сквозь темный можжевельникъ
Песокъ, шурша, летитъ.
Бобъ бродитъ по опушкѣ:
Пещеры нѣтъ, какъ нѣтъ!
Погибли всѣ игрушки
И флагъ и пистолетъ!...
А ежъ на заднихъ лапкахъ
Все нюхаетъ стволы:
"Пропалъ мой домъ, какъ тряпка!
Обшарилъ всѣ углы..."
Оборваны рябинки,
Двѣ елки — пополамъ,
Песчаныя горбинки
То здѣсь, то тутъ, то тамъ.
Сюрпризы! Все сюрпризы!
А вѣтеръ, злой бандитъ,
Качаетъ верескъ сизый,
Смѣется и свиститъ:
— Ужъ я не балагурю!
Какой тамъ, братецъ, домъ...
Затѣялъ ночью бурю —
И все занесъ пескомъ!

Саша Черный.

Бобъ бродитъ по опушкѣ:
Пещеры нѣтъ, какъ нѣтъ!

Синица

Сказка Гр. Алексѣя Н. ТОЛСТОГО.

тромъ рано, на зарѣ, до птицъ, пробудилась княгиня Наталья. Не прибираясь, — только накинула бѣлый опашенъ, отомкнула дверь изъ свѣтлицы и вышла на мокрое отъ росы крыльцо.

Ничего не жалѣлъ для Натальи, для милой своей хоти, князь Чурилъ: выстроилъ теремъ посреди городища, на бугрѣ между старыхъ кленовъ; поставилъ на витыхъ столбахъ высокое крыльцо, гдѣ сидѣть было не скучно, украсилъ его золотой маковкой, чтобы издалека горѣла она, какъ звѣзда, надъ княгининой свѣтлицей.

Въ теремѣ зачала Наталья и родила хозяину сына Зарислава. Было ему нынѣ три зимы и три лунныхъ мѣсяца. Любилъ князь жену и сына, и шумнаго слова имъ не сказалъ во всю бытность.

Городище стояло на рѣчномъ берегу, обнесенное тыномъ, рвомъ и раскатами. Внутри, дымъ къ дыму — срублены высокія избы. И выше всѣхъ — восьмишатровый, красный княгининъ теремъ. Бывало, плывутъ по рѣкѣ въ дубахъ торговые люди, или такъ молодцы пограбить, завалятся у гребцовъ колпаки, глядятъ: городъ не городъ — диво, — пестро и красно, и теремъ и шатры, и башни отражаются въ зеленой водѣ днѣпровской, и начнутъ пригребаться поближе, покуда не выйдетъ на раскатъ князь Чурило, погрозитъ кулакомъ. Ему кричатъ:

— Ты рвана шкура, слѣзай съ раската, давай биться!

И пошлютъ, смѣха ради, стрѣлу или двѣ.

Далеко шла слава про князя: сорокъ воиновъ стоитъ у его стремени; одни сивые, въ рубцахъ, вислоусые Руссы, сѣверные наемники, побывавшіе не разъ и подъ Царьградомъ; другіе — свои, поднѣпровскіе, молодецъ къ молодцу, охотники и звѣробои. Богатъ, хорошо нагороженъ городъ его Крутоярь. Нынѣ князь отъѣхалъ по звѣря. Въ городищѣ бабы остались съ ребятами, да старики. Шуму нѣтъ, тихо. Княгиня Наталья прислонилась непокрытой головой къ столбу, сидитъ и слушаетъ. Внизу журавель заскрипѣлъ — сонная дѣвка тянетъ изъ колодца воду; собрались воробьи на огородѣ, зачирикали — собираются по ягоду; идетъ поперекъ улицы собака, съ мочалой на шеѣ, стала и давай зѣвать; птицы и птички пробуждаются, не смѣютъ еще пѣть до солнца, голосъ пробуютъ, голоса подаютъ; заигралъ рожокъ у сѣверныхъ воротъ, замычали коровы; потянуло дымкомъ. И заря за рѣчкой обозначилась сквозь рѣчные туманы блѣдными, алыми, водянистыми полосами. Сильная сегодня роса! А ужъ кукушка изъ лѣсу — ку-ку.

Княгинѣ охоты нѣтъ пошевельнуться, точно сонъ оковалъ ее. Поднялась рано, сама не знаетъ зачѣмъ, и все ей грустно и глядѣть, и слушать. Такъ бы

вотъ и заплакала. А съ чего? Князя ли заждалась? — третій день по лѣсамъ скачетъ. Сына ли жалко? — ужъ очень бѣленькій мальчикъ. Мило ей все и жалко.

Княгиня въ углу крыльца нагнула каменный рукомойникъ, омыла лицо, взглянула еще разъ на кровли и башенки Крутояра, на рѣку, проступающую синей, синей водой изъ-подъ тумана, и вошла назадъ въ сонную, теплую свѣтелку.

Въ колыбели спалъ княжичъ, выпросталъ руки поверхъ одѣяла, дышалъ ровно, хорошо, такъ весь и заливался румянцемъ.

Княгиня присѣла на лавку, опустила голову на колыбель и слезы полились у нея. Плачетъ и сама шепчетъ:

— Вотъ ужъ съ большого-то ума.

И такою жалостью залюбила сына, что душа ея поднялась, окутала колыбель, прильнула къ спящему, а тѣло оцепенѣло. На молодую княгиню напалъ глубокій, непробудный сонъ.

И не услышала она, какъ вдругъ начали кричать птицы, садясь на крышу: "проснись, проснись", какъ завыли, заскулили собаки по всему городищу, захлопали ставни, побѣжалъ куда-то народъ, какъ у всѣхъ четырехъ воротъ забили въ мѣдныя доски, и пошла тревога: "на стѣны, на стѣны".

Большое, тусклое, красное солнце поднялось въ клубахъ тумана, и народъ со стѣнъ, дѣти, старики, — увидѣли великую силу людей, малыхъ ростомъ, съ рыжими космами, въ шкурахъ: Чудь бѣлоглазую. Пробиралась Чудь отъ дерева къ дереву, окружала городище, махала дубинками, и съ того берега плыла черезъ рѣку, какъ собаки.

— На стѣны, на стѣны! — звали старики, тащили на раскаты бревна, камни, въ колодахъ горячую воду.

— Чудь идетъ, Чудь идетъ! — выли бабы, мечась, хороня ребятъ въ клѣти, въ погреба, зарывали въ солому.

А Чудь уже лѣзла черезъ тынъ, карабкалась на раскаты, визжала. Въ замковую башню-дѣтинецъ кидали стрѣлы, камни, паклю горящую. И задымился уголъ у башни, и закричали:

— Огонь! Лихо намъ!

Били съ раскатовъ Чудь, долбили по башкамъ, порошили пескомъ въ глаза, обливали варомъ, пыряли шестами. А тѣ только орали шибче. Лѣзли, падали, опять лѣзли, какъ черви. Да и гдѣ было справиться съ бѣлоглазыми однимъ старикамъ да малолѣткамъ. Одолѣлъ врагъ, добрался до раскатовъ. Покидали защитниковъ, и разбѣжалась Чудь по городу, и начался другой кличъ — бабій и дѣтскій.

Потоптали въ ту пору, побили много народа, остальныхъ прогнали за стѣны на лугъ. Рвали на бабахъ рубахи. Было горе.

Съ четырехъ концовъ пылалъ Крутояръ, брошенный на потокъ. Изъ огня тащили одежду, птицъ, поросятъ, малыхъ дѣтей. Ярилась Чудь. Многіе сами погорѣли, волоса попалили. И добрались до княжьяго терема.

Но высокъ былъ тынъ кругомъ, и ворота крѣпки. Ударили въ нихъ бревномъ — не поддались. А головни, искры, солому такъ и крутило, обдавало жаркимъ дымомъ.

И занялся теремъ, задымилъ.

Тогда съ долгимъ стономъ пробудилась княгиня Наталья, повела очами, дико ей стало, кинулась къ окну — дымъ въ лицо пахнулъ, глаза выѣлъ. Схватила княжича, прикрыла его платкомъ: "Зареславъ, сынъ милый, спи, спи, батюшка", и выбѣжала на крыльцо, и обмерла.

Внизу трещало, било пламя, дымили крыльца, занимался огонь подъ крышей, избы, шатры — въ огнѣ. Дымъ бьетъ высоко и стелется надъ Днѣпромъ. И еще видитъ княгиня — надъ тыномъ поднялись плоскія рожи, кажутъ на нее,

скалятся. И было ей тошно отъ смертнаго часа.

Заряславъ забился въ рукахъ, заплакалъ, рветъ съ лица покрывало. Въ спину дунуло жаромъ. И у княгини захватило духъ, стало горячо на душѣ. Подняла она сына къ лицу, положила руки его на одно плечо свое, на другое ноги, вдохнула въ послѣднiй разъ запахъ милый и человѣческiй, и кинулась съ высокаго терема. И убилась. И мертвыми руками все еще держала Заряслава, не дала ему коснуться земли. Наскочили Чудинцы, вырвали княжича, понесли на лугъ, пялили зенки на мальчика, кукиши совали ему, а не тронули, чтобы живымъ отнести къ жрецу своему въ Чудь, на озеро.

Легкою бабочкою вылетѣла душа княгини Натальи изъ разбитаго тѣла. И раскрытые глаза, еще подернутые мукой, озираясь, видѣли голубой свѣтъ, переливающiйся, живой и животворящiй. Радостнѣй, радостнѣй, выше становилось душѣ. Чаще, зорче глядѣли глаза. И вотъ слышимы стали звуки, звоны, шумы, звенѣнiя, глухiе раскаты, грохоты. Трепеталъ весь свѣтъ въ безднѣ безднъ. Роились въ немъ водянистые пузыри, отсвѣчивали радужно и, звуча и звеня, свивались въ вихри, бродили столпами.

И вотъ уже трепещетъ душа. Нестерпимо глазамъ отъ сiянiя, отъ радостнаго ужаса: покрывая всѣ звуки, весь свѣтъ, по всей широтѣ шумитъ весеннимъ громомъ голосъ:

— "Да будетъ жизнь во Имя Мое".

Такъ мчится къ Господу свѣтлая душа княгини Натальи. Но чѣмъ ближе ей, слаще, радостнѣй — тѣмъ пронзительнѣе боль, какъ жало невынутое. Зачѣмъ боль? О чемъ память? И глубже входитъ жало, и тяжелѣетъ душа, глохнетъ, слѣпнетъ, и глаза снова подергиваются смертной, любовной пеленой. На землю опускается душа княгини, на пепелище. Какъ жерновъ — любовь. Гдѣ Заряславъ? Гдѣ сынъ милый?

Бѣлоглазая Чудь возвращалась на свое озеро безъ тропъ и слѣдовъ, скорѣе бы только ноги унести. Волокли добычу. Гнали полонянокъ съ дѣтьми. Княжича тащили въ плетеномъ пещурѣ. Шли день и ночь, и еще день, и настала вторая ночь — темная. Погони теперь не страшно, и Чудь полегла во мху, запалила костры отъ дикихъ собакъ, что, учуявъ поживу, подвывали по зарослямъ.

Колдунъ, старикашка гнусный, залѣзъ въ горѣлый пень, бормоталъ заклятья. Кишмя здѣсь кишѣла нежить и нечисть, хоронилась за стволы, кидалась въ траву, попискивала, поерзывала. То черкнетъ глазомъ, то лапой тронетъ, а то уйдетъ коломъ въ землю, а вынырнетъ въ омутѣ, посреди болота, состроитъ пакость и начнетъ хмыкать, хихикать.

Не любила Чудь смѣха и шутокъ такихъ. Молчали, мясо вяленое ѣли, остерегались. Полонянки давно ужъ плакать перестали, въ волю приняли горя. Одинъ Заряславъ спалъ спокойно въ пещурѣ: тепло укрыла его княгиня Наталья сладкимъ сномъ.

Укрыла, а сама понеслась клочкомъ тумана по лѣсу надъ мхами и омутами, сквозь тяжелыя отъ влаги деревья. Вверху за сучьями вызвѣздило, скоро и заря. Изъ-подъ вывороченной коряги высунулъ нечесаную морду лѣшiй и спрятался; на бугоркѣ у норы лиса съ лисятами увидала летящее облако, сморщила носъ и зѣвнула, завиляла хвостомъ.

А вотъ и стреноженные кони фыркаютъ, щиплютъ траву. Вповалку, завернутые съ головой въ попоны спятъ воины. Князь Чурилъ лежитъ, опершись локтемъ о сѣдло; суровые глаза его открыты, думаетъ; проснулся передъ зарей, отеръ усы отъ росы и раздумался о славѣ своей, о былыхъ сѣчахъ, о томъ, что нѣтъ ни у кого ни города такого, ни жены такой, ни сына. Отъ этихъ думъ заворочался Чурилъ: "Все ли ладно дома?"

Рис. Сергѣя Судейкина

Подняла она сына къ лицу, положила руки его на одно плечо свое, на другое ноги, вдохнула въ послѣдній разъ запахъ милый и человѣческій, и кинулась съ высокаго терема.

И видитъ — стелется у ногъ облачко. "Сыро, — думаетъ, — кольчуга проржавѣетъ", — и потянулъ на себя попону. А сонъ летитъ съ глазъ: "Отъ двора далеко отъѣхали, какъ бы не было чего злого?" Мочи нѣтъ. Поднялся Чурилъ, подтянулъ ремень на животѣ:

— Эй ребята, заспались, заря скоро!

Зачесались воины, поскидали попоны, разбрелись за конями. Осѣдлали. Тронулись.

Чурилъ ѣдетъ впереди, шагомъ. Совѣстно передъ ребятами: заладились ѣхать охотиться недѣли на двѣ, а сейчасъ глаза бы не глядѣли на звѣря. Сѣсть бы въ княгининой свѣтелкѣ, Зарислава на руки взять... Милѣе жизни жена милая Наталья.

Воины ворчатъ: ѣдетъ князь дуромъ, сучья дерутъ лицо, лунь-птица изъ подъ коня шарахнулся, запутался въ кустахъ, застучалъ клювомъ.

— Эй, князь, спишь, что ли?

Плыветъ, стелется облакомъ передъ Чурилой княгиня Наталья, манитъ, мается. Рвутъ кусты легкое тѣло. Нѣтъ, не слышитъ князь, не чувствуетъ. Усы закрутилъ. Осадилъ коня, оперся рукой о крупъ, говоритъ дружинникамъ, чтобы шли въ заѣздъ на тура, что давеча навалилъ густо валежнику у озера.

И княгиня отлетѣла отъ Чурила, понеслась по лѣсу, окинула взоромъ чащобы, видитъ — лежитъ олень рогатый, морду опустилъ въ мохъ, дремлетъ. И вошла въ него, въ сонного, похитила его тѣло, подняла на легкія ноги, и оленемъ помчалась навстрѣчу охотникамъ.

— Стой, — говоритъ Чурилъ, — большой звѣрь идетъ. — Подался съ конемъ въ кусты, отыскалъ въ колчанѣ стрѣлу поострѣе, вложилъ въ самострѣлъ, и, упершись въ стремяна, натянулъ тетиву.

Съ шумомъ раздвигая кусты, выскочилъ олень. Сталъ, дрожа дрожью. Крупный самецъ! Рога, какъ вѣтви. Эхъ, жаль, темно, — не промахнуться бы. И князь чувствуетъ — глядитъ на него олень въ ужасѣ, въ тоскѣ смертной.

И только началъ поднимать самострѣлъ — шарахнулся олень, побѣжалъ нешибкимъ бѣгомъ, не мечась, только голову иногда обдернетъ къ погонѣ. Умный звѣрь.

И сорокъ роговъ затрубили по лѣсу. Го-го-го, — отозвалось далеко. Затрещалъ отъ топота валежникъ. Закричали сонныя птицы. Воронье поднялось, закаркало. Стало свѣтать.

Скакали долго. Кони вспѣнились. Княгиня Наталья видитъ — близко, близко, вонъ тамъ за оврагомъ залегла Чудь, можетъ ужъ и снялась со стана, заслышавъ рога. Не погубили бы Зарислава. Поспѣть бы. И повернула къ оврагу. И заметалась: впереди, пересѣкая путь, выскочили всадники, окружили, машутъ копьями. Чурилъ поднялъ самострѣлъ, приложилъ къ ложу худое, свирѣпое, любимое лицо.

"Остановись, остановись", — такъ бы и крикнула Наталья. И рѣзкій, звѣриный вопль самъ вылетѣлъ изъ груди. Запѣла стрѣла и впилась подъ лопатку, у сердца. Олень осѣлъ на колѣни. Засмѣялся князь. Вынулъ ножъ, лѣзетъ съ сѣдла, чтобы пороть звѣря. Идетъ по мху. Споткнулся. Княгиня глядитъ на мужа глазами, полными слезъ. Чурилъ взялъ ее за рога, пригнулъ голову.

И чуда не было еще такого за всю бытность: олень, пронзенный стрѣлой, до самыхъ перьевъ ушедшей въ сердце, поднялся, разбросалъ рогами охотниковъ, побѣжалъ, шатаясь, шибче, шибче, шибче, спустился въ оврагъ, скачками поднялся на ту сторону, сталъ, и глядитъ опять. Смотритъ.

Усмѣхнулись въ усы старые воины:

— Легка твоя стрѣла, князь, уйдетъ звѣрь.

Лихая досада! И опять поскакала охота.

Олень тяжелымъ уже скокомъ выбѣжалъ на поляну. Повсюду дымятся костры, раскиданы кости, тряпье. И за

красные сосновые стволы хоронятся какіе то людишки, удираютъ.

— Чудь, Чудь! — закричали воины.

Здѣсь олень зашатался, опустилъ рога въ мохъ и рухнулъ. Черная кровь хлынула изъ морды. И вылетѣла душа княгини, замученная второю смертью.

Чурилъ глядитъ на звѣря. Дико ему на душѣ. Подскакалъ старый воинъ.

— Князь, князь, — говоритъ, — не твоей ли княгини эта кика? — и поднялъ копьемъ съ земли рогатую, шитую золотомъ, кику, что сняли Чудинцы съ волосъ Натальи.

Зашатался князь въ сѣдлѣ. Кровь кинулась въ голову, помутила умъ. Сорвалъ рогъ съ плеча, затрубилъ, швырнулъ его далече, и самъ впереди, а за нимъ сорокъ дружинниковъ, кинулись въ угонъ за обидчиками. Порубили отсталыхъ и настигли всю бѣгущую кучей Чудь, окружившую полонянокъ и добычу.

Много Чуди желтоволосой. Большая будетъ битва. Стали воины ругаться съ врагами, кричать:

— Выходи, бѣлые глаза! Утремъ слюни! Щепкой пузо пропоремъ!

Ихній колдунъ, ставъ на камень, поднялъ на рукахъ Заряслава, погрозился, что живымъ не отдастъ, если княжьи начнутъ драку. Тогда Чурилъ прыгнулъ съ коня и, прикрываясь локтемъ кольчужнымъ отъ стрѣлъ, пошелъ биться. Наскочила на него Чудь. Завизжала Чудь. На выручку кинулись дружинники, пѣшіе и конные. Запѣли стрѣлы. Начались крики. Лязгало желѣзо. Хватались грудь о грудь. Была великая сѣча.

Съ ножомъ, поворачиваясь, стряхивая насѣдающихъ, весь испоротый, исколотый, лѣзъ князь, какъ туръ, добирался до колдуна.

Три раза отбрасывали Чурилу. Колдунъ, выставивъ бороду, бормоталъ, плевался, запакостился отъ страха. Все же князь досталъ его рукой и умертвилъ на мѣстѣ. И стоялъ идоломъ каменнымъ надъ сыномъ. Выдергивалъ изъ себя стрѣлы. Убивалъ каждаго, кто совался.

До полудня шла битва. Десять дружинниковъ легло въ ней смертью, а враговъ не считали, и Чудь побѣжала, но немногіе ушли черезъ болота.

Дружинники стали кликать, собирать полонянокъ. Стали узнавать, кто жену, кто сына. Качали головами, хмурились. И вернулись всѣ — воины, женщины, дѣти — гурьбой, на поле сѣчи, гдѣ бродили кони, торчали стрѣлы, шлемы валялись, люди убитые.

Князь Чурилъ лежалъ мертвымъ, съ лицомъ суровымъ и спокойнымъ, въ рукѣ зажатъ мечъ. Около него былъ мальчикъ, Заряславъ. Надъ нимъ летала малая птица. Кружилась, попискивала, садилась на вѣтвь, трясла перьями, разъѣвала клювъ.

Княжичъ, глядя на птицу, улыбался, ручкой норовилъ схватить. На рѣсницахъ Заряслава, на щекахъ его горѣли, какъ роса, слезы большими каплями.

Старѣйшій изъ воиновъ взялъ княжича на руки и понесъ. Павшихъ положили на коней, тронулись въ обратный путь къ Днѣпру, на пепелище. Впереди несли Заряслава и птица, синяя птица, увязалась вслѣдъ. Ее не отпугивали, — пусть тѣшится молодой князь. Шли долго.

У пепелища погребли усопшихъ и замученныхъ. Надъ водою, на высокомъ бугрѣ, въ дубовой, крытой шатромъ, домовинѣ легли рядомъ князь Чурило съ княгиней Натальей. Далеко подъ ногами ихъ разстилался ясный, синій Днѣпръ, широко раскинулись луга, лѣсистое, озерное понизовье.

Близъ могилъ стали строить новое городище, гдѣ быть княземъ Заряславу. Зазывали на подмогу вольныхъ людей, да пропившихъ животишки варяговъ. Осенью бѣгали за золотомъ къ Хазарамъ въ степи.

Зарявлаву разбили лучшій шатеръ, покуда къ заморозкамъ дыму не сру-

Рис. Сергѣя Судейкина

Все было исполнено на землѣ. Душа легка. И окружили ея душу лучезарныя, поющія, чудесной красоты, лица, и понесли въ предѣлы вѣчнаго свѣта.

бятъ. Мальчикъ глядѣлъ, какъ строили городъ, какъ пищу варили, какъ вечеромъ большіе люди садились надъ рѣкою, пѣли пѣсни, молчали.

Женщины жалѣли мальчика, дружинники говорили — славный будетъ воинъ. Да что въ томъ? Чужой лаской горечи не избудешь.

И одною утѣхою была Заряславу синяя птица. Совсѣмъ ручная. Ѣстъ ли мальчикъ, она — скокъ, и клюнетъ изъ чашки. Играетъ ли, бродитъ ли по лугу — птица порхаетъ около, на плечо сядетъ, или падаетъ передъ Заряславомъ въ траву, распушитъ крылья, и глядитъ, глядитъ черными глазами въ глаза. А то и надоѣстъ, — отмахнется отъ нея: ну, что пристала?

И не знаетъ Заряславъ, что въ малой, робкой птицѣ, въ горячемъ сердцѣ птичьемъ — душа княгини Натальи, родной матушки.

Прошла зима, снова зазеленѣли бугры и пущи, разлился Днѣпръ, поплыли по нему, надувая паруса, корабли, съ заморскими гостями. Затрубили рога въ лѣсахъ. Зашумѣли грозы.

Заряславъ росъ, крѣпкій становился мальчикъ. Игралъ уже отцовскимъ мечомъ и приставалъ къ дружинникамъ, чтобы разсказывали про битвы, про охоты, про славу князя.

А когда женщины гладили его по свѣтлой головѣ, жалѣя, что растетъ безъ матушки — отталкивалъ руку:

— Уйди, — говорилъ, — уйди, а то побью, я самъ мужикъ.

Однажды онъ побился съ товарищами и сидѣлъ на крыльцѣ сердитый, измазанный. Подлетѣла синица, покружилась и, чтобы замѣтилъ ее мальчикъ, вдругъ прилегла къ его груди, прижалась къ тѣльцу.

— Ну, вотъ нашла время!

Взялъ Заряславъ птицу и держалъ въ кулакѣ, и думалъ, — какъ бы ему подраться еще съ обидчикомъ, а когда разжалъ пальцы — въ рукѣ лежала птичка мертвая, задушенная.

Богатырская будетъ сила у молодого князя.

Такъ въ третій разъ умерла княгиня Наталья свѣтлой и легкой смертью.

Все было исполнено на землѣ. Душа легка. И окружили ея душу лучезарныя, поющія, чудесной красоты, лица и понесли въ предѣлы вѣчнаго свѣта.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Стихи и музыка Натальи Крандіевской

Ужъ ты галочка,
Трепыхалочка,
Голохвосточка,
Бѣлокосточка,
Помоги какъ-нибудь
Ты Никитушкѣ уснуть.
Ужъ ты ельничекъ,
Можжевельничекъ,
Весь въ иголочкахъ,
Остроколочкахъ,
Не шуми, не гуди,
Ты Никиту не буди.
Ужъ ты вѣтеръ-вѣтерокъ,
Прилетай на нашъ порогъ,
Ты свернись клубкомъ,
Укачай нашъ домъ.
Баю-бай, — запѣвай,
Сонъ да дрему навѣвай.

КРѢПКО ПОМНИ О РОССІИ

Какимъ то чуждымъ сномъ весь блескъ
несется мимо,
Мнѣ въ блескѣ чудится иной, далекій
край —
Такъ древле дикій скифъ средь празднич-
наго Рима
Со вздохомъ вспоминалъ свой сѣверный
Дунай.

Фетъ

ДАЛЕКАЯ РОССІЯ

По вечерамъ, надъ большими городами стоитъ смутное, но огромное зарево, подобное отблеску далекаго пожара. Извнутри этотъ широко разлитый по небу свѣтъ не видимъ; его видно только извнѣ — его видитъ запоздалый путникъ, на темномъ пути его къ свѣтлому городу — издалека.

Откуда это золотое озеро? Надъ крышами, надъ куполами, надъ башнями, надъ черными громадами кварталовъ — откуда въ небѣ эти тихіе всплески, приливы и движенія огненныхъ струй, эти далекія миганія зарницъ, эта беззвучная симфонія свѣта?

Это ночное зарево — душа города. Всѣ одинокіе свѣты, всѣ разрозненные огни, разсыпанные золотымъ пескомъ по огромнымъ пространствамъ города, по бульварамъ, улицамъ, переулкамъ, по деревьямъ, тротуарамъ и окнамъ, дворцамъ и домишкамъ — всѣ огни, большіе и малые, пышные и убогіе, гордые и робкіе, всѣ они шлютъ свое отраженіе къ высокому небу и тамъ сливаются въ одно недѣлимое сіяніе, трепещутъ единымъ трепетомъ. Гдѣ отраженіе лампады стараго мудреца, читающаго при ея свѣтѣ мудрую книгу? Гдѣ отраженіе свѣта люстры, сіяющей празднымъ, безсмысленнымъ и пустымъ забавамъ? Гдѣ трудовой огонекъ поздняго работника, завершающаго малый или великій трудъ? Гдѣ живой огонь камина, у котораго поэтъ додумываетъ поэму — источникъ восторга для милліоновъ душъ? Не отличишь. Есть только единый отблескъ единаго города, и къ нему тянется усталый путникъ, благословляя въ ночи его далекій утѣшающій свѣтъ, его огненную душу.

Наша Родина — далеко, наша Родина — окутана черной ночью. Двери ея заперты. У дверей — черный стражникъ съ острой пикой. Мы на чужбинѣ. Съ каждымъ днемъ живой образъ Родины затуманивается и блѣднѣетъ въ нашей памяти. Каждый день даетъ намъ новыя впечатлѣнія чужой страны, въ которой мы живемъ, иныхъ людей и иной природы. Мы понемногу привыкаемъ къ яркимъ ощущеніямъ новизны, и иногда намъ начинаетъ казаться, что здѣсь мы родились и здѣсь мы умремъ. Бываютъ минуты, когда Россія кажется сномъ. Точно ли была Россія?..

Подымите глаза къ ночному небу и смотрите. Видите ли вы въ темномъ отдаленіи, надъ густой и черной ночью, огромное золотое озеро, разлившее свой свѣтъ на тысячи верстъ, трепетное, живое, неумирающее? Видите ли вы эти всплески, приливы и движенія огненныхъ струй, эти далекія миганія зарницъ, слышите ли вы эту неумолкаю-

щую симфонію свѣта? Это — душа Россіи, ея огненный отблескъ, ея безсмертное сіяніе. Смотрите, смотрите на этотъ далекій отблескъ.

Онъ восходитъ отъ милліоновъ одинокихъ свѣтовъ, отъ милліоновъ разрозненныхъ огней. Онъ восходитъ отъ шири степей, раскинувшихся такъ широко, какъ нигдѣ въ мірѣ, отъ просторовъ ковыльныхъ, ароматныхъ и благодатнотихихъ. Онъ восходитъ отъ тысячи ласковыхъ маленькихъ рѣкъ и отъ рѣкъ великихъ — отъ Волги, Камы и Днѣпра, онъ восходитъ отъ лѣсовъ дремучихъ, гдѣ еще не потревожены звѣри, и отъ свѣтлыхъ березовыхъ рощъ.

Онъ восходитъ отъ городовъ и усадебъ, гдѣ написаны великія книги и спѣты навѣки неповторимыя пѣсни.

Смотрите, смотрите на этотъ далекій отблескъ.

Онъ восходитъ отъ величайшей страны, гдѣ сотня нарѣчій, племенъ и народовъ. Гдѣ на всѣхъ языкахъ творились молитвы, и давались клятвы, и звучали обѣты: въ православныхъ церквахъ съ золотыми и синими куполами, въ протестантскихъ храмахъ, въ еврейскихъ синагогахъ, въ живописныхъ мечетяхъ мусульманъ и въ сырыхъ капищахъ идолопоклонниковъ, въ глубокихъ тундрахъ Сибири. Онъ восходитъ отъ страны, гдѣ горе плакало жгучими, солеными слезами, а радость ликовала буйно, какъ въ Океанѣ вставшая волна.

Онъ восходитъ отъ страны странной и загадочной, еще непостигнутой и непрочитанной. Онъ восходитъ отъ страны жаждущей, вопрошающей и тревожной. Каждый, кто придетъ на Родину съ каплей живой влаги — утолитъ чью нибудь жажду; каждый, кто принесетъ одно правдивое слово — отвѣтитъ на чей нибудь вопросъ; каждый, кто накопитъ твердость духа — кого нибудь укрѣпитъ и успокоитъ. И каждый будетъ благословенъ. За трудъ, за знаніе, за дѣло, за подвигъ.

Не спускайте глазъ съ ночного неба. Любуйтесь далекимъ золотымъ озеромъ, разлившимъ свой свѣтъ надъ густой и черной ночью. Это — отблескъ Россіи, ея огненная, неумирающая душа...

С. Поляковъ (Литовцевъ).

ВЪ ПОМОЩЬ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Начиная свою работу, редакція журнала „Зеленая Палочка" считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ „Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ", въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ.*
Александръ Ивановичъ *Купринъ.*
Тихонъ Ивановичъ *Полнёръ.*

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи: 5, rue Joubert, Paris 9, (Metro: Opera), а также почтовыми переводами.

Фамиліи жертвователей будутъ публиковаться въ каждомъ очередномъ номерѣ журнала.

РУССКІЯ ДѢТИ.

Дѣти—цвѣты жизни—украшеніе, радость, сосредоточеніе заботъ, любви и надеждъ взрослыхъ.

Блаженное невинное счастье принадлежитъ имъ по праву и на взрослыхъ лежитъ обязанность создавать и охранять ихъ счастье. Это—ихъ законная атмосфера. Только въ ней они могутъ расти, воспитываться и готовить силы къ трудовой жизни.

Ничего имъ не надо, кромѣ любви. Но любовь нужна имъ, какъ молоко матери младенцу.

Вы выискиваете для своего счастья дорого стоющія игрушки, собираете кусочки золота и серебра—и глубоко несчастны.

Посмотрите, какъ дитя счастливо, играя цѣлое утро среди пыльной дороги сломанной вѣточкой. Оно счастливо потому, что не знаетъ заботъ и не трясется надъ золотомъ. Оно окружено любовью. И само солнышко лелѣетъ и раститъ его, тянетъ какъ изъ земли стебелекъ бѣлый.

Но вотъ наступила ужасная непогода.

Потокъ человѣконенавистничества, жадности и зависти уноситъ на глазахъ всего человѣчества милліоны русскихъ дѣтей. Грозныя черныя тучи перекидываются изъ края въ край вселенной, и зловѣще скопились надъ русской землей. Неистовыя молніи раздираютъ небо своими когтями, а цвѣты жизни выбѣгаютъ, одѣтые въ розовыя, желтыя и бѣлыя платьица и довѣрчиво ждутъ любви и заботъ.

Но ожесточившіеся люди въ спорахъ за свои права и въ забвеніи своихъ обязанностей забыли о нихъ, забыли объ ихъ правахъ и своихъ обязанностяхъ передъ ними. Глаза ихъ налились кровью, и не видятъ они, какъ дѣти, которымъ готовятъ они новую жизнь, гибнутъ въ болѣзняхъ и голодѣ. Безучастными глазами провожаютъ они невинныя жертвы своего ожесточенія, уносимыя бѣшенымъ потокомъ взбаламученной жизни.

Пусть же тѣ, у кого глаза не налиты кровью, у кого жива сострадательная любовь, откроютъ свое сердце, вспомнятъ права дѣтей и свои обязанности передъ ними. Пусть оживятъ они свою душу любовью къ нимъ и помогутъ голоднымъ погибающимъ русскимъ дѣтямъ.

Каждый спасенный изъ малыхъ сихъ умножитъ радость и надежды на землѣ.

Кн. Г. Львовъ.

Островъ сокровищъ

Романъ Р. Стивенсона

ГЛАВА I

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛКЪ И „АДМИРАЛЪ БЕНБО"

авалеръ Трилоней, докторъ Ливсей и прочіе господа попросили меня записать всѣ подробности относительно Острова Сокровищъ, съ начала и до конца, ничего не утаивая, за исключеніемъ точнаго географическаго положенія острова (да и это только въ виду того, что тамъ остались еще не извлеченныя сокровища). Посему я берусь за перо въ лѣто Господне 17—, и начинаю съ того времени, когда отецъ мой содержалъ гостиницу подъ вывѣской «Адмиралъ Бенбо» и когда впервые поселился подъ нашей кровлей старый смуглый морякъ съ шрамомъ отъ сабельнаго удара.

Я помню его такъ, какъ будто все это происходило вчера; помню, какъ, тяжело ступая, онъ появился у дверей гостиницы въ сопровожденіи тачки, на которой слѣдовалъ его корабельный сундукъ. Высокій, здоровенный тучный мущина, коричневый отъ загара; насмоленная косичка болталась за плечами его грязнаго синяго кафтана; руки его были мозолисты, съ черными обломанными ногтями: и щеку разсѣкалъ шрамъ отъ сабельнаго удара, мертвеннаго грязно-бѣлесоватаго цвѣта. Помню, какъ онъ, насвистывая себѣ что-то подъ носъ, обвелъ взглядомъ нашу бухточку и вдругъ затянулъ старую морскую пѣсню, которую потомъ пѣвалъ такъ часто:

«Пятнадцать человѣкъ на крышкѣ гроба.
Го-го-го, и бутылка рома...»

высокимъ, старчески дребезжащимъ голосомъ, который казалось былъ настроенъ въ ладъ со скрипящимъ воротомъ кабестана *). Потомъ онъ застучалъ въ дверь костылемъ, и когда отецъ мой вышелъ, грубо потребовалъ стаканъ рома. Онъ сталъ пить его медленно, смакуя, какъ знатокъ, и продолжая оглядывать окрестныя скалы, пока взглядъ его не остановился на нашей вывѣскѣ.

— Славная бухточка, — проговорилъ онъ наконецъ.—И хорошо причаленный трактирчикъ. Много народу, пріятель?

Отецъ мой отвѣтилъ ему, что, къ сожалѣнію, посѣтителей бывало маловато.

— Прекрасно, сказалъ онъ, это подходящая каюта для меня. Эй, малый! крикнулъ онъ человѣку, который привезъ тачку. Причаливай и выгружай мой сундукъ! Я здѣсь останусь. Я простой человѣкъ, — продолжалъ онъ. «Ромъ да яица съ солониной, вотъ все, что мнѣ требуется, да такой вотъ мысокъ, чтобы смотрѣть на проходящія суда. Какъ вамъ меня звать? Зовите капитаномъ. Вижу, насчетъ чего вы сомнѣваетесь — нате!» — и онъ выбросилъ на прилавокъ нѣсколько золотыхъ монетъ. «Вы мнѣ скажете, когда я ихъ проживу», добавилъ онъ гордо, тономъ командира.

*) Кабестанъ — воротъ для подъема тяжестей.

И, дѣйствительно, какъ ни плоха была его одежда и какъ ни звучала грубо его рѣчь, онъ не былъ похожъ на простого матроса, а казался по меньшей мѣрѣ боцманомъ, привыкшимъ громко распоряжаться, а то и ударить съ плеча. Человѣкъ, прикатившій тележку, разсказывалъ, что утромъ почтовая карета высадила его у «Королевской Гостиницы»; что онъ разспросилъ о всѣхъ постоялыхъ дворахъ на побережьи, и, услышавъ хорошіе отзывы о нашемъ, а также, что онъ расположенъ одиноко, избралъ его для своего пребыванія. И больше мы ничего не могли узнать о нашемъ постояльцѣ.

Обычно онъ былъ очень молчаливъ. Весь день онъ бродилъ вдоль бухты или по скаламъ, съ мѣднымъ телескопомъ; всѣ вечера онъ просиживалъ въ гостиной, въ углу у огня, и пилъ много крѣпкаго грога. По большей части онъ не отвѣчалъ, когда къ нему обращались. Онъ только вскидывалъ на говорившаго свирѣпый взглядъ и сопѣлъ носомъ, какъ въ сигнальную трубу. И вскорѣ мы и посѣтители нашей гостиницы оставили его въ покоѣ.

Каждый вечеръ, возвращаясь съ прогулки, онъ спрашивалъ, не проходилъ ли по дорогѣ какой-нибудь морякъ. Сначала мы думали, что причина этихъ разспросовъ въ томъ, что онъ соскучился по подходящему обществу; но потомъ мы примѣтили, что онъ, наоборотъ, избѣгаетъ общества. Когда какой-нибудь морякъ, направляясь въ Бристоль по прибрежной дорогѣ, заходилъ къ «Адмиралу Бенбо», нашъ постоялецъ, прежде чѣмъ выйти въ гостиную, разсматривалъ новаго пришельца изъ-за занавѣски; и въ присутствіе такихъ гостей, онъ всегда молчалъ, какъ мышь. Для меня это не было тайной, такъ какъ я, въ нѣкоторомъ родѣ, раздѣлялъ его тревогу. Однажды онъ отозвалъ меня въ сторону и обѣщалъ мнѣ платить четыре пенса серебромъ каждое первое число, если я только буду сторожить, какъ часовой, не появится ли одноногій морякъ и во время предупрежду его. Часто, когда наступало первое число и я обращался къ нему за жалованіемъ, онъ только грозно сопѣлъ и сверкалъ на меня негодующимъ взглядомъ; но еще до конца недѣли онъ самъ приносилъ мнѣ четыре пенса и повторялъ приказъ слѣдить за «одноногимъ морякомъ».

Нечего и говорить, какъ особа этого одноногаго моряка завладѣла всѣми моими мыслями. Въ бурныя ночи, когда вѣтеръ сотрясалъ всѣ углы нашего дома, и прибой ревѣлъ, ударяясь въ скалы, онъ снился мнѣ въ тысячѣ видовъ, съ невѣроятными, дьявольскими гримасами. Я видѣлъ его съ ногой, отрѣзанной то по колѣно, то по бедро; то онъ представлялся мнѣ чудовищемъ, у котораго всегда была только одна нога, и та — посрединѣ туловища. Въ ужаснѣйшихъ кошмарахъ онъ преслѣдовалъ меня, прыгая и спотыкаясь черезъ изгороди и заборы. И я дорого расплачивался за мои четыре пенса.

Но не смотря на страхъ, который внушалъ мнѣ одноногій морякъ, я значительно меньше другихъ боялся самого капитана. Бывало вечеромъ, онъ выпьетъ больше грогу, чѣмъ вмѣщала его голова; тогда онъ принимался пѣть свои старыя, отчаянныя морскія пѣсни, не обращая ни на кого вниманія. Но другой разъ онъ приказывалъ угощать всѣхъ присутствующихъ, и заставлялъ всю трепещущую компанію слушать его разсказы или подтягивать хоромъ его пѣснямъ. Часто домъ содрогался отъ припѣва: «Го-го-го и бутылка рому», подхваченнаго всѣми сосѣдями, дрожащими отъ страха за собственную жизнь, при чемъ каждый старался пѣть громче другихъ, чтобы избѣжать окрика. Потому что во время этихъ приступовъ нашъ постоялецъ бывалъ, на самомъ дѣлѣ, страшенъ. То онъ, бывало, стукнетъ кулакомъ по столу, требуя молчанія. То приходилъ въ изступленіе изъ-за поставленнаго кѣмъ-нибудь вопроса, или изъ-за того, что никто ничего не спрашиваетъ, и значитъ, не интересуется его разсказомъ. И онъ не позволялъ никому уйти изъ гостинницы, пока самъ не напьется до одури и не отправится спать.

Больше всего пугали посѣтителей его разсказы. Ужасные это были разсказы. Тутъ были и повѣшенные, и утопленные, и штормы, и кораблекрушенія, и темныя дѣла, и разбои во всѣхъ водахъ и широтахъ. Если повѣрить ему самому, то онъ, очевидно, жилъ среди самыхъ низкихъ преступниковъ, какихъ Господу когда либо угодно было тер-

пѣть на палубѣ корабля; и языкъ, которымъ онъ разсказывалъ эти исторіи, пугалъ нашихъ добрыхъ поселянъ не меньше, чѣмъ преступленья, о которыхъ онъ разсказывалъ. Отецъ мой всегда говорилъ, что гостинница разорится, потому что народъ броситъ ходить въ нее, не желая подвергаться тираническому деспотизму и запугиванію и возвращаться въ свои постели, дрожа отъ страха; но я склоненъ думать, что его пребываніе приносило намъ пользу. Народъ, дѣйствительно, —пугался, но все же это имъ нравилось: эти страхи были развлеченіемъ въ скучной сельской жизни: а кое-кто изъ молодежи даже восторгался капитаномъ, называя его настоящимъ «морскимъ волкомъ», «старой морской солью» и тому подобными прозвищами и утверждая, что именно такими людьми создано могущество Англіи на морѣ.

Въ одномъ отношеніи онъ, во всякомъ случаѣ, раззорялъ насъ:, потому что онъ жилъ недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ что давно уже прожилъ уплоченныя впередъ деньги, и все же отецъ мой никакъ не могъ собраться съ духомъ, чтобы потребовать съ него по счету. А если онъ и заикался, то капитанъ начиналъ сопѣть такъ громко, что отецъ испуганно пятился вонъ. Я видѣлъ, какъ послѣ такихъ попытокъ отецъ въ отчаяніи ломалъ руки, и я увѣренъ, что эти непріятности и страхъ немало способствовали приближенію его преждевременной кончины.

За все время, что капитанъ жилъ у насъ, онъ не разу не перемѣнилъ одежды, если не считать чулокъ, которыя онъ разъ или два покупалъ у разносчика. Потерявши пряжку, придерживавшую одно изъ полей его треуголки, онъ не позаботился пріобрѣсти новую, и поля шляпы съ тѣхъ поръ постоянно свисали, что причиняло не мало неудобствъ, когда задувалъ штормъ. Помню, на что былъ похожъ его кафтанъ, который онъ самъ чинилъ и платалъ у себя въ комнатѣ, такъ что подъ конецъ онъ состоялъ изъ однихъ заплатъ. Онъ никогда не писалъ и не получалъ писемъ, и не разговаривалъ ни съ кѣмъ, кромѣ сосѣдей, да и съ тѣми только, когда бывалъ пьянъ. Никто изъ насъ никогда не видѣлъ открытымъ его большой корабельный сундукъ.

Никто не смѣлъ ему перечить. Только однажды онъ нарвался, это было, когда мой бѣдный отецъ уже изнемогалъ отъ болѣзни, сведшей его въ могилу. Однажды вечеромъ къ намъ пріѣхалъ докторъ Ливсэй провѣдать своего паціента, пообѣдалъ у насъ и зашелъ въ гостиную выкурить трубку въ ожиданіи лошади, которую должны были привести изъ ближайшаго селенія, такъ какъ у насъ не было конюшни. Я послѣдовалъ за нимъ и помню, какъ поразилъ меня контрастъ между чистымъ изящнымъ докторомъ, сверкавшимъ бѣлизной пудреннаго парика и поражавшимъ спокойной любезностью обращенія, — и мужиковатыми крестьянами, а еще болѣе, между нимъ и нашимъ грязнымъ, одутловатымъ пиратомъ, сильно захмелѣвшимъ и сидѣвшимъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на столъ. Вдругъ онъ, — т. е., капитанъ — затянулъ свою обычную пѣсню:

«Пятнадцать человѣкъ на крышкѣ гроба..
Го-го-го, и бутылка рому!».

Я сперва смѣшивалъ въ моемъ воображеніи этотъ гробъ съ корабельнымъ сундукомъ въ комнатѣ капитана, и въ моихъ ночныхъ кошмарахъ все это перепутывалось съ одноногимъ морякомъ. Но къ этому времени мы всѣ уже перестали обращать вниманіе на эту пѣсню; она въ этотъ вечеръ не была новой ни для кого, кромѣ доктора Ливсэй, и я замѣтилъ, что она не произвела на него пріятнаго впечатлѣнія, потому что нѣкоторое время у него было очень сердитое лицо, пока онъ не заговорилъ со старикомъ Тайлоромъ, огродникомъ, о новомъ лѣченіи ревматизма. Тѣмъ временемъ капитанъ все болѣе и болѣе воодушевлялся отъ звуковъ собственной пѣсни и наконецъ ударилъ кулакомъ по столу, чтобы потребовать тишины. Всѣ голоса смолкли сразу, кромѣ голоса доктора Ливсэй: онъ спокойно продолжалъ говорить, отчетливо и любезно, затягиваясь изъ трубки послѣ каждой фразы. Капитанъ уставился на него на минуту, опять ударилъ по столу и наконецъ заревѣлъ съ непристойнымъ проклятіемъ:

— «Эй! Молчать, тамъ, на палубѣ!»

— «Это вы мнѣ, сударь?» — спросилъ

докторъ; и когда грубіянъ подтвердилъ ему это съ еще худшимъ раскатомъ ругани, докторъ спокойно произнесъ: «Могу вамъ сказать только одно, сударь:—Если вы будете продолжать пить ромъ, то міръ вскорѣ освободится отъ основательнаго мерзавца!»

Гнѣвъ капитана былъ неописуемъ. Онъ вскочилъ, вытащилъ и открылъ матроскій ножъ и, размахивая имъ, грозилъ пришить доктора къ стѣнѣ.

Докторъ даже не пошевельнулся. Онъ продолжалъ говорить съ нимъ, какъ и передъ тѣмъ, черезъ плечо и тѣмъ же самымъ тономъ, довольно громко, такъ что всѣ, бывшіе въ комнатѣ, могли слышать, но совершенно спокойно и твердо: «Если вы не спрячете тотчасъ же въ карманъ вашъ ножъ, то клянусь вамъ честью, васъ повѣсятъ въ ближайшую же сессію присяжныхъ.»

Послѣ этого ихъ взгляды скрестились; но капитанъ вскорѣ сдался, спряталъ оружіе, и сѣлъ, ворча, какъ побитый песъ.

«А теперь, сударь», продолжалъ докторъ, «зная, что такой субъектъ проживаетъ въ моемъ районѣ, я буду слѣдить за вами денно и нощно. Я не только врачъ: я еще и судья; и если я услышу малѣйшую жалобу на васъ, хотя бы за грубость вродѣ нынѣшней, я приму всѣ мѣры, чтобы вы тутъ у насъ не засидѣлись. Знайте это!»

Вскорѣ послѣ этого привели лошадь доктора Ливсэй, и онъ уѣхалъ; но капитанъ велъ себя смирнехонько весь этотъ вечеръ и еще много вечеровъ подрядъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводъ съ англійскаго **Ал. Койранскаго**

ВЕЛИКІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ МАЛЕНЬКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Былъ такой случай триста лѣтъ тому назадъ въ Голландіи. Есть тамъ небольшой городокъ Миддельбургъ. Жилъ тамъ тогда нѣкій человѣкъ, по имени Янсенъ. Онъ добывалъ себѣ хлѣбъ вотъ какой работой: дѣлалъ очки на продажу. Эта работа трудная. Въ тѣ времена самому приходилось плавить стекла, въ особой печи, отливать стекла въ видѣ шариковъ и кружковъ, затѣмъ, осторожно шлифовать ихъ на особомъ станкѣ, да напильниками, да бумагой наждачной, и иными способами. Работа эта кропотливая, да усидчивая. Съ Янсеномъ, какъ и со всякимъ другимъ мастеромъ всегда бываетъ такъ: пока приготовляетъ одну пару очковъ, смотришь, уже напортилъ десятокъ-другой стеколъ. Много испорченныхъ стеколъ всегда валялось въ мастерской Янсена.

У Янсена были дѣти, — маленькія. И имъ было скучно-скучно. Они не знали, куда дѣвать свое время. И любили пробовать, мастерить, придумывать что нибудь. Все равно что, — лишь бы это была своя собственная выдумка.

Однажды дѣти Янсена, отъ нечего дѣлать, подхватили въ мастерской отца нѣсколько испорченныхъ стеколъ и побѣжали играть съ ними на улицѣ. Стекла были круглыя, и выпуклыя, и даже сильно выпуклыя. Стекло такой формы, называется "увеличительнымъ". Само то стекло вполнѣ обыкновенное, только ужъ очень прозрачное. Но круглая, выпуклая форма стекла дѣлаетъ его и вправду увеличительнымъ. Дѣти приладили и поставили такое стекло передъ своими глазами, какъ слѣдуетъ, на должное разстояніе, — и стали смотрѣть тогда сквозь это стекло. Смотрѣли на крупинку сахара, на жучка, на песчинку, или на что угодно. Сквозь стекло все это являлось въ большомъ увеличенномъ видѣ, словно все это вдругъ выросло. Разумѣется, вовсе не выросло, а лишь внѣшній видъ всего точно раздался во всѣ стороны, пройдя сквозь увеличительное стекло... Раздался, растянулся на большое пространство. Потому и стало казаться большимъ. Занятно и интересно! Надо еще и еще попробовать. Дѣти стали разсматривать сквозь увеличительное стекло все, что попадалось имъ подъ руку: камешки, соринки, мушекъ, хлѣбъ, собственные пальцы грязные. Разсмотрѣли все, что нашли и могли. Стали еще и еще придумывать. А что выйдетъ, если все разсматривать не черезъ одно, а сразу черезъ два стекла увеличительныхъ? Попробовали и это. Поставили такъ, поставили этакъ. Видятъ, — убѣдились своими глазами вотъ въ чемъ: вѣдь можно такимъ способомъ приладить, поставить два увеличительныхъ стекла, и они станутъ увеличивать куда сильнѣе, чѣмъ единственное. Штука въ томъ, на какомъ разстояніи поставить стекло отъ стекла. А прилаживать такимъ способомъ стекло къ стеклу тоже занятно.

Дѣти занялись этимъ вплотную. На это ушли цѣлые часы.

Набрали еще разныхъ стеколъ. Перепробовали ихъ. Игра занятная, увлекательная, любопытная.

Наконецъ, все было испробовано. А дальше что? Одинъ мальчуганъ придумалъ: а что выйдетъ, если смотрѣть сразу сквозь два увеличительныхъ стекла вдаль? Вотъ, напримѣръ, на большой соборъ, который виденъ, изъ за сосѣдней крыши.

Дѣти снова принялись прилаживать стекло къ стеклу для разсматриванія далекихъ башенъ. И, что же они увидѣли? А вѣдь стекла увеличительныя можно вотъ какъ наставить: далекая башня станетъ казаться вродѣ какъ близкой, когда станешь смотрѣть на нее сразу черезъ два увеличительныхъ стекла.

Посмотрѣлъ одинъ мальчикъ, — видитъ: вѣрно, такъ и выходитъ.

Посмотрѣлъ и другой мальчикъ. Тоже видитъ: такъ оно и есть, вѣрно.

Оба мальчика даже запрыгали отъ радости. Побѣжали къ отцу. Разсказали о своей выдумкѣ, о своемъ открытіи.

Отецъ только засмѣялся. Вотъ еще что выдумали! Но все же пошелъ посмотрѣть. Вышелъ на улицу, взялъ два увеличительныхъ стекла, тоже наставилъ ихъ какъ слѣдуетъ, — и что же увидѣлъ: а вѣдь далекая то башня и вправду кажется близкой, когда смотришь на нее черезъ такія два стекла, такъ разставленныя.

Триста лѣтъ тому назадъ, никто на всемъ свѣтѣ не зналъ, и не вѣдалъ, что при помощи двухъ разныхъ круглыхъ стеколъ можно видѣть все далекое, словно оно тутъ близко. Тогда еще не придумали, никакихъ биноклей, никакихъ подзорныхъ трубъ. Придуманы были только очки для дальнозоркихъ стариковъ, да для людей близорукихъ.

Янсенъ сразу увидѣлъ, смекнулъ и понялъ: а вѣдь его то дѣтишки, какъ будто бы вправду сдѣлали открытіе. Да еще такое, надъ которымъ стоитъ подумать да подумать. И его хорошенько, хорошенько обдумать. И надъ нимъ поработать, какъ слѣдуетъ. Тогда навѣрное выйдетъ большой, большой прокъ. И всѣмъ людямъ польза, и самому Янсену доходъ.

Янсенъ былъ человѣкъ неученый. Онъ разсуждалъ такъ: дѣти мои придумали игрушку. Вотъ буду-ка и я дѣлать такія игрушки и продавать ихъ.

Янсенъ взялъ небольшую дощечку. Укрѣпилъ два увеличительныхъ стекла стоймя на этой дощечкѣ, такъ, чтобы ихъ не прилаживать руками, когда желаешь смотрѣть вдаль. Такъ вышло лучше, чѣмъ когда держишь стекла въ рукахъ.

Но вышло еще лучше, когда Янсенъ придумалъ приладить тѣ же два стекла не къ дощечкѣ, а внутри трубки. Игрушка вышла занятная.

Янсенъ принялся дѣлать такія игрушки, да и продавать ихъ. И дѣйствительно, онѣ пошли въ ходъ. Ихъ покупали охотно. Янсену это было очень выгодно: вѣдь на приготовленіе такого доходнаго товара шли стекла испорченныя, для очковъ непригодныя. Это тоже хорошо! На это можно купить дѣтямъ гостинца, за ихъ пробованія, да за ихъ выдумку.

И дѣти Янсена, на радостяхъ, пробовали, да пробовали, выдумывали, да выдумывали. Впрочемъ, никто не знаетъ, выдумали ли они еще, что нибудь. Но изъ первой ихъ выдумки вотъ что вышло. Жилъ тогда въ Италіи одинъ знаменитый ученый, по фамиліи Галилей. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ того времени. Тогда на всемъ свѣтѣ не было столько ученыхъ людей, какъ теперь. Галилей о себѣ лично и о своей пользѣ не очень то думалъ, и для себя ничего не добивался. Главной его заботой была вотъ какая: искать, да искать истину самую, что ни на есть настоящую правду-истину объ устройствѣ всего міра. И особенно же объ устройствѣ неба, гдѣ столько звѣздъ и другихъ небесныхъ свѣтилъ. Да еще такихъ далекихъ, далекихъ. И такихъ невѣдомыхъ и таинственныхъ. Надо изучать и разсматривать ихъ очень внимательно. Но какимъ же способомъ можно это сдѣлать? Галилей не зналъ этого. Да и никто въ тѣ времена не зналъ этого.

Вотъ тутъ то и подвернулась случайно игрушка изъ двухъ стеклышекъ, какую приготовлялъ голландецъ Янсенъ, и которую придумали дѣти Янсена. Галилей сразу, вродѣ какъ почуялъ, и понялъ, что вѣдь эта игрушка удивительно важная и полезная. Онъ добылъ себѣ эту игрушку, и принялся за ея усовершенствованіе. Рѣшилъ сдѣлать ее сколь возможно лучшей. При этомъ Галилей ясно понималъ, что онъ вѣдь тутъ ужъ не надъ игрушкой возится да работаетъ. Вѣдь изъ игрушки то выходитъ вовсе не игрушка, потому что ее можно превратить, передѣлать въ особую трубу, — сквозь которую можно будетъ разсматривать всѣ свѣтила небесныя, словно они не гдѣ то далеко, а тутъ же — около насъ, близко, близко.

Галилей самъ собственноручно и сдѣлалъ такую трубу. Она называется подзорной трубой. Еще ее называютъ "телескопомъ".

Съ этого и началось придумываніе телескопа, а затѣмъ пошло и пошло. И продолжалось это придумываніе цѣлыя триста лѣтъ. И потрудились надъ улучшеніемъ такой выдумки многіе люди всѣхъ странъ и народовъ.

Въ настоящее время уже устроены телескопы, длиною больше десяти саженъ, то есть двадцати метровъ, и съ особыми стеклами величиною почти въ два аршина (около полутора метра), въ поперечникѣ. И даже не съ двумя, а со многими стеклами. Посмотри сквозь такой телескопъ, напримѣръ, на луну, — и луна покажется близкой-близкой. На самомъ дѣлѣ отъ земли до луны по меньшей мѣрѣ триста шестьдесять тысячъ верстъ, и сквозь самый лучшій телескопъ луна кажется отъ земли верстахъ въ тридцати или пятидесяти.

А кто теперь знаетъ и помнитъ, что придумываніе телескоповъ началось въ видѣ дѣтской игры, благодаря дѣтямъ? Благодаря такимъ дѣтямъ, которыя очень ужъ любятъ все пробовать, да все разсматривать, да во все вникать.

Пусть-же они и пробуютъ, и разсматриваютъ, и вникаютъ. Вѣдь изъ этого могутъ иной разъ выходить настоящія великія дѣла, и даже подвиги.

О нѣкоторыхъ изъ нихъ будетъ разсказано въ слѣдующихъ номерахъ.

Ник. Рубакинъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

Сколько стоила война?

Война стоила Россіи 51 милліардъ рублей, а всему человѣчеству — 250 милліардовъ рублей.

Что можно было бы сдѣлать на эти деньги?

На деньги, истраченныя на войну Россіей, можно было бы:

въ теченіе 5 лѣтъ ежедневно строить по 15 Эйфелевыхъ башенъ или въ теченіе 5 лѣтъ строить въ каждые 2 дня по 3 двадцатишестиэтажныхъ дома (столько этажей имѣетъ самый высокій небоскребъ въ Нью-Іоркѣ);

построить столько обыкновенныхъ домовъ, что каждый человѣкъ имѣлъ бы отдѣльную комнату, а каждая семья еще и одну общую комнату, или —

построить 4 двухколейныя желѣзнодорожныя линіи отъ Балтійскаго моря до Великаго океана и отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, а кромѣ того — двѣ дюжины университетовъ, ввести всеобщее образованіе и выкупить всю землю для раздачи крестьянамъ.

А на всѣ затраченныя на войну деньги — можно было бы утроить всю желѣзнодорожную сѣть, которая существуетъ на земномъ шарѣ отъ временъ Стефенсона до нашихъ дней.

Почти цѣлыя сутки въ водѣ.

Плаванье — не только одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, но и изъ самыхъ полезныхъ спортовъ, такъ какъ всѣ мускулы принимаютъ участіе въ работѣ и тѣло непрерывно омывается водой. Однако, долгое пребываніе въ ней чрезвычайно утомительно и даже небезопасно, такъ какъ тѣло стынетъ и нерѣдко дѣлаются судороги, которыя часто служатъ причиной несчастныхъ случаевъ.

Недавно англичанинъ, капитанъ Веббъ, поставилъ рекордъ: онъ переплылъ Ламаншъ между Дувромъ и Калэ въ 21 3/4 часа, проплывъ почти 40 миль.

До сихъ поръ только Томасъ Вильямъ Бэргессъ переплылъ Ламаншъ (въ 1911 г.), но онъ употребилъ на это 22½ часа.

По этому поводу нельзя не вспомнить, что Байронъ переплылъ въ 1810 г. Дарданеллы, повторяя подвигъ легендарнаго Леандра, спѣшившаго къ своей возлюбленной Геро.

Воздушные поѣзда.

Самые удобные пути сообщенія по сушѣ — несомнѣнно, желѣзныя дороги. Но есть мѣстности, напримѣръ, сплошь заросшія непроходимыми лѣсами, гдѣ прокладка рельсъ стоитъ чрезвычайно дорого. Стали думать поэтому, нельзя ли организовать для такихъ мѣстъ воздушные поѣзда.

Особенно заинтересовались этимъ вопросомъ въ Англіи и тамъ уже разработали типъ такихъ поѣздовъ. Одинъ воздушный корабль будетъ служить буксиромъ или паровозомъ, а большіе воздушные шары, къ которымъ снизу будутъ прикрѣплены лодки для пассажировъ и багажа, замѣнятъ вагоны.

Магическія цифры.

$$9\times9+7 = 88$$
$$9\times98+6 = 888$$
$$9\times987+5 = 8888$$
$$9\times9876+4 = 88888$$
$$9\times98765+3 = 888888$$
$$9\times987654+2 = 8888888$$
$$9\times9876543+1 = 88888888$$
$$9\times98765432+0 = 888888888$$

Кто изъ читателей можетъ составить таблицу, подобную вышеприведенной, но изъ другихъ, разумѣется, цыфръ?..

Стоимость морского сраженія.

Одинъ ученый вычислилъ, что одинъ часъ современнаго морского боя стоитъ 30 милліоновъ франковъ, при чемъ онъ считалъ только стоимость снарядовъ.

Число это получилось такимъ образомъ:

14-ти дюймовыя орудія стрѣляютъ снарядами, стоимостью каждый 3.000 франковъ, и могутъ дѣлать по 2 и даже по 3 выстрѣла въ минуту.

Снаряды 12-ти дюймовыхъ орудій стоютъ по 2.100 франковъ, и приблизительно во столько же обходятся снаряды меньшаго калибра.

Такимъ образомъ, двѣ современныхъ эскадры,въ теченіе пятичасового сраженія, истратятъ снарядовъ на 150 милліоновъ франковъ.

А какія огромныя суммы получатся, если прибавить стоимость самихъ военныхъ судовъ! Вѣдь одинъ дредноутъ обходится нынѣ до 70 милліоновъ франковъ!

СПОРТЪ

1.

Когда походишь по музеямъ, когда насмотришься на многочисленныя статуи, ихъ украшающія, тогда только начинаешь понимать, какимъ прекраснымъ можетъ быть человѣческое тѣло, а также и то, какъ уродливо оно у современнаго человѣка, какъ неправильно развиты у него отдѣльныя части, какое оно слабое и хилое.

Да въ одной ли красотѣ дѣло?

Посмотрите, какъ быстро старѣетъ нынѣшній человѣкъ, какъ легко теряетъ способность къ долгой и упорной работѣ, и какимъ множествомъ болѣзней поражено его тѣло.

Даже атлеты нашихъ дней не могутъ похвастаться своимъ тѣломъ, такъ какъ только отдѣльныя части тѣла — ноги, или руки, или шея — непомѣрно развиты у нихъ въ ущербъ другимъ частямъ и, что еще важнѣе, въ ущербъ здоровью, и никакой пропорціональности или стройности у нихъ нѣтъ.

А между тѣмъ!

Человѣчество построило огромные города, величественные памятники, опоясало земной шаръ желѣзными дорогами, избороздило непокорный океанъ пароходами, вознеслось на аэропланахъ къ самому небу, создало неповторимыя книги и картины; короче, — умъ человѣческій покорилъ себѣ всю природу и развилъ свое могущество до безпредѣльности, — а тѣло, прекрасное человѣческое тѣло, стало немощнымъ, какъ никогда.

Правда, отчасти виноваты въ этомъ условія нашей жизни, когда люди годами живутъ въ душныхъ, пыльныхъ, каменныхъ городахъ, цѣлые дни проводятъ въ угольныхъ шахтахъ, на заводахъ, въ канцеляріяхъ и конторахъ, безъ движенія, безъ воздуха, безъ свѣта.

Но главная причина, конечно, не въ этомъ.

Ибо люди, поставленные и въ лучшія условія, все же физически слабы и некрасивы.

И, значитъ, дѣло просто въ томъ, что въ теченіе долгаго времени о тѣлѣ не хотѣли вовсе думать, въ странномъ заблужденіи считали, что не слѣдуетъ и заботиться о немъ.

Какіе же получились результаты? А только тѣ, что тѣло, въ концѣ концовъ, отказывается исполнять даже и нормальныя требованія, которыя къ нему предъявляются суровой дѣйствительностью.

Да это и естественно.

Любая способность въ человѣкѣ, если ее не упражнять, — умираетъ.

Такъ же слабѣютъ или, какъ говорятъ, атрофируются мускулы человѣка, лишенные постоянной работы и ухода, а съ ними и все тѣло.

2.

У дѣтей — тѣло гибкое, ловкое, въ которомъ заложены возможности самаго полнаго развитія.

Отличный примѣръ — японцы. Они — лучшіе въ мірѣ акробаты. Гибкость и сила ихъ тѣла позволяетъ имъ просто выдѣлывать чудеса акробатизма.

Но чѣмъ они этого достигаютъ?

Тѣмъ, что съ самаго рожденія путемъ особаго массажа развиваютъ каждый суставъ, каждый мускулъ, каждый пальчикъ.

А древніе греки?

Съ дѣтства всѣ они занимались гимнастикой, и юноши подъ руководствомъ спеціальнаго **педотриба** (руководителя) проходили еще курсъ **пентатлэ**, то есть 5 спортивныхъ игръ: борьбу, прыганье, бѣгъ, метанье диска и бросанье дротика.

Наконецъ, и въ наше время поняли, какъ гибельно пренебрегать тѣломъ. Не можетъ быть народъ силенъ, если онъ не заботится о своемъ тѣлѣ, не развиваетъ его.

Англичане и американцы первые постигли это и съ настойчивостью, свойственной англо-саксонской расѣ, стали проводить въ жизнь.

Не только молодежь, но и старики съ почтенными сѣдинами считаютъ необходимымъ каждый день отдавать часть своего времени спорту (въ качествѣ примѣра назовемъ нынѣшняго кандидата въ президенты Соединенныхъ Штатовъ — Гардинга, ежедневно играющаго въ гольфъ),

любовь къ которому такъ велика, что на недавнихъ футбольныхъ состязаніяхъ въ Англіи каждый разъ бывали милліоны зрителей.

Спортъ входитъ у нихъ составной частью въ программу всѣхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ каждое имѣетъ спортивныя команды всевозможнаго рода, и состязанія между ними составляютъ крупное событіе въ англійской жизни.

Но занятіе спортомъ, особенно такими видами его, какъ боксъ, борьба, футболъ, возможно только для тѣхъ, кто уже обладаетъ значительной силой.

Поэтому, прежде всего, надо правильно развить свое тѣло, сдѣлать его сильнымъ и ловкимъ, укрѣпить сердце, легкія, всѣ мускулы.

Это достигается гимнастикой, изъ разныхъ системъ которой наиболѣе извѣстны шведская — Мюллера и ритмическая, подъ музыку, — Далькроза.

Въ нѣкоторыхъ странахъ увлеченіе гимнастикой приняло теперь характеръ настоящаго національнаго движенія. Достаточно указать на организацію соколовъ, объединившую, положительно всю чешскую молодежь.

Еще болѣе получилъ распространенія и значенія скоутизмъ, существующій во всѣхъ государствахъ и почти у всѣхъ народовъ.

Въ цѣляхъ широкой пропаганды спорта и гимнастики, въ концѣ 19 вѣка было рѣшено въ подражаніе олимпійскимъ играмъ Греціи устраивать каждые четыре года въ разныхъ странахъ по очереди международныя состязанія по всѣмъ видамъ атлетизма, которыя сохранили названіе Олимпіадъ. Война прервала организацію ихъ, но въ этомъ году они возобновились въ Бельгіи, въ городѣ Антверпенѣ (Анверъ).

Какъ и прежде, побѣдителями оказались американцы.

Но никакого мѣста не заняли — русскіе: ихъ вовсе не было. Но и тогда, когда они принимали участіе въ Олимпіадахъ, успѣхи ихъ были очень незначительны.

Въ Россіи были отдѣльные сильные атлеты и особенно много было борцовъ, но постоянное физическое воспитаніе было у насъ поставлено хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

И теперь, очутившись на чужбинѣ, готовясь къ той тяжелой, напряженной работѣ, которая ждетъ насъ всѣхъ, а подрастающее поколѣніе еще больше, чѣмъ взрослыхъ, мы должны набраться силъ, развить свое тѣло, чтобы оно справилось съ этой работой, не устало, не отказалось служить раньше времени.

"Мы даже не подозрѣваемъ, что можетъ наше тѣло", говоритъ одинъ изъ нашихъ современниковъ. Но для этого надо заниматься съ дѣтскихъ лѣтъ гимнастикой, а затѣмъ всѣми видами спорта.

Вотъ о гимнастикѣ и о спортѣ и будетъ рѣчь въ этомъ отдѣлѣ.

Н. А.

Спортъ или мучительство?

Въ погонѣ за развлеченіями, люди не довольствуются существующими видами спорта, а придумываютъ все новые и новые, пользуясь для этого нерѣдко животными, казалось бы совсѣмъ не подходящими, и попросту мучая ихъ. Пѣтушиные бои, бои быковъ и до сихъ поръ привлекаютъ людей, но имъ все мало и все хочется чего нибудь новаго, неиспробованнаго.

Вотъ забава, придуманная моряками аргентинскаго военнаго судна "Морено".

Они устраиваютъ родъ кадки или лохани, въ которую садится матросъ и въ которую впрягаютъ посредствомъ веревокъ и кожанныхъ хомутовъ 6 гусей.

Гуси взбиваютъ ногами волну, бьютъ крыльями по водѣ, — утлый челнокъ качается, вертится, готовъ каждую минуту перевернуться, и матросу не легко съ помощью весла и палки удержать равновѣсіе.

На воду спускаютъ нѣсколько такихъ челноковъ и устраиваютъ гонки, пользующіяся любовью моряковъ. На случай несчастія, кадки сопровождаются шлюпками, но не слышно, чтобы хоть одинъ голосъ раздался въ защиту гусей.

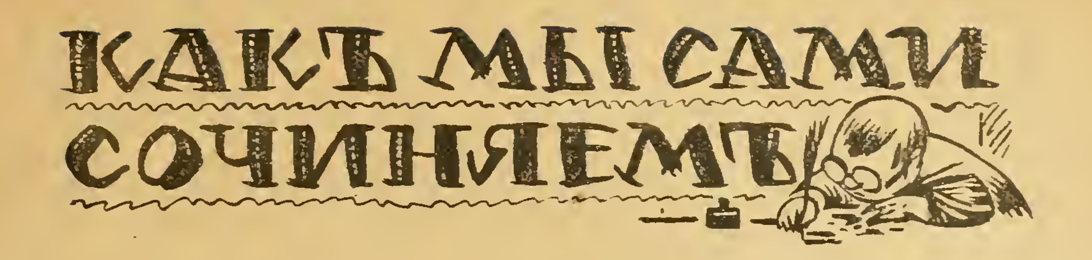
А вотъ въ Нью-Іоркѣ нашлись любители кошачьяго спорта.

Отыскиваютъ потерянныхъ кошекъ, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ихъ усиленно откармливаютъ и всячески приручаютъ къ дому.

Разъ въ мѣсяцъ кошки въ бумажныхъ мѣшкахъ относятся за городъ, въ рощу, и кладутся вокругъ дерева, а сами любители этого спорта быстро удаляются, пользуясь висячимъ метрополитеномъ.

Интересъ спорта заключается въ томъ, которая изъ кошекъ первая вернется домой, гдѣ ее такъ хорошо кормили долгое время.

Въ каждомъ очередномъ номерѣ „Зеленой Палочки“ будутъ печататься произведенія юныхъ авторовъ.

Тѣ изъ читателей нашихъ, которые пожелаютъ испробовать свои силы на литературно-художественномъ поприщѣ, могутъ присылать свои стихи, разсказы и рисунки по адресу редакціи „Зеленой Палочки“.

Ты уходишь, день,
Не открывъ Кремля!
Ты плывешь въ колокольномъ звонѣ.
Изъ двадцатаго года уходишь ты,
Вербное Воскресеніе.
Благовѣщенье, внукъ твой, откроетъ рѣку:
— Изъ двадцатаго года! изъ двадцатаго вѣка!

Аля Э—нъ (9 лѣтъ).

Связку бѣлыхъ вѣнчальныхъ цвѣтовъ
Я искалъ для невѣсты моей,
Но нашелъ я лишь черный тюльпанъ,
Не нашелъ ей цвѣтка я бѣлѣй.

***

Я искалъ и просилъ у людей, —
Я искалъ и просилъ, и молилъ, —
Мнѣ изъ ирисовъ дали вѣнки,
Не нашли мнѣ цвѣточковъ бѣлѣй.

***

Я ходилъ и искалъ по садамъ,
Но сказалъ мнѣ ихъ сторожъ сѣдой:
«Черной розы душистымъ цвѣтамъ
Вѣдь уступитъ бѣлѣйшій левкой».

***

И ушелъ я, тоскою одѣтъ,
Проклиная въ печали судьбу,
Несъ изъ черныхъ цвѣтовъ я букетъ,
А невѣста лежала въ гробу.

Мирра Б—тъ (13 лѣтъ).

Отъѣздъ изъ Россіи.

Вздымались зеленоватыя волны и опускались, шумя. И все меньше и меньше на горизонтѣ чернѣла полоска земли, и скрывались зданія, словно уплывали въ туманѣ во влажномъ голубомъ, вечернемъ небѣ. Ныряли лодки въ прозрачной водѣ. Вблизи берега тянулись ряды барокъ.

И какъ ножомъ разрѣзали воду маленькіе катера, взбираясь и скользя внизъ по большимъ зеленымъ волнамъ.

Дымили пароходы чернымъ дымомъ, словно вздыхали, пыхтѣли.

Медленно, тихо уплывала сѣрая гавань съ мѣшками, съ народомъ. Умолкалъ понемногу крикъ и гамъ, и разстилалось все шире и шире зеленое море.

Садилось, опускалось алое солнце за шумный пыльный городъ.

Изрѣдка тяжело вздыхали пушки и въ темнѣющей дали взлеталъ яркій огонь.

Слава Богу, можно было перекреститься, мы были уже на пароходѣ, и онъ пыхтя и дымя, разрѣзалъ зеленую воду.

Все глуше слышались залпы и въ туманѣ исчезала русская земля.

Разостлалась вокругъ вода темная и глубокая. Исчезала земля, исчезала Россія. Но и солнце тоже исчезало вмѣстѣ съ землей. Казалось, что оно свѣтитъ только въ Россіи.

Вокругъ стало темно и уныло. Море окружало пароходъ со всѣхъ сторонъ, и лиловыя волны хлестали о бортъ.

Ф. В—нъ (11 лѣтъ)

1920 ОКТЯБРЬ 1920

1 18 ПЯТНИЦА	**2** 19 СУББОТА Умеръ англ. химикъ Рамзай (1852 г.)	**3** 20 ВОСКРЕСЕНЬЕ Родился писатель Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ (1791 г.).	**4** 21 ПОНЕДѢЛЬНИКЪ Родился поэтъ И. С. Никитинъ (1824)
5 22 ВТОРНИКЪ	**6** 23 СРЕДА Скончался писатель А. С. Хомяковъ (1860 г.).	**7** 24 ЧЕТВЕРГЪ Скончался американскій поэтъ Эдгаръ Поэ (1849 г.).	**8** 25 ПЯТНИЦА
9 26 СУББОТА Умеръ поэтъ А. Н. Плещеевъ (1893).	**10** 27 ВОСКРЕСЕНЬЕ Родился знаменитый путешественникъ Фритіофъ Нансенъ (1861 г.)	**11** 28 ПОНЕДѢЛЬНИКЪ	**12** 29 ВТОРНИКЪ Открытіе Америки (1492 г.).
13 30 СРЕДА	**14** 1 ЧЕТВЕРГЪ	**15** 2 ПЯТНИЦА Покореніе Казани (1552 г.).	

Цыфра, изображенная подъ чертой, обозначаетъ число мѣсяца по русскому календарю.

НАШИ КОНКУРСЫ.

Редакція журнала „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА“

объявляетъ для своихъ читателей

ДВА КОНКУРСА:

ПЕРВЫЙ КОНКУРСЪ

УКАЖИТЕ самое короткое названіе рѣки въ Россіи.

УКАЖИТЕ самое длинное названіе рѣки въ Россіи.

УКАЖИТЕ самое короткое названіе города въ Россіи.

УКАЖИТЕ самое длинное названіе города въ Россіи.

Приславшему всѣ четыре правильныя названія, будетъ въ видѣ преміи БЕЗПЛАТНО высылаться журналъ „Зеленая Палочка“ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1921 года.

Рѣшенія должны быть отправлены до 15-го ноября с. г. по адресу редакціи журнала „Зеленая Палочка“: Éditions „Sever“, 5, rue Joubert, Paris (9), по отдѣлу „Наши конкурсы“.

Рѣшеніе и списокъ рѣшившихъ будетъ напечатанъ въ № 6 журнала 30-го декабря с. г.

ВТОРОЙ КОНКУРСЪ

ОТВѢТЬТЕ, изъ какого произведенія какого автора взяты слѣдующія строки:

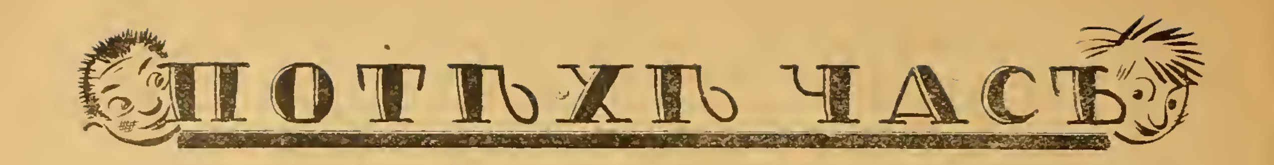
«Смеркалось. Паръ струился синій;
«Кругомъ царила тишина;
«Мерцали звѣзды; надъ пустыней
«Всходила медленно луна.»

Въ каждомъ изъ слѣдующихъ пяти №№ журнала «Зеленая Палочка» за 1920 годъ будетъ приведено по нѣсколько стиховъ, и желающіе должны будутъ отвѣтить, изъ какого произведенія и какого автора они взяты.

Выигравшимъ будетъ признанъ тотъ, кто пришлетъ правильные отвѣты на всѣ вопросы; и ему будетъ въ видѣ преміи, высылаться БЕЗПЛАТНО журналъ „Зеленая Палочка“ въ теченіе 6 мѣсяцевъ 1921 г.

Рѣшенія за каждый номеръ должны отправляться до полученія слѣдующаго номера журнала и должны адресоваться въ редакцію журнала «Зеленая Палочка» (Edition «Sever», 5 rue Joubert, Paris 9) по отдѣлу «Наши Конкурсы».

Всѣ рѣшенія, какъ и окончательный списокъ рѣшившихъ будутъ напечатаны въ № 4 «Зеленой Палочки» за 1921 годъ.

"Тяжелые дни".

Суевѣрія живучи. Среди русскихъ и до сихъ поръ есть чудаки, которые вѣрятъ въ несчастные, или, какъ они называются въ комедіяхъ нашего знаменитаго драматурга А. Н. Островскаго — тяжелые дни, напримѣръ, понедѣльникъ, число 13 и т. п.

Постепенно все-же суевѣрія, подъ вліяніемъ образованія, исчезаютъ. А какъ они были распространены въ давнія времена, можетъ показать слѣдующій примѣръ:

У одного стараго шотландскаго писателя мы находимъ слѣдующій списокъ тяжелыхъ дней:

Въ Январѣ — 4, 5, 10, 12, 15, 19.

Въ Февралѣ — 8, 10, 17.

Въ Мартѣ — 15, 16, 19.

Въ Апрѣлѣ — 15, 21.

Въ Маѣ — 7, 15, 20.

Въ Іюнѣ — 4, 7.

Въ Іюлѣ — 15, 20.

Въ Августѣ — 19, 20.

Въ Сентябрѣ — 6, 7.

Въ Октябрѣ — 6.

Въ Ноябрѣ — 6, 19.

Въ Декабрѣ — 6, 7, 11, 15, 16.

Въ эти дни авторъ совѣтуетъ ничего не предпринимать, предостерегая, что не послушавшійся рискуетъ самыми печальными послѣдствіями, напр., отправившійся путешествовать можетъ вовсе не вернуться домой, умереть, и такъ далѣе.

Табличка шотландскаго писателя удобна только для лѣнтяевъ. Но кто хочетъ работать и кому есть что дѣлать, тому очень не кстати запретъ почти одной десятой части года: ибо тяжелыхъ дней 33, а въ году всего 365 дней.

Прерванное состязаніе.

Во время состязанія въ плаваніи на рѣкѣ Темзѣ, четверо изъ состязавшихся были съ такою отвагой атакованы однимъ лебедемъ, что должны были выйти изъ воды и прекратить состязаніе.

Чья лошадь — послѣдняя?

Обыкновенно бываетъ такъ, что призъ получаетъ тотъ, кто оказывается первымъ. А два наѣздника условились, что призъ достанется тому, чья лошадь придетъ послѣдней къ опредѣленному мѣсту.

Сѣли они на своихъ лошадей и не двигаются съ мѣста, ни одинъ не желаетъ перегонять другого.

Проходилъ человѣкъ, подивился на странную гонку на мѣстѣ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, далъ наѣздникамъ какой-то совѣтъ. Они его послушались, исполнили его совѣтъ и — во весь духъ погнали лошадей.

Отгадайте совѣтъ прохожаго.

Издатель: Рус. Книгоиздат. въ Парижѣ «Сѣверъ». Редакторъ: А. П. Шполянскій (*Донъ-Аминадо*)

Le gérant: HAMBOURG

Imprimerie BIRACHOVSKY 5, rue des Gobelins.— PARIS

PRIX : 3 FRANCS

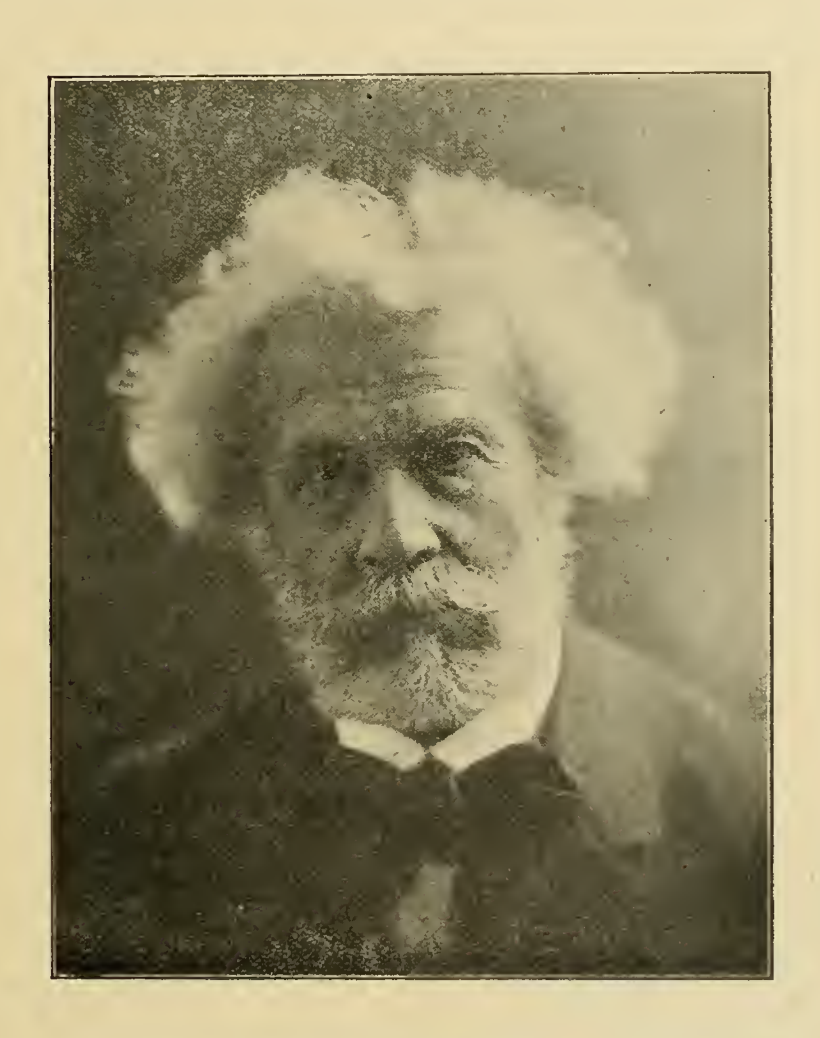

« LA BAGUETTE VERTE »
Revue bi-mensuelle

N° 2

«ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА»

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
№ 2 16—31 Октября, 1920. Годъ изданія первый. № 2
Редакція и контора: 5, rue Joubert, Paris—9-e.
ПАРИЖЪ.

Камиллъ Фламмаріонъ.

Въ получасѣ ѣзды отъ Парижа, въ уединенномъ и тихомъ предмѣстьѣ Жювизи, на горѣ, окруженной старымъ королевскимъ паркомъ стоитъ домъ. Еще издалека виденъ его высокій куполъ, столь непохожій на обычныя городскія кровли. Въ этомъ домѣ живетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего вѣка. Нѣтъ такого нарѣчія на землѣ, на которомъ бы съ любовью и поклоненіемъ не произносилось бы его имя. Ибо, это—имя Камилла Фламаріона.

Его старческіе и уже уставшіе глаза и понынѣ прикованы къ звѣздамъ, въ созерцаніи которыхъ проходитъ его долгая жизнь. И почти всѣмъ, что мы знаемъ о движеніи небесныхъ свѣтилъ, о чудесныхъ тайнахъ небеснато свода, обо всемъ, что составляетъ современную науку астрономіи, мы обязаны величайшему ея творцу, семидесятилѣтнему Фламмаріону.

Редакція «Зеленой Палочки» обратилась къ знаменитому астроному съ просьбой подѣлиться съ нашими читателями нѣкоторыми мыслями, представляющими выводъ и сущность его научной дѣятельности. Вотъ, что онъ сказалъ намъ:

«Большинство людей воображаетъ, что астрономія состоитъ изъ сухихъ формулъ и цифровыхъ таблицъ, указываюшихъ положеніе и перемѣщеніе звѣздъ; они не знаютъ, что это—всеобъемлющая наука о жизни вселенной! Поглощенное грубой борьбой за существованіе человѣчество о тайнѣ и о самомъ смыслѣ своего существованія думаетъ мало.

А между тѣмъ, только человѣческому мозгу, и въ этотъ предназначеніе человѣка на землѣ,—дано разгадать и постигнуть міроздаяіе, этотъ безпрерывный театръ чудесъ, среди которыхъ наша земля только маленькая точка въ міровомъ пространствѣ. Но я вѣрю въ то, что грубая человѣческая жизнь должна неизмѣнно совершенствоваться и что духовное, свѣтлое начало въ человѣкѣ одолѣетъ начало низменное и животное.

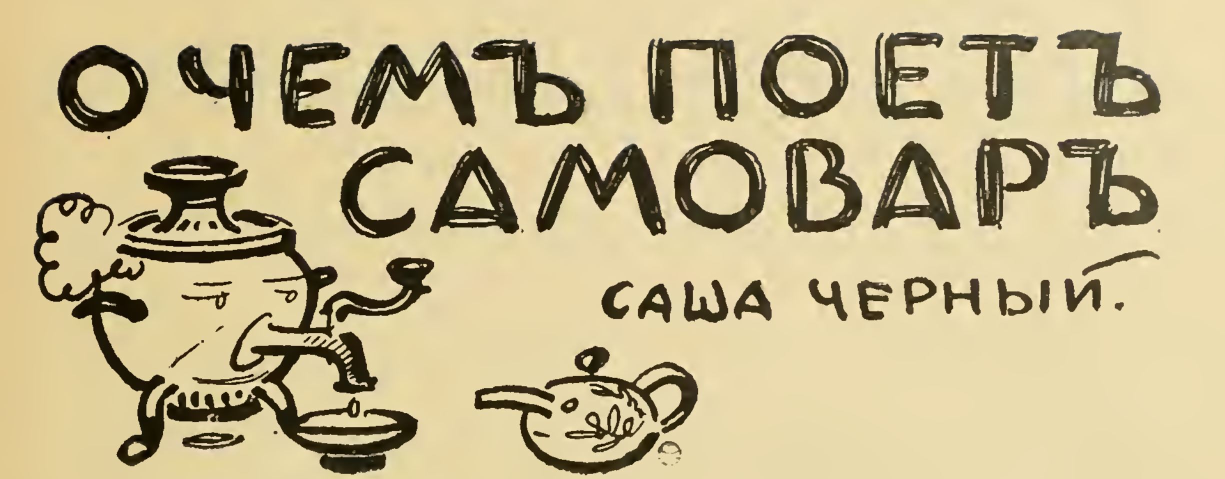
И я вѣрю, что настанетъ-же когда нибудь тотъ день, когда смыслъ падающей звѣзды, или разгадкаа морскихъ отливовъ станутъ для людей неизмѣримо важнѣе, чѣмъ насыщеніе утробы и ожесточенное и кровавое взаимоистребленіе. Девизомъ своей жизни я избралъ древнее латинское изреченіе: «Ad veritatem per scientiam!»—«Къ истинѣ чрезъ познаніе». Какъ привѣтъ мой передайте этотъ девизъ и читателямъ «Зеленой Палочки».

aux lecteurs de la Selënaja Palotchka

Ad veritatem per scientiam

Camille Flammarion

Observatoire de Juvisy
24 octobre 1920

Въ животѣ горячо, въ животѣ бурлитъ...
Держите меня! Сейчасъ убѣгу!
Въ стекла маленькій, сѣренькій дождикъ стучитъ...
И-и-и! У-у-у!
Буръ - Буръ! Окно запотѣло...
Какое мнѣ дѣло?
На улицѣ сырость-слякоть-лужицы... Эхъ!
Напою и согрѣю всѣхъ:
Веселыхъ, суровыхъ,
Больныхъ и здоровыхъ,
Большихъ и крошечныхъ-маленькихъ
И самыхъ сѣденькихъ-старенькихъ, —
Въ кишкахъ теплѣе, —
На свѣтѣ милѣе...
Пафъ!

Гдѣ мальчикъ Васенька? Спитъ-спитъ-спитъ.
Глазки опухли...
Чайникъ простынетъ! Чаинки разбухли...
Пусть скорѣй-поскорѣй прибѣжитъ, —
Сморщитъ кожицу,
Сдѣлаетъ рожицу,
Посмотритъ въ мой мѣдный свирѣпый животъ
И фыркнетъ во весь бѣлозубый свой ротъ...
У печки — за шваброй — въ углу?
Кто дразнится, кто тамъ поетъ на полу, —
Котъ!
Пуфъ! Обормотъ.
Тоже сокровище.
Буль-буль-буль, подойди-ка, чудовище, —
Я-тебя, я-тебя, я-тебя каплей горячею въ носъ!
Что-съ?
Пафъ! Испугался, убрался подъ шкафъ...
Жду-жду... Скучно мнѣ тутъ.
Ии!
Изъ крана крупныя слезы текутъ.
Ии!
Ошалѣлъ отъ угара,
Задохся отъ пара,
Угольки раскалились, шипятъ и звенятъ.
Адъ!
Буръ-буръ-буръ! Я сердитъ, — волнуюсь— бурлю-клокочу.
Унесите меня... Не хочу!
Обливается потомъ камфорка и бокъ,
Паръ свиститъ, паръ пищитъ, какъ пожарный свистокъ!..
Распа-я-юсь! Подлейте во-ды! Не мо-гу!
И-и-и! У-у-у!

Саша Черный.

ДѢТСТВО НИКИТЫ

Повѣсть гр. Алексѣя Н. Толстого.

Солнечное утро.

Никита вздохнулъ, просыпаясь, и открылъ глаза. Сквозь морозные узоры на окнахъ, сквозь чудесно расписанныя серебромъ звѣзды и лапчатыя листья — свѣтило солнце. Свѣтъ въ комнатѣ былъ снѣжно-бѣлый. Съ умывальной чашки скользнулъ зайчикъ и дрожалъ на стѣнѣ.

Открывъ глаза, Никита вспомнилъ, что вчера вечеромъ плотникъ Артемій сказалъ ему:

— Вотъ я ее смажу да полью хорошенько а ты утромъ встанешь, — садись и поѣзжай.

Вчера къ вечеру Артемій, кривой и рябой мужикъ, страшный, но добрый, смастерилъ Никитѣ по особенной его просьбѣ скамейку. Дѣлалась она такъ.

Въ каретникѣ, на верстакѣ, среди кольцомъ закрученныхъ, пахучихъ стружекъ, Артемій выстругалъ двѣ доски и четыре ножки; нижняя доска, длиной въ двѣнадцать вершковъ, шириной въ пять вершковъ, была толстая и съ передняго края, съ носа, — срѣзанная, чтобы не заѣдалась въ снѣгъ; ножки — точеныя; вехрняя доска — съ двумя вырѣзами сбоковъ, чтобы ловчѣе сидѣть. Нижняя доска обмазывалась навозомъ и три раза поливалась водой на морозѣ, послѣ этого она дѣлалась, какъ зеркало; къ верхней доскѣ привязывалась веревочка —возить скамейку, а когда ѣдешь съ горы — то держаться.

Сейчасъ скамейка, конечно, уже готова и стоитъ у крыльца, какъ было обѣщано,—Артемій такой человѣкъ: "Если, говоритъ, я что сказалъ, — законъ, сдѣлаю".

Никита сѣлъ на кровати и прислушался. — въ домѣ было тихо, никто еще, должно быть, не вставалъ. Если одѣться въ минуту, безо всякаго, конечно, мытья и чищенья зубовъ, — то черезъ черный ходъ можно удрать на дворъ потихоньку. А со двора — на рѣчку, тамъ на крутыхъ берегахъ намело бѣлые, какъ пухъ, сугробы.

Никита вылѣзъ изъ кровати и на цыпочкахъ прошелся по шести горячимъ, солнечнымъ квадратамъ на полу. Потомъ, натянулъ чулки, штаны, но въ это время дверь пріотворилась, и въ комнату просунулась голова въ очкахъ, съ торчащими рыжими бровями, съ ярко-рыжей бородкой. Голова подмигнула и сказала:

— Встаешь, разбойникъ?

Аркадій Ивановичъ.

Человѣкъ съ рыжей бородкой, никитинъ учитель, Аркадій Ивановичъ, все пронюхалъ еще съ вечера и поэтому нарочно всталъ пораньше. Удивительно расторопный и хитрый былъ человѣкъ, этотъ Аркадій Ивановичъ. Онъ вошелъ къ Никиткѣ въ комнату, посмѣиваясь, остановился у окна, подышалъ на стекло и, когда оно стало прозрачное, — поправилъ очки и поглядѣлъ на дворъ.

— У крыльца стоитъ, — сказалъ онъ, — замѣчательная скамейка.

Никита промолчалъ и насупился. Пришлось одѣться, и вычистить зубы, и вымыть не только лицо, но и уши и, даже

шею. Послѣ этого Аркадій Ивановичъ обнялъ Никиту за плечи и повелъ въ столовую. У стола за самоваромъ сидѣла матушка, въ сѣромъ и тепломъ платьѣ. Она взяла Никиту за лицо, ясными, свѣтлыми глазами взглянула въ глаза его и поцѣловала.

— Ты хорошо спалъ, Никита? — спросила она.

— Не помню, мамочка.

Матушка протянула руку Аркадію Ивановичу и спросила:

— А вы какъ спали, Аркадій Ивановичъ?

— Спать то я спалъ хорошо, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь непонятно чему въ рыжіе усы, налилъ сливокъ въ чай, бросилъ въ ротъ кусочекъ сахару, схватилъ его бѣлыми зубами и подмигнулъ Никитѣ черезъ очки.

Аркадій Ивановичъ былъ невыносимый человѣкъ: всегда веселился, всегда подмигивалъ, говорилъ никогда не прямо, а такъ, что сердце екало: напримѣръ, кажется, ясно спросила мама: "какъ вы спали?" — Онъ отвѣтилъ: "спать то я спалъ хорошо", — значитъ, нужно понимать: — "а вотъ Никита приноровился на рѣчку удрать до чая и занятій, а вотъ Никита вчера вмѣсто нѣмецкаго перевода просидѣлъ два часа на верстакѣ у Артемія". — Аркадій Ивановичъ не жаловался никогда, это правда, но за то Никитѣ все время приходилось держать ухо востро.

За чаемъ матушка сказала, что ночью былъ большой морозъ, въ сѣняхъ замерзла вода въ кадкѣ, и, когда пойдутъ гулять, то Никитѣ нужно надѣть башлыкъ.

— Мама, честное слово, мнѣ не будетъ холодно, — съ отчаяніемъ сказалъ Никита.

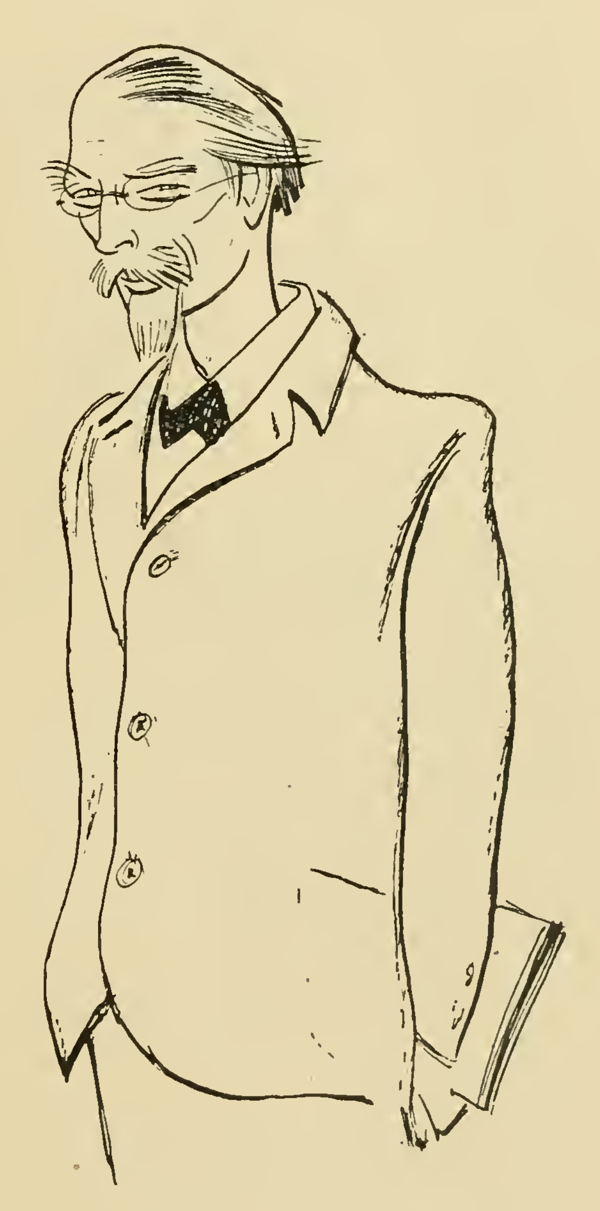
— Прошу тебя надѣть башлыкъ.

— Щеки колетъ и душитъ, я, мама, хуже простужусь въ башлыкѣ.

Матушка поставила чашку, молча взглянула на Аркадія Ивановича, на Никиту, даже голосъ у нея дрогнулъ:

— Я не знаю, въ кого ты растешь неслухомъ.

— Идемъ заниматься, — сказалъ Ар-

Учитель Аркадій Ивановичъ

кадій Ивановичъ, всталъ рѣшительно и быстро потеръ руки, будто на свѣтѣ не было большаго удовольствія, какъ рѣшать арифметическія задачи и диктовать пословицы и поговорки, отъ которыхъ глаза слипаются.

Въ большой, пустой и бѣлой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣла карта двухъ полушарій, Никита сѣлъ за столъ, весь въ чернильныхъ пятнахъ, и нарисованныхъ рожицахъ, и раскрылъ задачникъ...

"Купецъ продалъ нѣсколько аршинъ синяго сукна по 3 рубля 64 копейки за аршинъ и чернаго сукна"..., — прочелъ Никита. И сейчасъ же, какъ и всегда, представился ему этотъ купецъ изъ задачниковъ. Онъ былъ въ длинномъ пыльномъ сюртукѣ, съ желтымъ, унылымъ лицомъ, весь скучный и плоскій, точно его расплющили между листьями книжки. Лавочка его была темная, какъ щель, на плоской полкѣ лежали два куска сукна, купецъ протягивалъ къ нимъ худыя руки, снималъ ихъ съ полки и глядѣлъ оловянными, неживыми глазами на Никиту. Хоть бы воды ему дать, напиться.

— Ну, что же ты думаешь, Никита? — спрашивалъ Аркадій Ивановичъ. — Всего купецъ продалъ 18 аршинъ. Сколько было продано синяго сукна, и сколько чернаго?

Никита сморщился, купецъ совсѣмъ расплющился, оба куска сукна вошли въ стѣнку, задернулись пылью...

Аркадій Ивановичъ сказалъ: "ай, ай!" — и началъ объяснять, быстро писалъ карандашемъ цифры, помножалъ ихъ, дѣлилъ, повторяя:

— Одна въ умѣ, два въ умѣ.

Никитѣ казалось, что во время умноженія, одна въ умѣ, или два въ умѣ, быстро прыгала съ бумаги въ голову и тамъ щекотала, чтобы ее не забыли. Это было очень непріятно. А солнце искрилось въ двухъ морозныхъ окошкахъ классной, выманивало: "Пойдемъ на рѣчку".

Съ арифметикой было покончено, начался диктантъ. Аркадій Ивановичъ заходилъ вдоль стѣны и особымъ, соннымъ голосомъ, какимъ никогда не говорятъ люди, началъ диктовать:

— Всѣ животныя, какія есть на землѣ, постоянно трудятся, работаютъ. Ученикъ былъ послушенъ и прилеженъ...

Высунувъ кончикъ языка, Никита писалъ, перо скрипѣло и брызгало.

Вдругъ, въ домѣ хлопнула дверь и послышалось, какъ по корридору идутъ въ мерзлыхъ валенкахъ. Аркадій Ивановичъ опустилъ книжку, прислушиваясь. Радостный голосъ матушки воскликнулъ неподалеку:

— Что, почту привезли?

Никита совсѣмъ опустилъ голову въ тетрадку, — такъ и подмывало засмѣяться.

— Послушенъ и прилеженъ, — повторилъ онъ нараспѣвъ, — прилеженъ, я написалъ.

Аркадій Ивановичъ поправилъ очки:

— И такъ, "всѣ животныя, какія есть на землѣ, послушны и прилежны"... Чего ты смѣешься?.. Кляксу посадилъ? Впрочемъ, мы сейчасъ сдѣлаемъ получасовой перерывъ.

Аркадій Ивановичъ, поджавъ губы, погрозилъ длиннымъ, какъ карандашъ, пальцемъ и быстро вышелъ изъ классной. Въ корридорѣ онъ спросилъ у матушки:

— Александра Леонтьевна, а что — письмеца мнѣ нѣтъ?

Никита догадывался, отъ кого онъ ждетъ письмецо. Но терять времени было нельзя. Никита надѣлъ короткій полушубокъ, валенки, шапку, засунулъ башлыкъ подъ комодъ къ самой стѣнкѣ, чтобы не нашли, и выбѣжалъ на крыльцо.

...купецъ протягивалъ къ нимъ худыя руки, снималъ ихъ съ полки и глядѣлъ оловянными, неживыми глазами на Никиту.

Сугробы.

Широкій дворъ весь былъ покрытъ сіяющимъ, бѣлымъ, мягкимъ снѣгомъ. Синѣли на немъ широкіе человѣчьи и частые собачьи слѣды. Воздухъ, морозный и тонкій, защипалъ въ носу, иголочками укололъ щеки. Каретникъ, сараи, скотные дворы стояли приземистые, покрытые бѣлыми шапками, вросли въ снѣгъ. Какъ стеклянные, бѣжали слѣды полозьевъ отъ дома черезъ весь дворъ.

Никита сбѣжалъ съ крыльца по хрустальнымъ ступенямъ. Внизу стояла новенькая, сосновая скамейка съ мочальной, витой веревкой. Никита осмотрѣлъ — сдѣлана прочно, попробовалъ, — скользитъ хорошо. Онъ взвалилъ скамейку на плечо, захватилъ лопатку, думая, что понадобится, и побѣжалъ по дорогѣ, вдоль сада, къ плотинѣ. Тамъ стояли огромныя, чуть не до неба, широкія ветлы, покрытыя инеемъ, —каждая вѣточка была точно изъ снѣга.

Никита повернулъ направо къ рѣчкѣ и старался идти по дорогѣ, по чужимъ слѣдамъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ нетронутый, чистый, — Никита шелъ назадъ пятками, чтобы отвести глаза Аркадію Ивановичу.

На крутыхъ берегахъ рѣки Чагры намело за эти дни большіе сугробы. Въ иныхъ мѣстахъ они свѣшивались мысами надъ рѣчкой. Только стань на такой мысъ, и онъ ухнетъ, сядетъ, и гора снѣга покатится внизъ въ облакѣ бѣлой пыли.

Направо рѣчка вилась синеватой тѣнью, между бѣлыхъ и пустынныхъ полей. Налѣво надъ самой кручей чернѣли избы, торчали журавли деревни Сосновки. Синіе. высокіе дымки поднимались надъ крышами и таяли. На снѣжномъ обрывѣ,гдѣ желтѣли пятна и полосы отъ золы, которую сегодня утромъ выгребли изъ печекъ, — двигались маленькія фигурки. Это были никитины пріятели — мальчишки съ нашего конца деревни. А дальше, гдѣ рѣка загибалась, едва виднѣлись другіе мальчишки, — кончанскіе, очень опасные.

Никита бросилъ лопату, опустилъ скамейку на снѣгъ, сѣлъ на нее верхомъ, крѣпко взялся за веревку, оттолкнулся ногами раза два,и скамейка сама пошла съ горы внизъ. Пошла все быстрѣе, быстрѣе, вѣтеръ засвисталъ въ ушахъ, поднялась съ двухъ сторонъ снѣжная пыль, захватило дыханіе. Внизъ, все внизъ, — какъ стрѣла.И, вдругъ. тамъ, гдѣ снѣгъ обрывался надъ кручей,—скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на ледъ. Пошла тише, тише, и стала.

Никита засмѣялся, слѣзъ со скамейки и потащилъ ее въ гору, увязая по колѣно. Скатился онъ еще три раза, но, когда въ четвертый разъ взобрался на берегъ, то вдалекѣ на полѣ увидѣлъ черную какъ жердь, фигуру Аркадія Ивановича . Никита схватилъ лопату, бросился на скамейку, слетѣлъ внизъ, перевернулся, упалъ, съ головой засыпался снѣгомъ и, выбравшись, отряхувшись, побѣжалъ по льду вдоль берега къ тому мѣсту, гдѣ сугробы нависали мысомъ надъ рѣчкой.

Взобравшись подъ самый мысъ, Никита началъ копать пещеру. Работа была легкая, пустяковая, — снѣгъ такъ и рѣзался лопатой.

Вырывъ пещерку, Никита влѣзъ въ нее, втащилъ скамейку и изнутри сталъ закладываться комьями. Когда стѣнка была заложена, въ пещеркѣ разлился зеленовато-голубой полумракъ, было уютно и пріятно.

Никита сидѣлъ и думалъ, что скамейка съ этого дня называется “Вевитъ”.Ни у кого изъ мальчиковъ нѣтъ такой скамейки. Завтра надо пойти на деревню хвалиться.

Г.

...опустилъ скамейку на снѣгъ, сѣлъ на нее верхомъ, крѣпко взялся за веревку оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла съ горы внизъ. Пошла все быстрѣе, быстрѣе, вѣтеръ засвисталъ въ ушахъ, поднялась съ двухъ сторонъ снѣжная пыль, захватило дыханіе.

Никита вынулъ перочинный ножикъ и сталъ вырѣзывать на верхней доскѣ скамейки имя ея — "Вевитъ".

— Никита, ты куда провалился? — услышалъ онъ голосъ Аркадія Ивановича.

Никита сунулъ ножикъ въ карманъ и посмотрѣлъ въ щель между комьями. Внизу, на льду стоялъ Аркадій Ивановичъ, задравъ голову.

— Гдѣ ты, разбойникъ?

Аркадій Ивановичъ поправилъ очки и полѣзъ къ пещеркѣ, но сейчасъ же увязъ по поясъ.

— Вылѣзай сію минуту, разбойникъ!

Никита молчалъ. Аркадій Ивановичъ потоптался, попробовалъ было лѣзть выше, но опять увязъ, сунулъ руки въ карманы и сказалъ:

— Не хочешь, не надо. Оставайся. Дѣло въ томъ, что мама получила письмо. Пишутъ изъ Самары..Впрочемъ, прощай, я ухожу...

— Какое письмо? — спросилъ Никита.

—Ага! значитъ, ты все-таки здѣсь.

— Скажите, отъ кого письмо?

— Письмо на счетъ пріѣзда кое-кого на праздники.

Сверху сейчасъ же полетѣли комья снѣга. Изъ пещерки высунулась голова Никиты. Аркадій Ивановичъ весело засмѣялся.

Таинственное письмо.

За обѣдомъ матушка прочла, наконецъ, это письмо. Оно было отъ отца:

— Милая Саша, я купилъ то, что мы съ тобой рѣшили подарить одному мальчику, который, по моему, врядъ ли заслуживаетъ того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили. — (При этихъ словахъ Аркадій Ивановичъ страшно началъ подмигивать). — Вещь эта — довольно большая, поэтому пришли за ней нарочную подводу. А вотъ и еще новость, — на праздники къ намъ собирается Марья Аполлосовна Бабкина съ дѣтьми...

— Дальше не интересно, — сказала матушка, и на всѣ вопросы Никиты только закрывала глаза и качала головой:

— Ничего не знаю.

Аркадій Ивановичъ тоже молчалъ, разводилъ руками:

— Ничего не знаю.

Да и вообще, весь этотъ день Аркадій Ивановичъ былъ чрезмѣрно веселъ, отвѣчалъ невпопадъ, и нѣтъ-нѣтъ да и вытаскивалъ изъ кармана какое то письмецо, прочитывалъ строчки двѣ и морщилъ губы. Очевидно, и у него была своя тайна.

Въ сумерки Никита побѣжалъ черезъ дворъ къ людской, откуда на лиловый снѣгъ падалъ свѣтъ изъ двухъ замерзшихъ окошекъ. Въ людской ужинали.

Никита свистнулъ три раза. Черезъ минуту появился его главный пріятель, Мишка Коряшенокъ, безъ шапки, въ накинутомъ полушубкѣ.

Здѣсь же, за угломъ людской, Никита шепотомъ разсказалъ ему про письмо и спрашивалъ, какую такую вещь должны привезти изъ города.

Миша Коряшенокъ, постукивая зубами отъ холода, сказалъ:

— Непремѣнно, пушку, али еще чего нибудь привезутъ, лопни мои глаза. Я побѣгу, холодно. Слушай-ка, завтра на деревнѣ, кончанскихъ ребятъ бить хотимъ. Пойдешь, а?

— Ладно.

Никита вернулся домой и сѣлъ читать "Всадника безъ головы". За круглымъ столомъ подъ большою лампой сидѣли съ книгами матушка и Аркадій Ивановичъ. За большою печью, — тръ-тръ, тръ-тръ, — пилилъ деревяшечку сверчокъ. Потрескивала гдѣ то зъ сосѣдней, темной комнатѣ половица.

Всадникъ безъ головы мчался по темной степи; хлестала высокая трава, всходилъ красный мѣсяцъ надъ озеромъ. Никита почувствовалъ, какъ волосы у него шевелятся на затылкѣ. Онъ осторожно обернулся, — за черными окнами пронеслась какая то сѣроватая тѣнь. Честное слово, онъ ее видѣлъ. Матушка сказала, поднявъ голову отъ книги:

— Вѣтеръ поднялся къ ночи, будетъ буранъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

ЛѢТОМЪ

Хорошо намъ лѣтомъ жить,
Утромъ слышать птичьи свисты,
Жить да жить и не тужить,
Въ лѣсъ тѣнистый уходить,
Спать подъ шелестъ многолистый.

Травы мягкія растутъ,
Посмотри, какъ гусеницы
Цѣлымъ тѣльцемъ вверхъ ползутъ,
Терпѣливо ждутъ и ждутъ,
Чтобы бабочками взвиться.

Ткутъ воздушно паучки
Паутинки тонкой нити.
Тише, тише, башмачки!
Осторожнѣй, каблучки. —
Муравья не раздавите.

Муравьевъ не легокъ трудъ:
Цѣлый день, не отдыхая,
Тамъ и тутъ, и тамъ и тутъ,
Все ползутъ, ползутъ, ползутъ,
А куда ползутъ, не знаю.

Амари.

Рис. Сергѣя Судейкина

Фея куколъ расцвѣла,
Словно цвѣтъ жасмина.
Фея куколъ позвала
Въ гости арлекина.

Плыли звуки клавикордъ
Ласковою сагой,
Арлекинъ былъ очень гордъ
Деревянной шпагой.

Фея вдругъ къ его ногамъ
Бросила лилею,
Арлекинъ влюбился самъ
Въ кукольную фею.

Каждый тайно пламенѣлъ
Въ краткій часъ свиданья,
Но никто изъ нихъ не смѣлъ
Вымолвить признанья.

Арлекинъ унесъ въ груди
Грусть съ нѣмой отвагой,
Закололся на пути
Деревянной шпагой.

Разсказали мотыльки
Участь арлекина,
Въ сердцѣ феи отъ тоски
Лопнула пружина.

И лежатъ они вдвоемъ,
Арлекинъ и фея,
И цвѣтетъ надъ ихъ холмомъ
Бѣлая лилея.

Вѣтеръ спѣлъ надъ гробомъ рѣчь,
И надъ арлекиномъ
Деревянный воткнутъ мечъ
Весь обвитъ жасминомъ.

Сергѣй Кречетовъ.

Соловей.

Сказка Андерсена.

Рис. Ре-Ми.

I.

Великъ Китайскій Богдыханъ.
О чудесахъ его столицы
Слагаютъ быль и небылицы
Поэты чужеземныхъ странъ.

Куда ни глянь — ласкаютъ взоры
Благоуханные сады,
Дворцы изъ чистаго фарфора,
Моленнъ вычурныхъ узоры,
И заповѣдные пруды.
У голубого - жъ водопада,
Въ тѣни поникнувшихъ вѣтвей,
Таится лучшая услада
Благоухающаго сада, —
Живетъ волшебникъ соловей.

Лишь ночь грядетъ, пѣвецъ прилежный
Хвалу возноситъ небесамъ,
И переливы трели нѣжной
Врачуютъ сердца стонъ мятежный
Какъ чудодѣйственный бальзамъ.
Несутъ чарующіе звуки
И богачамъ, и бѣдняку
Отраду въ часъ сердечной муки,
Забвенье горестной разлуки,
И гонятъ мрачную тоску.

***

Всѣ поэтессы и поэты
Въ честь несравненнаго пѣвца
Слагали нѣжные сонеты,
И слухъ о немъ, пойдя по свѣту,
Дошелъ случайно до дворца.
Но дворъ былъ чуждъ слащавыхъ бредней, —
Поэтъ, пѣвецъ ли — все равно —
Не шли здѣсь далѣе передней;
Такъ богдыханъ узналъ послѣдній
О томъ, что знали всѣ давно.
Узналъ... и половину свиты
Отдалъ немедленно подъ судъ,
А остальныхъ велѣлъ сердито
Пѣвца — не ѣдено, не пито —
Искать, доколѣ не найдутъ.

Приказъ былъ отданъ очень строго,
Коль не найти — не быть добру!
Вельможи, поворчавъ немного,
Уныло двинулись въ дорогу
Звать проходимца ко двору.
Искать легко — найти труднѣе.
Напрасно весь придворный штатъ,
Туфлей и платья не жалѣя,
Бродилъ въ потьмахъ по всѣмъ аллеямъ,
Наполнивъ шумомъ старый садъ.
Не чуя ногъ отъ утомленья,
Гофмейстеръ, старый Ли - Хунъ - Вей,
Заслышалъ нѣчто въ родѣ пѣнья,
И, самъ не свой отъ умиленья,
Рѣшилъ, что это — соловей.
"Вотъ голосокъ, молъ, у пичужки:
Ни дать, ни взять — віолончель".
Но... оказалось — то лягушки
Кричали въ илистой рѣчушкѣ,
Пугая сонную форель.
Кляня лихую неудачу,
Плуталъ бѣдняга битый часъ
По всѣмъ тропинкамъ на удачу,
Пока, отъ счастья чуть не плача,
Услышалъ мощный трубный гласъ.

Не чуя ногъ отъ утомленья,
Гофмейстеръ, старый Ли-Хунъ-Вей,
Заслышавъ нѣчто въ родѣ пѣнья
И, самъ не свой отъ умиленья,
Рѣшилъ, что это — соловей.

Не говоря плохого слова,
Была октава глубока.
Но... Ли-Хунъ-Вей ошибся снова, —
На этотъ разъ въ лѣсу корова
Звала заблудшаго бычка.

Къ утру бѣдняги мандарины,
Страшась монаршаго суда,
Уже почесывали спины...
Какъ вдругъ... чуть слышно соловьиный
Раздался рокотъ у пруда....
Боясь спугнуть пѣвца, вельможи
Въ густыхъ побѣгахъ камыша
Легли на мокромъ, вязкомъ ложѣ
И, глупыя состроивъ рожи,
Внимали пѣснѣ чуть дыша.

Звучала пѣснь... Въ тоскѣ неясной
Рыдалъ пѣвецъ въ тиши ночной,
Слагая гимнъ благой и страстный
О жизни сказочно - прекрасной,
И ужъ, конечно, неземной...

Забывъ про стыдъ и гоноръ ложный,
Смахнулъ гофмейстеръ кулакомъ,
Слезу съ щеки своей вельможной
И осторожно — осторожно,
Пропѣлъ писклнвымъ теноркомъ:

"Пѣвецъ пѣвцовъ! Имѣйте жалость,
Явитесь завтра во дворецъ
И спойте богдыхану малость,
Чтобъ... мнѣ плетями не досталось
По пяткамъ на плохой конецъ".
Представьте радость всѣхъ придворныхъ, —
Соловушка безъ лишнихъ фразъ
И разныхъ фокусовъ притворныхъ
Сказалъ, что онъ слуга покорный
И будетъ завтра, ровно въ часъ.

Чуть свѣтъ въ парадномъ залѣ слуги
Воздвигли золоченый шестъ,
И ко дворцу со всей округи
Сбѣгалась публика, въ испугѣ,
Что не для всѣхъ достанетъ мѣстъ.

Четыре гренадерскихъ взвода
И взводъ дворцовыхъ егерей
Толпу несмѣтную народа
Съ трудомъ оттерли отъ дверей.

Къ полудню званые вельможи
И дипломаты разныхъ странъ
Собрались чинно и пригоже ;
А у шеста, въ особой ложѣ,
Сидѣлъ и ждалъ самъ богдыханъ.

Гофмейстеръ, въ страхѣ и тревогѣ,
Взглянуть не смѣя на часы,
Стоялъ со свитой на порогѣ:
У всѣхъ давно дрожали ноги
И стали красными носы.

Но вотъ... въ раскрытое окошко,
Минуя грозный караулъ,
Влетѣлъ — невзрачный, сѣрый крошка
И сѣлъ, сконфуженно немножко,
Въ сторонкѣ на свободный стулъ.

Всѣ даже ахнули невольно...
"Скажи на милость — в о р о б е й !
Такихъ п ѣ в ц о в ъ вездѣ довольно!
И кто-то молвилъ недовольно:
"Ну, пой красавецъ! Не робѣй!"
И онъ запѣлъ, борясь съ смущеньемъ
Какъ юный, робкій минестрель,
И разомъ странное волненье
Во всѣхъ сердцахъ безъ исключенья
Родила трепетная трель

Самъ богдыханъ во власти грезы,
Съ улыбкой счастья на устахъ,
Забылъ про этикетъ и позы,
И весь народъ впервые слезы
Увидѣлъ на его глазахъ.

Будила пѣснь огонь отвѣтный
Въ его дряхлѣющей крови,
И жажду юной, беззавѣтной,
Всепобѣждающей любви...

А самъ пѣвецъ, съ чуть слышнымъ стономъ
Головку жалобно склонилъ
Въ мольбѣ безмолвной передъ трономъ,
Онъ слышалъ, какъ слуга со звономъ
Окно завѣтное закрылъ...

*
**

Замолкла пѣснь, но все собранье,
Во власти сказочной мечты,
Хранило полное молчанье ;
Никто не смѣлъ въ рукоплесканьи
Сомкнуть дрожащіе персты.
А самъ пѣвецъ, съ чуть слышнымъ
стономъ,
Головку жалобно склонилъ
Въ мольбѣ безмолвной передъ трономъ:
Онъ слышалъ, какъ слуга со звономъ
О к н о завѣтное закрылъ...

**
*

Толпа завистниковъ презрѣнныхъ
Нашла, что новый фаворитъ,
При всѣхъ достоинствахъ отмѣнныхъ,
Въ моментъ оваціи несомнѣнно
Имѣлъ довольно жалкій видъ.

Еще бы! Онъ хотѣлъ свободы!
Онъ жаждалъ снова испытать
Дыханье нѣжное природы
И голубого неба своды
И звѣздъ сіянье созерцать.
Отнынѣ въ немъ была убита
Слѣпая вѣра въ родъ людской,
И тщетно ревностная свита
Развлечь старалась фаворита
Увеселеній чередой.
Гофмейстеръ, не щадя монетъ,
Устроилъ сто одинъ парадъ
И, по монаршему декрету,
Приставилъ къ бѣдному поэту
Особый многолюдный штатъ:
Двѣнадцать толстыхъ камергеровъ,
Двѣнадцать юношей пажей
И, въ видѣ полицейской мѣры,
Конвой внушительныхъ размѣровъ
Изъ двухъ десятковъ сторожей...

Двѣнадцать толстыхъ камерг ровъ.
Двѣн дцать юношей па кей.

Понятно, что почетъ и
слава
Причиной стали горь-
кихъ слезъ.—
Пѣвцу куда милѣе, пра-
во,
Была родимая дубрава
И ароматъ прекрасныхъ
розъ.

Скучалъ бѣдняга въ
пышномъ залѣ
И рвался въ садъ
свой тихій прочь,—
Да только—не было
печали,—
Его на ленточкѣ
держали
И день, и ночь...

Всѣ перья были изъ эмали,
На хохолкѣ сверкалъ алмазъ;

II.

Сынъ Неба свято чтилъ обряды
И — иностранные дворы ;
За миролюбіе въ награду
Старинный другъ его, Микадо,
Частенько слалъ ему дары.
Узнавъ о новомъ увлеченьи,
Микадо въ двадцати томахъ
Велѣлъ воспѣть красоты пѣнья
И преподнесъ ко дню рожденья
Сосѣду трудъ: "О соловьяхъ".

Понятно было недовольство,
Когда весною во дворецъ
(По нраву, видно, хлѣбосольство!)
Явилось новое посольство

И привезло большой ларецъ.
Рѣшивъ, что въ ящикѣ, навѣрно,
Опять немало скучныхъ книгъ,

Сынъ Неба выругался скверно,
Но былъ обрадованъ безмѣрно,
Узрѣвъ — соловушки двойникъ!
Всѣ перья были изъ эмали,
На хохолкѣ сверкалъ алмазъ ;
Лишь носикъ скованъ былъ изъ
стали,
Зато надъ нимъ свѣтло сіяли
Два изумруда вмѣсто глазъ.
Въ посылкѣ было и посланье:
Микадо сокрушался въ немъ,
Что, несмотря на все старанье,
Модель — плохое подражанье
Въ сравненьи съ чудо - соловьемъ.

Какой же даръ могъ быть дороже?
Восторгамъ не было конца.
Красавецъ пѣлъ одно и то же,
Но очень мило и похоже.
На настоящаго пѣвца.

Полюбоваться на новинку
Сбѣжался въ залу старъ и младъ ;
Всякъ вторилъ пѣснѣ подъ сурдинку,
И мандаринъ завелъ пружинку
Пожалуй сорокъ разъ подъ рядъ.
Всѣ были въ дикомъ восхищеньи.
Обидно было лишь одно, —
Соловушка послушалъ пѣнье
И, не спросивши позволенья,
Порхнулъ въ раскрытое окно...
Чудакъ нарушилъ всѣ законы.
Самъ Богдыханъ на весь Китай
Бранилъ его съ вершины трона;
Зато искусство граммофона
Хвалили прямо черезъ край.
Поэты прозой и стихами
Воспѣли пѣсни красоту,
Иначе вѣдь, судите сами,
Могли назвать ихъ дураками
И даже вздуть по животу.
Особенно хвалилъ артиста
Смотритель главнаго дворца;
Хвала его была рѣчиста
И вскорѣ званіемъ солиста
Почтили рѣдкаго пѣвца.

**
*

Годъ цѣлый длилось развлеченье,
Пока не грянула бѣда:
Разъ вмѣсто сладостнаго пѣнья
Раздалось жалкое шипѣнье,
А пѣсня — смолкла навсегда.

Два дня свѣтила медицины,
Повздоривъ межъ собой слегка,
Напрасно порціями хины
Пытались вылечить пружины...
Пришлось позвать часовщика.

Тотъ долго бился надъ загадкой,
Когда жъ напалъ на вѣрный путь,
Сынъ Неба, бѣдный, лишь съ оглядкой
Могъ восхищаться пѣсней сладкой—
Всего разъ въ годъ, и то чуть-чуть.
Но капельмейстеръ въ утѣшенье
Сказалъ напыщенную рѣчь:
"Чѣмъ рѣже—больше наслажденья!"
Никто не выразилъ сомнѣнья,
И птицу начали беречь.

*
**

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года
Безъ смутъ, волненій и тревогъ.
Но тутъ властителя народа
Постигла тяжкая невзгода, —
Онъ безнадежно занемогъ.
Врачи оставили надежды,
И вотъ одинъ, совсѣмъ одинъ,
Закутанъ въ пышныя одежды,
Лежалъ, сомкнувъ устало вѣжды,
Забытый всѣми властелинъ.
Тогда предъ взорами больного
Въ щемящей душу полу-мглѣ
Предстали призраки былого, —
Все то, что онъ совершилъ дурного,
За время царства на землѣ...
Кружились призраки печали
Въ безсильной скорби и тоскѣ.
Они задумчиво кивали,
А на парчевомъ одѣялѣ
Сидѣла Смерть съ косой въ рукѣ.
Тутъ ужасъ объялъ богдыхана, —
На помощь сталъ онъ тщетно звать:
"Сюда придворные шаманы!
Пусть бьютъ въ большіе барабаны!
Мнѣ страшно! Страшно умирать!"
Никто не шелъ на зовъ напрасный, —
Ушли лѣнивые рабы,
Лишь соловей — солистъ безгласный —
Вперилъ въ больного взоръ безстрастный,
Какъ будто слушая мольбы...
И вдругъ... ликующее пѣнье
Спугнуло сонмище тѣней.
Могучій голосъ вдохновенья
Звучалъ какъ гимнъ освобожденья —
То пѣлъ изгнанникъ соловей.
Онъ пѣлъ о дѣтской колыбели,
О милосердіи Творца,

— Ахъ, здравствуйте! — воскликнулъ государь

Онъ пѣлъ, и призраки блѣднѣли
И Смерть у царственной постели
Забылась, слушая пѣвца.
Затихло все. Внимая пѣнью,
Больной забылся сладкимъ сномъ,
А Смерть въ тревогѣ и смятеньи
Въ окно скользнула легкой тѣнью
И скрылась въ сумракѣ ночномъ.

На утро ревностные слуги,
Сенатъ и Дворъ, и всяческая тварь
Пришли почтить усопшаго заслуги
И жертвы на отечества алтарь.
Они вошли.., и замерли въ испугѣ:
Румянъ и свѣжъ, какъ солнышко на югѣ,
"Ахъ, здравствуйте!.." воскликнулъ государь.

Эм. Ганзенъ.

РУССКІЕ

Академикъ Иванъ Алексѣевичъ БУНИНЪ.

Къ 50-ти лѣтію со дня рожденія.
(Родился 23 октября 1870 г.).

Ив. Бунинъ

ПИСАТЕЛИ

Александръ Ивановичъ КУПРИНЪ.

Къ 50-лѣтію со дня рожденія.
(Родился 8 сентября 1870 г.).

А. Купринъ

„САРАНА́“

Очеркъ Мих. Первухина.

I.

Неизгладимыми чертами въ мою память врѣзался одинъ эпизодъ далекихъ дней моего дѣтства. Это было первое практическое знакомство съ саранчею.

Тогда я, крошечный реалистикъ, ученикъ не то перваго, не то второго класса, попалъ на лѣто, въ вакаціонное время, на житье въ большой и богатый хуторъ одной изъ южныхъ приволжскихъ губерній. Трудовое крестьянское населеніе ожидало богатѣйшаго урожая: зеленѣли поля, цвѣли сады, во время перепадали дожди, все шло какъ нельзя больше благополучно.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ хутора, въ неглубокомъ оврагѣ съ пологими берегами — приталась маленькая, но на диво тѣнистая рощица, а въ ней — пасѣка стараго хромоногаго казака, «дѣда Кирюхи», къ которому я повадился бѣгать чуть не каждый день, и по особымъ причинамъ: Кирюха въ молодости былъ строевымъ казакомъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ, побывалъ въ плѣну у бухарцевъ, былъ рабомъ какого то туркменскаго «султана», перетерпѣлъ муку мученскую, дважды пытался бѣжать и былъ изловленъ. Потомъ, когда Кирюха охромѣлъ,— какіе то сердобольные люди выкупили его и онъ вернулся на родину. Естествено, что у него было о чемъ поразсказать, а я положительно упивался его повѣствованіями о пережитомъ въ плѣну, въ зломъ рабствѣ. Кромѣ того, Кирюха былъ искусснымъ пчеловодомъ практикомъ, не менѣе искуснымъ садоводомъ и огородникомъ, и для меня, выроснаго въ условіяхъ городской жизни, — представлялся неоспоримымъ авторитетомъ чуть ли не по всѣмъ вопросамъ естественной исторіи. Съ однимъ я тогда никакъ не могъ примириться: Кирюха упорно отказывался повѣрить въ то, что земля представляетъ собою почти совершенно правильной формы шаръ. Внимательно онъ выслушивалъ всѣ мои доводы въ пользу шарообразности земли, а потомъ упрямо встряхивалъ сѣдою гривою; и говорилъ:

Нэ можэ того буты! Брешуть!

Но наше расхожденіе по данному пункту не мѣшало тому, что между нами зародилась своего рода дружба, и Кирюха, человѣкъ словоохотливый, видѣлъ во мнѣ желаннаго собесѣдника.

И, вотъ, какъ то утромъ я прибѣжалъ къ моему старому пріятелю съ пойманнымъ мною по дорогѣ насѣкомымъ.

— Посморти, дидусь, — кричалъ я,приближаясь къ мшаннику, возлѣ котораго возился съ старою колодой казакъ, — посмотри какого огромнаго кузнечика я изловилъ въ хлѣбахъ!

Кирюха взялъ изъ моихъ рукъ «кузнечика», внимательно осмотрѣлъ его и по мѣрѣ разсмотрѣнія лицо старика дѣлалось все болѣе и болѣе пасмурнымъ, косматыя сѣдыя брови сдвинулись надъ сизымъ крупнымъ носомъ.

— Н-да, одно слово — «кузнечикъ»! — угрюмо вымолвилъ онъ. — Только не простой, а... Одно слово, чертова кобылка! На ей, проклятущей, цѣлое полчище сатанинское скачетъ! Сарана это!

— Саранча? — удивленно поправилъ старика я.

— По вашему, по книжному — нехай буде «саранча». По нашему, по казачьему — «сарана». Одно и то же! Бѣда! Налетитъ, все сожретъ! Будетъ бѣды нашему брату по самое некуда! Ой, пропадетъ, совсѣмъ пропадетъ урожай!

Я и раньше слышалъ, что «саранча принадлежитъ къ одной изъ опаснѣйшихъ категорій вредителей сельскаго хозяйства». Но въ моемъ мозгу сложилось прочно предста-

вленіе о необозримости засѣянныхъ хлѣбомъ полей. Ну, пусть этой самой «сараны» —какъ говоритъ Кирюха, — будетъ и очень много. Да, вѣдь, не можетъ же она справиться съ необозримыми нивами, тянущимися на тысячи, и тысячи верстъ?!

И я не замедлилъ высказать свое сомнѣніе старику.

Кирюха неодобрительно пожевалъ фіолетовыми губами, потомъ вымолвилъ:

— Оно, конечно, что всего хлѣба и саранѣ не поѣсть. Богъ ей такой силы не далъ. Предѣлъ, стало быть, положилъ, Богъ то, Всевышній! Такъ и написано у ей, проклятущей, на крыльяхъ! Вотъ они, знаки то!

И онъ, расправивъ изящныя крылышки насѣкомаго, показалъ мнѣ заскорузлымъ черным пальцемъ на какіе то іероглифическіе знаки.

— Вотъ, вы, панычъ, ученые: всякую, можно сказать, книжку, и даже безъ очковъ прочесть можете! А вы прочтите, что тутъ написано!

Я оказался въ затруднительномъ положеніи. Тогда Кирюха пояснилъ:

— А написано тутъ—число. А какое число? Девяносто, молъ, и девять. А, можетъ, девятьсотъ девяносто девять. Одни говорятъ такъ, другіе — этакимъ манеромъ. Одно слово — одного не достаетъ. А что это значитъ? Кабы, молъ, рождалось отъ каждой сараны однимъ дитемъ всего больше, — съѣла бы она все живое на землѣ. А то — положенъ ей предѣлъ! Но, одначе, и съ предѣломъ то, говорю — охъ, чуетъ мое сердце — быть бѣдѣ! Я еще когда въ Бухарѣ проживалъ, такъ видѣлъ ее, сарану! Страсть Господня! Молитесь, панычъ, чтобы пронесъ Господь бѣду мимо!

Въ теченіе нѣсколькихъ дней на хуторѣ шли толки о грозящей со стороны неумолимаго врага опасности. И, вотъ, какъ то пришла вѣсть, что саранча уже близка, что идетъ она — туча тучею. И, въ самомъ дѣлѣ, на другой день на земли нашего хутора налетѣла колоссальная туча прожорливыхъ насѣкомыхъ. По истинѣ, ихъ было но картинному выраженію хуторянъ — «видимо-невидимо».

Борьба съ саранчею была организована подъ руководствомъ опытнаго въ такихъ дѣлахъ хромоногаго Кирюхи. Часть хуторянъ пыталась испугать насѣкомыхъ, несшихся тучею, безъ перерыва стрѣляя изъ ружей и револьверовъ, бабы колотили по сковородкамъ и мѣднымъ казанамъ, ребятишки визжали и размахивали шестами съ тряпками. Другая часть — въ томъ числѣ почти всѣ мужчины, — занималась истребленіемъ падавшихъ на землю насѣкомыхъ. По указанію Кирюхи, здѣсь и тамъ наспѣхъ были вырыты глубокія канавы и отдѣльныя ямы. Люди сгоняли въ эти ямы ползущую и прыгающую массу саранчи, и сейчасъ же заваливали гигантскія кладбища саранчи. Но всѣ усилія не привели ни къ чему: хотя главная туча саранчи и пролетѣла мимо нашего хутора, — все же, и «остатковъ» оказалось слишкомъ много. Несмѣтное полчище насѣкомыхъ преодолѣвало всѣ попадавшіяся на его пути искусственныя и естественныя препятствія. Милліоны и милліоны насѣкомыхъ пролетали или проскакивали мимо сторожившихъ поля, огороды, сады людей, и съ жадностью набрасывались пожирать зелень. Саранча облѣпляла стволы, покрывая деревья движущеюся, живою корою, саранча осѣдала на соломенныя или камышевыя крыши домовъ, громоздилась на плетняхъ, скакала по гладко вытоптанному двору, словно стремясь сожрать и самую землю. Колоссальное количество ея погибло на разведенныхъ нами кострахъ, — но насѣкомое своими тѣлами завалило эти костры, потушило огонь, — и пошло дальше и дальше.

Я наблюдалъ, какъ за главною тучею саранчи неслось неимовѣрное количество крупной и мелкой птицы, питавшейся ею. На дворѣ хутора на нее съ жадностью набрасывались наши хохлатки куры, должно быть, никогда еще не видавшія такого роскошнаго пиршества. Даже задорные хуторскіе воробьи, и тѣ, кажется, поживились на счетъ саранчи, — покуда не испугались и разлетѣлись, кто куда.

И, вотъ, туча саранчи пролетѣла. Стали рѣдѣть и рѣдѣть догонявшіе улетѣвшихъ сородичей отдѣльные отряды. Но, о, Боже, какую печальную картину представляли окре-

стности нашего злополучнаго хутора! На протяженіи многихъ и многихъ верстъ въ поляхъ уцѣлѣли только узкія полоски хлѣба. Сады стояли съ оголенными отъ листвы деревьями. Маленькая рощица въ оврагѣ, гдѣ помѣщалась пасѣка Кирюхи — была мертва. И среди обездоленнаго налетомъ «сараны» населенія слышался горькій плачъ женщинъ и тяжелые вздохи мужчинъ. Кирюха съ потемнѣвшимъ лицомъ безцѣльно бродилъ по опустошенной пасѣкѣ и бормоталъ:

— То то и оно то! Одно слово — «чертова кобылка». На ей, проклятущей, сапатинское воинство скачетъ. А зачѣмъ? А на что это и кому надобно —поди, разберись! Можетъ, въ книгахъ и написано, да только намъ простецамъ того знать не дано! Темные мы люди, можно сказать!

II

Но неужели же настоящая борьба съ саранчею — невозможна? Неужели же человѣкъ не можетъ побѣдить этого своего историческаго врага, съ которымъ боролся еще въ библейскія времена?

Разумѣется, — можетъ, и когда нибудь побѣдитъ. Только борьба должна вестись не тѣми примитивными способами, о которыхъ намъ разсказываютъ историки и болѣе или менѣе современные путешественники по южнымъ странамъ, чаще нашей родины подвергающимся налетамъ прожорливой саранчи. Не приводитъ и не можетъ привести ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ борьба съ уже расплодившейся саранчею: бороться надо съ зломъ въ зародышѣ, надо по возможности не допускать саранчу распложаться.

III

А приноситъ ли саранча какую нибудь пользу?

Трудно говорить о «пользѣ» въ настоящемъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ о такомъ опасномъ вредителѣ, способномъ уничтожать всякую растительность на колоссальныхъ пространствахъ. Но извлекать извѣстную пользу изъ саранчи — можно, хотя, разумѣется, эта крошечная польза не искупаетъ и милліардной доли приносимаго саранчею человѣку вреда.

У насъ въ Россіи въ ходу выраженіе о скудности питанія нѣкоторыхъ пустынниковъ, которые, будто бы, мѣсяцами довольствовались употребленіемъ въ пищу «акридъ и дикаго меду». Изъ ста человѣкъ, примѣняющихъ это темное выраженіе, едва ли и одинъ подозрѣваетъ, что «акриды» — это именно саранча. Въ самомъ дѣлѣ, въ Африкѣ и въ Азіи туземное населеніе отнюдь не брезгуетъ поѣдать саранчу. Напримѣръ, арабы Триполитаніи, Туниса, Алжира и Марокко болѣе чѣмъ охотно ѣдятъ высушенныя тѣла саранчи. А саранча, изжаренная въ маслѣ, считается даже своего рода лакомымъ блюдомъ. Особенными любителями «акридъ» являются и сейчасъ негры.

Мих. Первухинъ.

—o—

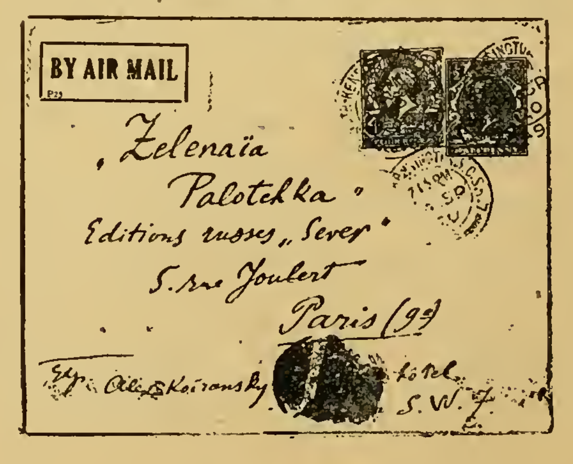
Воздушная почта.

Изъ опаснаго и малодоступнаго спорта, воздухаплаваніе на нашихъ глазахъ постепенно становится необходимымъ и обычнымъ явленіемъ современной жизни, завоевывая то великое значеніе, которое принадлежитъ ему по праву.

Одно изъ замѣчательныхъ примѣненій воздухоплаванія составляетъ воздушная почта, быстрота и удобство которой неоцѣнимы.

Ниже воспроизведенъ фотографическій снимокъ съ конверта письма, посланнаго воздушнымъ путемъ по адресу редакціи "Зеленой Палочки".

Письмо было отправлено въ 11 часовъ утра изъ Лондона и въ 6 часовъ вечера того-же дня было вручено въ Парижѣ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

Общеніе съ загробнымъ міромъ.

Великій изобрѣтатель Эдиссонъ занятъ вопросомъ о способѣ общенія съ покойниками.

Эдиссонъ считаетъ лживымъ и ненаучнымъ тотъ способъ мнимаго сношенія съ ними, „посредствомъ стуковъ и верченія столовъ", который практикуютъ спириты, и полагаетъ, что если послѣ смерти душа продолжаетъ существовать, то она должна имѣть другія возможности для общенія съ міромъ живыхъ.

Онъ придумалъ аппаратъ необыкновенной чувствительности, дѣйствующій посредствомъ электрическихъ волнъ, которымъ и думаетъ установить сношенія съ загробнымъ міромъ.

Если его опыты разультатовъ не дадутъ, то, конечно, это еще не будетъ значить, что жизни за гробомъ не существуетъ, но если они установятся, то мы будемъ имѣть не только доказательство такого существованія, но и получимъ о ней совершенно неожиданныя свѣдѣнія.

Если вспомнить, что въ теченіе послѣдняго времени, какъ утверждаютъ, радіотелеграфныя станціи, принимаютъ телеграммы, которыя могли быть посланы только съ планеты Марса, доказывая существованіе тамъ живыхъ существъ, подобныхъ людятъ, то станетъ допустимымъ, что міръ стоитъ наканунѣ величайшихъ открытій, которыя когда-либо были сдѣланы.

Мальчикъ — телеграфистъ на безпроволочномъ телеграфѣ.

У десятилѣтняго мальчика Давида Моръ есть маленькій телеграфъ. Что такіе телеграфы существуютъ, что ихъ можно за недорогую цѣну купить и даже самому сдѣлать, объ этомъ вы можете узнать изъ статьи о безпроволочномъ телеграфѣ, которая будетъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашего журнала.

Каждый день мальчикъ забавлялся своимъ телеграфомъ, и онъ былъ для ребенка только игрушкой. Но вотъ однажды телеграфу пришлось принести и пользу, и мальчикъ оказался настолько разуменъ, что понялъ это и тѣмъ спасъ жизнь многимъ людямъ.

Дѣло въ томъ, что большая американская подводная лодка S-5, будучи въ 60 миляхъ отъ берега, вслѣдствіе порчи механизма, погрузилась носомъ въ воду; и экипажъ въ 30 человѣкъ оказался въ подводной темницѣ.

Только корма еще чуть-чуть держалась на поверхности воды. Провертѣли въ ней матросы дырку, привязали къ мачтѣ рубашку и просунули этотъ флагъ черезъ дырку, чтобы проходящія суда могли замѣтить лодку.

Цѣлыхъ 35 часовъ провела команда подъ непрестанной угрозой смерти, и только послѣ этого времени лодку замѣтило судно "Алантусъ", которое дало знать о несчастіи по безпроволочному телеграфу.

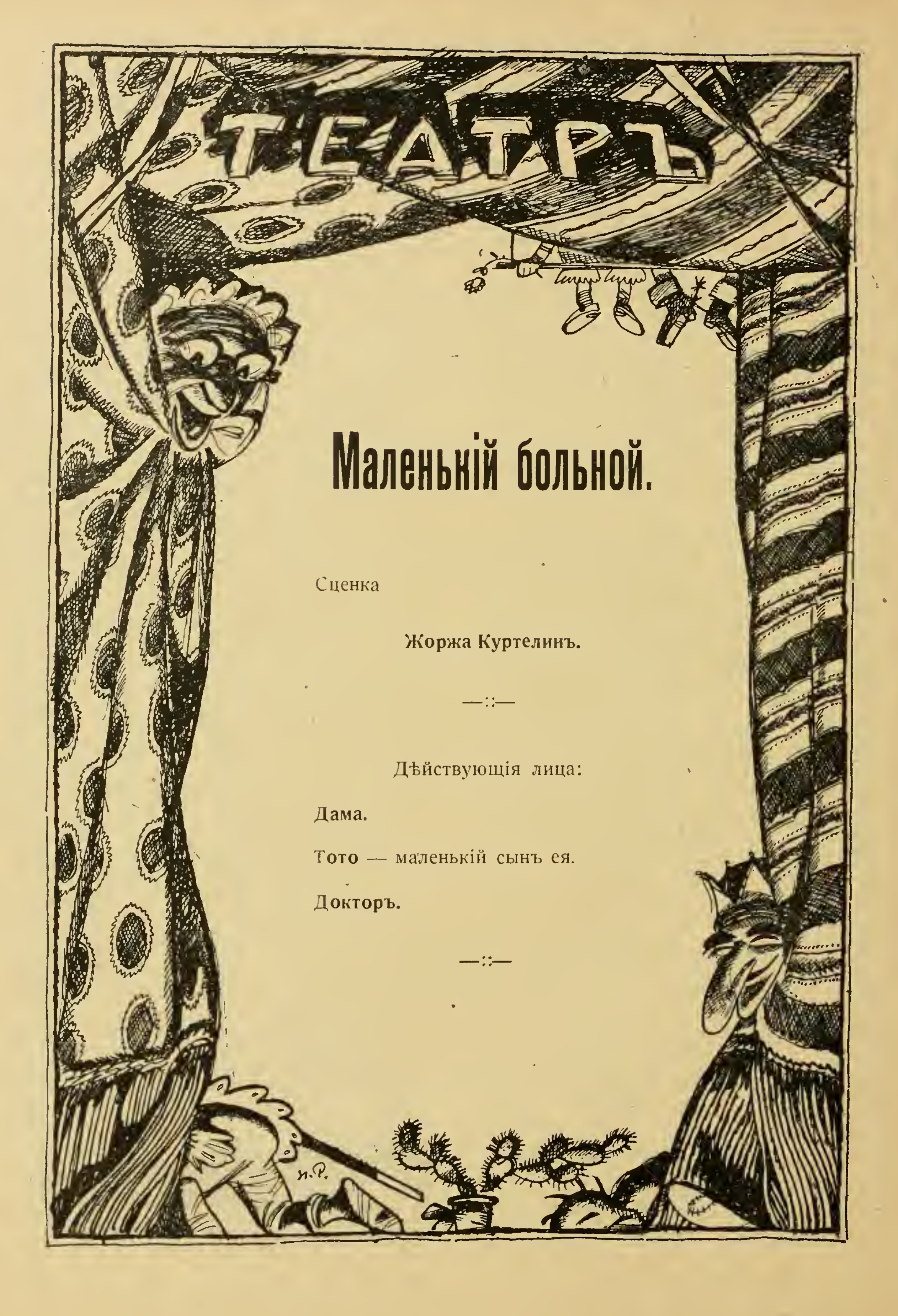
Вотъ эту — то телеграмму и принялъ первымъ на своемъ игрушечномъ безпроволочномъ телеграфѣ десятилѣтній Давидъ Моръ. Едва ее прочитавъ, онъ сразу бросилъ всѣ свои забавы и побѣжалъ къ властямъ передать полученное извѣстіе.

Немедленно была снаряжена помощь, и нѣсколько миноносцевъ понеслись къ мѣсту несчастія.

Огромныхъ трудовъ стоило инженерамъ спасти экипажъ. Семь часовъ бились они, чтобы не дать лодкѣ утонуть и какъ нибудь извлечь изъ нея команду, которая уже начинала задыхаться изъ ближайшихъ номеровъ нашего журнала.

Матросы, выйдя изъ своей темницы, послали благодарственную телеграмму своему маленькому спасителю, Давиду Мору, который съ радостью принялъ ее на своемъ безпроволочномъ телеграфѣ.

Маленькій больной.

Сценка

Жоржа Куртелинъ.

—:—

Дѣйствующія лица:

Дама.

Тото — маленькій сынъ ея.

Докторъ.

—:—

Докторъ. Это здѣсь маленькій больной?

Дама. Здѣсь, докторъ, входите. Это мой мальчуганъ, докторъ. Представьте себѣ, бѣдный малютка, не знаю отчего, съ самаго утра все время падаетъ.

Докторъ. Падаетъ?!

Дама. Да, докторъ, непрестанно.

Докторъ. Навзничь?!

Дама. Навзничь.

Докторъ. Странно... А сколько ему лѣтъ?

Дама. Четыре съ половиной года.

Докторъ. Что за чертовщина! Въ этомъ возрастѣ они уже хорошо держатся на ногахъ. И съ чего же это началось?

Дама. Говорю вамъ, я ничего въ этомъ не понимаю. Онъ вчера вечеромъ чувствовалъ себя отлично и бѣгалъ по всей кватирѣ, какъ кроликъ. Сегодня утромъ, какъ весгда, я стала его одѣвать, натягиваю ему чулки, надѣваю штанишки и ставлю его на ноги. Трахъ!.. Онъ падаетъ.

Докторъ. Можетъ быть, оступился?

Дама. Да нѣтъ же! Я бросаюсь къ нему, поднимаю его... Онъ шлепается вторично. Пораженная этимъ, я его еще разъ подымаю. Трахъ!.. Онъ снова на полу... И такъ, подрядъ семь, восемь разъ. Словомъ, повторяю вамъ, я не понимаю причины, но мальчикъ съ утра падаетъ.

Докторъ. Вотъ, чудно! Могу я видѣть больного?

Дама. Конечно..

(Она уходитъ, потомъ появляется съ мальчикомъ на рукахъ. Его красныя щеки пышутъ здоровьемъ. На немъ штанишки и свободная блуза, замазанная вареньемъ).

Докторъ. Какой чудный ребенокъ! Пожалуйста, поставьте его...

(Мать ставитъ ребенка. Онъ падаетъ).

Докторъ. Еще разъ, пожалуйста.

(Повторяется то же самое. Ребенокъ снова падаетъ).

Дама. Еще?

(Въ третій разъ пытается поставить маленькаго больного, который немедленно падаетъ).

Докторъ **(задумчиво).** Поразительно! **(обращается къ больному малюткѣ, котораго мать поддерживаетъ подъ руки).** Скажи мнѣ, дружокъ, гдѣ у тебя бо -бо?

Тото. Нигдѣ, докторъ.

Докторъ. Не болитъ ли у тебя голова?

Тото. Нѣтъ, докторъ.

Докторъ. Хорошо ли ты спалъ эту ночь?

Тото. Да, докторъ.

Докторъ. Есть у тебя аппетитъ сегодня? Съѣлъ-бы-ли ты, напримѣръ, супу?

Тото. Да, докторъ.

Докторъ. Отлично **(увѣренно).** Это — параличъ!

Дама. Па - ра!.. Господи!.. **(поднимаетъ руки къ небу. Ребенокъ падаетъ).**

Докторъ. Увы, да! Полный параличъ нижнихъ конечностей. Да, вотъ вы, сами убѣдитесь въ совершенной нечувствительности его тѣла.

(Съ этими словами онъ подходитъ къ мальчугану, чтобы произвести опытъ, какъ вдругъ восклицаетъ): О!.. что?!. что это?!. что такое?!. **(громовымъ голосомъ).** Чортъ побери, сударыня, что-же вы ко мнѣ пристаете съ вашимъ параличемъ?!

Дама. Но, докторъ...

Докторъ. Я думаю!.. Ахъ, дьяволъ!.. Да какъ же ему держаться на ногахъ, когда вы всунули его обѣ ноги въ одну штанину?!

Переводъ съ франц. **Е. А. Н.**

Островъ сокровищъ

Рис. А. Кайранскаго. Романъ Р. Стивенсона.

ГЛАВА II

ЧЕРНЫЙ ПЕСЪ ПОЯВЛЯЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТЪ.

Вскорѣ послѣ этого случая, произошло первое изъ тѣхъ таинственныхъ событій, которыя, въ концѣ концовъ, избавили насъ отъ капитана, но не отъ всякихъ связанныхъ съ нимъ дѣлъ, какъ вы увидите дальше.

Была суровая, холодная зима, съ долгими морозами и тяжкими штормами; и было ясно съ самаго начала, что бѣдному моему батюшкѣ не суждено дотянуть до весны. Онъ угасалъ съ каждымъ днемъ, и вся гостинница осталась на мнѣ и на матери; и мы были такъ заняты, что намъ некогда было обращать особенное вниманіе на нашего непріятнаго постояльца.

Было январьское утро, жестокое, морозное, вся бухточка сверкала отъ инея, волны легко поплескивали на камни и солнце стояло еще низко и едва касалась вершинъ холмовъ. Капитанъ поднялся раньше обычнаго, и отправился къ берегу. Его кортикъ болтался подъ широкими полами его синяго кафтана, мѣдный телескопъ торчалъ подъ мышкой, а шляпа съѣхала на-затылокъ. Я помню, паръ отъ дыханія окружалъ его, какъ клубы дыма, и заворачивая за скалу онъ гнѣвно засопѣлъ, какъ будто опять вспомнилъ встрѣчу съ докторомъ Ливсей.

Такъ-съ. Мать моя была на верху у отца, а я накрывалъ на столъ къ завтраку въ ожиданіи капитана, какъ вдругъ отворилась дверь гостиной и вошелъ человѣкъ, котораго я до тѣхъ поръ не встрѣчалъ ни разу. Это было блѣдное, худосочное существо; на лѣвой рукѣ у него не доставало двухъ пальцевъ; и хотя онъ былъ при кортикѣ, но мало былъ похожъ на военнаго. Я постоянно былъ на сторожѣ въ ожиданіи моряка, будь то одноногій, или двуногій, и помню, что этотъ человѣкъ поразилъ меня. Онъ не былъ похожъ на моряка, но все же отъ него отдавало запахомъ моря.

Я спросилъ его, что ему угодно, и онъ потребовалъ рому; но когда я уже собирался выйти изъ комнаты, онъ усѣлся за столъ и приказалъ мнѣ подойти поближе.

Я остановился, гдѣ былъ, съ салфеткой въ рукѣ.

«Подойди-ка сынокъ! сказалъ онъ. Подойди-ка поближе!»

Я подвинулся на шагъ.

«Этотъ столъ накрытъ для пріятеля Биля?» спросилъ онъ, подмигивая.

Я отвѣтилъ ему, что не знаю его пріятеля Биля, и что столъ этотъ приготовленъ для нашего постояльца, котораго мы зовемъ капитаномъ.

«Все равно», сказалъ онъ «Моего пріятеля можно называть и капитаномъ. У него шрамъ на щекѣ, и онъ большой забавникъ, особенно, выпивши. Такъ вотъ, допустимъ, что и у вашего капитана шрамъ на щекѣ, да согласимся, что щека эта — правая. Ну, такъ вотъ. Что же пріятель мой Билль здѣсь?»

Я отвѣтилъ ему, что онъ вышелъ на прогулку.

«А по какой дорогѣ, сынокъ? Куда онъ пошелъ?»

И когда я указалъ ему на скалы и добавилъ, что капитанъ долженъ скоро вернуться, и какъ, именно, скоро, и отвѣтилъ на рядъ другихъ вопросовъ, онъ проговорилъ:

«Эге! Это будетъ для пріятеля Билля пріятнѣе выпивки!»

Но выраженіе его лица при этихъ словахъ было вовсе не пріятное, и у меня было основаніе предполагать, что пришелецъ ошибался, если даже и, дѣйствительно, думалъ то, что говорилъ. Но это меня не касалось; и кромѣ того, я не зналъ, что мнѣ сдѣлать.

Посѣтитель оставался въ гостиной около входной двери и иногда выглядывалъ наружу изъ-за косяка, какъ кошка, дожидающаяся мыши. Разъ я самъ вышелъ на дорогу, но онъ тотчасъ же позвалъ меня обратно и такъ какъ я не сразу повиновался, онъ съ такимъ свирѣпымъ ругательствомъ повторилъ свое приказанье, что я подскочилъ, какъ ошпаренный. Когда я вернулся, онъ опять сталъ притворно ласковъ, потрепалъ меня по плечу и сказалъ, что я славный мальчикъ и нравлюсь ему. «У меня у самаго есть сынъ,» сказалъ онъ, «похожій на тебя, какъ двѣ капли воды, и я имъ горжусь. Но главное для мальчиковъ — дисциплина, сынокъ, дисциплина. И если бы тебѣ пришлось плавать подъ командой Билля, ты не дожидался бы второго приказа. Не такова была повадка Билля. А вотъ онъ и самъ, мой пріятель Биль, съ подзорной трубой подъ мышкой, благослови его Богъ. Мы съ тобой зайдемъ въ гостиную и спрячемся за дверь, сынокъ, и устроимъ Билю маленькій сюрпризъ».

Такъ говоря, посѣтитель вошелъ вмѣстѣ со мной въ гостиную и спрятался въ углу, такъ что мы оба очутились за дверью. Я былъ очень встревоженъ, и вы можете себѣ представить, что я еще больше перепугался, видя что и посѣтитель былъ немало напуганъ. Онъ схватилъ ножны кортика и вытащилъ лезвіе; и пока мы стояли за дверью, онъ все время глоталъ слюну, какъ будто у него комокъ застрялъ въ горлѣ.

Наконецъ, капитанъ вошелъ, захлопнулъ за собой дверь, и направился прямо черезъ комнату къ накрытому столу.

«Биль!» произнесъ посѣтитель голосомъ, которому онъ явно пытался придать звучность и силу.

Капитанъ повернулся на каблукахъ и уставился на насъ; весь загаръ отлилъ съ его лица, и даже носъ его посинѣлъ: онъ былъ похожъ на человѣка, увидѣвшаго привидѣніе, или самаго черта, или еще что нибудь похуже; и признаюсь, мнѣ стало его жалко, такъ онъ сразу постарѣлъ и опустился.

«Послушай, Биль, вѣдь ты узнаешь меня, стараго товарища, не правда ли?» сказалъ посѣтитель.

Капитанъ съ усиліемъ втянулъ въ себя воздухъ.

«Черный песъ!» проговорилъ онъ.

«А то кто же?» возразилъ тотъ, собираясь съ духомъ. «Черный Песъ», какимъ былъ всегда, пришелъ повидаться со своимъ старымъ однокашникомъ Биллемъ въ гостиницу «Адмирала Бенбо». Ахъ Биль, Биль! Не мало мы перевидали видовъ съ тѣхъ поръ, какъ я потерялъ эти два обрубка!» и онъ протянулъ свою искалѣченную руку.

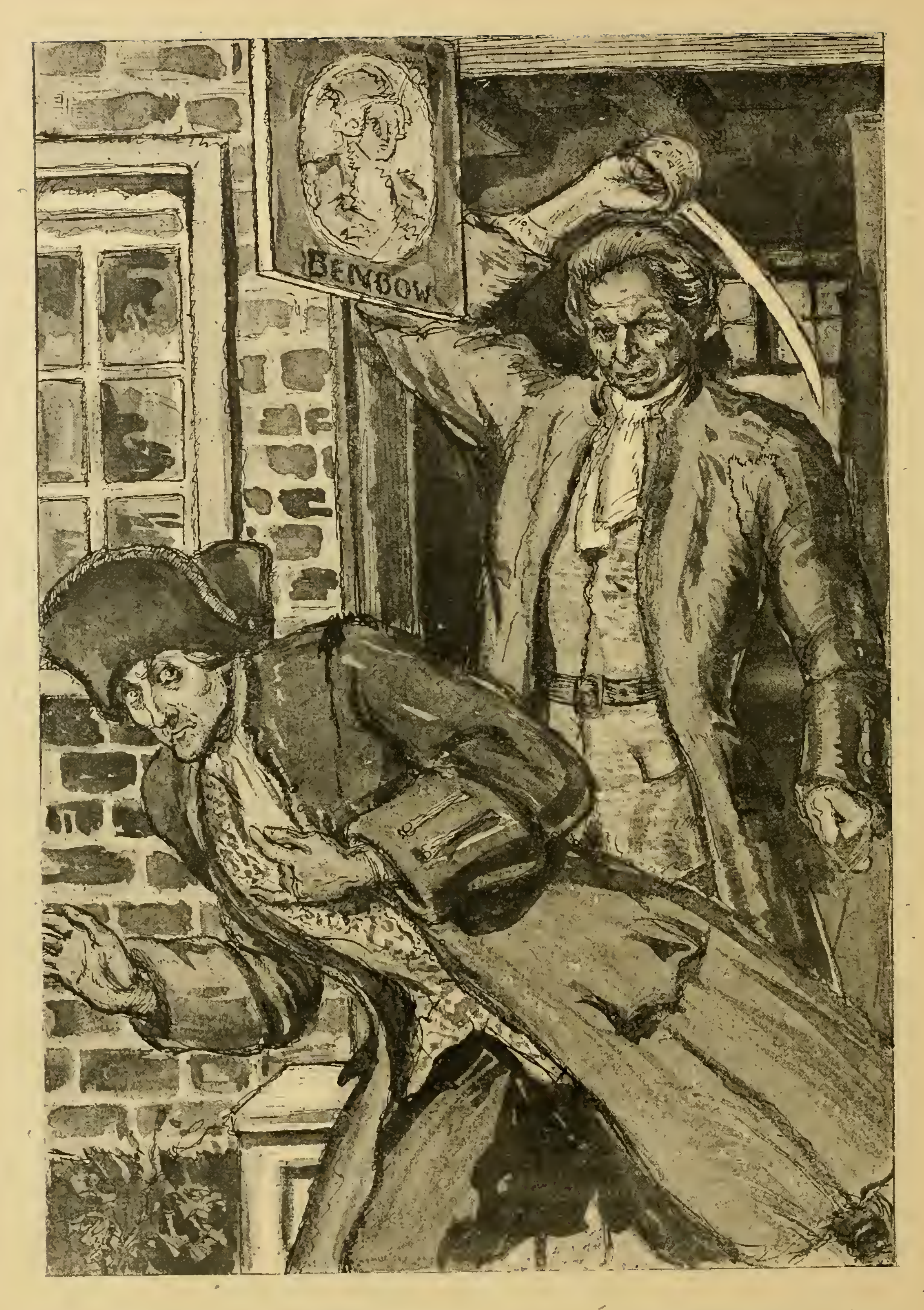
«Ладно! сказалъ капитанъ. Ужъ разъ ты разыскалъ меня,такъ вотъ я. Такъ говори же: въ чемъ дѣло?»

«Да это ты Биль! Правильно! Я только хочу, чтобы этотъ молодчикъ, который мнѣ такъ полюбился, принесъ стаканъ рому; и мы сядемъ рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ, какъ полагается двумъ старымъ однокашникамъ».

Когда я вернулся съ ромомъ, они уже сидѣли другъ противъ друга за столомъ капитана — Черный Песъ ближе къ двери и сидя бочкомъ, однимъ глазомъ глядя на капитана, другимъ на возможность отступленія.

Онъ приказалъ мнѣ выйти и оставить дверь раскрытой настежь. «И никакихъ замочныхъ скважинъ, сынокъ», сказалъ онъ; и я оставилъ ихъ вмѣстѣ и ушелъ за стойку.

Долгое время, какъ я ни старался, я не могъ разслышать ничего , кромѣ глухого бормотанья; но потомъ голоса стали звучать громче, и я могъ разобрать нѣсколько словъ капитана, по большей части — ругательствъ.

въ дверяхъ капитанъ размахнулся, чтобы навести рѣшительный ударъ бѣгущему, и навѣрно разсѣкъ бы его пополамъ, если бы не толстая доска вывѣски „Адмирала Бенбо".

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и баста! вскричалъ онъ вдругъ. Если дѣло дойдетъ до висѣлицы, пускай всѣ болтаются!»

Потомъ вдругъ раздался взрывъ проклятій и другого шума — столъ и стулья съ грохотомъ опрокинулись, раздался лязгъ стали, крикъ боли, и въ слѣдующее мгновеніе я увидѣлъ Чернаго Пса, летящаго со всѣхъ ногъ, а за нимъ слѣдомъ капитана, обоихъ съ обнаженными кортиками, причемъ у Чернаго Пса все плечо было въ крови. Какъ разъ въ дверяхъ капитанъ размахнулся, чтобы нанести рѣшительный ударъ бѣгущему, и навѣрно разсѣкъ бы его пополамъ, если бы не толстая доска вывѣски «Адмирала Бенбо». Вы и сейчасъ еще можете увидѣть рубецъ въ нижней части вывѣски.

Этимъ ударомъ сраженье закончилось. Вырвавшись на дорогу, Черный Песъ, несмотря на рану, засверкалъ пятками и въ полминуты исчезъ за склономъ холма. Капитанъ остановился у вывѣски съ глазами на выкатѣ, словно помѣшанный. Потомъ онъ нѣсколько разъ провелъ рукой по глазамъ и вернулся въ домъ.

«Джимъ! сказалъ онъ. Рому»! и произнося эти слова пошатнулся и оперся рукой о стѣну.

«Вы ранены?» воскликнулъ я.

«Рому! отвѣтилъ онъ. И мнѣ надо отсюда убираться. Рому, рому!»

Я побѣжалъ за ромомъ ; но я былъ потрясенъ всѣмъ происшедшимъ, разбилъ стаканъ и свернулъ кранъ, и пока возился, я услышалъ громкій звукъ паденія въ гостиной и, вбѣжавъ туда, увидѣлъ капитана, растянувшагося во всю длину на полу. Въ ту же минуту, моя мать, встревоженная крикомъ и шумомъ драки, сбѣжала съ лѣстницы мнѣ на помощь. Мы подняли вдвоемъ его голову. Онъ дышалъ глубоко и громко; но глаза его были закрыты, а лицо ужаснаго цвѣта.

«Дорогіе мои», закричала матушка. «Какой позоръ для нашего дома! А тутъ еще болѣзнь твоего отца!»

Тѣмъ временемъ мы не знали, какъ помочь капитану и были увѣрены, что онъ смертельно раненъ въ схваткѣ съ незнакомцемъ. Я принесъ ромъ и пытался влить его ему въ глотку; но зубы капитана были крѣпко стиснуты и челюсти словно изъ желѣза. Большимъ облегченіемъ для насъ было, когда открылась дверь и вошелъ докторъ Ливсэй, пришедшій навѣстить отца.

«О, докторъ,« вскричали мы. «Что намъ дѣлать? Куда онъ раненъ?»

«Раненъ? Чепуха! сказалъ докторъ. Онъ не болѣе раненъ, чѣмъ вы или я. Этого молодца разбилъ ударъ, какъ я и предупреждалъ его».

«Ступайте-ка, госпожа Хоукинсъ, наверхъ къ мужу и, по возможности, не говорите ему ничего объ этомъ. Я же съ своей стороны долженъ постараться спасти негодную жизнь этого малаго, а Джимъ принесетъ мнѣ тазъ».

Когда я вернулся съ тазомъ, докторъ уже успѣлъ засучить рукавъ капитана и обнажить его мощную жилистую руку. Она въ разныхъ мѣстахъ была покрыта татуировкой. «На счастье!», «Попутнаго вѣтра» и «Потѣхи Биля Бонсъ » — было отчетливо выведено на предплечьи: а ближе къ плечу былъ рисунокъ висѣлицы и человѣка, повѣшеннаго на ней — выполненный, какъ казалось мнѣ, съ большимъ искусствомъ.

«Пророческая картинка! сказалъ докторъ прикоснувшись къ ней пальцемъ. А теперь господинъ Биль Бонсъ, если таково ваше имя, мы посмотримъ, какого цвѣта у васъ кровь. Джимъ, спросилъ онъ, ты боишься вида крови?»

«Нѣтъ, сэръ!» отвѣтилъ я.

«Ну такъ ладно, сказалъ онъ. Держи-ка тазъ».

И съ этими словами онъ взялъ ланцетъ и вскрылъ вену.

Много пришлось выпустить крови, пока капитанъ открылъ глаза и обвелъ вокругъ себя затуманенный взоръ. Сперва онъ узналъ доктора и нахмурился. Потомъ — меня и взглядъ его выразилъ облегченіе. Но вдругъ онъ измѣнился въ лицѣ и, пытаясь приподняться, закричалъ:

«Гдѣ Черный Песъ?»

«Здѣсь нѣтъ никакого Чернаго Пса, отвѣтилъ докторъ. Вы выпили слишкомъ много рому, и васъ прихлопнулъ ударъ, какъ я вамъ

и предсказывалъ. И я только что, противъ собственнаго желанія, вытащилъ васъ, головой впередъ изъ могилы. Теперь господинъ Бонсъ»...

«Это не мое имя» прервалъ тотъ.

«Какое мнѣ дѣло» возразилъ докторъ. «Такъ звать одного знакомаго мнѣ пирата. И назвалъ я васъ такъ для краткости, а сказать вамъ я хотѣлъ слѣдующее: стаканъ рому васъ не убьетъ, но выпивъ стаканчикъ, вы захотите еще и еще. И я готовъ заложить мой парикъ, что вы вскорѣ отправитесь на тотъ свѣтъ, понимаете ли вы это? — и отыдете къ мѣсту своему, какъ сказано въ Писаніи. Ну-ка, подымитесь-ка. Я помогу вамъ добраться до постели.

Вдвоемъ, съ большими усиліями, мы наконецъ втащили его вверхъ по лѣстницѣ и уложили на постель, гдѣ голова его свалилась на подушку, какъ будто онъ снова потерялъ сознаніе.

«Теперь запомните», сказалъ докторъ, «я снимаю съ себя всякую отвѣтственность. Одно названіе рома будетъ для васъ гибельно».

Съ этими словами онъ вышелъ навѣстить моего отца, и увелъ меня съ собой за руку.

«Это ничего, сказалъ онъ, лишь только затворилъ дверь. Я достаточно выпустилъ ему крови, чтобы на нѣкоторое время онъ пріутихъ. Пусть недѣльку поваляется, — это самое лучшее для него и для васъ; но слѣдующій ударъ отправитъ его въ преисподнюю».

ГЛАВА III

ЧЕРНОЕ КЛЕЙМО.

Около полудня я поднялся въ комнату капитана съ прохладительнымъ питьемъ и лекарствами. Онъ лежалъ почти также, какъ мы оставили его, только немного повыше, и казался слабымъ, но возбужденнымъ.

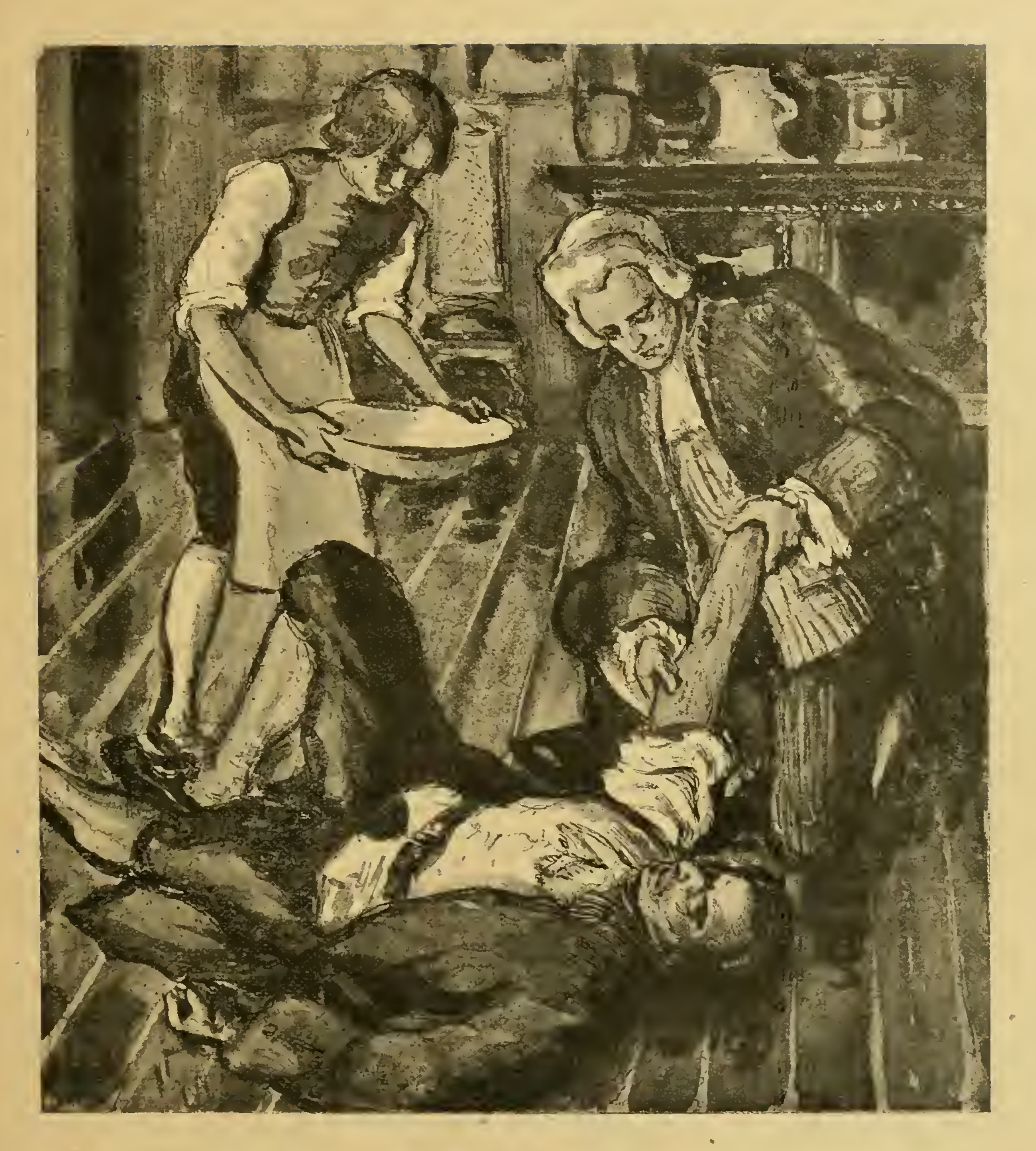
«Джимъ», сказалъ онъ, «ты одинъ здѣсь стоишь чего-нибудь: и ты знаешь, я всегда былъ добръ къ тебѣ. Не проходило мѣсяца, чтобы я не далъ тебѣ четырехъ пенсовъ. А теперь видишь, пріятель, плохи мои дѣла, и всѣ меня покинули. Такъ вотъ, Джимъ, принесешь ты мнѣ стаканчикъ рому, неправда ли, пріятель?»

«Докторъ», началъ было я.

Но онъ разразился проклятьями по адресу доктора, хотя и слабымъ голосомъ, но съ большимъ чувствомъ.

«Доктора всѣ — негодныя швабры, воскликнулъ онъ. Ну что онъ понимаетъ, этотъ докторъ, въ морякахъ? Я бывалъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было жарко, какъ въ котлѣ съ варомъ и народъ кругомъ валился, какъ подкошенный, отъ желтой лихорадки, а земля ходуномъ ходила отъ землятрясеній — ну, что докторъ можетъ знать о такихъ мѣстахъ? И я жилъ однимъ ромомъ, вотъ какъ! Ромъ былъ мнѣ пищей и питьемъ, женой и мужемъ; и если теперь, когда я какъ старая трухлявая лодка валяюсь на мели, если теперь мнѣ не дадутъ рому, то кровь моя будетъ на тебѣ и на этой старой швабрѣ!» И онъ опять разразился бранью. «Посмотри, Джимъ, какъ дрожатъ мои пальцы», продолжалъ онъ просительнымъ тономъ. «Я никакъ не могу остановить ихъ. У меня сегодня росинки маковой во рту не было. Этотъ докторъ — дуракъ. Если я не получу рома, Джимъ, у меня начнется бредъ; мнѣ и сейчасъ уже мерещились всяческіе ужасы. Я видѣлъ старину Флинта, вонъ тамъ за тобой, въ углу; видѣлъ ясно, вотъ такъ, какъ напечатаннаго. Если это повторится, я за себя не отвѣчаю: жилъ плохо, а стану вовсе Каиномъ. Да и докторъ твой самъ говорилъ, что одинъ стаканчикъ мнѣ не повредитъ. Я дамъ тебѣ гинею золотомъ за одинъ стаканчикъ, Джимъ!»

Его возбужденіе росло. И я сталъ тревожиться за отца, которому въ тотъ день было очень плохо, и который нуждался въ спокойствіи; кромѣ того меня убѣдили приведенныя капитаномъ слова доктора, и мнѣ было обидно, что онъ предложилъ мнѣ взятку.

«... ближе къ плечу былъ рисунокъ висѣлицы и человѣка, повѣшеннаго на ней»

«Мнѣ не надо вашихъ денегъ», сказалъ я, «кромѣ того, что вы должны отцу. Я принесу вамъ одинъ стаканчикъ, но больше ни-ни!»

Когда я принесъ ромъ, онъ жадно схватилъ его и выпилъ.

«Эй, эй,» сказалъ онъ, «вотъ уже и лучше, навѣрняка. А теперь, пріятель, сказалъ ли докторъ, какъ долго придется мнѣ проваляться здѣсь, на этой койкѣ?»

« По меньшей мѣрѣ, недѣлю», отвѣтилъ я.

«Громъ и молнія!» воскликнулъ онъ. «Недѣлю! Я не могу: за это время они поднесутъ мнѣ черное клеймо. Эти прощалыги уже напали на мой слѣдъ. Негодяи, которые не сумѣли сохранить своего и теперь норовятъ зацапать чужое. Развѣ такое положеніе у моряковъ? Я-то — скопидомъ. Я никогда не транжирилъ своихъ денегъ и не терялъ ихъ: и я отъ нихъ увернусь. Не боюсь я ихъ. Поставлю еще парусокъ, да и улепетну».

Говоря такъ, онъ съ большимъ трудомъ поднялся на постели, опираясь на мое плечо такъ крѣпко, что я чуть было не закричалъ, а ноги его еле передвигались. Голосъ его, еле слышный, до странности не соотвѣтствовалъ его угрозамъ. Онъ присѣлъ передохнуть на краю кровати.

«Этотъ докторъ уморилъ меня», пробормоталъ онъ. «У меня въ ушахъ звонъ звенитъ. Уложи меня обратно».

Прежде, чѣмъ я успѣлъ помочь ему, онъ свалился на свое прежнее мѣсто, и нѣкоторое время лежалъ молча.

«Джимъ, проговорилъ онъ наконецъ. «Ты видѣлъ сегодня этого моряка?»

«Чернаго Пса?» спросилъ я.

«Эге, Чернаго Пса. Онъ основательный негодяй. Но тѣ, что посылаютъ его, еще хуже. Если я теперь не смогу какъ-нибудь скрыться и они подсунутъ мнѣ «черное клеймо», такъ знай, что они охотятся за моимъ сундукомъ. Садись тогда на лошадь, — вѣдь ты сумѣешь, неправда-ли? — и отправляйся къ этой швабрѣ, къ доктору, и вели ему свистать всѣхъ на верхъ — всю команду, судей — тамъ и полицейскихъ, и онъ захватитъ здѣсь на борту «Адмирала Бенбо» всю компанію старины Флинта, отъ матроса до юнги, все что осталось. Я былъ боцманомъ у старины Флинта и я одинъ знаю мѣсто. Онъ сказалъ мнѣ его въ Саваннѣ, когда лежалъ при смерти, вродѣ, какъ я сейчасъ. Но ты не проговоришься объ этомъ, пока они не вручатъ мнѣ «черное клеймо», или пока опять не увидишь Чернаго Пса, или одноногаго моряка, особенно его, Джимъ!»

«Но что же такое — Черное клеймо, капитанъ?» спросилъ я.

«Это — повѣстка, пріятель. Я скажу тебѣ, если имъ удастся подсунуть ее мнѣ. Но ты гляди въ оба, Джимъ, и я съ тобой подѣлюсь поровну, клянусь честью».

Онъ еще бормоталъ нѣкоторое время слабымъ голосомъ; но вскорѣ послѣ того, какъ я далъ ему лекарство, которое онъ принялъ, какъ маленькій ребенокъ, замѣтивъ — «Если какой-нибудь морякъ когда-нибудь нуждался въ лекарствѣ, то это именно, я», — онъ впалъ въ тяжелый, обморочный сонъ, и въ этомъ состояніи я его оставилъ. Чтобы я сдѣлалъ, если бы все прошло благополучно, я не знаю. Вѣрнѣе всего, я разсказалъ-бы все доктору, потому что я боялся, какъ бы капитанъ не раскаялся въ своей откровенности и не прикончилъ бы меня. Но случилось такъ, что мой бѣдный отецъ внезапно скончался въ этотъ самый вечеръ, и все остальное отодвинулось въ сторону. Наше понятное горе, посѣщенія сосѣдей, приготовленія къ похоронамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость дѣлать всю работу въ гостинницѣ, — все это такъ захватило меня, что мнѣ некогда было думать о капитанѣ, а тѣмъ болѣе бояться его.

Онъ спустился внизъ на слѣдующее утро и завтракалъ, по обыкновенію, хотя ѣлъ мало, и выпилъ, пожалуй, большую порцію рома, чѣмъ обычно, потому что онъ самъ наливалъ себѣ за прилавкомъ, ворча и сопя такъ грозно, что никто не осмѣлился воспрепятствовать ему. Вечеромъ, наканунѣ похоронъ, онъ былъ пьянъ, какъ всегда; и было возмутительно слушать его омерзительныя морскія пѣсни, въ домѣ, охваченномъ скорбью, но онъ былъ такъ слабъ, что мы всѣ боялись, что его разобьетъ параличъ, а докторъ, послѣ смерти моего отца, не появлялся въ нашемъ домѣ.

Я сказалъ, что капитанъ былъ слабъ. На

самомъ дѣлѣ, казалось, что онъ все слабѣетъ и вовсе не поправляется. Онъ карабкался вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и бродилъ изъ гостинной къ стойкѣ и обратно, иногда даже высовывался наружу, чтобы подышать запахомъ моря; но все время онъ опирался о стѣны и дышалъ тяжко и задыхался, какъ человѣкъ, взбирающійся на крутую гору.

Онъ никогда не обращался въ частности ко мнѣ, и я думаю, что онъ позабылъ совершенно о сдѣланныхъ имъ приказаніяхъ. Но его характеръ сталъ еще болѣе страшнымъ, и безпокойнымъ. Теперь у него появилась манера въ пьяномъ видѣ вытаскивать кортикъ изъ ноженъ и класть его передъ собой на столѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, что онъ меньше обращаетъ вниманія на окружающихъ и замкнулся въ собственныхъ мысляхъ или, вѣрнѣе, въ бреду. Однажды, напримѣръ, къ нашему величайшему удивленію, онъ вдругъ сталъ насвистывать какую-то сельскую любовную пѣсенку, которую онъ, должнобыть, зналъ еще до того, какъ сталъ морякомъ.

Такъ все шло, пока на другой день послѣ похоронъ, около трехъ часовъ пополудни, въ морозную и туманную погоду, я, выйдя на минуту къ дверямъ, не увидѣлъ какого-то человѣка, медленно приближавшагося по дорогѣ. Онъ былъ, очевидно, совершенно слѣпъ, потому что нащупывалъ дорогу передъ собой костылемъ, а глаза и носъ его исчезали подъ огромнымъ зеленымъ козырькомъ; онъ горбился, какъ подъ бременемъ лѣтъ или болѣзни, и былъ одѣтъ въ широкій, обтрепанный морской плащъ съ капюшономъ, благодаря чему казался еще болѣе уродливымъ.

Я никогда въ жизни не видѣлъ болѣе безобразной физіономіи. Онъ остановился не доходя гостинницы и затянулъ гнусавымъ напѣвомъ:

«Не объяснитъ ли какой-нибудь добрый человѣкъ несчастному слѣпому, потерявшему драгоцѣнный свѣтъ очей на службѣ родинѣ, Англіи, и короля Георга, да хранитъ его Богъ! — гдѣ и въ какой части страны онъ сейчасъ находится!»

«Вы около гостинницы «Адмирала Бенбо» у бухты Чернаго-Холма, добрый человѣкъ», сказалъ ему я.

«Я слышу голосъ, произнесъ онъ, — молодой голосъ. Не дадите ли вы мнѣ руку, мой добрый молодой другъ, и не поможете ли вы мнѣ войти?»

Я протянулъ руку, и ужасное, гнусавое, безглазое чудовище вцѣпилось въ нее, какъ клещами. Я былъ такъ пораженъ, что попытался вырваться; но слѣпой человѣкъ притянулъ меня къ себѣ однимъ движеніемъ руки.

«Теперь, малый», сказалъ онъ, «веди меня къ капитану».

«Сэръ, отвѣтилъ я, клянусь вамъ, я не смѣю».

«Ага», закричалъ онъ, вотъ оно что! Веди меня немедленно или я тебѣ сломаю руку!»

И, говоря это, онъ такъ сжалъ мою руку, что я вскрикнулъ.

«Сэръ, сказалъ я, я боюсь за васъ. Капитанъ теперь уже не таковъ, какъ прежде. Онъ сидитъ съ обнаженнымъ кортикомъ. Другой господинъ»...

Продолженіе слѣдуетъ.

Переводъ съ англійскаго
Ал. КАЙРАНСКАГО.

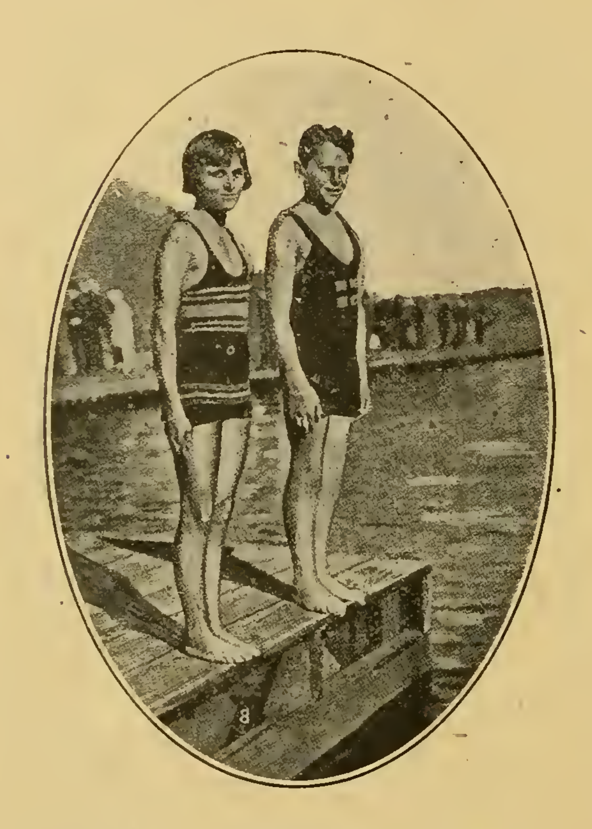

Онъ остановился не доходя гостинницы и затянулъ гнусавымъ напѣвомъ.

СПОРТЪ

Самые юные участники Олимпійскихъ игръ въ Антверпенѣ, оба получившіе призъ на состязаніяхъ въ плаваніи:

14-ти лѣтняя дѣвочка Эли Риджинъ и ея сверстникъ Томми Скоглундъ.

Скоутъ — герой.

Одинъ испанскій бой-скоутъ 15 лѣтъ спасъ недавно отъ смерти 5 англійскихъ матросовъ, тонувшихъ въ бухтѣ Ферроль. Онъ бросилъ имъ веревку и по очереди вытащилъ всѣхъ на берегъ.

Надо быть строгимъ къ себѣ!

Знаменитый чэмпіонъ міра, велосипедистъ Бобъ Сперсъ, недавно взявшій въ Парижѣ первый призъ, такъ увѣрился въ своей непобѣдимости, что пересталъ работать и тренироваться

Результаты сказались очень быстро.

На недавнихъ состязаніяхъ за обладаніе большимъ призомъ Союза Велосипедистовъ Франціи (U. V. F.), онъ даже не попалъ въ финалъ, будучи побѣжденъ въ полу-финалѣ бельгійцемъ Отто, и призъ достался чэмпіону Англіи — Бэли.

Герой мертвой петли.

1-го Сентября этого года весь спортивный міръ Франціи участвовалъ въ печальномъ торжествѣ перенесенія тѣла извѣстнаго французскаго авіатора Пегу въ Парижъ, на кладбище Монпарнассъ.

Пегу — это тотъ самый знаменитый французскій авіаторъ, который 1-го сентября 1913 года первый отважно осуществилъ полеты внизъ головой и т. н. "мертвыя петли".

Ровно черезъ два года послѣ этого, исключительнаго въ исторіи авіаціи, дня — 1 сентября 1915 года, Пегу — французскій военный летчикъ — былъ убитъ въ воздушномъ бою, побѣжденный нѣмецкимъ авіаторомъ. Тѣло его было похоронено возлѣ мѣста его паденія въ Бельфорѣ, гдѣ покоилось до сихъ поръ.

Интересно отмѣтить, что во время похоронъ — 3-го сентября 1915 г. — прилетѣлъ побѣдитель и сбросилъ съ аэроплана вѣнокъ съ надписью: "Авіатору Пегу павшему за отечество. Въ знакъ уваженія отъ противника".

Русскіе скоуты.

Редакція проситъ всѣхъ русскихъ скоутовъ сообщить намъ подробныя свѣдѣнія о скоутскихъ организаціяхъ, въ которыя они входятъ, и о работѣ этихъ организацій; а также обо всѣхъ организаціяхъ русскихъ скоутовъ, о которыхъ имъ что либо извѣстно.

Кубокъ Гордона Беннета.

Только что окончилось международное состязаніе по воздухоплаванію, за обладаніе кубкомъ Гордона Беннета, происходившее на аэродромѣ Этампъ во Франціи.

Кубокъ этотъ былъ пожертвованъ Гордономъ Беннетомъ въ 1909 г. По условіямъ, онъ является призомъ за наибольшую быстроту, достигнутую на аэропланѣ, и оспаривается ежегодно, при чемъ, состязанія устраиваются въ той странѣ, представитель которой овладѣлъ имъ на предыдущемъ состязаніи.

Въ окончательную собственность кубокъ переходитъ въ тому государству, которое явится побѣдителемъ три года къ ряду.

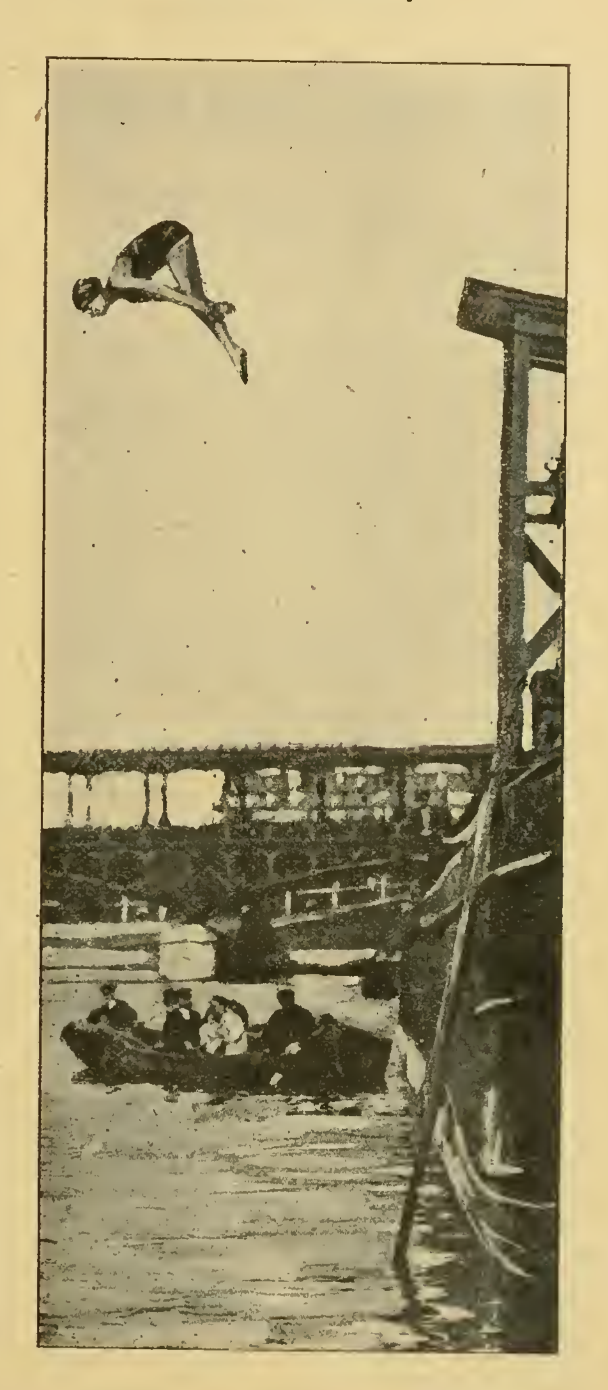
Первое состязаніе 1909 г. было устроено во Франціи, и было выиграно американцемъ Гленнъ-Кертиссомъ, въ слѣдующемъ году побѣдителемъ оказался англичанинъ Грэхэмъ Уайтъ, у котораго черезъ годъ его отвоевалъ опять американецъ Вейманъ.

Съ 1912 г., выигранный авіаторомъ Ведринъ, кубокъ возвращается во Францію, и больше ея уже не покидаетъ: въ 1913 г. его выигрываетъ французъ Прево, и, наконецъ, — теперь, впервые послѣ 7 лѣтъ вызваннаго войною перерыва состязаній, онъ снова, въ третій разъ, достается французскому авіатору — Сади - Лекуанту, и, такимъ образомъ, переходитъ въ полную собственность Франціи.

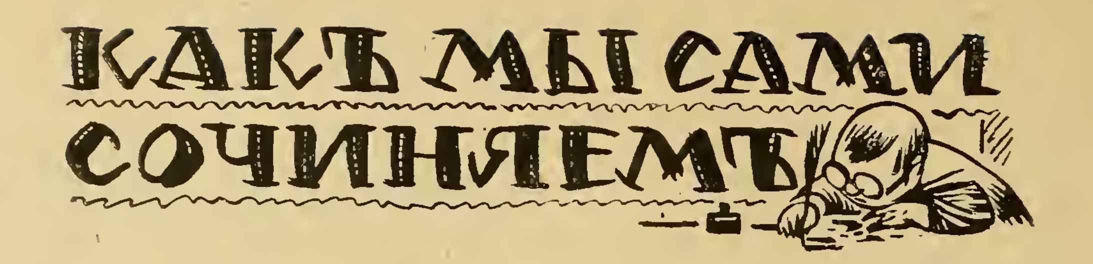
Въ состязаніяхъ нынѣшняго года принимали участіе слѣдующіе авіаторы: отъ Америки — Шредеръ, Райнхартъ, Кларенсъ Кумбъ; отъ Англіи — Райнхэмъ, Тэткоксъ, отъ Франціи — Сади-Лекуантъ, Жоржъ Киршъ и де-Романэ.

Побѣдитель Сади-Лекуантъ пролетѣлъ 300 километровъ въ 1 ч. 6 минутъ, 17 секундъ; что составляетъ 271 километръ въ 1 часъ. Тѣмъ самымъ, онъ не только завоевалъ кубокъ, но и установилъ новые міровые рекорды быстроты: 100 километровъ въ 21 м. 28 с., 200 килом. — 43 м. 42 с., 300 килом. — 1 ч. 6 м. 17 с.

Прыжокъ въ воду.

Замѣчальный прыжокъ Эли Риджинъ на сенскихъ состязаніяхъ въ Парижѣ.

Въ каждомъ очередномъ номерѣ „Зеленой Палочки“ будутъ печататься произведенія юныхъ авторовъ.

Тѣ изъ читателей нашихъ, которые пожелаютъ испробовать свои силы на литературно-художественномъ поприщѣ, могутъ присылать свои стихи, разсказы и рисунки по адресу редакціи „Зеленой Палочки“.

Англійскій журналъ для дѣтей "Little Folk", устроилъ для своихъ читателей конкурсъ ихъ собственныхъ сочиненій.

Первую премію получила четырнадцатилѣтняя Эвриль Демутъ, сказку которой мы помѣщаемъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ПРИНЦЕССЫ.

Сказка Эвриль Демутъ.

Всѣ были печальны и взволнованы въ Фейной странѣ; всѣми любимая принцесса Розовый Лепестокъ внезапно исчезла и никто не могъ ее найти. Обыскали каждый уголокъ, каждый закоулокъ въ странѣ, но нигдѣ и слѣда не было маленькой принцессы.

Двѣ феи горячо обсуждали это страшное происшествіе, раскачиваясь на вѣткѣ апельсиннаго дерева.

Вскорѣ къ нимъ присоединился маленькій эльфъ. "Вы, конечно, слышали, — закричалъ онъ, — объ исчезновеніи принцессы? Уже всю Фейную страну подняли на ноги, и нигдѣ ее не могли найти. Значитъ, она должна быть гдѣ нибудь внѣ страны", — продолжалъ онъ.

— "Идите, садитесь сюда", — закричали феи, давая мѣсто своему другу.

— "Я увѣрена, что у васъ въ головѣ есть

какой-нибудь планъ освобожденія принцессы". — сказала одна изъ фей, по имени Нарциссъ.

Эльфъ, котораго звали Быстрыя Крылышки, весело засмѣялся. — "Правильно, — закричалъ онъ, — но никто не долженъ ничего знать, и сегодня же ночью мы покинемъ Фейную страну".

Всѣ трое о чемъ-то зашептались, и, когда взошелъ мѣсяцъ, они отправились на поиски.

Друзья оставили предѣлы Фейной страны и полетѣли вдоль млечнаго пути. Былъ вечеръ, и феи Сумерекъ зажгли звѣзды. Эти феи жили на краю самаго Мѣсяца, и можно было надѣяться, что онѣ кое-что знали объ исчезновеніи принцессы.

Поэтому эльфъ — Быстрыя Крылышки, обратился прежде всего къ нимъ, не видѣли ли онѣ, чтобы какая-нибудь фея проходила по дорогѣ? Феи Сумерекъ отвѣтили, что онѣ никого не видѣли, кромѣ Ея Величества Королевы Снѣговъ, тащившей въ рукахъ какой-то свертокъ, который такъ бился, что она едва могла его удержать.

Въ оцѣпенѣніи взглянули другъ на друга феи. Это навѣрно была принцесса, и Королева унесла ее въ страну Льда. Королева всегда ненавидѣла фей, и теперь она утащила Розовый Лепестокъ. Торопливо поблагодаривъ фею Сумерекъ онѣ полетѣли въ царство Льдовъ.

Снѣжныя феи были заняты работой: онѣ дѣлали бѣлый пушистый снѣгъ и морозъ, который покрываетъ пруды крѣпкими покровами, а многочисленные слуги Снѣжной Королевы, выдѣлывали градъ и тоже морозъ, но только другой: тотъ, который убиваетъ всѣ осенніе цвѣты.

Становилось все холоднѣе и холоднѣе, пока путешественники не достигли, наконецъ, своей цѣли. Передъ ними возвышался большой замокъ изъ чернаго мрамора. Двери были раскрыты настежъ и, пробираясь вдоль стѣнъ, три феи вошли внутрь. Онѣ были въ ужасномъ страхѣ, который всячески старались скрыть.

Вдругъ эльфъ — Быстрыя Крылышки, предостерегающе поднялъ палецъ и остановился.

Чей-то возмущенный голосъ доносился изъ внутреннихъ покоевъ: "Я не хочу выходить замужъ за вашего безобразнаго сына и я не буду молчать! Вы хотите дѣйствовать на меня своими чарами, но моя мать, Королева цвѣтовъ, обладаетъ гораздо болѣе сильными чарами, чѣмъ вы!" — голосъ принадлежалъ принцессѣ, и эльфъ — Быстрыя Крылышки дольше не ждалъ.

Онъ бросился по проходу и стремглавъ ворвался въ огромный залъ, который былъ украшенъ колоннами чернаго мрамора.

Тамъ стояла Льдина, Королева Снѣговъ, высокая, темная и прекрасная, а противъ нея маленькая, разгнѣванная фея со сломанными крылышками, развѣвающимися волосами и въ изорванной одеждѣ.

Когда она увидѣла своихъ избавителей, она бросилась къ нимъ, крича: "О, спасите меня, спасите меня", — и вцѣпилась въ руку феи — Нарциссъ.

Въ это же мгновеніе Быстрыя Крылышки кинулся къ Королевѣ, угрожая кинжаломъ изъ колючаго репейника, а фея — Голубой Колокольчикъ схватила кисти ея рукъ. — "Нарциссъ, — вскричала она, — бѣги сюда, хватай ея другую руку, я теряю силы!" — Фея-Нарциссъ поспѣшила на помощь своей подругѣ... Въ одно мгновеніе Ея Величество очутилась въ плѣну.

Но, что это за шумъ? Чей топотъ слышится все ближе и ближе?

Феи оглянулись, и ихъ худшія опасенія осуществились. Залъ наполнялся слугами Королевы. Они оттащили эльфа-Быстрыя Крылышки отъ Льдины, а Нарциссъ съ Голубымъ Колокольчикомъ были грубо отброшены въ сторону.

Бѣдный и храбрый Эльфъ сражался съ тремя или четырьмя слугами, когда внезапно другіе звуки донеслись до находившихся въ залѣ.

Сотни эльфовъ и фей, вооруженныхъ колючимъ чертополохомъ, репейникомъ и камышомъ, ворвались въ залъ. Что за суета поднялась! Трусливые слуги стали спасать свою жизнь, и феи овладѣли заломъ.

Армія эльфовъ и фей полетѣла обратно въ фейную страну, а храбрецъ — Быстрыя Крылышки со своими друзьями показывалъ дорогу. Какой пріемъ ожидалъ ихъ во дворцѣ Фейной Королевы! Какіе пиры, какіе танцы, какое веселье!

На слѣдующій день всѣ феи страны пришли посморѣть, какъ сама Королева цвѣтовъ награждала орденомъ Рѣчного Камыша отважнаго Эльфа и двухъ фей.

А затѣмъ, начались пиршества. Фейные фонарики качались на деревьяхъ, свѣтляки сверкали въ кустахъ, феи Сумерекъ такъ отполировали звѣзды, что онѣ блестѣли, какъ синіе брилліанты, и Мѣсяцъ показывалъ свое широкое, круглое лицо.

Мудрые, старые астрономы, жившіе на землѣ, объявили, что они открыли сто новыхъ звѣздъ, хотя, въ дѣйствительности это были простые фонарики, зажженные феями въ ночь освобожденія прекрасной принцессы, которую звали — Розовый Лепестокъ.

Эвриль Демутъ (14-ти лѣтъ).

——«««:»»»——

СНѢГЪ.

Малый ангелъ по небу летѣлъ
И облачко платьемъ задѣлъ.
Разлетѣлось оно на пушинки,
Полетѣли на землю снѣжинки.
И земля вся покрылась снѣжкомъ,
Точно бѣлымъ лебяжьимъ пушкомъ.
Малый ангелъ на небѣ сидѣлъ
И на бѣлую землю глядѣлъ.

И—лла Ш—нъ (11-ти лѣтъ).

"ПОЙДЕМЪ, ПОГУЛЯЕМЪ!"

Рисовала Ксенія К. (12-ти лѣтъ).

НАШИ КОНКУРСЫ

ТРЕТІЙ КОНКУРСЪ

ОТВѢТЬТЕ, изъ какого произведенія какого автора взяты слѣдующія строки:

«Чрезъ камни конь его несетъ.
«Онъ не глядитъ и не боится.
«Такъ быстро скачетъ только тотъ,
«За кѣмъ раскаяніе мчится!»

Въ каждомъ изъ слѣдующихъ 4-хъ №№ журнала «Зеленая Палочка» за 1920 годъ будетъ приведено по нѣсколько стиховъ, и желающіе должны будутъ отвѣтить, изъ какого произведенія и какого автора они взяты.

Выигравшимъ будетъ признанъ тотъ, кто пришлетъ правильные отвѣты на всѣ вопросы, и ему будетъ въ видѣ преміи, высылаться БЕЗПЛАТНО журналъ „Зеленая Палочка" въ теченіе 6 мѣсяцевъ 1921 г.

Рѣшенія за каждый номеръ должны отправляться до полученія слѣдующаго номера журнала и должны адресоваться въ редакцію журнала «Зеленая Палочка (Edition «Sever», 5 rue Joubert, Paris 9) по отдѣлу «Наши Конкурсы».

Всѣ рѣшенія, какъ и окончательный списокъ рѣшившихъ будутъ напечатаны въ № 4 «Зеленой Палочки» за 1921 годъ.

ВЪ ПОМОЩЬ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Редакція журнала „Зеленая Палочка" считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ „Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ", въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ*.
Александръ Ивановичъ *Купринъ*.
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ*.

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи: 5, rue Joubert, Paris 9, (Metro: Opera), а также почтовыми переводами.

Поступили пожертвованія: отъ Данилки А.—25 фр.; отъ Шуры Ш.—25 фр.; отъ А. А.—10 фр.; отъ А. Алябьева—15 фр.; отъ г-жи Гальберштатъ—10 фр.; отъ г-жи Фридбергъ—5 фр.; отъ редакціи «Зеленая Палочка»—100 фр. ИТОГО: 190 фр.

Редакторъ: А. П. Шполянскій (*Донъ-Аминадо*). Издатель: Русск. Книгоиздат. въ Парижѣ "Сѣверъ".

1920 ОКТЯБРЬ 1920

16 3 СУББОТА Родился поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (1814 г.)	**17** 4 ВОСКРЕСЕНЬЕ Умеръ предсѣдатель 1 Госуд Думы Сергѣй Андреев. Муромцевъ (1910 г.)	**18** 5 ПОНЕДѢЛЬНИКЪ	**19** 6 ВТОРНИКЪ
20 7 СРЕДА Битва съ французами подъ Лейпцигомъ (1813 г.)	**21** 8 ЧЕТВЕРГЪ Наваринская битва (1827 г.)	**22** 9 ПЯТНИЦА	**23** 10 СУББОТА Родился поэтъ Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ (1870 г.
24 11 ВОСКРЕСЕНЬЕ Отступленіе французовъ изъ Москвы (1812 г.)	**25** 12 ПОНЕДѢЛЬНИКЪ	**26** 13 ВТОРНИКЪ Родился художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ (1872 г.)	**27** 14 СРЕДА
28 15 ЧЕТВЕРГЪ	**29** 16 ПЯТНИЦА Умеръ поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ (1861 г.)	**30** 17 СУББОТА Введеніе представительнаго строя въ Россіи (въ 1905 г.)	**31** 18 ВОСКРЕСЕНЬЕ Умеръ поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій (1898 г.)

Цыфра, изображенная подъ чертой, обозначаетъ число по русскому календарю.

Въ ближайшемъ времени въ изданіи Книгоиздательства «СѢВЕРЪ»

выйдетъ въ свѣтъ первая серія книгъ

БИБЛІОТЕКИ

„ЗЕЛЕНОЙ ПАЛОЧКИ“

для старшаго возраста.

«**Пѣснь о Гайаватѣ**» Лонгфелло въ премирован. Акад Наукъ перев. И. А. БУНИНА.
Избранные разсказы для дѣтей А. И. КУПРИНА.
«**Островъ сокровищъ**», романъ Стивенсона въ переводѣ Ал. КАЙРАНСКАГО.
«**Новая Русская Хрестоматія**» подъ редакціей И. А. БУНИНА.

для младшаго возраста.

«**Азбука въ стихахъ**» ДОНЪ АМИНАДО съ иллюстраціями РЕ-МИ.

Предварительная подписка и всякаго рода справки въ конторѣ

Русскаго книгоиздательства «СѢВЕРЪ»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на двухнедѣльный иллюстрирован. журналъ для дѣтей

„ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ДО КОНЦА 1920 г.

ВО ФРАНЦІИ—**20 ФР.**

ВЪ ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ—**22 Ф.**

ВЪ АМЕРИКѢ—**3** ДОЛЛАРА.

Цѣна отдѣльнаго номера—3 фр., въ Америкѣ—50 цент.

Подписка и объявленія принимаются
въ конторѣ журнала: 5, rue Joubert, Paris (9ᵉ)

Metro: Opéra; Nord-Sud: Trinité
и у всѣхъ представит. журн., списокъ котор. помѣщенъ на внутр. сторонѣ обложки.

Le gérant: HAMBOURG

Imprimerie BIRACHOVSKY 5, rue des Gobelins,— PARIS

ПРОДАЖА ОТДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРОВЪ

ЖУРНАЛА

"ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА"

И ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ:

ПАРИЖЪ: Контора журнала. Rue Joubert, 5 [Metro Opéra]
Контора газеты „Послѣднія Новости". Place Palais-Bourbon, 5.
Книжный магазинъ Револоцкаго. Rue Bonaparte, 13.
„Thé Kitty", Rue S-t Honoré, 390.
МАРСЕЛЬ: G. Esmansky, Rue Paradis, 29.
НИЦЦА. Книжный магин Розанова. Rue Longchamps, 7.
АВСТРІЯ: J. Persky Wæhringerstr. 33. Wien IX
АМЕРИКА: New-Jork. Prof. D. Winogradoff. 275, Henry Str. Brooklyn.
АНГЛІЯ: London E. C. 2. Press Agency, 36, Finsbury Pavement.
БЕЛЬГІЯ: Liege. О-во Бельгійцевъ вернувшихся изъ Россіи. 17, Rue de la Régence.
БЕССАРАБІЯ: Кишиневъ Н, Авербухъ Ул. Гоголя, 20.
БОЛГАРІЯ: Sofia A. Lewenson. Rue Rossiza, 7.
ВЕНГРІЯ: Budapest. A. Chariton, Peretz Kont, 34.
ГЕРМАНІЯ: Berlin S. W. 48. Russische Buchhandlung H. Sachs. Wilhelmstr., 20.
ГРЕЦІЯ: Athénes. Librairie Internationale Eleftherudakis et Bareth.
ИТАЛІЯ: Roma. Libreria Russo „Slovo" Piazza del Popolo, 18.
ЛАТВІЯ: Riga Ed. Petzholtz. Schkuhnu cela, 16. (Сарайная 16.)
РУМЫНІЯ: Bucarest. N. Averbuch. Str. Orlando.
СКАНДИНАВІЯ: (Швеція, Норвегія, Данія): M. Laapchitz, Westen 25, III. Copenhagen.
ТУРЦІЯ: Constantinople. J. Polonsky. Galata, Hovaghimian Han, „Центросоюзъ"
ФИНЛЯНДІЯ: Гельсинфорсъ, Almanna Pressbiran. N. Esplanadg, 27.
Выборгъ, Librairie Russe. Ekateringatte, 23.
Келломяки, A. Reiche.
ЧЕХО-СЛОВАКІЯ: Praha II. Obchodni Druzstvo Knikkupen Jungmannova as, 33
ШВЕЙЦАРІЯ: Genéve. Librairie Menkes. Rue de Carouge, 3.
ЮГО-СЛАВІЯ: Belgrade. B. Gerchoune. Sviatosavska. 18
ЭСТОНІЯ: Reval. A. Poumpiansky. Pessotchnaja, 14.

Книгоиздательство „СѢВЕРЪ" выполняетъ заказы по высылкѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ.

PRIX : 3 FRANCS

№ 3

« LA BAGUETTE VERTE »
Revue bi-mensuelle

ВЫХОДЪ НАСТОЯЩАГО НОМЕРА ЗАПОЗДАЛЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО ВИНѢ ТИПОГРАФІИ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРИНЯТЫ ВСѢ МѢРЫ КЪ НЕДОПУЩЕНІЮ ВЪ БУДУЩЕМЪ ПОДОБНАГО РОДА ЯВЛЕНІЙ.

«ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА»

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 3 1—15 Ноября, 1920. Годъ изданія первый. № 3
Редакція и контора: 31, Rue de Richelieu, Paris-1
ПАРИЖЪ.

Петръ Дмитріевичъ
Боборыкинъ

Недавно исполнилось шестьдесятъ лѣтъ писательской дѣятельности Петра Дмитріевича Боборыкина, котораго справедливо называютъ—старѣйшиной русской литературы.

Имя Боборыкина тѣсно связано съ семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлаго столѣтія, и къ этому времени относится цѣлый рядъ его романовъ и повѣстей, въ которыхъ ярко и всесторонне отразилась тогдашняя русская жизнь.

Наиболѣе значительными произведеніями этого періода являются: «Въ путь—дорогу», «Дѣльцы», «Китай—Городъ», «Перевалъ» и «Ходокъ», — книги, которыми зачитывалось молодое поколѣніе Россіи, только что пережившей крѣпостное право и создававшей новый укладъ жизни.

По перу П. Д. Боборыкина, кромѣ пріобрѣвшихъ большую извѣстность романовъ его, принадлежитъ еще не мало замѣчательныхъ изслѣдованій по исторіи русской и западной литературы и театра и рядъ книгъ, посвященныхъ его продолжительнымъ путешествіямъ по Европѣ.

Его «Столицы міра» и «Вѣчный городъ», воспроизводящія жизнь Парижа, Лондона и Рима, надолго останутся памятниками изящнаго описательнаго мастерства.

Неутомимый труженикъ, Петръ Дмитріевичъ, и нынѣ, на 85-мъ году жизни, продолжаетъ свою плодотворную писательскую дѣятельность, согрѣтую, какъ и всегда, живой любовью къ людямъ и къ родинѣ, въ воскресеніе которой онъ вѣритъ вѣрой добраго и нестарѣющаго сердца.

—«Тяжко мнѣ доживать свою жизнь на чужбинѣ»,—пишетъ онъ изъ Швейцаріи въ отвѣтъ на привѣтствіе «Зеленой Палочки»,—«но я могу еще работать и не хочу жаловаться: милліоны русскихъ людей бѣдствуютъ еще сильнѣе»...

Низкій поклонъ бодрой старости и добрымъ трудамъ Петра Дмитріевича Боборыкина!

Рис. Сергѣя **Судейкина.**

Дѣвочка съ иголкой

Стихи К. Бальмонта.

У дѣвочки-малютки
Была въ рукахъ иголка,
Наперстокъ чуть мерцалъ.

Она для куклы платье
И шила, и не шила,
Былъ тусклымъ лоскутокъ.

Стучалъ по стекламъ дождикъ,
И дѣвочка смотрѣла
На остріе иглы.

Наперстокъ потускнѣлый,
И лоскутокъ линялый,
Какъ куклѣ платье шить?

И дѣвочка не шила,
А пристально глядѣла
На остріе иглы.

Чѣмъ пристальнѣе смотритъ,
Чѣмъ дольше взглядъ упорный,
Тѣмъ остріе острѣй.

И чѣмъ оно острѣе,
Тѣмъ ярче и лучистѣй,
Горитъ, до боли глазъ.

И дѣвочка закрыла
Глаза — и вдругъ случилось —
То сонъ или не сонъ?

Веселымъ алымъ жаромъ
На небо вышло Солнце,
Текутъ его лучи.

Текутъ потоки свѣта,
Качаются деревья,
На крыльяхъ птицъ огни.

И маленькіе пальцы
Забѣгали проворно,
Иголка говоритъ.

Слагаетъ въ ткани сказки,
Поетъ по ткани пѣсни,
Ведетъ по ткани жизнь.

Узоры золотые
Отъ Моря и до Солнца
Отъ Неба до Земли.

Съ краями вырѣзными
Выходитъ свѣтлый островъ
Изъ синей пелены.

Тотъ островъ самый лучшій,
Затѣмъ что самый вѣрный
Внушеніямъ лучей.

Тотъ островъ — садъ и праздникъ,
Гдѣ весело работать,
И весело любить.

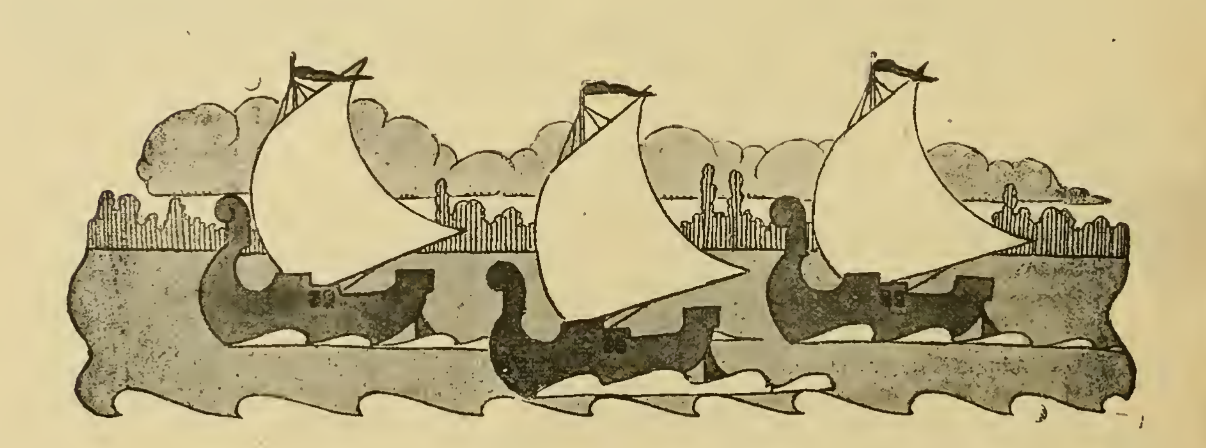
И дѣвочка-малютка
Высокая царевна,
Достойная царей.

Къ ней изъ краевъ могучихъ,
Изъ царствъ свѣтло — далекихъ
Приходятъ женихи.

Приносятъ самоцвѣты
И слитки золотые
И нѣжныя сердца.

И этотъ островъ — лучшій,
Затѣмъ что самый вѣрный
И Солнцу и Любви.

К. Бальмонтъ.

ДѢТСТВО НИКИТЫ

Рис. Н. Ремизова.

Повѣсть гр. Алексѣя Н. Толстого.

(Продолженiе).

Сонъ Никиты.

Никита увидѣлъ сонъ, — онъ снился ему уже нѣсколько разъ, все одинъ и тотъ же.

Легко, неслышно отворяется дверь въ залу. На паркетѣ лежатъ голубоватыя отраженiя оконъ. За черными окнами виситъ луна огромнымъ свѣтлымъ шаромъ. Никита влѣзъ на ломберный столикъ въ простѣнкѣ между окнами и видитъ:

Вотъ, напротивъ, у бѣлой, какъ мѣлъ, стѣны, качается круглый маятникъ въ высокомъ, темномъ футлярѣ часовъ. Маятникъ качается, отсвѣчиваетъ луннымъ свѣтомъ. Направо, надъ часами, на стѣнѣ сидитъ строгiй старичекъ съ трубкой, налѣво — старушка, въ чепцѣ и шали, смотритъ, поджала губы. Отъ часовъ до угла, вдоль стѣны, вытянули руки, присѣли на четырехъ ногахъ каждое, широкiя полосатыя кресла. Въ углу разсѣлся раскарякой низкiй, глубокiй диванъ. Сидятъ они, безъ лица, безъ глазъ, выпучились на луну, молчатъ, не шевелятся.

Изъ-подъ дивана, изъ подъ бахромы, вылѣзаетъ котъ. Потянулся, прыгнулъ на диванъ и пошелъ, черный и длинный. Идетъ, опустилъ хвостъ. Съ дивана прыгнулъ на кресла, пошелъ по кресламъ вдоль стѣны, пригибается, пролѣзаетъ подъ ручками, Дошелъ до конца, спрыгнулъ на паркетъ и сѣлъ передъ часами, спиной къ окошкамъ. Маятникъ качается, старичекъ и старушка строго смотрятъ на кота. Тогда котъ поднялся, лапой оперся о футляръ, другой лапой старается остановить маятникъ. А стекла то на футлярѣ нѣтъ. Вотъ достанетъ лапой.

Охъ, закричать бы! Но Никита пальцемъ не можетъ пошевелить, — не шевелится, — только глаза лѣзутъ отъ страха.

Лунный свѣтъ неподвижно лежитъ дивными квадратами на полу. Все въ залѣ пришипилось, присѣло на ножкахъ.

Котъ вытянулся, пригнулъ голову, прижалъ уши и достаетъ лапой маятникъ. И Никита знаетъ, — если тронетъ онъ лапой,—маятникъ остановится, и въ ту же секунду все треснетъ, расколется, зазвенитъ, и, какъ пыль, исчезнетъ, не станетъ ни залы, ни луннаго свѣта.

Отъ страха у Никиты звенятъ въ головѣ острые стекляшечки, сыплется песочекъ мурашками по всему тѣлу... И, собравъ всю силу, съ отчаннымъ крикомъ, Никита кинулся со стола на полъ. И полъ вдругъ ушелъ внизъ.

Никита сѣлъ. Оглядывается. Въ комнатѣ — два морозныя окна, сквозь стекла видна страшно далеко на небѣ небольшая луна. На полу стоитъ горшокъ, валяются сапоги. А самъ Никита сидитъ на постели.

"Сонъ, всего на всего, — слава Тебѣ, Господи!" — Никита наспѣхъ перекрестился и сунулъ голову въ подушку. Подушка эта была теплая, мягкая, биткомъ набитая снами.

Но не успѣлъ Никита зажмурить глаза, видитъ — опять онъ стоитъ на столѣ въ той же залѣ. Въ лунномъ свѣту качается маятникъ, строго смотрятъ старичекъ со старушкой.

Никита протянулъ руки, оттолкнулся отъ стола и прыгнулъ и, быстро перебирая ногами, не то полетѣлъ, не то поплылъ надъ поломъ.

„...Котъ вытянулся, пригнулъ голову, прижалъ уши и достаетъ лапой маятникъ.“

Необыкновенно было пріятно летѣть по комнатѣ. Когда же ноги стали касаться пола, онъ взмахнулъ руками и медленно поднялся къ потолку и летѣлъ теперь неровнымъ полетомъ вдоль стѣны. Близко у самаго носа былъ виденъ лѣпной карнизъ, на немъ лежала пыль, мягкая и славная, и пахла уютно. Потомъ онъ увидѣлъ знакомую трещину въ стѣнѣ, похожую на Волгу на картѣ, потомъ — старинный и очень странный гвоздь съ обрывочкомъ веревки, обсаженной мертвыми мухами. А вотъ въ углу — паутина. Пузатый, старый паукъ насупился и недовольно полѣзъ по паутиновой сѣти въ уголъ, въ щелку.

Больше здѣсь ничего не было интереснаго. Никита толкнулся ногою въ стѣну и медленно полетѣлъ черезъ комнату къ часамъ. На верху футляра стояла бронзовая вазочка и въ вазочкѣ, на днѣ, лежало, что-то — не разсмотрѣть.

И вдругъ Никитѣ точно сказали на ухо:

— Возьми то, что тамъ лежитъ.

Никита подлетѣлъ сбоку къ часамъ и сунулъ было руку въ вазочку. Но сейчасъ же изъ стѣны, изъ картины, живо высунулась злая старушка и худыми руками схватила Никиту за голову. Онъ рванулся, вырвался, а сзади изъ другой картины высунулся старичекъ, замахалъ длинной трубкой и такъ ловко ударилъ Никиту по спинѣ, что тотъ полетѣлъ на полъ, ахнулъ и открылъ глаза.

Сквозь морозные узоры сіяло, искрилось солнце. Около кровати стоялъ Аркадій Ивановичъ, трясъ Никиту за плечо и говорилъ:

— Вставай, вставай, девять часовъ.

Когда Никита, кулачками протирая глаза, сѣлъ на постели, Аркадій Ивановичъ подмигнулъ нѣсколько разъ и шибко потеръ руки.

— Сегодня, братецъ ты мой, заниматься не будемъ.

— Почему?

— Потому что потому оканчивается на у. Двѣ недѣли можешь бѣгать высунувъ языкъ. Вставай.

Никита выскочилъ изъ постели и заплясалъ на тепломъ полу.

— Рождественскія каникулы! — Онъ совсѣмъ забылъ, что съ сегодняшняго дня начинаются счастливыя и долгія двѣ недѣли. Приплясывая передъ Аркадіемъ Ивановичемъ, Никита забылъ и другое: а именно — свой сонъ, вазочку на часахъ и голосъ, шепнувшій на ухо:

— Возьми то, что тамъ лежитъ.

Старый домъ.

На Никиту свалилось четырнадцать его собственныхъ дней, — дѣлай, что хочешь. Даже скучно стало немного.

За утреннимъ чаемъ онъ устроилъ изъ чая, молока, хлѣба и варенья тюрю и такъ наѣлся, что пришлось нѣкоторое время посидѣть у стола. Глядя на свое отраженіе въ самоварѣ, онъ долго удивлялся — какое у него длинное и уродское лицо. Потомъ сталъ думать, что если взять чайную ложку и сломать, то изъ одной части выйдетъ славная лодочка, а изъ другой можно сдѣлать ковырялку, — что нибудь ковырять.

Потомъ онъ, не спѣша, одѣлся и, ведя вдоль штукатуренной стѣны пальцемъ, пошелъ по длинному корридору, гдѣ тепло и уютно пахло печами. Налѣво отъ этого корридора, на южной сторонѣ дома, были расположены зимнія комнаты, сейчасъ натопленныя и жилыя. Направо съ сѣверной стороны — было пять лѣтнихъ, наполовину пустыхъ комнатъ, съ залой посерединѣ. Здѣсь огромныя, изразцовыя печи протапливались только разъ въ недѣлю, хрустальныя люстры, тихо позвякивающія хрусталиками, висѣли, опутанныя марлей, у стѣнъ стояли длинные диваны въ полосатыхъ чехлахъ,

на полу въ залѣ лежала куча яблокъ, гниловатый ихъ, сладкій запахъ наполнялъ всю лѣтнюю половину.

Никита съ трудомъ пріоткрылъ дубовую, двухстворчатую дверь и на цыпочкахъ пошелъ по пустымъ комнатамъ. Сквозь полукруглыя окна былъ виденъ садъ, заваленный снѣгомъ. Деревья стояли неподвижно, опустивъ бѣлыя вѣтви, заросли сирени съ двухъ сторонъ широкой балконной лѣстницы пригнулись подъ снѣгомъ до самыхъ ступеней. На круглой полянѣ синѣли заячьи слѣды. У самаго окна на вѣткѣ сидѣла черная, головастая ворона, похожая на чорта. Никита постучалъ пальцами въ стекло, ворона шарахнулась бокомъ и полетѣла, обивая крыльями снѣгъ съ вѣтвей.

Никита дошелъ до крайней, угловой комнаты. Здѣсь вдоль трехъ стѣнъ стояли красные, покрытые пылью, шкафы, сквозь стекла ихъ поблескивали переплеты старинныхъ книгъ. Между шкафами, надъ изъѣденнымъ мышами диваномъ, висѣло на стѣнѣ оружіе: — желѣзная шапка, двѣ кольчуги, кривыя сабли, и старинной формы очень длинныя ружья. Напротивъ, въ стѣнѣ былъ изразцовый каминъ, гдѣ можно сжечь цѣлое дерево. Надъ каминомъ висѣлъ портретъ дамы дивной красоты. Она была изображена въ черной, бархатной амазонкѣ, на плечи ея съ гладкой головы падали локоны. Рукою въ перчаткѣ съ раструбомъ она держала хлыстъ, другая рука подхватывала шлейфъ. Казалось, — она шла и обернулась и глядитъ на Никиту съ лукавой улыбкой.

Никита сѣлъ на диванъ и, подперевъ кулаками подбородокъ, глядѣлъ на даму. Онъ могъ такъ сидѣть и глядѣть на нее подолгу, какъ очарованный. Изъ за нея, — онъ не разъ слышалъ это отъ матушки, — съ его прадѣдомъ произошли большія несчастья. Несчастный прадѣдъ висѣлъ здѣсь же, надъ книжнымъ шкафомъ, — тощій, востроносый старичекъ съ темными, запавшими глазами; рукою въ перстняхъ онъ придерживалъ на груди халатъ; сбоку стояла стопочка книгъ, лежалъ полуразвернутый папирусъ и гусиное перо. По всему видно, что очень несчастный старичекъ.

Матушка разсказывала, что прадѣдъ днемъ спалъ въ этомъ кабинетѣ, а ночью читалъ и писалъ. Гулять ходилъ только въ сумерки. По ночамъ вокругъ дома бродили караульщики и трещали въ трещетки, чтобы ночныя птицы не садились на крышу, не летали бы подъ окнами, не кричали странными голосами. Садъ въ то время, говорятъ, заросъ высокой, густой травой, домъ, кромѣ этой комнаты, стоялъ заколоченный, необитаемый, покрытый пылью; дворовые мужики наполовину разбѣжались, — дѣла прадѣдушки были совсѣмъ плачевны.

Однажды его не нашли ни въ кабинетѣ, ни въ дому, ни въ саду, — искали цѣлую недѣлю, такъ онъ и пропалъ. А спустя лѣтъ пять его наслѣдникъ получилъ откуда то изъ Сибири загадочное письмо: — "Искалъ покоя въ мудрости, нашелъ забвеніе среди пчелъ".

Причиною всѣхъ этихъ странныхъ вещей была дама въ амазонкѣ. Никита глядѣлъ на нее съ волненіемъ.

За окномъ появилась ворона, осыпая снѣгъ, сѣла на вѣтку и принялась нырять головой, разѣвать клювъ, — каркала. Никитѣ стало жутко. Онъ поскорѣе выбрался изъ пустыхъ комнатъ и побѣжалъ на дворъ.

У колодца.

Посрединѣ двора, у колодца, гдѣ снѣгъ вокругъ былъ желтый, обледенѣлый и истоптанный, Никита нашелъ Мишку Коряшенка. Мишка сидѣлъ на краю колоды и макалъ въ воду кончикъ

"... Никита постучалъ пальцами въ стекло".

кожанной рукавицы, надѣтой на руку.

Никита спросилъ — зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Мишка Коряшенокъ сказалъ:

— Всѣ кончанскіе голицы 1) макаютъ, и мы теперь будемъ макать. Она зажохнетъ, — страсть ловко драться. Пойдешь на деревню то?

— Пойду. А когда?

— Вотъ — пообѣдаемъ и пойдемъ. Матери ничего не говори.

— Мама отпустила, только не велѣла драться.

— Какъ не велѣла драться? А если на тебя наскочатъ. Знаешь, кто на тебя наскочитъ, — Степка Карнаушкинъ. Онъ тебѣ дастъ, ты — брыкъ.

— Ну, со Степкой то я справлюсь, — сказалъ Никита, — я его на одинъ мизинчикъ пущу. — И онъ показалъ Мишѣ палецъ. Коряшенокъ посмотрѣлъ, сплюнулъ и сказалъ грубымъ голосомъ:

— У Степки Карнаушкина кулакъ заговоренный. На прошлой недѣлѣ онъ въ село въ Утевку ѣздилъ съ отцомъ за солью, за рыбой, тамъ ему кулакъ заговорили, лопни глаза — не вру.

Никита задумался, — конечно, лучше бы совсѣмъ не ходить на деревню, но Мишка скажетъ, — трусъ, и Аркадій Ивановичъ узнаетъ, засмѣетъ.

— А какъ же ему кулакъ заговорили? — спросилъ Никита. Мишка опять сплюнулъ:

— Пустое дѣло. Перво на перво возьми сажи и руки вымажи и три раза скажи: — "Тани — бани, что подъ нами, подъ желѣзными столбами? Мой кулакъ — не дуракъ, бьется не промахнется". Я бы себѣ самъ зоговорилъ, только боюсь — рука отвалится .

Никита съ большимъ уваженіемъ глядѣлъ на Коряшенка. На дворѣ въ это время со скрипомъ отворились ворота и оттуда плотной, сѣрой кучей выбѣжали овцы, стучали копытцами, какъ костяшками, трясли хвостами, роняли орѣшки. У колодца овечье стадо сгрудилось, блея и тѣснясь, овцы лѣзли къ колодѣ, проламывали мордочками тонкій ледокъ, пили и кашляли. Баранъ, грязный и длинношерстый, уставился на Мишку бѣлыми, пѣгими глазами, топнулъ ножкой. Мишка сказалъ ему, —造бездѣѣльникъ, — и баранъ бросился на него лбомъ впередъ, но Мишка успѣлъ перескочить черезъ колоду.

Никита и Мишка побѣжали по двору, смѣясь и дразнясь, баранъ погнался за ними, но раздумалъ, заблеялъ и вернулся къ стаду. Никиту позвали обѣдать.

"... и макалъ въ воду кончикъ кожаной рукавицы, надѣтой на руку".

1) Кожанная рукавица.

Битва.

Никита и Мишка Коряшенокъ пошли на деревню черезъ садъ и прудъ короткой дорогой. На пруду, гдѣ вѣтромъ сдуло снѣгъ со льда, Мишка на минуту задержался, вынулъ перочинный ножикъ и коробку спичекъ, присѣлъ и, шмыгая носомъ, сталъ долбить синій ледъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ былъ внутри бѣлый пузырь. Эта штука называлась "кошкой", — со дна пруда поднимались болотные газы и вмерзали въ ледъ пузырями.

Продолбивъ ледъ, Мишка зажегъ спичку и поднесъ къ скважинѣ, "кошка" вспыхнула, и надо льдомъ поднялся высокій, желтоватый и безшумный языкъ пламени.

— Смотри, никому про это не говори, — сказалъ Мишка, — на той недѣли мы на нижній прудъ пойдемъ "кошки" поджигать, я тамъ одну знаю — огромаднѣйшая, — цѣлый день будетъ горѣть.

Мальчики побѣжали по пруду, пробрались черезъ поваленные желтые камыши на тотъ берегъ и вошли въ деревню.

Въ эту зиму нанесло большіе снѣга. Тамъ, гдѣ вѣтеръ продувалъ вольно между дворами, снѣга было немного, но между избами поперекъ улицы намело сугробы выше крышъ. Избенку бобыля, дурачка Савоськи, завалило совсѣмъ, одна труба торчала надъ снѣгомъ. Мишка сказалъ, что третьяго дня Савоську всѣмъ міромъ выкапывали лопатами, а онъ — дурачекъ, какъ его завалило за ночь бураномъ, затопилъ печь, сварилъ пустыхъ щей, поѣлъ и полѣзъ спать на печь. Такъ его соннаго на печкѣ и нашли, разбудили и оттаскали за виски за глупость.

На деревнѣ было пусто и тихо, изъ трубъ кое гдѣ курился дымокъ. Невысоко надъ бѣлой равниной, надъ занесенными ометами и крышами свѣтило холодное солнце.

Никита и Мишка дошли до избы Артамона Тюрина, страшнаго мужика, котораго боялись всѣ на деревнѣ, до того былъ силенъ и сердитъ, и въ окошечкѣ Никита увидалъ рыжую какъ вѣникъ, бородищу самого Артамона, — онъ сидѣлъ у стола и хлебалъ, что то изъ деревянной чашки. Въ другое окошечко, приплюснувъ къ стеклу носы, глядѣли три конопатыхъ мальчика, артамоновы сыновья: Семка, Ленька и Артамошка — меньшой.

— Эхъ, вы, — сказалъ Мишка, сдвигая шапку на ухо, — эхъ, вы — дѣвченки. Дома сидите, — забоялись.

— Ничего мы не боимся, — отвѣтилъ одинъ изъ конопатыхъ, Семка.

— Тятька не велитъ валенки трепать, — сказалъ Артамошка - меньшой.

Мишка двинулъ шапку на другое ухо, хмыкнулъ и проговорилъ рѣшительно:

— Идемъ дражнить. Мы имъ покажемъ.

Конопатые отвѣтили, — ладно, — и всѣ вмѣстѣ полѣзли на большой сугробъ, лежавшій поперекъ улицы, — отсюда за артамоновой избой начинался другой конецъ деревни.

Никита думалъ, что на кончанской сторонѣ кишмя кишитъ мальчишками, но тамъ было пусто и тихо, только двѣ дѣвчонки, съ обмотанными головами, втащили на сугробъ салазки, сѣли въ нихъ, протянувъ передъ собой ноги въ валенкахъ, ухватились за веревку, завизжали и покатились черезъ улицу, мимо амбарушки и дальше по крутому берегу на рѣчной ледъ.

Мишка, а за нимъ конопатые мальчики и Никита начали кричать съ сугроба:

— Эй, кончанскіе.

— Вотъ мы васъ.

— Попрятались, трусишки!

— Выходите, мы васъ побьемъ.

— Выходите на одну руку, эй, кончанскіе, — кричалъ Мишка, шлепая рукавицами.

На той сторонѣ, на сугробѣ появились четверо кончанскихъ. Похлопывая, поглаживая рукавицами по бокамъ, поправляя шапки, они тоже начали кричать:

— Очень васъ боимся.

— Сейчасъ, испугались.

— Лягушки, лягушата, ква - ква!

Съ этой стороны на сугробъ влѣзли товарищи: — Алешка, Нилъ, Ванька - Черныя Уши, Петрушка - бобылевъ племянникъ и еще совсѣмъ маленькій мальчикъ съ большимъ животомъ, закутанный крестъ на крестъ въ материнскій платокъ.

Съ той стороны тоже прибыло мальчиковъ пять, шесть. Они кричали:

— Эй вы, конопатые, идите сюда, мы вамъ ототремъ веснушки!

— Кузнецы косоглазые, мышь подковали! — кричалъ съ этой стороны Мишка Коряшенокъ.

— Лягушки, лягушата!

Набралось съ обѣихъ сторонъ до сорока мальчишекъ. Но начинать — не начинали, было боязно. Кидались снѣгомъ, показывали. Съ той стороны кричали: — Лягушки, лягушата! — Съ этой: — Кузнецы косоглазые!

То и другое было очень обидно. Вдругъ между кончанскими появился небольшого роста, широкій, курносый мальчикъ. Растолкалъ товарищей, съ развальцемъ спустился съ сугроба и, стоя внизу, подбоченясь, крикнулъ:

— Лягушата, выходи одинъ на одинъ!

Это и былъ знаменитый Степка Карнаушкинъ съ заговореннымъ кулакомъ.

Кончанскіе кидали кверху шапки, свистали пронзительно. На этой сторонѣ мальчики притихли. Никита оглянулся. — Конопатые стояли, насупясь. Алешка, и Ванька - Черныя Уши подались назадъ, маленькій мальчикъ въ мамкиномъ платкѣ таращилъ на Карнаушкина круглые глаза, готовился дать реву, Мишка Коряшенокъ ворчалъ, оттягивая кушакъ подъ животъ:

— Не такихъ укладывалъ, тоже — невидаль. Начинать не охота, а то — разсержусь, — я ему такъ дамъ — шапка на двѣ сажени кверху взовьется.

Степка Карнаушкинъ, видя, что никто не хочетъ съ нимъ биться, махнулъ рукавицей своимъ:

— Вали, ребята!

И кончанскіе съ крикомъ и свистомъ посыпались съ сугроба.

Конопатые дрогнули, за ними побѣжалъ Мишка, Ванька - Черныя Уши, и, наконецъ; всѣ мальчики, побѣжалъ и Никита. Маленькій въ платкѣ сѣлъ въ снѣгъ и заревѣлъ.

Наши пробѣжали Артамоновъ дворъ и дворъ Черноухова и взобрались на сугробъ. Никита оглянулся. Позади на снѣгу лежали Алешка, Нилъ и еще пять нашихъ, — кто споткнулся, кто легъ самъ со страха, потому что лежачаго бить было нельзя.

Никитѣ стало, — хоть плачъ, — обидно и стыдно: — струсили, не приняли боя. Онъ остановился, сжалъ кулаки, и сейчасъ же увидѣлъ бѣгущаго на него Степку Карнаушкина, курносаго, большеротаго, съ вихремъ изъ подъ бараньей шапки.

Никита нагнулъ голову и, шагнувъ навстрѣчу, изо всей силы ударилъ Степку въ грудь. Степка мотнулъ головой, уронилъ шапку и легъ на снѣгъ:

— Будя, — сказалъ онъ, — сдаюсь.

Кончанскіе сейчасъ же остановились. Никита пошелъ на нихъ, и они подались. И, перегоняя Никиту, съ крикомъ: —

"Наша беретъ!" — всею стѣнкой кинулись на кончанскихъ наши. Кончанскіе побѣжали. Ихъ гнали дворовъ пять, покуда всѣ они не полегли.

Никита возвращался на свой конецъ, взволнованный, разгоряченный, посматривая — съ кѣмъ бы еще схватиться. Его окликнули. За амбарушкой стоялъ Степка Карнаушкинъ. Никита подошелъ. Степка глядѣлъ на него исподлобья:

— Ты здорово мнѣ далъ, — сказалъ онъ, — хочешь дружиться?

— Конечно, хочу, — поспѣшно отвѣтилъ Никита, — ты настоящій молодецъ.

Мальчики, улыбаясь, глядѣли другъ на друга. Степка сказалъ:

— Давай помѣняемся.

— Давай.

Никита подумалъ, — чтобы ему отдать самое лучшее и далъ Степкѣ перочиный ножикъ съ четырмя лезвіями. Степка сунулъ его въ карманъ и вытащилъ оттуда свинчатку, — бабку, налитую свинцомъ:

— На. Не теряй, дорого стоитъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАЯЦЪ

Стихи **Игоря Сѣверянина.**

Зачѣмъ то насъ зовутъ
Всегда какимъ то трусикомъ.
А сами насъ жуютъ,
Смѣшно виляя усикомъ...

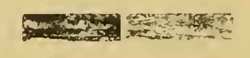
Ужели храбрость въ томъ,
Чтобъ вдругъ на насъ обрушиться
Съ собакой и съ ружьемъ,
Зажарить и накушаться?!.

ЗИМА

Стихи **Мих. Струве.** Силуэты **Серг. Судейкина.**

I.

Яснымъ утромъ, въ дѣдово рожденье,
Въ третій день на святки Рождества
Весело сбираться съ поздравленьемъ
Въ долгій путь, съ зарею вмѣстѣ вставъ.

Такъ застыли окна отъ мороза, —
Онъ на диво ночью былъ суровъ, —
Что изъ комнатъ не видать дормеза,
Только слышны звоны бубенцовъ.

Страховъ и волненій было много:
На возкѣ задѣлана-ли щель
Да совсѣмъ не занесла-ль дорогу
За ночь, быстролетная метель?

Одѣвали насъ и раздѣвали
Раза три съ восьми часовъ утра,
Раза три за рѣчку посылали
На бугоръ двороваго Петра.

Но какъ только солнце встало выше,
И туманъ разсѣяло и муть,
И повѣсило сосульки съ крыши,
Мы отправились въ желанный путь.

Кони мчатъ, запряженные цугомъ —
По краямъ дороги снѣгъ глубокъ,
И скрипитъ корабль, привычный къ вьюгамъ,
Старый помѣстительный возокъ.

— Какъ бы вы дорогой не заснули! —
Говоритъ намъ добрая мама.
Гдѣ-жъ заснуть—минутой промелькнули
Два часа, и вотъ уже дома.

Только щеки, маковъ цвѣтъ, алѣютъ,
И глаза, хотя съ большимъ трудомъ,
Узнаютъ знакомую аллею
И снѣгами занесенный домъ.

II.

Генералъ - маіоръ Букреневъ —
Такъ зовется милый дѣдъ.
Подбородокъ чуть сиреневъ,
Шлафрокъ, вышитый жилетъ.

Вдоль по стѣнамъ пистолеты
И священныхъ трубокъ рядъ, —
Незабвенныя примѣты
Намъ о прошломъ говорятъ.

Такъ вдали отъ царской службы
Въ родовой усадьбѣ "Кутъ",
Въ развлеченьяхъ сельской дружбы
Дни безпечные текутъ.

Сладко, молвивъ поздравленье,
Спѣть заученный куплетъ,
Чтобъ съ забавнымъ восхищеньемъ
Долго улыбался дѣдъ.

Такъ пріятно намъ съ поклономъ
Къ пухлой подойти рукѣ, —
Дѣдъ посмотритъ благосклонно
И потреплетъ по щекѣ.

А когда мы сядемъ чинно,
Чтобы насъ развеселить,
Затянувшись трубкой длинной,
Дѣдъ изволитъ пошутить.

— Что кручинишься, Надюша!
— Ужъ не такъ то жизнь плоха,
— Подыскалъ, меня послушай,
— Я въ сосѣдяхъ жениха.

— А тебя, Иванъ Степанычъ,
— Вотъ недѣльку погуляй,
— Отвезу съ собой въ уланы,
— Въ славный городъ Турухтай! —

И откинувшись на креслѣ,
Захохочетъ — вотъ такъ да,
Вотъ такъ штука!.. — Только если бъ
Намъ у дѣда жить всегда.

III.

Пышный завтракъ былъ гостямъ предложенъ,
Собралось ихъ много въ этотъ день, —
Былъ уѣздъ, что улей, потревоженъ,
Изо всѣхъ слетались деревень.

Домъ великъ, легко гостей вмѣщаетъ —
Вотъ внизу за шахматами дѣдъ
Съ другомъ по бригадѣ вспоминаетъ
Дни багратіоновскихъ побѣдъ.

А для насъ второй этажъ открыли.
Тамъ тѣснѣй. Идетъ отъ печекъ зной.
За столомъ въ порядкѣ разсадили.
Вьется паръ изъ миски расписной.

А потомъ танцмейстеръ, Францъ Петровичъ,
Славный нѣмецъ, маленькій горбунъ,
Къ намъ пришелъ и, понахмуривъ брови,
Скрывъ улыбку, такъ промолвилъ: — Nun,

— Вечеромъ для взрослыхъ представленье
— Я имѣю въ очень поздній часъ,
— Meine Kinder, вамъ же развлеченье
— Приказалъ Grossvater дать сейчасъ.

Мы витою лѣстницей вприпрыжку
Быстро такъ спустились въ малый залъ,
Что съ своею скрипкою подъ мышкой
Бѣдный нѣмецъ еле поспѣвалъ.

Поданъ знакъ, и струны зазвучали —
Нѣжные. заманчивые сны...
Цѣлый часъ насъ славно потѣшали
Дѣдовы любимцы плясуны.

IV.

Спать пора ложиться, дѣти,
Хоть идти въ постель и лѣнь.
Есть всему конецъ на свѣтѣ,
Всѣхъ короче зимній день.

Гдѣ вы? Гдѣ-жъ вы? Нѣту въ спа́льной.
Няня, бѣгая, ворчитъ.
Ужъ какой народъ охальной,
Кто за вами услѣдитъ.

А они забились тѣсно
Между ширмой и окномъ,
И глядятъ на прудъ чудесный,
Весь покрытый синимъ льдомъ.

Тамъ съ какой то тетей новой
Нашъ Мишель сквозь снѣжный прахъ,
Не страшась зимы суровой,
Круги рѣжетъ на конькахъ.

— Вотъ вы гдѣ! Куда поспѣли!
— У окна, озорники, —
—Застудиться захотѣли, —
— Или спать вамъ не съ руки.

— Повозись-ка съ вами, право.
— Охъ, ужъ лучше бы мятель! —
И короткая расправа
Быстро привела въ постель.

Но о днѣ такомъ прекрасномъ
Сладко думать и во снѣ.
Только все встаетъ неяснымъ,
Тѣ же лица, да не тѣ.

Вотъ раскрылись шире губки.
Спятъ глаза. Летаютъ сны.
Все смѣшалось: кони, трубки,
И коньки, и плясуны.

Мих. Струве.

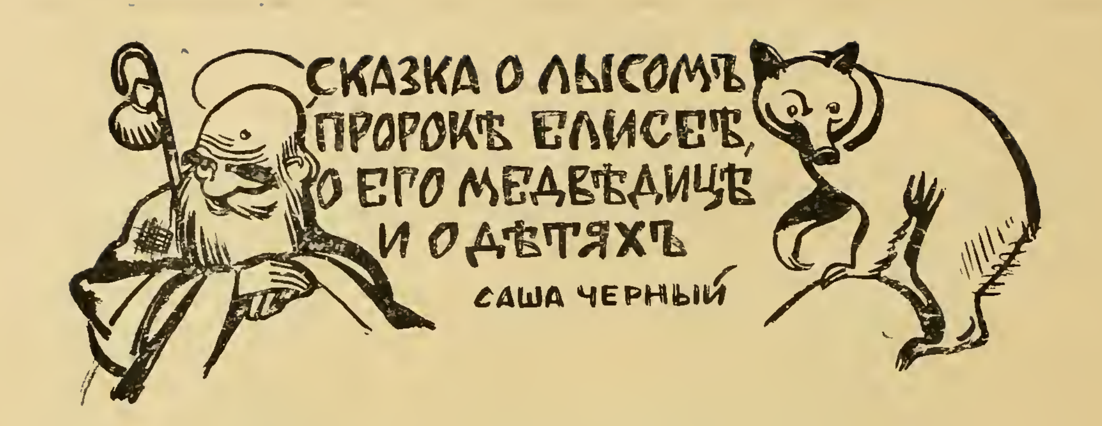

Рис. Ре-ми.

"Когда пророкъ Елисей шелъ дорогою, малыя дѣти вышли изъ города и насмѣхались надъ нимъ: идетъ плѣшивый. — Онъ оглянулся и увидѣлъ ихъ и проклялъ ихъ именемъ Господнимъ. И вышли двѣ медвѣдицы изъ лѣса и растерзали изъ нихъ сорокъ два ребенка".

Такъ говоритъ Библія.

А я думаю, что дѣло было не такъ. Не можетъ быть, чтобы такой славный старикъ, какъ Елисей, изъ за такихъ пустяковъ (ну, подразнили — эка важность), сталъ проклинать дѣтей. И ужъ ни за что на свѣтѣ не повѣрю, чтобы медвѣдицы такъ жестоко расправлялись съ дѣтьми. Не ихъ дразнили, — имъ то что. Да еще будто они переловили столько ребятишекъ... Одного бы поймали, ну двухъ, — а остальные, какъ воробьи, разсыпались бы въ разныя стороны. Догони-ка.

Если ты будешь сидѣть тихо, и вынешь изо рта чернильный карандашъ, и перестанешь дергать кошку за усы, я тебѣ разскажу, какъ это было.

Шелъ пророкъ Елисей опушкой лѣса по дѣламъ въ городъ Вефиль. Жарко было, какъ въ желудкѣ у верблюда. Ящерицы, широко раскрывъ рты, скрывались подъ прохладными камнями, птицы сонно покачивались на вѣткахъ и дремали, — однѣ мухи не спали.

Такъ ужъ ихъ Богъ устроилъ: чѣмъ жарче, тѣмъ имъ веселѣй. И нельзя было отъ нихъ укрыться нигдѣ. Шляпъ тогда не носили, — Елисей и вѣткой отмахивался и ладонью прикрывался, и головой дергалъ, и стыдить ихъ пробовалъ, — ничего не помогало. Лѣзутъ гурьбой на лысину, жужжатъ и щекочутъ, точно имъ и мѣста другого не землѣ нѣтъ, кромѣ его лысины.

Пророкъ Елисей былъ очень добрый старикъ: всѣ звѣри и птицы, и букашки его обожали, и онъ всѣхъ любилъ. Но и самому доброму надоѣстъ, когда надо сто, двѣсти, триста разъ кричать "кышъ" и махать руками.

А тутъ еще изъ за пригорка цѣлая ватага дѣтей высыпала... Разогрѣлись, расшалились и вдругъ такое удовольствіе: лысый старикъ идетъ.

Самый маленькій даже ротъ раскрылъ отъ радости и запѣлъ:

— Вонъ и - детъ плѣ - ши - вый... — и пошло.

Ну вотъ тутъ, когда мухи кусаютъ въ плѣшь, а пятьдесятъ ребятишекъ вокругъ тебя приплясываютъ и сто - двѣсти - триста разъ кричатъ въ уши:

— Вонъ идетъ плѣ - ши - вый... — даже божья коровка разсердится.

Покраснѣлъ Елисей, какъ помидоръ, топнулъ ногой и крикнулъ такъ, что всѣ ящерицы подъ камнями вздрогнули:

— Молчать. Да я васъ всѣхъ. Цыцъ...

А дѣтямъ только этого и надо: лысый старикъ разсердился. И еще пуще всѣ въ одинъ голосъ:

— Вонъ и - детъ плѣ - ши - вый.

Сунулъ Елисей два пальца въ ротъ, свистнулъ. Прибѣжала изъ лѣса его любимая медвѣдица, бурая, съ чернымъ блестящимъ носомъ, съ черными блестящими глазками и ткнула головой Елисея въ плечо: — "чего тебѣ". — И шепнулъ ей Елисей на ухо:

— Пристаютъ... Пугни ихъ, да не очень...

Ну, медвѣдица — дура, звѣрь большой, — гдѣ ей на цыпочкахъ ходить. Стала на заднія лапы, передними замахала, какъ вѣтряная мельница и галопомъ на дѣтей. Ухъ, что тутъ поднялось.

Одинъ черезъ другого, съ визгомъ, съ плачемъ, съ крикомъ, съ воемъ, съ пискомъ, съ ревомъ, — пустились на утекъ, — и бѣжали, не переводя духъ, черезъ луга и поля, пока не домчались до материнскихъ колѣней, — только тамъ и отдышались. А самый маленькій споткнулся о пень, полетѣлъ носомъ на земь, и глупая медвѣдица не опомнилась, какъ съ размаху на дѣтской рубашонкѣ большую прорѣху прорвала. Только и всего.

Вернулся къ закату пророкъ Елисей изъ Вефиля. Жаръ спалъ. Мухи забились подъ листья, кто куда, хоботками чуть чуть шевелятъ — и не слышно ихъ.

Проходитъ пророкъ мимо той же опушки и палкой весело размахиваетъ. Нѣтъ дѣтей... Точно ихъ дождемъ смыло. Только изъ за пригорка слышно, какъ все тотъ же мальчикъ, который всю кашу заварилъ, пищитъ:

"...Ухъ, что тутъ поднялось".

Сталъ Елисей за сосну и ждетъ.

— Прячьтесь. Скорѣй прячьтесь. Лысый старикъ идетъ.

Скучно стало Елисею. Любилъ онъ звѣрей и птицъ и букашекъ, а больше всего дѣтей, дружбу съ ними водилъ, сказки имъ въ лѣсу разсказывалъ, — и вдругъ такая исторія: дѣти его боятся... И совѣстно какъ-то. Ну, покричали, подразнили... Зачѣмъ же ихъ такимъ страшнымъ лѣснымъ звѣремъ пугать.

Позвалъ Елисей — никто не откликается. Постоялъ на мѣстѣ, вздохнулъ и пошелъ къ себѣ въ пещеру спать.

На завтра то же самое, — и день и два, и три прошло, прячутся дѣти отъ Елисея, точно отъ медвѣдицы. Чуть его завидятъ, словно сквозь землю проваливаются, — только и слышитъ за камнями то справа, то слѣва:

— Удирай. Удирай. Лысый старикъ идетъ.

Пустился Елисей на хитрости, зналъ дѣтское сердце. Смастерилъ изъ бѣлыхъ щепокъ мельницу — вертушку, укрѣпилъ на палкѣ и привязалъ на опушкѣ къ толстой соснѣ. Далеко видно. А вѣтеръ подкрался изъ-за пригорка — дунулъ, закружилъ легкое колесо, завертѣлъ, — чудесная штука.

Сталъ Елисей за сосну, плѣшь бородой отъ мухъ прикрылъ, догадался, — и ждетъ. И вотъ слышитъ: одинъ подби-

Добрый пророкъ Елисей разгладилъ бороду, посадилъ своего пріятеля, самаго маленькаго мальчика, къ себѣ на колѣни и началъ разсказывать сказку.

рается, за нимъ другой, еще и еще, точно тихіе червячки. Ближе, и ближе, и ближе, пока до самой сосны не дошли.

Выскочилъ пророкъ Елисей и только ротъ раскрылъ, чтобы ласковое слово сказать, да - куда тамъ. Брызнули какъ зайцы назадъ, и мельницы не надо. Но старикъ другого и не ждалъ. Побѣжалъ на перерѣзъ къ самому маленькому, (который первый дразнился), — давно онъ его высматривалъ — руками взмахнулъ, да такъ его въ охапку и поймалъ, какъ жаворонка.

— Пусти...

— Не пущу... — пыхтитъ Елисей, а самъ только смотритъ, чтобы мальчишка его ногами по носу не задѣлъ.

— Пусти, тебѣ говорятъ.

Но старикъ догадался: вынулъ румяное яблоко, далъ мальчику, а самъ его по головѣ шершавой рукой гладитъ:

— Ѣшь. Ну, чего ты отъ меня бѣжалъ. Развѣ я страшный.

Видитъ мальчикъ, что ничего, — яблоко далъ, медвѣдицы нѣтъ, — откусилъ половину, самъ вбокъ смотритъ, сердитый такой мальчишка, глаза блестятъ, — и говоритъ:

— Ничуть не страшный. Злой, а не страшный.

— Почему же я злой, — усмѣхнулся Елисей, а самъ второе яблоко показываетъ.

— А зачѣмъ ты на насъ большую собаку выпустилъ.

—Медвѣдицу... А зачѣмъ вы меня дразнили.

— А зачѣмъ ты лысый?

Разсмѣялся пророкъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ лысый? Дѣти не виноваты.

Съѣлъ малышъ яблоко и вздохнулъ:

— Дѣдушка, слушай!

— Что, милый?

— Ты маленькимъ былъ?

— Былъ.

— Ага, былъ!.. И никогда не дразнился? Ни ра - зу, ты только правду говори, ни ра - зу не дразнился?

Подумалъ Елисей и еще веселѣй улыбнулся:

— Дразнился! Ишъ ты какая хитрая мартышка. Ну, давай мириться. Зови остальныхъ... — а самъ цѣлый ворохъ яблокъ изъ-за пазухи высыпалъ

— Идите сюда! — запищалъ самый маленькій. — Онъ не тронетъ, онъ добрый! У него яблоки есть!

Сошлись дѣти подъ сосной. Медвѣдица изъ лѣсу пришла, въ землю носомъ ткнулась (ей тоже совѣстно было), и дикаго меду цѣлый сотъ принесла. Вкусно съ яблоками! А добрый пророкъ Елисей разгладилъ бороду, посадилъ своего пріятеля, самаго маленькаго мальчика, къ себѣ на колѣни и началъ разсказывать сказку.

Какую сказку? Такую сказку, что лучше и на свѣтѣ нѣтъ...

Саша Черный.

СКАЗКА

Я книгу тихую открою
Я сказку старую прочту.
Она волшебною игрою
Заворожить мою мечту.
Увижу снова лѣсъ дремучій,
Молчаньемъ скованныя тучи
И цѣпи полудикихъ розъ,
И сквозь узоръ цвѣтущихъ рамокъ,
Тѣнистый садъ, гдѣ тихій замокъ,
Плющемъ забвенія поросъ.

Съ вѣтвей смолистыхъ кедровъ черныхъ
Стекаетъ медленный янтарь,
И спитъ среди своихъ придворныхъ
Съ царицей и царевной царь.
И все, куда ни взглянетъ око,
Въ тиши задумалось глубоко,
Въ волшебный сонъ погружено.
И милую царевну жалко —
Зачѣмъ ей было трогать прялку
И острое веретено.

Но сердце знаетъ — скоро, скоро,
Порвется сновидѣній нить
И принцъ безъ страха и укора
Придетъ царевну разбудить.
И рѣчка быстро заструится.
Вспорхнетъ и защебечетъ птица,
Расправитъ крылья стрекоза,
И удивленно и напѣвно
Раскроетъ спящая царевна
Свои лучистые глаза.

Я книгу тихую открою,
Я сказку старую прочту.
Она волшебною игрою
Заворожитъ мечту мою.
Повѣривъ сказочному чуду,
Быть можетъ, я на мигъ забуду
Годовъ томительную сѣть.
И станетъ легче на мгновенье,
Преодолѣвъ земныя звенья,
На крыльяхъ въ дѣтство улетѣть.

Григорій Шайкевичъ.

КРѢПКО ПОМНИ О РОССІИ

СТАРАЯ ГУБЕРНІЯ.

Очеркъ и рисунки Георгія Лукомскаго.

I.

Много характера своеобразнаго, много чертъ бытовыхъ, особенныхъ, крѣпкихъ, одной только русской жизни свойственныхъ, было въ провинціи, еще до недавняго времени.

Постепенно стали исчезать многія особенности этой жизни. Но уцѣлѣли дома, церкви, ряды гостиные. И напоминаютъ они намъ о Россіи уходящей.

Пройдутъ года, заживетъ новой жизнью Россія, но уже не тотъ будетъ характеръ жизни.

Не забудемъ же того, что было, того, что заставляетъ крѣпче биться сердце. Будемъ крѣпко помнить о Россіи, о нашей дорогой, вѣчной, красивой Россіи.

II.

Кончились поля, перелѣски осинника. — Пошли огороды съ капустой, огурцами. — Цыгане таборомъ стоятъ. А вотъ, кузницы. Огонь мелькаетъ въ глубинѣ сараевъ. Лязгъ желѣза, стукъ молота.

Сейчасъ будетъ громадная каменная арка. Построили ее, когда еще матушка-императрица проѣзжала: Екатерина Великая направлялась въ Крымъ и по дорогѣ къ ея проѣзду, что дворцовъ, что тріумфальныхъ воротъ настроили!.. Много ихъ. Почти въ каждомъ городѣ. И въ Калугѣ, и въ Орлѣ, и въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и въ Новочеркасскѣ, и въ Могилевѣ...

Проѣзжать надо подъ самой аркой, къ которой подвѣшена большая - большая икона. И лампадочка передъ ней свѣтится, старая лампада кованаго желѣза съ цвѣтными стеклами.

Проѣхали арку; направо полосатая будка сторожа, мостъ черезъ оврагъ — и застучали колеса о булыжную мостовую. Крупные, крупные камни, а межъ нихъ трава растетъ. Въ канавкѣ — свинья, курицы бродятъ. Изъ подворотни вдругъ песъ кинется.

И ужъ какой злой! лаетъ, лаетъ, а ямщикъ его — кнутомъ! — Да отстань же!..

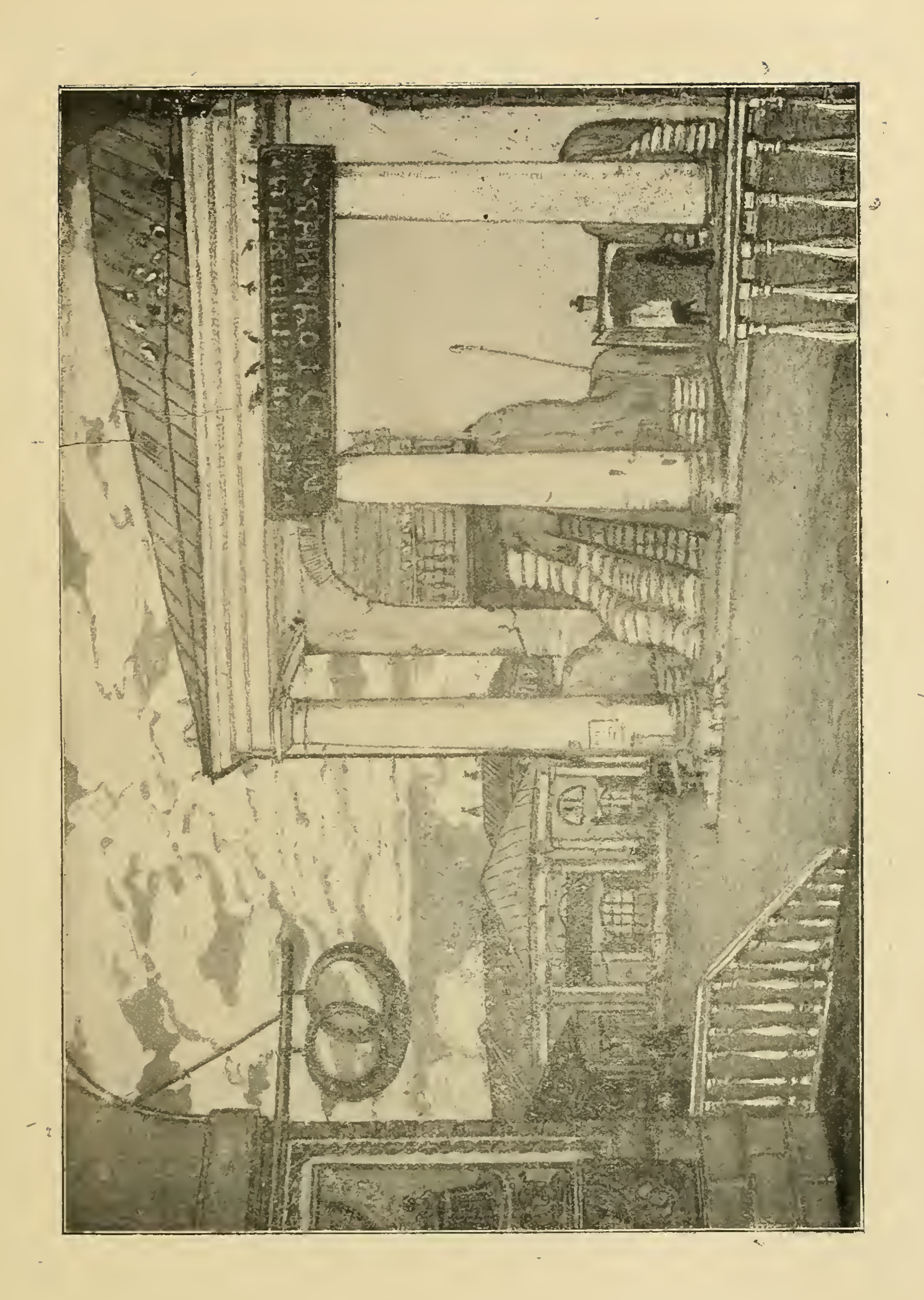
Мальчишки у деревяннаго забора сгурьбились: играютъ въ косточки отъ телячьихъ ножекъ, что отъ студня остались.

А, вотъ, длинные заборы, шлагбаумъ полосатый: тутъ за проѣздъ плату берутъ.

Дальше — домики деревянные съ бѣлыми ставнями, а вокругъ — сады и сады.

Глядите, какой красивый особнячекъ. На верху — треугольный фронтонъ, и на немъ — вѣнки изъ аллебастра. Подъ самой крышей этакій поясокъ проложенъ, а на немъ звѣри — грифоны, и лиры, и головы боговъ греческихъ. Строилъ этотъ особнякъ, — еще лѣтъ сто тому назадъ, — выслужившійся въ столицѣ генералъ отставной.

Какъ разъ, насупротивъ — розовый

домикъ, каменный, двухэтажный, это — богатаго купца - мѣховщика. Нажилъ онъ на соболяхъ, да на лисицахъ деньги немалыя — и какой себѣ домъ построилъ! Съ колоннами!

И дворъ — передъ домомъ. А налѣво и направо — службы: каретные сараи, бани, погреба.

А, что богатства въ погребахъ этихъ!.. — И огурцовъ боченочки, и сливъ, да вишенъ клѣтушечки, и подъ потолкомъ рыба сушится, и жирные окорока въ горку свалены. А тамъ, — сарай, — привезли туда на зиму запасъ, телѣга подъѣхала, до верху нагруженная: и сельдерей въ ней пахучій, и рѣпка круглая, крѣпкая, и кочаны капусты кудрявой. и длинная морковка.

За домомъ — деревья старыя. Галки на нихъ, гнѣздъ-то навили сколько. Вотъ какъ къ вечеру прилетятъ, стаями кружиться начнутъ — галдежу-то, крику сколько! А сейчасъ онѣ на базары улетѣли, зерно подбирать.

Ѣдемъ дальше. Бричку нашу и тарантасъ уже не такъ трясетъ. Подкидываетъ только на перекресткахъ, гдѣ — ухабы. Ямщикъ давно, еще у воротъ, подвязалъ покрѣпче колокольчикъ у дуги расписной, и въ ушахъ все звонъ стоитъ.

Подъѣхали къ Гостиному двору. Лавки пошли — побогаче.

На вывѣскахъ, то — полушубокъ романовскій нарисованъ, то — валенки.

А у чайной, — какіе куличи, да пасхи на вывѣскахъ! И золотой крендель съ короной надъ самымъ входомъ.

А вотъ и "ряды": арки низенькя, бѣлыя, и — въ глубинѣ — лавки, все больше бакалейныя, и идетъ отъ нихъ веселый, черносливный духъ.

И усатые китайцы, важные на синихъ вывѣскахъ стерегутъ входъ въ магазинъ. Чтобы никто не забрался. А дальше еще ряды: мясные, скобяные, мучные, рыбные.

И всѣ съ колоннами высокими: а въ нихъ — горы муки, пшена, крупъ всякихъ. И стаи голубей перелетаютъ съ одной кучи на другую: ѣшьте вволю, всѣмъ хватитъ!

Краснощекій парень съ лоткомъ на головѣ продаетъ гречишники, продаетъ — расхваливаетъ.

Другой оладьи жирныя, сахаромъ посыпанныя, и съ вареньемъ еще, по двѣ копейки предлагаетъ.

Мужики привезли изъ деревни паклю, деготь, конопляное масло; въ дорогу собрались, — изъ деревни верстъ восемьдесятъ будетъ, — накупили баранокъ и сельдей, — своимъ въ подарокъ.

III.

Въ концѣ площади — пожарная каланча. На самомъ верху — дежурный расхаживаетъ: если гдѣ пожаръ, — шары черные вывѣситъ.

На улицѣ, что дальше, — казенная палата. Большіе дома рядомъ квадратовъ идутъ съ арками для проѣзда: это — присутственныя мѣста. Другимъ разомъ мы зайдемъ и туда и, еще, въ тотъ чудесный домъ съ полукруглыми окнами. Тамъ въ Дворянскомъ собраніи залъ съ колонадой: какія тамъ елки зажигаютъ въ сочельникъ, какія сласти раздаютъ, да, конфетки въ блестящихъ бумажкихъ, плоскія и съ бахрамкой.

А вотъ и синіе купола собора. Смотрите, сколько звѣздъ нарисовано на нихъ. На колокольнѣ колоколъ самый большой въ губерніи: какъ загудитъ къ вечернѣ — за пятнадцать верстъ слышно.

Налѣво отъ собора — домъ длинный, длинный, бѣлый: губернаторъ живетъ. Вотъ на тройкѣ къ нему полицеймейстеръ съ докладомъ пріѣхалъ: видали, какъ

лихо соскочилъ, какъ лаковые сапоги блестятъ у него. И будочники козыряютъ.

А кони то какіе! Какъ копытомъ сердито землю бьютъ!

Напротивъ губернскаго дома — городской садъ. По вечерамъ здѣсь музыка полковая, то марши гремитъ военные, мѣдь разсыпаетъ, то нѣжные, томные вальсы играетъ. А въ аллеяхъ — гулянье. Плошки зажигаютъ, вонь отъ нихъ и чадъ.

Въ концѣ сада — обрывъ. Видъ — на рѣку и зарѣчную часть. Черезъ рѣку мостъ на баркахъ: который разъ уже строютъ, все сгораетъ, хоть и на водѣ стоитъ.

Въ зарѣчной части — домишки махонькіе: синіе, желтые, бѣлые, съ зелеными и красными крышами. Это все посадская часть, а за ней идутъ — стрѣлецкія улицы: живутъ тамъ — мѣщане, ремесленники.

Тутъ и мѣщанская управа: просто, домъ съ провалившейся крышей. Но есть про него слухъ въ городѣ, что ходитъ тамъ каждую ночь старикъ одинъ и — все плачетъ.

А, вотъ, и острогъ: башни у него съ зубцами, и ворота съ желѣзными створками. А неподалеку, на лугу, у самаго сосноваго бора — Лаврентьевскій монастырь: ежу уже чтыреста лѣтъ, стѣна длинная, длинная идетъ до самаго лѣса.

Пойдемъ теперь еще вотъ черезъ ту площадь. Тамъ кремль — старый соборъ Борисоглѣбскій и стѣны сурьезныя, каменныя. Этотъ камень-то самый изъ Серпуховки на баркахъ гужемъ тащили.

Башенки всѣ — съ бойницами, колоколенки всѣ старинныя, во времена царя Алексѣя Михайловича строеныя. А сама церковь и еще старѣе, она уже 500 лѣтъ стоитъ.

Пора кончать прогулку! Пойдемъ теперь въ трактиръ. Подадутъ намъ пельмени, отъ которыхъ паръ такъ и валитъ, и лучкомъ чуть пахнетъ.

Половые въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ до колѣнъ, лиловымъ шнуркомъ подпоясаны.

Посидимъ, не спѣша, чайкомъ побалуемся, машину — органъ послушаемъ, а сейчасъ надо ѣхать; а то до вечера не пріѣдемъ. А еще надо покупки сдѣлать: нянькѣ — ситцу къ именинамъ купить, да плису черного—кучеру на шаровары.

— Ѣдемъ стало быть?

— Ѣдемъ!

Пошелъ ямщикъ!..

Г. Лукомскій.

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ

Рис. А. Койранскаго.

Романъ Р. Стивенсона

Продолженіе).

«Ладно. маршъ!» прервалъ онъ меня. И я никогда не слыхивалъ такого холоднаго, жестокаго и безобразнаго голоса. Онъ пугалъ меня больше, чѣмъ боль. И я повиновался и повелъ слѣпца къ дверямъ гостинной, гдѣ сидѣлъ нашъ старый больной пиратъ, осовѣлый отъ рома. Слѣпой слѣдовалъ за мной по пятамъ, сжимая мою руку въ желѣзныхъ тискахъ и наваливаясь всей тяжестью тѣла на меня.

«Подведи меня прямо къ нему, и когда увидишь его, крикни: «Вотъ вашъ другъ, Биль!» А если ты не сдѣлаешь этого, то вотъ что будетъ», и съ этими словами онъ такъ стиснулъ мою руку, что мнѣ казалось, что я лишаюсь чувствъ. Я былъ такъ запуганъ слѣпымъ нищимъ, что совершенно забылъ страхъ передъ капитаномъ, и открывъ дверь гостинной, я съ дрожью въ голосѣ прокричалъ то, что онъ мнѣ приказалъ.

Бѣдный капитанъ поднялъ глаза, и въ одно мгновеніе весь ромъ испарился изъ него, и онъ сталъ совершенно трезвымъ. Лицо его выражало не столько ужасъ, сколько смертельную слабость. Онъ сдѣлалъ попытку подняться, но, у него не было для этого достаточной силы.

«Ладно, Биль, сиди на мѣстѣ», сказалъ нищій. «Хоть я и не вижу, зато слышу каждое движеніе пальца. Дѣло дѣломъ. Протяни правую руку. Малый, возьми его правую руку и поднеси къ моей правой».

Мы оба повиновались ему безпрекословно, и я видѣлъ, что онъ всунулъ что-то, зажатое въ той рукѣ, которой онъ опирался на костыль, въ руку капитана, и тотъ мгновенно зажалъ ладонь.

«Теперь готово», сказалъ слѣпой. И съ этими словами онъ выпустилъ меня, и, съ необычайной точностью и проворствомъ, вышелъ изъ гостинной на дорогу, гдѣ я услышалъ удаляющійся стукъ его костыля.

Прошло нѣсколько времени пока и я и капитанъ смогли собраться съ мыслями; но, наконецъ, почти одновременно, я отпустилъ его правую руку, которую все еще держалъ, и онъ заглянулъ въ ладонь.

«Десять часовъ!» воскликнулъ онъ. «Еще цѣлыхъ шесть! Мы увильнемъ отъ нихъ!» и онъ вскочилъ на ноги.

Но въ это мгновеніе онъ пошатнулся, поднесъ руку къ горлу, постоялъ шатаясь и потомъ, съ страннымъ звукомъ, растянулся во всю длину на полу.

Я подбѣжалъ къ нему, зовя на помощь мать. Но было уже поздно. Капитанъ былъ мертвъ, разбитый параличемъ. Любопытно отмѣтить, что хотя я и не любилъ этого человѣка, хотя въ послѣднее время начиналъ жалѣть, — лишь только я убѣдился, что онъ мертвъ, я залился слезами. Это была вторая смерть, какую мнѣ пришлось видѣть, и скорбь о первой была еще свѣжа въ моемъ сердцѣ.

ГЛАВА IV

КОРАБЕЛЬНЫЙ СУНДУКЪ.

Не теряя времени, я конечно, разсказалъ матери все. что зналъ, хотя, пожалуй, долженъ былъ разсказать ей все это раньше. Положеніе наше было трудное и опасное. Часть денегъ капитана, — если только у него были деньги, — безспорно принадлежала намъ; но трудно было предположить, чтобы товарищи капитана, въ особенности, если они были вродѣ тѣхъ двухъ, какихъ я уже видѣлъ, т. е., Чернаго Пса и Слѣпого, согласились бы уступить часть добычи въ уплату долговъ покойнаго. Исполнить приказъ капитана — немедленно скакать къ доктору Ливсэй, значило бы оставить мать одну, о чемъ нельзя было и думать. Вмѣстѣ съ тѣмъ было невозможно оставаться дольше въ домѣ: паденье угля въ кухонной плитѣ и даже тиканье часовъ, наполняли насъ тревогой. Намъ слышались приближающіеся шаги; и были мгновенья, когда у меня волосы становились дыбомъ при мысли о трупѣ капитана, лежащемъ на полу въ гостиной и объ отвратительномъ слѣпомъ нищемъ, бродящемъ гдѣ-то по близости. Надо было быстро принять какое - нибудь рѣшеніе, и намъ, наконецъ, пришло въ голову уйти вдвоемъ искать помощи въ ближайшемъ селеніи. Сказано — сдѣлано. Простоволосые, въ чемъ были, мы побѣжали въ наступающія сумерки и морозный туманъ.

Селеніе было расположено въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдовъ отъ нашего дома, на другой сторонѣ ближайшей бухты, но не было видно; и особенно ободряло меня то, что оно находилось въ направленіи, противоположномъ тому, откуда пришелъ слѣпой и куда, по всему вѣроятію, онъ вернулся. Недолго были мы въ пути, хотя нѣсколько разъ останавливались и прислушивались, затаивъ дыханіе. Но не было слышно никакого необычнаго звука — ничего, кромѣ тихаго плеска, прибоя да карканья воронъ въ лѣсу.

Огни еще свѣтились, когда мы достигли селенія, и я никогда не забуду, какъ воспрянулъ духомъ, завидѣвъ желтый свѣтъ въ окнахъ и дверяхъ; но это, казалось, была единственная помощь, какой мы могли добиться въ этомъ мѣстѣ. Ибо ни одна душа не согласилась идти съ нами обратно къ « Адмиралу Бенбо ». Чѣмъ больше мы разсказывали о нашей тревогѣ, тѣмъ упорнѣе не соглашался никто, отъ мала до велика, уйти изъ подъ защиты родного крова. Имя капитана Флинта, чуждое мнѣ, было хорошо извѣстно многимъ жителямъ деревушки и внушало ужасъ. Нѣкоторые изъ нихъ, которые работали въ полѣ неподалеку отъ « Адмирала Бенбо » вспоминали, что они видѣли нѣсколько чужихъ людей на дорогѣ, которыхъ приняли за контрабандистовъ; а одинъ даже видѣлъ небольшое парусное суденышко въ бухточкѣ, которую мы называли Дыра Китта. Кромѣ того, всякій, кто называлъ себя товарищемъ покойнаго капитана, внушалъ имъ достаточный страхъ. Словомъ, мы могли добиться только того, что нѣсколько охотниковъ вызвались съѣздить къ доктору Ливсэй, жившему въ другомъ направленіи, но никто не согласился помочь намъ защищать гостинницу.

Говорятъ, что трусость заразительна. Но, съ другой стороны, возраженія иной разъ укрѣпляютъ отвагу. Когда всѣ высказались, матушка отвѣтила имъ рѣчью. Она сказала, что не согласится потерять деньги, принадлежащія ея осиротѣвшему сыну: « Если никто изъ васъ не смѣетъ », — воскликнула она, — « то мы съ Джимомъ посмѣемъ. Мы вернемся той же дорогой, какой и пришли, а вамъ и на этомъ спасибо, трусливыя, мокрыя куры.

Мы откроемъ сундукъ, хотя бы намъ пришлось изъ за этого сложить голову. И я буду вамъ очень обязана, госпожа Кросслей, если позволите захватить этотъ чемоданчикъ, чтобы унести въ немъ наши деньги ».

Я, конечно, заявилъ, что пойду съ матушкой. И, конечно, всѣ они закричали, что это — безуміе. Но и тутъ никто не вызвался пойти съ нами.

Они ограничились тѣмъ, что дали мнѣ заряженный пистолетъ на случай нападенія и обѣщали приготовить осѣдланныхъ лошадей на случай, если насъ будутъ преслѣдовать на обратномъ пути. А одинъ малый немедленно отправился къ доктору за вооруженной помощью.

Сердце мое сильно билось, когда мы вдвоемъ опять вышли въ холодную ночь на наше опасное предпріятіе. Подымалась полная луна и краснымъ щитомъ глядѣла сквозь туманъ. Это заставляло насъ спѣшить, потому что ясно было, что еще раньше, чѣмъ мы пустимся въ обратный путь, уже будетъ свѣтло, какъ днемъ, и мы будемъ отчетливо видны всякому наблюдателю. Мы крались вдоль изгородей, бесшумно и быстро, и мы добрались до дверей « Адмирала Бенбо », не увидѣвъ и не услышавъ ничего, что могло бы увеличить нашъ страхъ.

Я отодвинулъ засовъ и мы вошли въ темноту и остановились въ нерѣшительности въ домѣ, гдѣ лежало тѣло мертваго капитана. Потомъ мать нашарила свѣчу за стойкой и мы, держась за руки, вошли въ гостиную. Онъ лежалъ такъ, какъ мы оставили его, на спинѣ, съ открытыми глазами, и откинувъ одну руку.

« Опусти занавѣску, Джимъ », — прошептала матушка, — « они могутъ подкрасться и увидѣть снаружи. А теперь », — сказала она, когда я исполнилъ ея приказаніе, — « намъ надо достать ключъ у этого; и кто-только рѣшится прикоснуться къ нему, хотѣла бы я знать! » И она глубоко вздохнула, сказавъ это.

Я тотчасъ же опустился на колѣни. На полу около его руки лежалъ маленькій кружокъ бумаги, зачерченной съ другой стороны. Я не сомнѣвался, что это и было « черное клеймо », и поднявши его, я прочелъ на другой сторонѣ слѣдующую надпись, сдѣланную отчетливымъ, красивымъ почеркомъ: « Тебѣ осталось до десяти часовъ »...

« Ему оставалось до десяти часовъ, матушка »... — сказалъ я. И какъ только я произнесъ эти слова, наши старые часы принялись бить. Этотъ внезапный звукъ ужасно напугалъ насъ; но извѣстіе было хорошее, потому что часы пробили всего шесть разъ...

« Теперь, Джимъ, — сказала матушка, — ключъ! »

Я обыскалъ его карманы, одинъ за другимъ. Нѣсколько мелкихъ монетъ, наперстокъ, нитки и нѣсколько крупныхъ иголокъ, кусокъ жевательнаго табаку, откушенный съ одной стороны, его ножъ съ изогнутой рукоятью, карманный компасъ и коробка съ кремнемъ и трутомъ, — вотъ все, что оказалось въ нихъ, и я уже начиналъ приходить въ отчаяніе.

« Быть можетъ, онъ у него на шеѣ », — предположила матушка.

Преодолѣвая сильное отвращеніе, я разстегнулъ его рубашку и на груди, на просмоленномъ шнуркѣ, дѣйствительно, нашелъ ключъ. Я обрѣзалъ шнурокъ его собственнымъ ножемъ. Это исполнило насъ надеждой, и мы поспѣшили наверхъ, въ маленькую комнату, гдѣ онъ такъ долго спалъ и гдѣ стоялъ, со времени его пріѣзда, его корабельный сундукъ.

Снаружи онъ былъ таковъ же, какъ и всякій матросскій сундукъ. На верхней крышкѣ была выжжена буква Б, и углы были побиты и поцарапаны, какъ отъ долгой и тяжелой службы.

« Дай мнѣ ключъ! » — сказала матушка; и хотя замокъ былъ очень тугой, она въ мгновенье отперла его и отворила крышку.

Сильный запахъ табаку и смолы поднялся изнутри, но сверху не было видно ничего, кромѣ очень хорошаго костюма, тщательно вычищеннаго и сложеннаго. Мать сказала, что онъ ни разу не былъ надѣванъ. Подъ платьемъ началась смѣсь: квадрантъ, оловянная манерка, нѣсколько плитокъ табаку, двѣ пары очень красивыхъ пистолетовъ

Она въ мгновенье отперла его и отворила крышку.

слитокъ серебра, старые испанскіе часы, нѣсколько другихъ бездѣлушекъ небольшой цѣнности и экзотическаго вида, компасъ оправленный въ мѣдь и пять или шесть вест-индскихъ раковинъ. Я не разъ потомъ задумывался о томъ, зачѣмъ возилъ онъ съ собой эти раковины въ его бродячей, преступной жизни.

Мы не нашли пока ничего стоющаго, кромѣ серебра да бездѣлушекъ, и все это было для насъ мало подходящимъ. На днѣ сундука былъ старый морской плащъ, побѣлѣвшій отъ соленыхъ брызгъ многихъ далекихъ побережій. Матушка вытащила его нетерпѣливо и передъ нами оказались послѣднія вещи, бывшія въ сундукѣ: пакетъ, завязанный въ клеенку и имѣвшій видъ пачки документовъ, и холщевый мѣшокъ, изъ котораго раздался звонъ золотой монеты.

« Я покажу этимъ негодяямъ, что я честная женщина », — сказала матушка. — « Я возьму только то, что мнѣ слѣдуетъ и ни одного фартинга больше. Держи-ка чемоданчикъ госпожи Кросслэй ». И она стала отсчитывать то, что причитывалось съ капитана, изъ его мѣшка въ чемоданчикъ, который я держалъ.

Это было долгое и трудное дѣло, потому что монеты были всѣхъ странъ и всѣхъ достоинствъ. Тутъ были дублоны, луидоры, гинеи, унціи и всякія другія, смѣшанныя въ одну кучу. Гинеи попадались всего рѣже, а матушка только въ нихъ и разбиралась.

Когда мы сдѣлали приблизительно полдѣла, я вдругъ схватилъ матушку за руку: я услышалъ въ тишинѣ морознаго воздуха звукъ, отъ котораго у меня остановилось сердце — постукиваніе костыля слѣпого нищаго по замерзшей дорогѣ. Оно все приближалось и приближалось, и мы сидѣли затаивъ дыханіе. Потомъ оно раздалось у самой двери, заскрипѣла ручка и раздался лязгъ потрясаемаго засова: чудовище пыталось войти; потомъ наступило долгое молчаніе. Потомъ опять раздалось постукиваніе костыля, и, къ величайшей нашей радости, замолкло въ отдаленіи.

« Мама! » — сказалъ я. — «Бери все и пойдемъ ». Потому что я былъ увѣренъ, что запертая на засовъ дверь должна была вызвать подозрѣнія и навлечь на нась все гнѣздо ехидны; хотя никто, кто не встрѣчалъ этого ужаснаго слѣпца, не могъ представить себѣ, какъ благодарилъ я Бога въ душѣ за то, что догадался запереть дверь.

Но мать моя, какъ ни была она напугана, не могла согласиться взять на грошъ больше, чѣмъ ей причиталось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорно не соглашалась удовлетвориться меньшимъ. Еще не было семи часовъ, говорила она; она знала свои права и не согласилась бы ими поступиться; и она все еще спорила со мной, когда тихій свистъ раздался вдалекѣ на холму. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для насъ обоихъ.

« Я захвачу, что уже отсчитала », — сказала она, вскакивая на ноги.

« А я захвачу вотъ это, чтобы закончить счетъ », — воскликнулъ я, схвативши пакетъ въ клеенкѣ.

Въ слѣдующее мгновеніе мы уже грохотали внизъ по лѣстницѣ, оставивъ свѣчу около пустого сундука; еще мгновеніе и мы были за дверью въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Мы выскочили, какъ разъ, во время. Туманъ быстро разсѣивался; луна уже во всю освѣщала холмы по бокамъ дороги. И только въ оврагѣ, да около таверны еще оставались клочья тумана, способствовавшіе первымъ шагамъ нашего отступленія. Меньше чѣмъ на полудорогѣ до селенія, на склонѣ холма мы должны были выбраться на освѣщенное мѣсто. А между тѣмъ звукъ многочисленныхъ шаговъ уже доносился до насъ; оглянувшись мы увидѣли огонекъ, болтавшійся изъ стороны въ сторону и быстро приближавшійся, что свидѣтельствовало о томъ, что у одного изъ шайки былъ фонарь.

« Дорогой мой, — проговорила внезапно матушка, — бери деньги и бѣги. Я чувствую, что падаю въ обморокъ ».

Это было бы концомъ для насъ обоихъ, понималъ я. Какъ я проклиналъ трусость сосѣдей Какъ порицалъ я мою бѣдную матушку за ея честность и скупость, за ея прежнюю отвагу и теперешнюю слабость! Къ счастью, мы находились какъ разъ около маленькаго мостика. И я помогъ ей, охваченной дрожью, добраться до края ограды, гдѣ она со вздохомъ упала на мое плечо. Не знаю, какъ хватило у меня силы на все это и какъ удалось мнѣ утащить ее внизъ, въ оврагъ, подъ пролетъ мостика. Забраться вглубь мнѣ не удалось, потому что мостъ былъ очень низокъ. Такъ намъ и пришлось тутъ остаться, причемъ матушка была почти совсѣмъ на виду, и оба мы находились такъ близко отъ гостиницы, что ясно слышали голоса.

ГЛАВА V

КОНЕЦЪ СЛѢПОГО.

Мое любопытство пересиливало мой страхъ; я не могъ оставаться на мѣстѣ и вылѣзъ опять на брустверъ мостика, откуда, пряча голову за кустомъ, я могъ видѣть дорогу передъ нашимъ домомъ. Едва успѣлъ я занять эту позицію, какъ непріятели стали уже появляться. Ихъ было семь или восемь человѣкъ, они быстро бѣжали, громкій шопотъ раздавался вдоль по дорогѣ, впереди бѣжали вмѣстѣ держась за руки; и, несмотря на туманъ, я разсмотрѣлъ, что средній въ этой тройкѣ былъ слѣпой нищій. Въ слѣдующее мгновеніе голосъ его убѣдилъ меня въ томъ, что я не ошибся.

— Вышибай дверь! — крикнулъ онъ.

— Сію минуту! — отвѣтили два или три голоса. И послѣдовала аттака на « Адмирала Бенбо », въ которой участвовалъ и человѣкъ съ фонаремъ; потомъ я увидѣлъ, какъ они остановились, и голоса ихъ стали раздаваться тише: очевидно они были удивлены тѣмъ, что дверь оказалась незапертой. Но это недолго продолжалось, потому что слѣпой опять принялся командовать. Голосъ его звучалъ громче и выше, чувствовалось, что онъ былъ взбѣшенъ.

— Входите же!. — кричалъ онъ. Что вы тутъ корни пустить собираетесь? Чего вы еще ждете?

Четверо или пятеро немедленно повиновались, а двое остались на дорогѣ съ ужаснымъ нищимъ. Послѣдовала пауза, потомъ раздался возгласъ удивленія, и кто - то крикнулъ изъ дома:

« Биль умеръ! »

Но слѣпецъ сталъ опять бранить ихъ за медлительность.

« Обыщите его, негодные шалопаи, а остальные — наверхъ и доставайте сундукъ! кричалъ онъ.

Я слышалъ, какъ загромыхали ихъ шаги по лѣстницѣ, такъ что весь домъ затрясся. Вслѣдъ затѣмъ раздались новые крики удивленія. Окно комнаты капитана распахнулось со звономъ битаго стекла; въ лунномъ свѣтѣ изъ окна высунулась голова и плечи какого-то человѣка, который обратился къ слѣпцу, стоявшему внизу на дорогѣ.

« Пью! » — крикнулъ онъ, — « они здѣсь были раньше насъ. Кто-то перерылъ весь сундукъ? »

« Что жъ, эта штука еще тутъ? »

« Деньги тутъ ».

Слѣпецъ осыпалъ проклятіями деньги. « Я спрашиваю про руку Флинта », — крикнулъ онъ.

« Ея что-то не видать », — отвѣтилъ человѣкъ въ окнѣ.

« Эй вы, тамъ внизу, нѣтъ ея на Биллѣ? » — крикнулъ опять слѣпой.

На эти слова другой человѣкъ, очевидно, остававшійся внизу, чтобы обыскать трупъ капитана, показался въ дверяхъ гостиницы «Биля уже обыскали, и ничего на немъ не осталось » — сказалъ онъ.

« Это — хозяева гостинницы! Это — мальчишка! Жаль, я не вырвалъ у него глазъ!» — закричалъ слѣпой Пью. « Они были здѣсь только что. Дверь была заперта, когда я пробовалъ ее открыть. Разсыпься, ребята, и отыщите ихъ ».

« Конечно » сказалъ человѣкъ въ окнѣ. « Вотъ и огарокъ еще ихъ горитъ ».

« Разсыпься и ищи! Разберите домъ по камню! » — повторялъ Пью, стуча палкой по дорогѣ.

Началась шумная возня по всей нашей старой гостинницѣ, тяжелые шаги громыхали вверхъ и внизъ, падала съ грохотомъ мебель, хлопали двери, такъ что эхо раздавалось въ скалахъ.

Потомъ, одинъ за другимъ, искавшіе вышли на дорогу и заявили, что ничего не нашли. И въ это самое мгновеніе тотъ же свистъ, который такъ встревожилъ матушку и меня, когда мы возились съ деньгами покойнаго капитана, ясно раздался въ ночномъ воздухѣ, но на этотъ разъ повторился дважды. Я прежде думалъ, что это былъ призывъ слѣпца, подававшій знакъ къ аттакѣ; но теперь я понялъ, что это былъ

сигналъ съ холмовъ, предупреждавшій пиратовъ о приближающейся опасности.

« Опять — Диркъ » — сказалъ одинъ. « Дважды! Значитъ приходится улепетывать ».

« Улепытывать! Трусъ! » — заревѣлъ Пью. « Диркъ — всегда былъ бабой, нечего съ нимъ считаться. Они гдѣ-нибудь здѣсь. Они не могли уйти далеко. Они гдѣ-нибудь тутъ, подъ руками. Ищите же ихъ, псы! О, лопни моя душа » — воскликнулъ онъ — « если бы только у меня были глаза! »

Этотъ призывъ, кажется, возымѣлъ нѣкоторое дѣйствіе, потому что двое изъ молодцовъ принялись шарить по кустамъ, но не очень-то усердно и съ оглядкой на грозившую имъ опасность. Остальные стояли въ нерѣшительности на дорогѣ.

« Идіоты, вамъ только руку протянуть за милліонами, а вы мямлите! Вы могли бы быть богаче королей, если бы отыскали ее, и вы знаете, что она здѣсь, а вы стоите и прохлаждаетесь! Ни одинъ изъ васъ не посмѣлъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Билемъ, одинъ я, слѣпой, посмѣлъ! И теперь я изъ-за васъ долженъ потерять свое счастье. Я долженъ оставаться нищимъ, которому опохмелиться не на что, а могъ бы разъѣзжать въ каретѣ! Если бы у васъ было съ комариный носъ храбрости, такъ вы бы уже давно ихъ поймали!» « Да ну ихъ къ ляду! Вѣдь у насъ есть дублоны, Пью! » проворчалъ одинъ.

« Можетъ быть они куда-нибудь запрятали эту проклятую штуку » — сказалъ другой. « Бери червонцы, Пью, и брось выть! »

Бѣшенство Пью возросло отъ этихъ возраженій въ такой мѣрѣ, что не помня себя онъ сталъ сыпать налѣво и направо палочные удары, которые, несмотря на его слѣпоту, не разъ приходились по спинамъ его товарищей.

Пираты, въ свою очередь, разразились ругательствами по адресу слѣпца и тщетно пытались вырвать палку изъ его рукъ.

Эта драка спасла насъ; она еще продолжалась, когда съ высоты холмовъ, со стороны деревни, донесся звукъ конскаго топота. Въ тотъ же самый моментъ сверкнулъ и прогремѣлъ пистолетный выстрѣлъ. Это послужило послѣднимъ сигналомъ; пираты сразу повернулись и обратились въ бѣгство, разсыпаясь во всѣ стороны, кто вдоль бухты къ морю, кто наперерѣзъ черезъ холмы, такъ что въ одно мгновеніе не осталось никого кромѣ Пью.

Они бросили его, охваченные паникой, а можетъ быть, и желая отомстить ему за побои; словомъ, онъ остался и сталъ въ бѣшенствѣ метаться по дорогѣ, призывая своихъ товарищей. Наконецъ, онъ сбился окончательно и побѣжалъ въ сторону деревни, крича:

« Джонни, Черный Песъ, Диркъ, (и другія имена), вы не оставите стараго Пью, товарищи! »

Въ это мгновенье топотъ коней раздался совсѣмъ близко и четыре или пять всадниковъ во весь опоръ проскакали внизъ по косогору.

Пью понялъ свою ошибку, повернулъ съ громкимъ крикомъ и прямо побѣжалъ ко рву, куда и свалился. Но въ слѣдующую минуту онъ ужъ опять былъ на ногахъ и, совершенно сбитый съ толку, бросился прямо подъ ноги ближайшей лошади.

Всадникъ попытался задержать коня, но тщетно. Пью упалъ съ крикомъ, громко прозвучавшимъ въ тишинѣ ночи; и всѣ четыре копыта тяжко опустились на него и проскакали дальше. Онъ упалъ на бокъ, потомъ тихо повернулся лицомъ внизъ и больше не двигался.

Я вскочилъ и окликнулъ всадниковъ. Они съѣхались, взволнованные происшествіемъ, и я вскорѣ увидѣлъ, кто они такіе. Одинъ изъ нихъ, скакавшій позади остальныхъ, былъ малый изъ деревни, который поѣхалъ предупредить доктора Ливсэй; остальные были таможенные стражники, которыхъ онъ встрѣтилъ по дорогѣ, и съ которыми онъ догадался немедленно вернуться. Извѣстія о таинственной шхунѣ дошли до вахмистра Дэнса, и онъ немедленно отправился въ нашу сторону, чему мы съ матушкой и были обязаны спасеніемъ отъ неминуемой смерти.

Пью былъ мертвъ. Что же касается до матушки, то когда мы привезли ее въ деревушку, немного нюхательной соли и воды быстро привело ее въ чувство, и она вполнѣ оправилась отъ перенесенныхъ ужасовъ и только жалѣла о томъ, что не удалось закончить денежные счеты. Тѣмъ временемъ вахмистръ поскакалъ со всей скоростью къ Пещерѣ Кита; но его всадникамъ пришлось спѣшиться и карабкаться внизъ по откосамъ, ведя, а порой даже поддерживая лошадей и опасаясь на каждомъ шагу засады; поэтому не было удивительно, что когда они добрались до Пещеры, шхуна уже снялась съ якоря, хотя еще не успѣла уйти далеко. Онъ окликнулъ ее. Съ судна отвѣтилъ голосъ, совѣтовавшій ему не показываться на лунномъ свѣтѣ, чтобы не получить добраго заряда свинца, и въ то же мгновеніе пуля просвистѣла въ воздухѣ на волосокъ отъ его плеча. Дэнсъ, по собственнымъ словамъ, чувствовалъ себя, « какъ рыба, вынутая изъ воды », и все, что онъ могъ сдѣлать, было отправить человѣка въ Б... предупредить сторожевой куттеръ. « А это » — сказалъ онъ « все равно, что ничего. Они ловко ускользнули, и канули въ воду! Я только доволенъ » — прибавилъ онъ « что обломалъ рога этому Пью. » Потому что онъ уже зналъ мою исторію.

Вмѣстѣ съ нимъ я вернулся въ гостинницу « Адмиралъ Бенбо », и вы не можете себѣ представить такого разгрома. Даже часы были опрокинуты этими молодцами во время ихъ бѣшенной погони за мной и матушкой; и хотя почти ничего не было взято, кромѣ денегъ капитана да кой-какого серебра со стойки, я сразу могъ видѣть, что мы разорены. Дэнсъ никакъ не могъ объяснить себѣ этой сцены.

« Ты говоришь, что они забрали деньги? Такъ скажи же Хоукинсъ, какого лѣшаго они еще искали? Еще денегъ, что ли? »

« Нѣтъ, сэръ, думаю, что не денегъ » — отвѣтилъ я. — « На самомъ дѣлѣ я думаю, что эта штука у меня вотъ здѣсь; и сказать по правдѣ я хотѣлъ бы, чтобы она была въ сохранномъ мѣстѣ ».

« Конечно, малый. Совершенно вѣрно » — сказалъ онъ. — «Если хочешь, я возьму ее »

« Я думаю, что, пожалуй, докторъ Ливсэй» — началъ я.

« Правильно! » прервалъ онъ весело. — « Правильно! Онъ джентльменъ и судья. И мнѣ приходитъ въ голову, что хорошо бы сейчасъ съѣздить къ нему и доложить обо всемъ ему или кавалеру. Этотъ сударь Пью умеръ; и хотя я не жалѣю объ его смерти, но народъ будетъ валить отвѣтственность на чиновника таможенной стражи Его Величества. Такъ вотъ Хоукинсъ, если хочешь, я возьму тебя съ собой! »

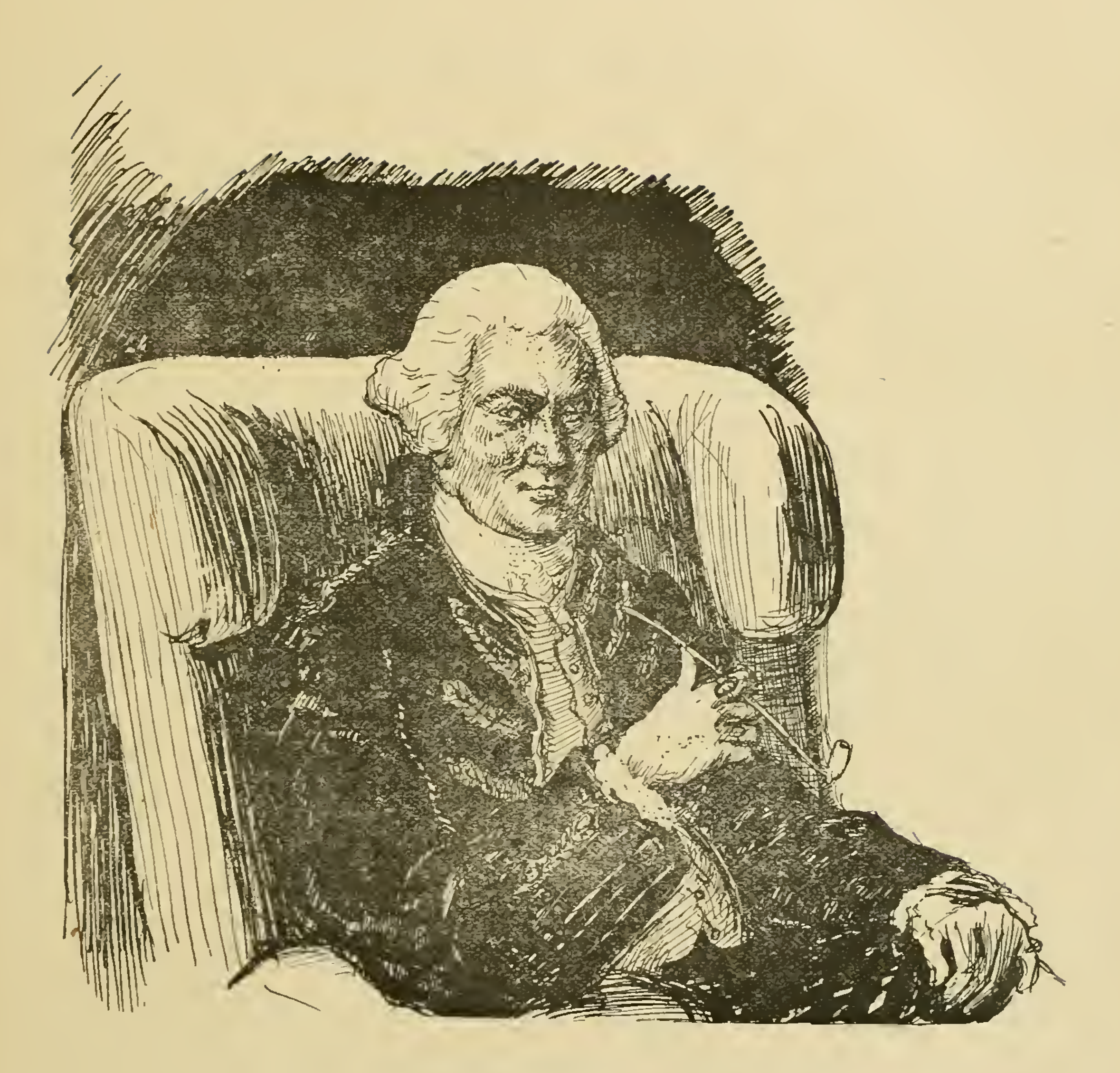
Я сердечно поблагодарилъ его за это предложеніе и мы вернулись пѣшкомъ въ деревушку, гдѣ оставались кони. Пока я сообщалъ матушкѣ о своемъ намѣреніи, стража уже успѣла собраться.

« Доггеръ » — сказалъ мистеръ Дэнсъ — « у тебя хорошая лошадь; посади-ка этого молодчика позади себя! »

Какъ только я усѣлся, держа Доггера за поясъ, вахмистръ скомандовалъ, и всадники тронулись крупной рысью по дорогѣ къ доктору Ливсэй.

"... эта штука у мня вотъ здѣсь".

Докторъ Ливслей

БЕЗПРОВОЛОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ

Очеркъ Д-ра Ульянова

Каждый годъ, 1-го августа, въ Швейцаріи — праздникъ. Вечеромъ зажигается иллюминація во всѣхъ городахъ, селахъ и деревушкахъ. На вершинахъ горъ, на крупныхъ уступахъ скалъ, на холмахъ загораются, съ наступленіемъ темноты, большіе костры.

Теперь это — только праздникъ. Но установленъ онъ въ память большого событія. Въ 1291 году жители разныхъ долинъ Швейцаріи заключили союзъ для борьбы за свою независимость, для сверженія ига австрійцевъ. И вотъ, вожаки, договорившись между собою, порѣшили показать самому народу силу и прочность союза. На вершинахъ горъ по всей странѣ былъ заготовленъ хворостъ и дрова. Въ ночь 1-го августа загорѣлся сильный костеръ вожаковъ, за нимъ тотчасъ же запылали костры на ближайшихъ горахъ, потомъ на болѣе дальнихъ, и въ короткое время уже по всей странѣ горѣли костры, оповѣщавшіе народъ о заключеніи союза для борьбы за свободу.

Подобнымъ способомъ передавать приказанія пользовались еще древніе римляне. Значитъ, общеніе людей другъ съ другомъ на далекое разстояніе безъ проволокъ — вещь не новая.

Но передача краткихъ приказовъ, условныхъ выраженій — не есть еще тотъ удобный телеграфъ, которымъ теперь пользуемся мы, при помощи котораго можемъ **переговариваться.**

Лишь въ концѣ 18-го столѣтія французъ Шаппъ придумалъ способъ сигнализаціи для передачи какихъ угодно словъ и фразъ. Безпроволочный телеграфъ Шаппа, называется оптическимъ (отъ греческаго слова, которое означаетъ "я вижу"). Станція подачи извѣстія не можетъ быть на большомъ разстояніи отъ станціи полученія извѣстія, такъ какъ сигналы нужно видѣть глазами. Поэтому для передачи извѣстій на далекое разстояніе между конечными станціями устраивали рядъ промежуточныхъ. Каждая промежуточная, получивъ извѣстіе, передавала его слѣдующей, пока оно не доходило по назначенію.

Впослѣдствіи, правда, такой безпроволочный телеграфъ былъ усовершенствованъ примѣненіемъ зеркалъ, что дало возможность вести переговоры между станціями, отстоящими другъ отъ друга до 200 километровъ (1).

Однако, это изобрѣтеніе было сдѣлано уже въ то время, когда дѣйствовалъ электрическій проволочный телеграфъ. И это былъ настоящій **телеграфъ** (по гречески **теле** значитъ "далеко", а **графейнъ,** значитъ "писать"). Дѣйствительно, электрическій телеграфъ **самъ записываетъ** получаемое извѣстіе.

Конечно, проволочный электрическій телеграфъ имѣетъ большія неудобства. Между двумя станціями нужно протягивать проволоку, изолированную, на столбахъ. Такое устройство требуетъ много хлопотъ, большого труда.

Но выгоды были все же такъ велики, что развитіе телеграфныхъ линій быстро подвигалось впередъ. Было побѣждено разстояніе. Какъ бы далеко другъ отъ друга ни находились станціи телеграфа, онѣ могли переговариваться между собою. Европа соединилась съ Америкой проложеннымъ по дну Атлантическаго океана кабелемъ (кабель — это толстый металлическій канатъ, внутри котораго заплетена изолирован-

---

1) Километръ = 467 саженъ, то есть, почти одной верстѣ; или точнѣе 93/100 версты.

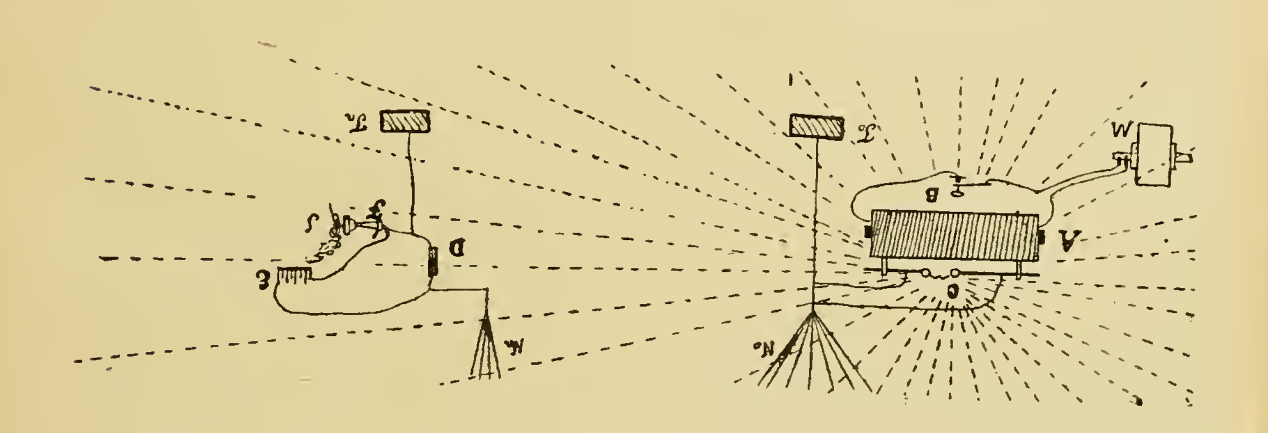
ная проволока, служащая для передачи электрическаго тока). Такихъ кабелей между Европой и Америкой (разстояніе больше 4500 километровъ), проложено 15.

Посмотрите на карту міровыхъ путей сообщенія въ хорошемъ географическомъ атласѣ. Тамъ указаны главныя телеграфныя линіи и подводные кабели. Земля, на такой картѣ двухъ полушарій, кажется мячикомъ; который попалъ въ проволочную сѣтку.

Люди, обладающіе большой фантазіей, уже сочиняли сказки о томъ, какъ скоро цѣлые народы и лѣса запутаются въ проволокахъ безчисленныхъ телеграфовъ и телефонныхъ линій. Проволочная ткань этихъ линій отнимаетъ у насъ часть солнечнаго свѣта.

И вдругъ этому побѣдному шествію развитія телеграфныхъ линій пришелъ конецъ. Появился новый способъ электрическаго телеграфированія, — безъ проводовъ.

"Вдругъ". Но все же съ того времени, какъ была сдѣлана первая попытка, и до нашихъ дней, когда станціи безпроволочнаго телеграфа установлены уже по всему земному шару, — прошло всего 20 лѣтъ. Но и за это время безпроволочный телеграфъ оказалъ людямъ громадную помощь въ устроеніи жизни.

Этотъ рисунокъ изображаетъ (въ очень упрощенномъ видѣ) станцію отправленія (слѣва) и станцію полученія (справа) безпроволочнаго телеграфа. Буквы обозначаютъ слѣдующее. На станціи отправленія: **М**—динамо-машина или батарея, производящая электрическій токъ; **А**—трансформаторъ (спираль Румкорфа); **Е**—ключъ, которымъ замыкаютъ или размыкаютъ токъ т. е. пускаютъ токъ въ Румкорфову спираль. Когда токъ замкнутъ, то въ **С** проскакиваютъ искры, и въ пространство несутся электрическія волны (изображенныя на рисункѣ въ видѣ лучей), расходящихся во всѣ стороны; антена **No** усиливаетъ волны; одинъ конецъ проволоки, проводящей электричество, долженъ быть опущенъ въ землю, **То**, что усиливаетъ работу прибора. **На станціи полученія:** **Nn**—антена; **Tn**—конецъ проволоки, проводящей электричество, опущенъ въ землю; **D** — трубочка съ желѣзными опилками; **E**—элементъ или батарея электрическихъ элементовъ; **F** — телефонъ; **S** — телеграфистъ, слушающій сигналы.

Вотъ примѣръ, который ярко покажетъ намъ значеніе безпроволочнаго телеграфа.

Въ апрѣлѣ 1912 года, громадный новый пароходъ "Титаникъ" совершалъ свою первую поѣздку изъ Англіи въ Америку. На немъ находилось 2365 человѣкъ. Около полуночи 14-го апрѣля онъ ударился на всемъ ходу о громадную плавучую ледяную гору, разбилъ носовую часть и сталъ тонуть. На немъ былъ установленъ безпроволочный телеграфъ. Телеграфистъ сталъ немедленно посылать просьбы о помощи и продолжалъ это почти три часа, пока пароходъ не погрузился совершенно въ воду. Потонулъ герой-телеграфистъ, потонуло и еще полторы тысячи человѣкъ, которымъ не нашлось мѣста въ спасательныхъ лодкахъ. Такъ произошла катастрофа, самая большая, по числу жертвъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи мореплаванія. Если бы суда, находившіяся въ это время по близости отъ "Титаника", поспѣшили къ нему на помощь, полторы тысячи жизней были бы спасены. Но большинство судовъ въ тѣ годы еще не имѣли на себѣ приборовъ безпроволочнаго телеграфированія. Они не могли слышать зова о помощи, которые въ ту ночь во всѣ стороны посылалъ телеграфистъ "Титаника".

Посмотримъ теперь, какъ же устроенъ безпроволочный телеграфъ.

Бросьте камень въ воду пруда, озера, моря, когда поверхность воды совершенно спокойна. Отъ того мѣста, куда упалъ камень, покатятся волны, расходящіяся правильными кругами. Эти круги называютъ концентрическими: они имѣютъ общій центръ. Волнующуюся воду мы легко можемъ наблюдать: мы видимъ волны глазами.

Воздухъ, насъ окружающій, мы не видимъ. Но оказывается, что и въ воздухѣ могутъ зарождаться и разбѣгаться въ разныя стороны волны. Ударьте въ колокольчикъ. Звукъ понесется по всѣмъ направленіямъ: вправо, влѣво, вверхъ, внизъ. Это волны воздуха расходятся во всѣ стороны. Но расплываются онѣ не кругами, какъ волны воды, а шарообразными поверхностями, которыя между собою также концентричны. И центромъ является звучащій колокольчикъ. Мы не можемъ видѣть непосредственно глазами эти волны. Но при помощи особыхъ приборовъ легко убѣдиться въ томъ, что онѣ существуютъ, можно опредѣлить и величину этихъ волнъ. Для разныхъ звуковъ онѣ оказываются различны. Чѣмъ выше звукъ, чѣмъ тоньше, тѣмъ волны мельче.

Изслѣдованіе природы, однако, пошло еще дальше. Удалось установить, что всякій свѣтящійся предметъ является также центромъ, отъ котораго по всѣмъ направленіямъ расходятся свѣтовыя волны.

Наконецъ, 30 лѣтъ тому назадъ, одинъ нѣмецкій ученый, Герцъ, открылъ, что существуютъ также и электрическія волны. Когда происходитъ разрядъ (проскакиваетъ искра), въ электрической машинѣ или въ такъ называемой Румкорфоровой спирали, то въ пространство по всѣмъ направленіямъ устремляются электрическія волны. Но что же волнуется при этомъ? Не вода, не воздухъ. Электрическія (и свѣтовыя, а также и тепловыя) волны зарождаются и распространяются въ чрезвычайно легкомъ веществѣ, которое наполняетъ всю вселенную. Ни одинъ человѣкъ, никогда еще не видалъ, не ощущалъ этого вещества, которое названо эфиромъ. Но хотя мы и не знаемъ, что это за вещество — эфиръ, оказалось возможнымъ при помощи особыхъ приборовъ установить зарожденіе и распространеніе въ немъ электрическихъ волнъ и опредѣлять ихъ размѣры.

Волны, вызванныя на поверхности воды, брошеннымъ камнемъ, постепенно сглаживаются, затихаютъ по мѣрѣ удаленія отъ мѣста, гдѣ брошенъ камень. Также затихаютъ и электрическія волны. Поэтому уловить ихъ тѣмъ легче, чѣмъ ближе находишься къ мѣсту, гдѣ онѣ зарождаются. И тѣмъ дальше распространяются онѣ, чѣмъ сильнѣе источникъ волнъ, чѣмъ больше искры, даваемыя машиной.

Какимъ же образомъ можно уловить, узнать присутствіе въ какомъ либо мѣстѣ электрическихъ волнъ? Наиболѣе простое приспособ-

леніе, изобрѣтенное французомъ Бранли, таково. Отъ электрическаго элемента (или батареи, то есть, нѣсколькихъ элементовъ,, соединенныхъ вмѣстѣ), идутъ двѣ проволоки. Концы этихъ проволокъ вдѣланы въ небольшую стеклянную трубочку, наполненную желѣзными опилками. Опилки дурно проводятъ электричество. Но если такая трубочка окажется подъ вліяніемъ электрической волны, пришедшей извнѣ, опилки начинаютъ лучше проводить электричество и въ проволокѣ появляется токъ. Но если внѣшнее вліяніе электрическихъ волнъ прекратится, и трубку встряхнуть, то она опять станетъ плохо проводить электричество.

Такое приспособленіе употреблялось раньше для безпроволочнаго телеграфированія. Теперь, благодаря изобрѣтеніямъ итальянца Маркони, русскаго Попова, нѣмца Слаби и другихъ, примѣняются иные, болѣе усовершенствованные способы. Но суть дѣла сводится къ тому же. На пріемной станціи, то есть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ обнаружить наличность электрическихъ волнъ, имѣется электрическая батарея, дающая слабый токъ Къ концамъ двухъ проволокъ, идущихъ отъ батареи приспособленъ приборъ устроенный такъ; что онъ не пропускаетъ токъ батареи. Но какъ только на этотъ приборъ дѣйствуютъ извнѣ электрическія волны, онъ получаетъ способность пропускать токъ.

Если сказать все это болѣе точными выраженіями, употребляемыми въ физикѣ, то будетъ слѣдующее.

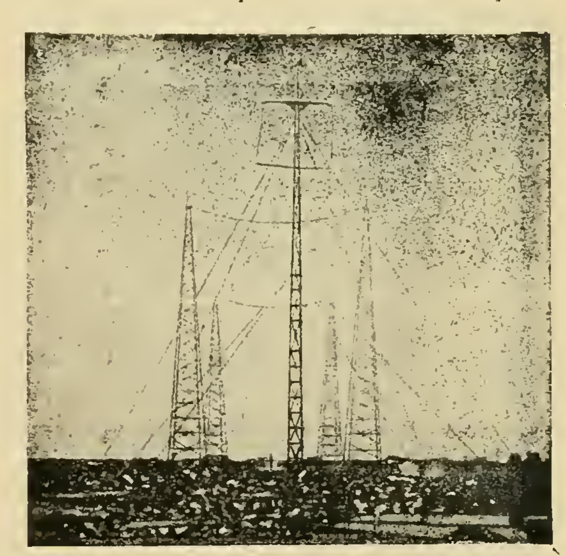
Въ цѣпь, соединяющую оба полюса (или электрода) батареи, включается особый приборъ, который, въ обычныхъ условіяхъ не пропускаетъ тока. Какъ только на этотъ приборъ начинаютъ дѣйствовать извнѣ электрическія волны, токъ въ цѣпи замыкается.

Вотъ какъ работаетъ безпроволочный телеграфъ. Посылая сигналы со станціи отправленія, производятъ, при помощи электрической машины, долгія и краткія искры. На станціи полученія обнаруживаютъ появленіе электрическихъ волнъ при помощи только что описаннаго прибора.[1] Въ немъ, то появляется, то исчезаетъ токъ; причемъ, токъ появляется или длинный или короткій, соотвѣтственный тому, длительная или кратковременная искра была произведена на станціи отправленія.

Если вы знаете, что такое телеграфная азбука Морзе, то все дѣйствіе безпроволочнаго телеграфа будетъ уже ясно. Въ этой азбукѣ буквы и цифры обозначаются длинными и короткими черточками. Напримѣръ, буква А обозначается - —, буква О обозначается — — —, цифра 1 обозначается - — — —, цифра 7 обозначается — — - - -, и такъ далѣе.

На пріемной станціи рядомъ съ приборомъ, который проявляетъ наличность электрическихъ волнъ (напримѣръ, трубочка съ опилками), въ общую цѣпь включенъ самопишущій приборъ Морзе или, что теперь дѣлается чаще, просто телефонъ. Когда пріемная станція получаетъ извѣстіе, то въ телефонъ слышны легкіе скрипящіе звуки . Длинный звукъ соотвѣтствуетъ длинной, краткій — краткой чертѣ азбуки Морзе.

Кто видѣлъ станцію безпроволочнаго телеграфа, тому бросились въ глаза прежде всего высокія мачты или огромные металлическіе рѣ-

Громадные металлическіе столбы, поддерживающіе проволоки антены большой станціи безпроволочнаго телеграфа.

1) См. рисунокъ на стр. 39.

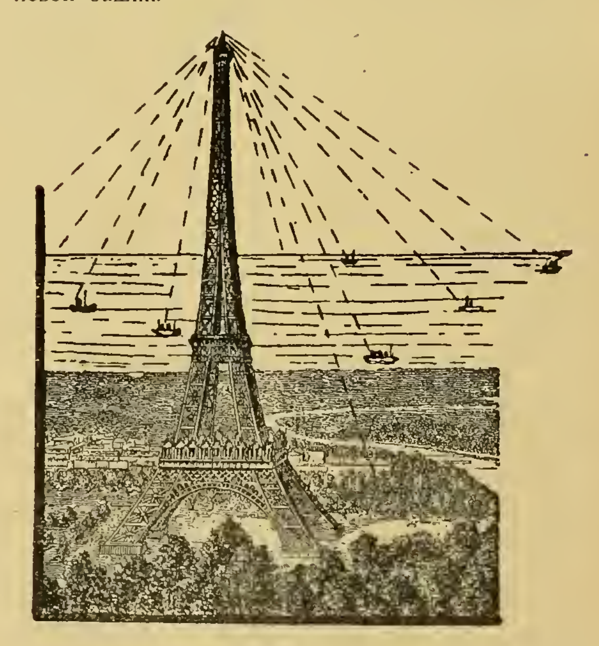
шетчатые столбы съ натянутою на нихъ рѣющей въ воздухѣ сѣтью тонкихъ проволокъ. Это — такъ называемая антена. Мачты и столбы устанавливаются лишь для того, чтобы поднять возможно выше сѣть проволокъ. Чѣмъ выше онѣ расположены и чѣмъ большую поверхность захватываютъ, тѣмъ на болѣе далекое разстояніе распространяется дѣйствіе станціи. Самой замѣчательной антеной всего міра является, конечно, та, которая устроена на Эйфелевой башнѣ въ Парижѣ, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ нѣтъ болѣе высокаго столба, поддерживающаго проволочную сѣть. Антена необходима и для отправки и для полученія телеграммъ.

На большихъ станціяхъ для передачи телеграммъ на далекое разстояніе (напримѣръ, изъ Европы въ Америку, то есть, на разстояніе въ 4500—5000 километровъ) устанавливаются громадныя, очень мощныя электрическія машины (до 2500 и болѣе "лошадиныхъ силъ"). Это — цѣлый электрическій заводъ. Искры, даваемыя при помощи такихъ машинъ столь велики, что трескъ ихъ создаетъ впечатлѣніе настоящаго грома. Раскаты этого искусственнаго грома слышатся непрестанно на станціи, когда съ нея посылается телеграмма. Одной изъ самыхъ могучихъ станцій безпроволочнаго телеграфа является, между прочимъ, станція, устроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ.

Для отправки телеграммъ нужны, какъ видимъ, большія дорогостоющія приспособленія. Съ пріемкою телеграммъ дѣло обстоитъ гораздо проще. Каждый любитель, съ затратою небольшихъ усилій, можетъ соорудить для себя станцію полученія безпроволочнаго телеграфа. Для антены можно воспользоваться деревьями или выступами дома. Приборъ для уловленія электрическихъ волнъ также простъ. Находящіеся въ продажѣ для любителей стоютъ относительно дешево. Тотъ, **кто умѣетъ** немного мастерить, сможетъ и самъ его приготовить (1).

они легче всего могли бы научиться практикѣ этого дѣла.

Нѣкоторыя станціи безпроволочнаго телеграфа, сообщая свои извѣстія, разсчитываютъ на любительскіе пункты безпроволочнаго телеграфа. Часть своихъ сообщеній они дѣлаютъ очень медленно, внятно, чтобы ихъ могъ понять не только опытный телеграфистъ, но и новичекъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, Эйфелева башня въ Парижѣ каждый день въ 9 ч. 45 м. утра, въ 4 часа дня и въ 9 час. 30 мин. вечера, выпускаетъ свѣдѣнія о погодѣ, очень важныя для сельскихъ хозяевъ. Та же башня каждый день въ 9 ч. 56 м. утра, въ 10 ч. 45 м. утра и въ 11 ч. 45 м. ночи посылаетъ сигналы точнаго времени. Кто знакомъ хоть немного съ мореплаваніемъ и знаетъ, сколь важно для судна, находящагося въ морѣ, имѣть **совершенно точные** часы, пойметъ какъ велика услуга, оказываемая мореплавателямъ телеграфомъ Эйфелевой башни.

Безпроволочный телеграфъ Эйфелевой башни въ Парижѣ разсылаетъ свои извѣстія болѣе чѣмъ на 6000 километровъ. Эти извѣстія получаютъ суда, находящіяся въ морѣ; получаютъ ихъ и станціи, находящіяся по ту сторону Атлантическаго океана, въ Америкѣ.

1) Читателямъ,, которые захотѣли бы практически заняться безпроволочной телеграфіей, редакція охотно дастъ указанія, изъ какихъ книгъ

Однако, всѣ ли суда, всѣ ли города и селенія могутъ получать извѣстія опредѣленной станціи безпроволочнаго телеграфа? Теперь уже устраиваютъ такія станціи, которыя посылаютъ телеграммы, идущія на особенно далекое разстояніе въ одномъ направленіи, и на болѣе короткія разстоянія въ другихъ направленіяхъ. Однако, безпроволочный телеграфъ остается все же радіотелеграфомъ, то есть, посылаемое имъ извѣстіе несется во всѣ стороны. Если сила станціи такова, что она посылаетъ волны равномѣрно на 4000 километровъ во всѣ стороны, то всѣ мѣстности на землѣ, на водѣ и на воздухѣ (аэропланы, дирижабли), находящіяся въ предѣлахъ радіуса въ 4000 километровъ, могутъ получать посылаемыя этой станціей извѣстія.

Чтобы послать съ радіостанціи телеграмму, содержаніе, которой должно быть тайной для всѣхъ кромѣ того лица, которому она предназначается, нужно такую телеграмму зашифровать. Это значитъ, что ее нужно написать условными буквами, словами или цифрами. Телеграмма будетъ получена на всѣхъ станціяхъ безпроволочнаго телеграфа, но содержаніе ея пойметъ только тотъ, кто знаетъ эти условныя буквы и цифры.

Безпроволочный телеграфъ явился для человѣка могущественнымъ орудіемъ общенія другъ съ другомъ. Горы, моря, непроходимыя пустыни не могутъ явиться теперь препятствіемъ для прямого общенія. Летящій аэропланъ, плывущая подъ водою лодка, получаютъ извѣстія, которыя приходятъ къ нимъ изъ мѣстъ, находящихся за сотни и тысячи километровъ. На пассажирскихъ пароходахъ, совершающихъ поѣздки между Европой и Америкой, каждое утро печатается газета съ послѣдними новостями, полученными ночью по безпроволочному телеграфу.

Въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ дѣлаются опыты переговоровъ по безпроволочному телефону. Пытаются также примѣнить безпроволочный телеграфъ для управленія машинами на большомъ разстояніи, напримѣръ, управлять летящимъ аэропланомъ безъ авіатора на немъ.

За протекшія двадцать лѣтъ, новое изобрѣтеніе такъ развилось, оказалось такимъ нужнымъ для людей, оказало такъ много услугъ и сулитъ еще такъ много новыхъ въ будущемъ, — что недаромъ его считаютъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ чудесъ міра, которыя мы знаемъ въ настоящее время.

А вѣдь этихъ чудесъ такъ много!

Н. Ульяновъ.

ВЪ ПОМОЩЬ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Редакція журнала „Зеленая Палочка" считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ „Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ", въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ.*
Александръ Ивановичъ *Купринъ.*
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ.*

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи: 31, rue de Richelieu (Métro: Palais-Royal). а также почтовыми переводами.

Пожертвованія поступили: отъ А. Б.—10 фр.; отъ Илюши Б — 10 фр.; отъ г-жи В. Медвѣдевой—100 фр.; отъ г-жи С. Буровой—50 фр; отъ Татьяны П.—50 фр.; отъ Г. М. Гандельмана—300 фран.; отъ Ксеніи К.—5 фр; отъ Елизаветы К.—10 фр.; отъ Александра К.—15 фр. ИТОГО: 550 франковъ. А всего съ прежде поступившими 190 франками—740 франковъ.

Редакторъ: А. П. Шполянскій (*Донъ Аминадо*) Издатель: Русск. Книгоиздат. въ Парижѣ "Сѣверъ".

Le gérant: HAMBOURG

Imprimerie BIBACHOVSKY 5, rue des Gobelins,— PARIS

ПРОДАЖА ОТДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРОВЪ

ЖУРНАЛА

„ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА"

И ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ:

ПАРИЖЪ: Контора журнала. Rue Joubert, 5 [Metro Opéra]
Контора газеты „Послѣднія Новости". Place Palais-Bourbon, 5.
Книжный магазинъ Поволоцкаго. Rue Bonaparte, 13.
„Thé Kitty", Rue S-t Honoré, 390.

МАРСЕЛЬ: G. Esmansky, Rue Paradis, 29.

НИЦЦА. Книжный магинъ Розанова. Rue Longchamps, 7.

АВСТРІЯ: J. Persky. Wæhringerstr. 33. Wien IX

АМЕРИКА: New-Jork. Prof. D. Winogradoff. 275, Henry Str. Brooklyn.

АНГЛІЯ: London E. C. 2. Press Agency, 36, Finsbury Pavement.

БЕЛЬГІЯ: Liege. О-во Бельгійцевъ вернувшихся изъ Россіи. 17, Rue de la Régence.

БЕССАРАБІЯ: Кишиневъ II, Авербухъ Ул. Гоголя. 20.

БОЛГАРІЯ: Sofia A. Lewenson. Rue Rossiza, 7.

ВЕНГРІЯ: Budapest. A. Chariton, Teretz Kornt, 34.

ГЕРМАНІЯ: Berlin S. W. 48. Russische Buchhandlung H. Sachs. Wilhelmstr., 20.

ГРЕЦІЯ: Athénes. Librairie Internationale Eleftherudakis et Bareth.

ИТАЛІЯ: Roma. Libreria Russo „Slovo" Piazza del Popolo, 18.

ЛАТВІЯ: Riga Ed. Petzholtz. Schkuhnu cela, 16. (Сарайная 16.)

РУМЫНІЯ: Bucarest. N. Averbuch. Str. Orlando.

СКАНДИНАВІЯ: (Швеція, Норвегія, Данія): M. Laapchitz, Westen 25, III. Copenhagen.

ТУРЦІЯ: Constantinople. J. Polonsky. Galata, Hovaghimian Han, „Центросоюзъ"

ФИНЛЯНДІЯ: Гельсинфорсъ, Almanna Pressbiran. N. Esplanadg, 27.
Выборгъ, Librairie Russe. Ekateringatte, 23.
Келломяки, A. Reiche.

ЧЕХО-СЛОВАКІЯ: Praha II. Obchodni Druzstvo Knikkupen Jungmannova as, 33

ШВЕЙЦАРІЯ: Genéve. Librairie Menkes. Rue de Carouge, 3.

ЮГО-СЛАВІЯ: Belgrade. B. Gerchoune. Sviatosavska. 18

ЭСТОНІЯ: Reval. A. Poumpiansky. Pessotchnaja, 14.

Книгоиздательство „СѢВЕРЪ" выполняетъ заказы по высылкѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ.

PRIX : 3 FRANCS

№ 4

« LA BAGUETTE VERTE »
Revue bi-mensuelle

Зеленая Палочка

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 4 15—30 Ноября, 1920. — — Годъ изданія первый. № 4
Редакція и контора: 31, rue de Richelieu, Paris (1er)
ПАРИЖЪ.

Когда тонетъ пароходъ и бурныя волны уже перекидываются черезъ палубу, — сидящій на самомъ верху, въ каютѣ подлѣ рулевого, телеграфистъ во всѣ стороны безпрерывно разсылаетъ по безпроволочному телеграфу сигналы о бѣдствіи, мольбы о помощи, которые на условномъ радіотелеграфномъ языкѣ обозначаются тремя буквами:

— S. O. S.

Случается, что помощь не приходитъ, корабль погружается въ воду, но телеграфистъ до послѣдней минуты не покидаетъ своего поста и тонетъ вмѣстѣ съ кораблемъ, выстукивая торопливо и тревожно:

— S. O. S.

Такимъ телеграфистомъ на бѣдствующемъ суднѣ нашей родины былъ русскій писатель Леонидъ Андреевъ.

Когда гибла Россія, это Леонидъ Андреевъ закричалъ всему міру:

— S. O. S.

— Спасите насъ отъ голода, спасите отъ холода, отъ крови и междуусобій! Цѣлый народъ гибнетъ! Спасите!

И онъ умеръ, не дождавшись помощи.

S. O. S. на англійскомъ языкѣ обозначаетъ: "Save Our Souls", то-есть, въ переводѣ на русскій языкъ:

— Спасите наши души!

Этотъ крикъ звучалъ во всѣхъ произведеніяхъ Леонида Андреева.

Онъ видѣлъ, какъ гибнутъ человѣческія души отъ великой несправедливости, людской злобы и ожесточенія.

И въ своихъ драмахъ, повѣстяхъ и разсказахъ, — какъ «Жизнь Человѣка», «Дни нашей жизни», «Океанъ», «Къ звѣздамъ», «Сашка Жегулевъ», «Ангелочекъ» и др., — онъ горячо и нетерпѣливо искалъ: какъ-же помочь людямъ, какой указать имъ путь въ ихъ горькой и несправедливой жизни?!

И одну надежду хранилъ Леонидъ Андреевъ. Надежда эта — въ дѣтяхъ. Ихъ любилъ Андреевъ со всей нѣжностью, которую онъ уберегъ отъ жестокости жизни, и о нихъ разсказалъ онъ трогательно и просто.

Умеръ Леонидъ Николаевичъ Андреевъ молодымъ: ему не было еще 50 лѣтъ.

Умеръ онъ на чужбинѣ, въ Финляндіи, не дождавшись покоя и мира въ своей родной странѣ.

Сохранимъ память о немъ въ сердцахъ нашихъ!

ДѢТСТВО НИКИТЫ

ПОВѢСТЬ ГР. АЛЕКСѢЯ Н. ТОЛСТОГО.

(*Продолженіе*).

НИКИТА вечеромъ разсматривалъ картинки въ «Нивѣ» и читалъ объясненіе къ картинкамъ. Интереснаго было мало.

Вотъ нарисовано — стоитъ на крыльцѣ женщина съ голыми до локтя руками, въ волосахъ у нея цвѣты, на плечѣ и у ногъ — голуби. Черезъ заборъ скалитъ зубы какой-то человѣкъ съ ружьемъ за плечами.

Самое скучное въ этой картинкѣ то, что никакъ нельзя понять — для чего она нарисована. Въ объясненіи сказано:

«Кто изъ васъ не видалъ домашнихъ голубей, этихъ истинныхъ друзей человѣка? (Далѣе про голубей Никита пропустилъ). Кто по утру не любилъ бросать зернышки этимъ птицамъ? Талантливый нѣмецкій художникъ, Гансъ Вуретъ, изобразилъ одинъ изъ такихъ моментовъ. Молодая Гертруда, дочь пастора, вышла на крыльцо. Голуби увидѣли свою любимицу и радостно летятъ къ ея ногамъ. Посмотрите — одинъ сѣлъ на ея плечо, другіе клюютъ зернышки. Молодой сосѣдъ, охотникъ, любуется украдкой на эту прелестную картину».

Никитѣ представилось, что эта Гертруда покормитъ, покормитъ голубей и дѣлать ей больше нечего — скука. Отецъ ея, пасторъ, тоже гдѣ-нибудь въ комнатѣ цѣлый день сидитъ на стулѣ и зѣваетъ отъ скуки. А молодой сосѣдъ оскалился, точно у него животъ болитъ, да такъ и пойдетъ, оскалясь, по дорожкѣ, и ружье у него не стрѣляетъ, конечно. Небо на картинкѣ сѣрое и свѣтъ солнца — сѣрый.

Никита помуслилъ карандашъ и нарисовалъ дочери пастора усы.

Слѣдующая картинка изображала видъ города Бузулука: верстовой столбъ и сломаное колесо у дороги, а вдалекѣ — досчатые домики, церковка и косой дождь изъ тучи.

Никита зѣвнулъ, закрылъ «Ниву» и, подперншись, сталъ слушать.

Наверху, на чердакѣ, посвистывало, подвывало протяжно. Вотъ, затянуло басомъ. — ууууууу. — и тянетъ, хмурится, надувъ губы. Потомъ завиткомъ перешло на тонкій, жалобный голосъ и засвистѣло въ одну ноздрю, мучается, до того ужъ тонко, какъ ниточка. И снова опустилось въ басъ и губы надуло.

Надъ круглымъ столомъ горитъ лампа подъ бѣлымъ, фарфоровымъ абажуромъ. Кто то тяжело прошелъ за стѣной по коридору, — должно быть, истопникъ, и подъ лампой нѣжно зазвенѣли хрусталики.

Матушка склонила голову надъ книгой, волосы у нея пепельные, тонкіе и вьются на вискѣ, гдѣ — родимое пятнышко, какъ просяное зерно. Время отъ времени она разрѣзываетъ листы вязальной спицей. Книжка въ кирпичной обложкѣ. Такихъ книгъ у отца въ кабинетѣ полонъ шкафъ, всѣ онѣ называются «Вѣстникъ Европы».

Несомнѣнно, что у взрослыхъ есть особая, непонятная любовь ко всему скучному: — читать такую книжку, точно кирпичъ тереть.

На колѣняхъ у матушки, положивъ мокрый, свиной носикъ на лапки, спитъ ручной ежъ — Ахилка. Когда люди лягутъ спать, онъ, выспавшись за день, пойдетъ всю ночь топо-

тать по комнатѣ, стучать когтями, похрюкивать, понюхивать по всѣмъ угламъ, глядѣть въ мышиныя норы.

Истопникъ за стѣной застучалъ желѣзной дверцей, и слышно было, какъ мѣшалъ печь. Въ комнатѣ пахло теплой штукатуркой, вымытыми полами. Было скучновато, но уютно. А тотъ, на чердакѣ, старался, насвистывалъ.
— ю у ю у ю у ю у ю у ю.

— Мама, кто это свиститъ? — спросилъ Никита. — Матушка подняла брови, не отрываясь отъ книги. Аркадій же Ивановичъ, линовавшій тетрадку, немедленно, точно только того и ждалъ, проговорилъ скороговоркой:

— Когда мы говоримъ про неодушевленное, то нужно употреблять предлогъ что.

— Буууу, — гудѣло на чердакѣ. Матушка подняла голову, прислушиваясь, передернула плечами и потянула на нихъ пуховой платокъ. Ежъ, проснувшись, задышалъ носомъ сердито.

Тогда Никитѣ представилось, какъ на холодномъ, темномъ чердакѣ нанесло снѣгу въ слуховое оконце. Между огромныхъ потолочныхъ балокъ, засиженныхъ голубями, валяются старыя, продранныя, съ оголенными пружинами, стулья, кресла и обломки дивановъ. На одномъ такомъ креслицѣ, у печной трубы, сидитъ Вѣтеръ, мохнатый, весь въ пыли, въ паутинѣ. Сидитъ смирно, подперевъ щеки, и воетъ: — «Скуууууучно». Ночь долгая, на чердакѣ холодно, онъ сидитъ одинъ одинешенекъ и воетъ.

Никита слѣзъ со стула и сѣлъ около матушки. Она ласково улыбнулась, привлекла Никиту и поцѣловала въ голову:

— Не пора ли тебѣ спать, мальчикъ?

— Нѣтъ, еще полъ часика, пожалуйста.

Никита прислонился головой къ матушкиному плечу. Въ глубинѣ комнаты, скрипнувъ дверью, появился котъ Васька, — хвостъ кверху, весь видъ кроткій, добродѣтельный. Разинувъ розовый ротъ, онъ мяукнулъ чуть слышно.

Аркадій Ивановичъ спросилъ, не поднимая головы отъ тетрадки:

— По какому дѣлу явился, Василій Васильевичъ?

Васька, подойдя къ матушкѣ, глядѣлъ на нее зелеными съ узкой щелью, будто стеклянными глазами и мяукнулъ громче. Ежъ опять запыхтѣлъ. Никитѣ показалось, что Васька что-то знаетъ, о чемъ то пришелъ сказать. Вѣтеръ на чердакѣ завылъ отчаянно. И въ это время за окнами раздался негромкій крикъ, скрипъ снѣга, говоръ голосовъ.

Матушка быстро поднялась со стула, Ахилка, хрюкнувъ, покатился съ колѣнъ. Аркадій Ивановичъ подбѣжалъ къ окну и, вглядываясь воскликнулъ:

— Александра Леонтьевна, кто-то подъѣхалъ.

— Боже мой, — проговорила матушка взволнованно, — неужели это Анна Аполлосовна?.. Въ такой буранъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Никита, стоя въ коррпдорѣ, увидѣлъ, какъ тяжело отворилась обитая войлокомъ дверь, влетѣлъ клубъ морознаго пара и появилась высокая и полная женщина въ двухъ шубахъ и въ платкѣ, вся запорошенная снѣгомъ. Она держала за руку мальчика, въ оленьей шубкѣ и въ башлыкѣ. За ними, стуча морозными валенками, вошелъ ямщикъ, съ ледяной бородой, съ желтыми сосульками вмѣсто усовъ, съ бѣлыми мохнатыми рѣсницами. На рукахъ у него лежала дѣвочка, въ бѣлой, мѣхомъ наверхъ, козьей шубкѣ. Склонивъ голову на плечо ямщика, она лежала съ закрытыми глазами, личико у нея было нѣжное и лукавое.

Войдя, высокая женщина воскликнула громкимъ басомъ:

— Александра Леонтьевна, принимай гостей, — и, поднявъ руки, начала распутывать платокъ, — не подходи, не подходи, застужу. Ну и дороги у васъ, должна я сказать — прескверныя... У самаго дома въ какіе-то мы кусты заѣхали, не чаяла, что и выберемся.

Это была матушкина пріятельница, Анна Аполлосовна Бабкина, живущая всегда въ Самарѣ. Сынъ ея, Викторъ, ожидая, когда съ него снимутъ башлыкъ, глядѣлъ исподлобья на

Никиту. Матушка приняла у кучера спящую дѣвочку, сняла съ нея мѣховой капоръ, изъ подъ котораго сейчасъ же разсыпались свѣтлые, золотистые волосы, и поцѣловала ее.

— Лилечка, пріѣхали.

Дѣвочка вздохнула, открыла синіе, большіе глаза и вздохнула еще разъ, просыпаясь.

Викторъ и Лиля.

Никита и Викторъ Бабкинъ проснулись рано утромъ въ Никитиной комнатѣ и, сидя въ постеляхъ, насупясь, глядѣли другъ на друга.

— Я тебя помню, — сказалъ, наконецъ, Никита.

— И я тебя отлично помню, — сейчасъ же отвѣтилъ Викторъ, — ты у насъ въ Самарѣ былъ одинъ разъ, ты еще тогда уткой съ яблоками объѣлся, тебѣ касторки давали.

— Ну, этого я не помню.

— А я помню.

Мальчики помолчали. Викторъ нарочно зѣвнулъ. Никита сказалъ пренебрежительно:

— У меня учитель, Аркадій Ивановичъ, — страшно строгій, задушилъ ученьемъ. Онъ, ей Богу, не вру, какую угодно книгу можетъ прочесть въ полъ часа.

Викторъ усмѣхнулся:

— Я учусь въ гимназіи, во второмъ классѣ. Вотъ у насъ такъ строго. Меня постоянно безъ обѣда оставляютъ.

— Ну, это что, — сказалъ Никита.

— Нѣтъ, это тебѣ не что. Хотя, я могу тысячу дней ничего не ѣсть.

— Эхъ, — проговорилъ Никита. — И ты пробовалъ?

— Нѣтъ, еще не пробовалъ. Мама не позволяетъ.

Никита потянулся:

— А я, знаешь, третьяго дня Степку Карнаушкина побѣдилъ.

— Это кто — Степка Карнаушкинъ?

— Первый силачъ. Я ему какъ далъ, онъ — брыкъ. Я ему ножикъ перочинный подарилъ съ четырьмя лезвіями, а онъ мнѣ свинчатку, — я тебѣ потомъ покажу.

Никита вылѣзъ изъ постели и началъ одѣваться.

— А я одной рукой Макарова словарь поднимаю, — дрожащимъ отъ досады голосомъ проговорилъ Викторъ, но было ясно, что онъ уже сдается. Никита, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ изразцовой печи съ лежанкой, гдѣ лежалъ его поясокъ съ кисточками, не касаясь руками вспрыгнулъ на лежанку, опоясался, поджалъ ногу и спрыгнулъ на одной ногѣ на полъ.

— Если быстро, быстро перебирать ногами — можно летать, — сказалъ онъ, внимательно поглядѣвъ въ глаза Виктору.

— Ну, это пустяки. У насъ въ классѣ многіе летаютъ.

Мальчики одѣлись и пошли въ столовую, гдѣ пахло горячимъ хлѣбомъ, сдобными лепешками и гдѣ отъ свѣтло вычищеннаго самовара шелъ такой паръ до потолка, что запотѣли окна. У стола сидѣли матушка, Аркадій Ивановичъ и вчерашняя дѣвочка, лѣтъ девяти, сестра Виктора, Лиля. Издалека было слышно, какъ Анна Аполлосовна гудѣла басомъ:

— Дайте мнѣ полотенце.

Лиля была одѣта въ бѣлое платье съ голубой шелковой лентой, завязанной сзади въ большой бантъ. Въ ея свѣтлыхъ, вьющихся волосахъ былъ второй бантъ, тоже голубой, въ видѣ бабочки.

Никита, подойдя къ ней, покраснѣлъ и шаркнулъ ногой. Лиля повернулась на стулѣ, протянула маленькую, полненькую руку и сказала очень серьезно:

— Здравствуйте, мальчикъ.

Когда она говорила это, верхняя губа ея задрожала и приподнялась. Никитѣ показалось, что это не настоящая дѣвочка, до того хорошенькая: — въ особенности глаза, — синіе и ярче ленты, а густыя и длинныя рѣсницы, какъ шелковыя.

Лиля поздоровалась и, не обращая больше на Никиту вниманія, взяла обѣими руками большую чайную чашку и опустила туда лицо. Мальчики сѣли къ столу рядомъ. Вик-

торъ, оказывается, пилъ чай, какъ маленькій, — согнувшись надъ чашкой, тянулся въ нее длинными губами. Украдкой онъ подкладывалъ себѣ сахару до тѣхъ поръ, пока въ чашкѣ не стало густо, тогда томнымъ голосомъ онъ попросилъ разбавить чай водичкой. Толкнувъ Никиту колѣнкой, онъ сказалъ шопотомъ:

— Тебѣ нравится моя сестра?

Никита не отвѣтилъ и залился румянцемъ.

— Ты съ ней осторожнѣе, — прошепталъ Викторъ, — дѣвчонка постоянно матери жалуется.

Лиля въ это время окончила пить чай, вытерла ротъ салфеточкой, не спѣша слѣзла со стула и, подойдя къ Александрѣ Леонтьевнѣ, проговорила вѣжливо и аккуратно:

— Благодарю васъ, тетя Саша.

Потомъ пошла къ окну, влѣзла съ ногами въ огромное, коричневое кресло и, вытащивъ откуда-то изъ кармана коробочку съ иголками и нитками, принялась шить. Никита видѣлъ теперь только большой бантъ ея въ видѣ бабочки, два висящіе локона и между ними двигающійся кончикъ чуть-чуть высунутаго языка, которымъ Лиля помогала шитью.

У Никиты были разбиты всѣ мысли. Онъ началъ было показывать Виктору, какъ можно перепрыгнуть черезъ спинку стула, но Лиля не повернула даже головы, а матушка сказала:

— Дѣти, идите шумѣть на дворъ.

Мальчики одѣлись и вышли на дворъ. День былъ мягкій и мглистый. Красноватое солнце невысоко висѣло надъ длинными, похожими на снѣговыя поля, слоистыми облаками. Въ саду неподвижно стояли покрытыя инеемъ, розоватыя деревья. Неясныя тѣни на снѣгу были пропитаны тѣмъ же теплымъ свѣтомъ. Было необыкновенно тихо, только у чернаго крыльца двѣ собаки, Шарокъ и Катокъ, стоя бокъ о бокъ и повернувъ головы, рычали другъ на друга. Такъ онѣ могли рычать, оскалясь и захлебываясь, очень долго, покуда проходящій рабочій не броситъ въ нихъ рукавицей, тогда онѣ, кашляя отъ злобы, вставали на дыбки и дрались такъ, что летѣла шерсть. Другихъ собакъ онѣ боялись, ненавидѣли нищихъ, и по ночамъ, вмѣсто чѣмъ караулить, спали подъ каретникомъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? — спросилъ Викторъ. Никита глядѣлъ на косматую, недовольную ворону, летѣвшую съ гумна на скотный дворъ. Ему не хотѣлось играть и было, непонятно почему, грустно. Онъ предложилъ было пойти въ гостиную на диванъ и почитать что-нибудь, но Викторъ рѣшительно отказался:

— Эхъ ты, я вижу, тебѣ съ дѣвчонками только играть.

— Почему? — спросилъ Никита, краснѣя.

— Да ужъ потому, самъ знаешь, почему.

— Вотъ тоже присталъ. Ничего я не знаю. Пойдемъ къ колодцу.

Мальчики пошли къ колодцу, куда изъ отворенныхъ воротъ выходили на водопой коровы. Вдалекѣ Мишка Коряшенокъ хлопалъ, какъ изъ ружья, огромнымъ пастушьимъ кнутомъ, и, вдругъ, закричалъ.

— Баянъ, Баянъ, берегись, Никита!

Никита оглянулся. Отдѣлившись отъ стада, къ мальчикамъ шелъ Баянъ, розово-сѣрый, длинный быкъ, съ широкимъ, кудрявымъ лбомъ и короткими рогами.

— Мм-у! — отрывисто ворчнулъ Баянъ и ударилъ хвостомъ себя по боку.

— Викторъ, бѣги! — крикнулъ Никита и, схвативъ его за руку, побѣжалъ къ дому. Быкъ рысью тронулся за мальчиками.

— М-уу!

Викторъ, оглядываясь, закричалъ испуганно, заплакалъ, упалъ на снѣгъ и закрылъ голову руками. Баянъ былъ шагахъ въ пяти. Тогда Никита остановился. Стало вдругъ горячо отъ злобы. Онъ сорвалъ шапку, подбѣжалъ къ быку и шапкой сталъ бить его по мордѣ:

— Пошелъ, пошелъ!

Быкъ сталъ, опустилъ рога. Съ боку подбѣгалъ Мишка Коряшенокъ, щелкая кнутомъ. Тогда Баянъ замычалъ жалобно, повернулся и пошелъ назадъ къ колодцу.

У Никиты отъ волненія дрожали губы. Онъ

надѣлъ шапку и обернулся. Викторъ былъ уже около дома и оттуда махалъ ему рукой. Тогда Никита невольно поглядѣлъ на окно, третье слѣва отъ крыльца. Въ окнѣ онъ увидѣлъ два синихъ, удивленныхъ глаза и надъ ними стоящій бабочкою голубой бантъ. Лиля, взобравшись на подоконникъ, глядѣла на Никиту. И вдругъ она ему улыбнулась. Никита сейчасъ же отвернулся. Онъ больше не оглядывался на окошко. Ему стало весело, онъ крикнулъ:

— Викторъ, идемъ съ горъ кататься, скорѣе, бѣгомъ!

Все время до обѣда, катаясь съ горъ, хохоча и «бѣсясь», Никита однимъ краюшкомъ мыслей думалъ:

— Когда буду возвращаться домой и пройду мимо окна, — оглянуться мнѣ на окно, или не оглядываться? Нѣтъ, пройду, не оглянусь.

Елочная коробочка.

За обѣдомъ Никита старался не глядѣть на Лилю, хотя, если бы и старался, все равно изъ этого ничего бы не вышло, потому что между нимъ и дѣвочкой сидѣла Анна Аполлосовна, въ красной бархатной душегрѣйкѣ и, размахивая рукавами, разговаривала такимъ громкимъ и густымъ голосомъ, что звенѣли стекляшечки подъ лампой.

— Нѣтъ и нѣтъ, Александра Леонтьевна, — гудѣла она, — учи сына дома. Въ гимназіи такіе безобразные безпорядки, что взяла бы директора своими руками, да и выгнала за дверь... Викторъ, — вдругъ воскликнула она, — не смѣй слушать, что мать говоритъ про взрослыхъ, ты долженъ уважать свое начальство. А возьми-ка ты, Александра Леонтьевна, нашихъ учителей, — олухи царя небеснаго. Одинъ глупѣе другого. А учитель географіи. Какъ его фамилія, Викторъ?

— Синичкинъ.

— А я тебѣ говорю, что не Синичкинъ, а Синявкинъ. Такъ этотъ учитель до того глупъ, что однажды въ прихожей, уходя изъ гостей, взялъ вмѣсто шапки съ сундука кошку и надѣлъ ее на голову. Викторъ, какъ ты держишь вилку и ножъ?.. Не чавкай... Придвинься ближе къ столу... Такъ вотъ, мать моя, Александра Леонтьевна, что, бишь, я хотѣла сказать? — да: привезла я цѣлый чемоданъ разной дребедени для елки... Завтра надо заставить дѣтей клеить.

— А по-моему, — сказала матушка, — надо начать клеить сегодня, иначе всего не успѣемъ.

— Ну, дѣлайте, какъ хотите. А я пойду къ себѣ письма писать. Спасибо, другъ мой, за обѣдъ.

Анна Аполлосовна вытерла салфеткою губы, съ шумомъ отодвинула стулъ, и пошла въ спальню съ намѣреніемъ писать письма, но черезъ минуту въ спальной такъ страшно затрещали пружины на кровати, точно на нее повалился слонъ.

Съ большого стола столовой убрали скатерть. Матушка принесла четыре пары ножницъ и стала заваривать крахмалъ. Дѣлалось это такъ. Изъ углового шкафика, гдѣ помѣщалась домашняя аптечка, матушка достала банку съ крахмаломъ, насыпала его не больше чайной ложки въ стаканъ, налила туда же ложки двѣ холодной воды и начала размѣшивать, покуда изъ крахмала не получилась кашица. Тогда матушка налила изъ самовара крутого кипятку, все время сильно мѣшая ложкой, и крахмалъ вдругъ сталъ прозрачнымъ, какъ желе, — получился отличный клей.

Мальчики принесли кожаный, весь въ багажныхъ наклейкахъ, чемоданъ Анны Аполлосовны и поставили на столъ. Матушка раскрыла его и начала вынимать: листы золотой бумаги, гладкой и съ тисненіемъ, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристольскій картонъ, коробки со свѣчками, съ елочными подсвѣчниками съ золотыми рыбками и пѣтушками, коробку съ дутыми стеклянными шариками, которые нанизывались на нитку, и коробку съ шариками, у которыхъ сверху была серебряная петелька, а съ четырехъ сторонъ они были вдавлены и другого цвѣта, затѣмъ коробку съ хлопушками, пучки

золотой и серебряной канители, фонарики съ цвѣтными, слюдяными окошечками и большую звѣзду. Съ каждой новой коробкой дѣти стонали отъ восторга.

— Тамъ еще есть хорошія вещи,— сказала матушка, опуская руки въ чемоданъ,— но ихъ мы пока не будемъ разворачивать. А сейчасъ давайте клеить цѣпи, бонбоньерки и фунтики, все, чего у насъ не хватаетъ.

Викторъ взялъ на себя клеить цѣпи, Никита — фунтики для конфектъ, матушка рѣзала бумагу и картонъ. Лиля спросила вѣжливымъ голосомъ:

— Тетя Саша, вы позволите мнѣ клеить коробочку?

— Клей, миленькая, что хочешь.

Дѣти начали работать молча, дыша носами, вытирая крахмальныя руки объ одежду. Матушка въ это время разсказывала, какъ въ давнишнее время елочныхъ украшеній не было и въ поминѣ, и все приходилось дѣлать самому. Были поэтому такіе искусники, что клеили, — она сама это видѣла, — настоящій замокъ съ башнями, съ винтовыми лѣстницами и подъемными мостами. Передъ замкомъ было устроено озеро изъ зеркала, окруженное мхомъ. По озеру плыли два лебедя, запряженные въ золотую лодочку. Замокъ, кусты изъ мха и лодочка съ лебедями — отражались точно въ водѣ.

Лиля, слушая, работала тихо и молча, только помогала себѣ языкомъ въ трудныя минуты. Никита оставилъ фунтики и глядѣлъ на нее. Матушка въ это время вышла. Викторъ развѣшивалъ аршинъ десять разноцвѣтныхъ цѣпей вдоль стѣны на стульяхъ.

— Что вы клеите?— спросилъ Никита.

Лиля, не поднимая головы, улыбнулась, вырѣзала изъ золотой бумаги звѣздочку и наклеила ее на синюю крышечку.

— Вамъ для чего эта коробочка?— въ полголоса спросилъ Никита.

— Эта коробочка для кукольныхъ перчатокъ, — отвѣтила Лиля серьезно, — вы мальчикъ, вы этого не поймете. — Она подняла голову и поглядѣла на Никиту синими, строгими глазами. Онъ началъ краснѣть, все гуще и жарче, и наконецъ побагровѣлъ.

— Какой вы красный, — сказала Лиля,— какъ свекла.

И она опять наклонилась надъ коробочкой и улыбнулась, лицо ея стало лукавымъ. Никита сидѣлъ, точно прилипъ къ стулу. Онъ не зналъ, что теперь сказать, и онъ не могъ ни за что уйти изъ комнаты. Дѣвочка смѣялась надъ нимъ, но онъ не обидѣлся и не разсердился, а былъ въ отчаяніи. Вдругъ Лиля, не поднимая глазъ, спросила его другимъ голосомъ, такъ, точно теперь между ними была какая-то тайна и они объ ней говорили:

— Вамъ нравится эта коробочка?

Никита отвѣтилъ неестественно:

— Да. Нравится.

— Мнѣ она тоже очень нравится, — проговорила Лиля и покачала головой, отчего закачались у нея и бантъ и локоны. Она хотѣла еще что-то прибавить, но въ это время подошелъ Викторъ и, просунувъ голову между Лилей и Никитой, проговорилъ скороговоркой:

— Какая коробочка, гдѣ коробочка? Ну, ерунда, обыкновенная коробочка. Я такихъ сколько угодно надѣлаю.

— Викторъ, я, честное слово, пожалуюсь мамѣ, что ты мнѣ мѣшаешь клеить, — проговорила Лиля дрожащимъ голосомъ. Взяла клей и бумагу и пересѣла на другой конецъ стола.

Викторъ подмигнулъ Никитѣ:

— Я тебѣ говорилъ, съ ней надо поосторожнѣе: — ябеда.

Поздно вечеромъ, Никита, лежа въ темной комнатѣ въ постели, закрывшись съ головой, спросилъ изъ подъ одѣяла глухимъ голосомъ:

— Викторъ, ты спишь?

— Нѣтъ еще... Не знаю. А что?

— Слушай, Викторъ... Я долженъ тебѣ сказать одну страшную тайну... Викторъ...Да не спи ты... Викторъ, слушай...

— Фью... — отвѣтилъ Викторъ.

Еще на разсвѣтѣ сквозь сонъ Никита слышалъ, какъ по дому мѣшали въ печахъ и хлопала въ концѣ корридора дверь. — это истопникъ вносилъ вязанки дровъ и кизяку.

Никита проснулся отъ счастья. Утро было ясное и морозное. Окна замерзли густымъ слоемъ лапчатыхъ листьевъ. Викторъ еще спалъ. Никита бросилъ въ него подушкой, но тотъ, замычавъ, потянулъ на голову одѣяло.

Отъ счастья Никита поскорѣе покинулъ постель, поскорѣе одѣлся, подумалъ.— куда? — и побѣжалъ къ Аркадію Ивановичу.

Аркадій Ивановичъ только еще проснулся и, лежа, читалъ все то же самое, тридцать разъ имъ читанное письмо. Увидѣвъ Никиту, онъ поднялъ ноги вмѣстѣ съ одѣяломъ, ударилъ ими по кровати и закричалъ:

— Необыкновенный случай! Всталъ раньше всѣхъ.

— Аркадій Ивановичъ, какой день хорошій сегодня.

— День, братецъ ты мой, замѣчательный.

— Аркадій Ивановичъ, я вотъ что хотѣлъ спросить, — Никита ковырялъ пальцемъ притолку. — вамъ очень нравятся Бабкины?

— Кто именно изъ Бабкиныхъ?

— Дѣти.

— Такъ, такъ... А кто именно изъ дѣтей желаешь ты, чтобы мнѣ нравился?

Аркадій Ивановичъ говорилъ это хотя и обыкновеннымъ голосомъ, но черезчуръ поспѣшно. Онъ облокотился о подушку и глядѣлъ на Никиту безъ улыбки, это правда, но черезчуръ внимательно. Онъ тоже очевидно что-то зналъ. Никита вдругъ отвернулся и выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на дворѣ.

Надъ людской, надъ баней въ оврагѣ и дальше, за бѣлымъ полемъ, надо всей деревней стояли столбами синіе дымы. За ночь на деревьяхъ еще гуще легъ иней, и огромные осокори надъ прудомъ совсѣмъ свѣсили снѣжныя вѣтви, отчетливо видныя на сине-морозномъ небѣ. Снѣгъ сіялъ и хрустѣлъ. Щипало въ носу и слипались рѣсницы.

У крыльца на слегка дымившейся кучѣ золы Шарокъ и Катокъ рычали другъ на друга. Увязая въ снѣгу, прямикомъ черезъ дворъ къ Никитѣ шелъ Мишка Коряшенокъ съ дубинкой. — собирался гонять котяши на льду. А на дорогѣ въ это время, правѣе деревни, появились воза. Одинъ за другимъ они выползали изъ овражка и плелись, низкіе и темные на снѣгу, вдоль нижняго пруда къ плотинѣ.

Мишка Коряшенокъ, приставивъ большой палецъ рукавицы къ носу, высморкался и сказалъ:

— Нашъ обозъ пришелъ, изъ города, гостинцы, чай, привезли.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Заскучала ты сегодня, дѣтка.
Надоѣлъ до смерти красный мячикъ.
Непріятны всѣ тебѣ забавы.
Хуже всѣхъ фарфоровая кукла.

Чтобъ жилося веселѣй и лучше,
Не пойдемъ мы больше въ магазины,
Не возьму тебя я покататься
На лошадкѣ или на трамваѣ, —

Ангела тебѣ поймаю съ неба,
Посажу его въ большую клѣтку,
Будетъ распѣвать тебѣ онъ пѣсни
И играть на скрипкѣ золотой.

Мы его приручимъ очень скоро,
Каждый день его кормить мы будемъ
Съ нашихъ рукъ прекраснымъ хлѣбомъ
И поить прозрачною водой.

А когда и онъ тебѣ наскучитъ,
Выпустимъ его изъ клѣтки снова
Къ Старому Хозяину на небо —
Прямо вверхъ — дорогой голубой.

Михаилъ СТРУВЕ.

СКАЗАНІЕ О БАУЛЭ

(НЕГРИТЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Давнымъ-давно, быть можетъ 20 лѣтъ тому назадъ, быть-можетъ сто, а быть-можетъ и тысячу, жило у моря, на берегу лагуны, счастливое племя, ловя изумительныхъ рыбъ и безмятежно питаясь роскошными плодами.

Случилось такъ, что воинственные Аньисы напали на это племя, побѣдили его и обратили въ бѣгство.

Пришлось покинуть хижины и сады кокосовыхъ и банановыхъ деревьевъ, перепуганныхъ куръ и крикливыхъ цесарокъ, пироги и рыболовныя сѣти, а самое главное, — покинуть лагуну, великодушную лагуну, всю измятую рябью родимыхъ водъ.

Побѣжденные пустились въ путь черезъ громадный тропическій лѣсъ, неся на головахъ, — также какъ носятъ они и понынѣ, — остатки своихъ жалкихъ, богатствъ. Они шли, боязливые, раздирая въ дикихъ кустарникахъ свое изнѣженное тѣло земноводныхъ негровъ, полъжизни проводящихъ въ водѣ, разогрѣтой солнцемъ.

Ихъ королева шла за ними, неся за спиной единственное свое сокровище — маленькаго черноглазаго мальчика. Его головка была украшена пучками еще по дѣтски-шелковистыхъ, рыжеватыхъ волосъ.

Чувствуя за собой вражескую погоню, королева шла поспѣшно и молча, въ послѣднемъ ряду бѣглецовъ.

Такъ шли они долго въ незнакомыхъ лѣсахъ, окруженные дикими звѣрями, осмѣянные плѣшивыми обезьянами, прыгавшими на вѣтвяхъ. Побѣдители, не отставая, гнались по пятамъ.

На двѣнадцатый день деревья порѣдѣли, и солнце, прорвавшись сквозь листву, согрѣло и оживило изгнанниковъ. Они почувствовали въ воздухѣ свѣжесть, напомнившую имъ о лагунѣ, о близости воды. За два часа до сумерекъ, измученные, исхудавшіе, они добрались наконецъ до берега могучаго потока. Его изступленныя воды разбивались о скалы и съ бѣшенымъ рычаніемъ срывались въ страшную бездну, вздымая пѣну, напоминавшую снѣжные сугробы.

Бѣловатый туманъ поднимался до самыхъ вершинъ деревьевъ и падалъ внизъ ледяными каплями на спины бѣдныхъ странниковъ, притихшихъ отъ ужаса.

Неужели это была та самая, благодатная, родная вода, еще такъ недавно мирно питавшая ихъ и нѣжно покачивавшая въ долгіе часы рыбной ловли ихъ остроконечныя лодки! Чѣмъ прогнѣвали они злыхъ демоновъ, если даже она, самая вѣрная ихъ покровительница, нынѣ, взбѣшенная и гнѣвная, встала имъ поперекъ дороги?

А между тѣмъ, по слѣдамъ, проложеннымъ въ дикихъ чащахъ, побѣдители нагоняли ихъ.

И вотъ, послѣ долгихъ размышленій, испрося въ сердцѣ своемъ совѣта у Могучихъ Духовъ, повелѣвающихъ людьми, выступилъ впередъ сухой старикъ, самый мудрый и древній колдунъ этого племени. Громкимъ голосомъ, среди полнаго безмолвія, онъ сказалъ:

— Вода разгнѣвалась на насъ и она не будетъ къ намъ благосклонна до тѣхъ поръ, пока не отдадимъ ей самое цѣнное, что у насъ осталось.

И тотчасъ, одушевленные надеждой, люди понесли къ ногамъ суроваго старца послѣднія сокровища, спасенныя въ бѣдѣ: тяжелыя золотыя серьги, толстые браслеты слоновой кости, отполированные и пожелтѣвшіе отъ долгаго тренія о кожу оружіе, ожерелья изъ душистыхъ корней и даже кожаные амулеты, съ горсточкой родной земли, зашитой внутри. Но старый колдунъ отталкивалъ ногой всѣ эти жалкія сокровища, сложенныя передъ нимъ.

Тогда подошла къ нему сама королева. Она показала свои голыя руки и шею, лишенную украшеній, худыя одежды на измученномъ тѣлѣ и волосы, въ которыхъ н блистали больше драгоцѣнные гребни столь любимые ею когда-то.

— Посмотри, — сказала она, — у меня ничего не осталось. Увы, что я могу дать, кромѣ своей жизни!

Черезъ ея плечо, маленькое черное дитя тянулось жадными ручками къ блестящей кучѣ драгоцѣнностей, сложенной у ногъ колдуна.

— Самое большое твое сокровище — позади тебя, — сказалъ старикъ королевѣ.

Оглянувшись, она увидѣла круглое личико маленькаго короля и его глазки, разгорѣвшіеся отъ вожделѣнія.

Королева поняла. Она не поцѣловала своего сына и не заплакала.

Какъ можно было-бы отличать королей, если-бы поступали они не иначе, чѣмъ ихъ подданные! Прямая, спокойная, стоя на берегу потока, пѣна котораго лизала ея ноги, почернѣвшія отъ долгаго пути, она подняла на своихъ прекрасныхъ и гладкихъ рукахъ смѣющееся дитя и бросила его въ разъяренную воду.

И тогда съ другого берега наклонился къ рѣкѣ громадный баобабъ, подъ тѣнью котораго могла-бы пріютиться цѣлая деревня. Его вершина легко достигала этого берега, и по могучему стволу весь народъ благополучно перешелъ черезъ потокъ.

Преслѣдователи, достигшіе рѣки, видѣли какъ дерево-спаситель выпрямилось и снова погрузилось въ свое величавое раздумье.

Бѣглецы, перейдя такимъ образомъ буйный потокъ, пришли въ страну, гдѣ нашли покой и изобиліе. Они назвали ее Баулэ, что значитъ — «Мертвое дитя».

Мишель-де-Граммонъ.

МЕДОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

РАЗСКАЗЪ АЛЕКСАНДРА ДРОЗДОВА

1.

Въ памятное лѣто 19... года горѣли въ округу нашемъ сосновые лѣса чаднымъ низовымъ огнемъ; въ полдень, когда солнце стояло высоко, дымъ становился такъ густъ, что на солнце можно было смотрѣть, не прикрывая глазъ ладонью: оно было красное, воспаленное, похожее на большой кругъ, вырѣзанный ножницами изъ мокрой промокашки. Отъ ѣдкаго дыма, стлавшагося по землѣ, трава казалась засохшей, земля пепельно-сѣрой, голоса звучали глуховато, какъ въ погребцѣ, скотина одурѣла и лежала на водопоѣ смирная.

За лѣность, да за ярмарочный разгулъ, когда, по первому дню, мужики наши шибко пили подъ навѣсомъ шинкаря Сысоя, потрепывая другъ друга за бороды сначала ласково, потомъ крѣпко, потомъ въ сердцахъ, послалъ Господь засуху, такую засуху, какой не запомнятъ и девяностолѣтніе; солнце палило такъ, что даже у ребятъ облупились носы, черви ушли глубоко въ землю, пересохли всѣ пруды на селѣ, и трава на лугахъ, уже готовая къ сѣнокосу, стала безцвѣтной, какъ солома, и безсочной, какъ бичева. Псы и ночью лежали съ высунутыми языками, а кованая палка ночного сторожа, когда о-полночь онъ обходилъ село, пугая воровъ и нечистую силу, звенѣла такъ, словно бы онъ ударялъ ею о желѣзныя плиты.

Покуда горѣлъ монастырскій лѣсъ, мужики говорили, что монахи плохо молятся Богу, и ходили глядѣть, какъ послушники въ черныхъ скуфейкахъ, скинувъ рубахи, рубятъ продолину, чтобы остановить огонь; но позже огонь подобрался къ лугамъ, трава затлѣла, и по деревнямъ поднялся тонкій бабій вой. Луга тлѣли долго, дымъ надъ ними стоялъ желтый. Черезъ двѣ недѣли и луговой и лѣсной пожары унялись, но стали горѣть зарѣчныя деревни — то одна, то другая, выпало такое горькое лѣто. Вечеромъ, всходя на долъ, было видать зарево сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ: одно ярче, другое блѣднѣй, и безустанно, съ темнымъ отчаяніемъ билъ гдѣ-нибудь пожарный колоколъ, печальный колоколъ русской деревни, попавшей въ бѣду.

Мы съ дѣдомъ подымались тогда на голубятню и глядѣли на зарева въ бинокль, хотя дѣдъ въ бинокль видѣлъ хуже, чѣмъ невооруженнымъ глазомъ, но сознаваться въ этомъ не любилъ.

— Слемы горятъ, — говорилъ дѣдъ.

— Сле-мы! — тянулъ я недовѣрчиво, — тоже скажешь. Это сто верстъ отъ Слемъ. Это Курово.

— А вотъ и врешь. Курово лѣвѣй.

— А вотъ и неправда: правѣй.

— Поживи съ мое, тогда и учи.

— А ты не спорь.

— А ты молчи, заноза.

На этомъ мы ссорились: дѣдъ бралъ въ горсть конецъ бороды и пропускалъ ее межъ пальцевъ, что было у него знакомъ величайшей обиды, и начиналъ разсматривать что-нибудь постороннее, что попадалось на глаза: или соломенный навѣсъ, или осѣвшія отъ старости клѣти, или дорожку въ саду, покрытую палымъ листомъ, съ такимъ вниманіемъ, какъ будто меня совсѣмъ и не было здѣсь, что служило у него знакомъ обиды почти непоправимой. Тогда на душѣ у меня становилось уже такъ черно, какъ бываютъ только черны чернильныя кляксы на старательно выписанномъ диктантѣ, и, трогая дѣда за рукавъ, я обыкновенно говорилъ, какъ бы вскользь:

— А вѣдь похоже, что, пожалуй, Слемы горятъ.

Дѣдъ молчалъ, глядя съ голубятни внизъ, словно увидѣлъ въ травѣ алмазное зерно.

— Курово-то — вонъ оно, — продолжалъ я какъ бы самъ съ собой, — Курово влѣво будетъ. Это Слемы.

— Въ верстѣ отъ Слемъ Бѣлая роща, — сурово отзывался дѣдъ, — а возлѣ Курова на-

чего нѣтъ, Курово на плѣши стоитъ. Вонъ она, Бѣлая-то роща. Глаза въ карманъ спряталъ, баши-бузукъ?

На этомъ мы мирились.

Недѣлю спустя послѣ пожаровъ потянулись по проселкамъ погорѣльцы собирать крошки людского милосердія на свою пожарную нищету, на одеженку убогую, на прокормъ ребятъ махонькихъ, гнѣвомъ Господнимъ оставшихся безъ крова. Сначала шли дѣти, съ холстинковыми мѣшками за спиной, съ палками на случай, если накинутся собаки у чужихъ околицъ; въ деревняхъ они стучали въ рѣзныя наружныя рамы у окошекъ, выбирая дома, что побогаче, и робкими голосишками просили на погорѣлье. Мужики давали охотно, а позже, когда уже съ утра и до ночи все шли и шли погорѣльцы, бабы отмахивались, поправляли на головахъ платки и говорили ласково:

— Богъ подастъ.

Вслѣдъ за дѣтьми пошли съ сумой подростки, старухи, молодайки, а потомъ и мужики; всѣ они останавливались у дѣдова имѣнія, внимательно глядя на ворота, какъ бы раздумывая, можетъ ли жить за такими воротами мягкосердечный человѣкъ, или не можетъ, и входили во дворъ часто цѣлой оравой. Къ этому времени насчитывали девять выгорѣвшихъ деревень, изъ нихъ пять бѣднѣйшихъ. На кухнѣ у дѣда уже пекли каждый день запасные хлѣба, а самъ дѣдъ, скликавъ со всего дома женскую прислугу, рылся въ кладовыхъ, отпирая кованые жестяными полосами складни, проржавѣвшіе замки которыхъ визжали, не поддаваясь ключу, и своими вдовьими руками, похудѣвшими отъ скорбей и печалей жизни, доставалъ носильныя вещи покойной бабки моей. Прислуга причитала жалобно и тонкоголосо, стоя за дѣдовой спиной, словно дѣдъ второй разъ хоронилъ свою подругу жизни, а дѣдъ кряхтѣлъ, говорилъ: «молчите, что-ли, бабы», и съ бѣлыхъ рѣсницъ его капали на всѣ эти старомодныя кофточки, лифчики, юбки горькія-горькія бобыльныя слезы — глядя на эти оборки, кружевца и тесемки, вспоминалъ дѣдъ кроткаго ангела жизни своей и зналъ непоправимо, что никогда легкій шагъ ножекъ его не пробѣжитъ больше по сиротливымъ паркетамъ его суроваго дома.

2.

Время шло, близился іюль, скоро должна была пріѣхать моя матушка. Пожары утихли, но появилось новое зло, дотолѣ въ нашихъ краяхъ неслыханное: стали пошаливать. Въ сосѣднемъ селѣ ночью священникъ проснулся оттого, что червякъ нылъ подъ сердцемъ — ну, вотъ не можетъ уснуть, помоги Дѣва святая! А нечаянно глянулъ въ окошко — видитъ въ церкви, въ алтарѣ, свѣчечка горитъ. Разбудилъ псаломщика, сторожа, пришли, смотрятъ — церковь ограблена. У мужиковъ то да се стало пропадать. У Гнилой Балки, возлѣ часовенки, среди бѣла дня темные люди напали на почтальона.

У насъ на кухнѣ разсказывали, что многіе погорѣлцы, потерявъ все, отчаявшись найти работу, пошли кто въ воры, кто въ грабители, кто въ разбойники. По ночамъ я видѣлъ во снѣ, какъ верхомъ скачу на лошади и ловлю разбойниковъ: въ рукѣ у меня пистолетъ и зовутъ меня «Неукротимый Левъ». Однако, я уже тосковалъ по матушкѣ и во снѣ чаще видѣлъ ея узкое продолговатое лицо съ кроткими глазами, такъ ласково голубѣющими, что хотѣлось смѣяться.

Наконецъ, получилось отъ нея письмо, и мы съ дѣдомъ стали готовиться къ встрѣчѣ. Босой парень, потѣющій легко и густо, натиралъ въ залѣ паркетъ желтой, шибающей въ носъ мастикой и затѣмъ, взмахивая одновременно рукой и прядью рыжихъ волосъ, прошелся по немъ ножкой, щеткою, отчего паркетъ заблестѣлъ, какъ жирный; въ остальныхъ комнатахъ бабы вымыли полы, сняли паутину съ угловъ, и у щелей и дыръ, откуда по ночамъ выбѣгали мыши, посыпали мышьякомъ и покропили зеленоватой какою-то водицею. Весь домъ принялъ праздничный видъ. Матушка ожидалась съ почтовымъ, около одиннадцати вечера. Приблизительно въ четыре во дворъ выкатили тарантасъ, скребли его и мыли, а къ вечеру кучеръ, перекинувъ черезъ плечо уздечку, пошелъ на выгонъ за лошадью.

День уходилъ и гасло небо, когда мы съ дѣдомъ выѣхали изъ воротъ и, миновавъ кленовую аллею, свернули на дорогу къ станціи. Пыль лежала на проселкахъ еще теплая послѣ солнца, а въ кустахъ уже пряталась спокойная темнота; красная полоска на западѣ поблекла и пропала; мѣсяцъ еще только собирался всходить: какъ хорошо въ эту пору пойти далеко въ поле, нюхать полынь и ромашку и вдругъ, запрокинувъ голову, запѣть о чемъ-нибудь счастливомъ, такомъ счастливомъ и ясномъ, чтобы и земля стала слушать.

— О чемъ ты думаешь, дѣдъ? — спросилъ я, прижимаясь къ рукѣ его, прыгающей согласно возжамъ.

— Я думаю о томъ, что пріѣдетъ твоя мать.

— У меня хорошая мать?

— Хорошая.

— А ты, дѣдъ, хорошій?

— Хорошій.

— А я хорошій?

— Хорошій.

Бывали минуты, когда дѣдъ всѣхъ хвалилъ: то очень рѣдкія бывали минуты, и это значило, что дѣдъ счастливъ и будетъ плакать отъ счастья. Въ такія минуты разговоры съ дѣдомъ бывали безцѣльны, онъ на все соглашался, всему былъ радъ и вызвать его на споръ было невозможно. Я предпочиталъ молчать. Мы проѣхали Гнилую Балку и стали подыматься на долъ; въ это время, покраснѣвъ отъ натуги, взошелъ багровый косощекій мѣсяцъ и сталъ недвижно. Помню, настроеніе мною владѣло приподнятое и безмятежное. Заворачивая за часовенку, лошадь неожиданно стала.

— Ну! — прикрикнулъ дѣдъ и, нагнувшись, сталъ искать подъ козлами кнутъ.

— Тпру! — раздался подъ-бокомъ голосъ, я обернулся и увидѣлъ двѣ темныя фигуры, выросшія такъ внезапно, что казалось, онѣ вышли изъ земли: одна изъ нихъ держала лошадь подъ уздцы, другая за оглоблю.

— Кто таковъ? — спросилъ сиплеватый басъ.

И другой отвѣтилъ ему изъ-за лошадиной морды:

— Горкинскій помѣщикъ.

Перепугавшись, я схватилъ дѣда за руки; сердце мое колотилось и внутри стало холодно, словно я ѣлъ мяту. Дѣдъ привсталъ на тарантасѣ и голосомъ, котораго я не зналъ у него, гаркнулъ на все поле:

— Что за люди? Ты что мою лошадь держишь? Отпусти лошадь!

— Кричи, да не черезчуръ, горлышко попортишь. — отвѣчалъ тотъ, кто держалъ за оглоблю, и медленно сталъ подходить къ намъ: я разобралъ худое, рваное платье, всклокоченную бороденку и черные, совсѣмъ добрые глаза подъ косматыми бровями.

— Деньги есть? — сказалъ человѣкъ и, положивъ руку на козлы, поглядѣлъ на дѣда какъ бы съ укоромъ.

Распалившись, дѣдъ закричалъ еще того гулче:

— Грабитель! Жуликъ! А въ острогъ хочешь? А? Въ Сибирь хочешь?

Человѣкъ подождалъ, пока дѣдъ выкричится, и повторилъ тихо:

— Ну, а деньги-то у васъ будутъ?

Дѣдъ понялъ, что положеніе безвыходное: уже стояла ночь, нигдѣ окрестъ не гремѣла телѣга, до жилья было далече; на бѣду, дѣдъ съ собой никогда не возилъ денегъ; оборванецъ не повѣрилъ, влѣзъ въ тарантасъ и робко ощупалъ дѣдовы карманы; я все еще трясся, какъ осиновый листъ, и вдругъ закричалъ пронзительно, какъ утка подъ ножомъ:

— Дяденька, не трогай дѣда!

— Никто твоего дѣда не трогаетъ, прыщъ, — отвѣчалъ оборванецъ сердито, вылѣзая изъ тарантаса въ превеликой досадѣ. — Что же, деньги въ сундуки прячешь, помѣщикъ? Что мы тутъ дѣлать съ тобой будемъ, Кузьма?

— Обыщи. — басомъ отвѣтилъ Кузьма отъ лошади.

— Обыскивалъ, нѣту.

— Ахъ ты, напасть!

— Я и говорю — напасть. Что ты станешь дѣлать?

Онъ поднялъ шапку и почесалъ затылокъ въ раздумьи: лошадь скучливо подняла хвостъ; время шло.

Дѣдъ вдругъ оживился:

— Постой-ка, ты... какъ тебя... Кузьма? Да ты не изъ Долгомостья ли Кузьма? Такъ и есть, изъ Долгомостья!

Дѣдъ ударилъ себя по колѣнямъ, откинулся назадъ и вдругъ закатился старческимъ смѣхомъ, такимъ запозистымъ, что ноги его заходили по днищу тарантаса.

— Да помнишь ты, Кузьма, я къ тебѣ за медомъ пріѣзжалъ? Кузьма-а? На пасѣкѣ-то у тебя чай съ сотовымъ медомъ пили? Ты еще торговался со мной, Кузьма?

— Правда твоя, Лексѣй Митричъ, — отвѣчалъ Кузьма въ превеликомъ смущеніи, подходя и снимая шапку.

— Ошибся, значитъ. Папироской не угостишь-ли?

— Бери, бери. — ликовалъ дѣдъ, вынимая кожаный портсигаръ. — бери, пчелья душа. Какъ же это ты, медовый человѣкъ, на дорогу вышелъ? а?

— Погорѣли мы, Лексѣй Митричъ, то-есть такъ погорѣли, до тла, въ одной рубахѣ остались. Осерчалъ Господь. И пчельникъ мой, и изба моя, и хозяйство, какое-никакое, все до послѣдняго гвоздя потерялъ. Народу что по міру пошло — самъ знаешь. А вѣдь покеда справишься-то!.. Мы и страховку просрочили, и страховка намъ нейдетъ.

— Вотъ ты и пошелъ людей за горло хватать? Ай-да Кузьма! А что бы ко мнѣ миромъ зайти, все бы помогъ посильно по такому дѣлу.

— Какое намъ помоганіе! Всѣмъ не поможешь.

Бесѣда завязалась самая мирная; время шло, пора было на станцію. Уже совсѣмъ оправившись отъ испуга, я высунулъ голову изъ за локтя дѣда и рискнулъ тоненькимъ голосомъ:

— Дяденька, намъ надо на станцію, къ почтовому, можно, дяденька?

— И впрямь! — спохватился дѣдъ. — заболтался я съ тобой. Что-же, заходи завтра, Кузьма.

— Постой, — сказалъ Кузьма, крѣпче надѣвая шапку на голову. — пусти меня на козлы, тутъ еще наши ребята пошаливаютъ, такъ со мной-то тебѣ спокойнѣй будетъ, Лексѣй Митричъ.

Онъ влѣзъ на козлы, взялъ изъ рукъ дѣда возжи и чмокнулъ со вкусомъ, по-мужицки, потомъ обернулся, крикнулъ товарищу: «ты обожди меня въ шалашѣ, Сергѣй» — и тарантасъ покатился по мягкому проселку. Всю дорогу говорили о пожарахъ, о крестьянской нуждѣ и томъ, что все-же грабить по дорогамъ не гоже.

Съ почтовымъ пріѣхала матушка. Я цѣловалъ ее въ щеки, въ губы, въ лобъ, въ подбородокъ и, захлебываясь, разсказывалъ про Кузьму, а она не слушала и, жалуясь на усталость, тотчасъ велѣла нести чемоданы въ тарантасъ. Чемоданы понесъ Кузьма. И всю обратную дорогу правилъ опять Кузьма, помахивая кнутомъ и посвистывая; у воротъ имѣнія онъ слѣзъ, поблагодарилъ за компанію, пообѣщалъ еще разъ придти и ушелъ въ темноту спокойный, добрый и невозмутимый — почевать въ шалашѣ, подъ кривощекимъ мѣсяцемъ, а, можетъ статься, и поджидать у дороги запоздавшаго путника, ловить его лошадь подъ уздцы и щупать дорожные карманы. Къ дѣду онъ такъ и не пришелъ на-завтра и позже я его никогда не видѣлъ. Говорятъ, вернулись мужики на пепелище и коекакъ застроились, а кое-кого переловили стражники за нехорошія дѣла и, скрутивъ веревками, какъ стадо погнали въ городъ.

Александръ Дроздовъ.

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ

Рис. А. Койранскаго. Романъ Р. Стивенсона.

ГЛАВА VI.

Бумаги Капитана.

Мы ѣхали быстро всю дорогу, пока не остановились у дверей доктора Ливсэй. Домъ снаружи казался не освѣщеннымъ.

Мистеръ Дэнсъ приказалъ мнѣ соскочить и постучаться, и слуга подставилъ мнѣ стремя, чтобы легче было слѣзть. Дверь почти тотчасъ же была открыта горничной.

— Докторъ Ливсэй дома? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣтила она. — Онъ вернулся домой послѣ обѣда, но отправился потомъ въ замокъ ужинать и провести вечеръ съ кавалеромъ

— Такъ мы туда отправимся, ребята! — сказалъ мистеръ Дэнсъ.

На этотъ разъ, такъ какъ ѣхать было не далеко, я не сѣлъ въ сѣдло, но побѣжалъ держась за путлище Доггера до воротъ замка и по длинной, оголенной вѣтромъ и залитой луннымъ свѣтомъ аллеѣ до бѣлыхъ построекъ замка, вытянувшихся въ рядъ между двумя парками. Здѣсь мистеръ Дэнсъ спѣшился и, взявъ меня съ собой, былъ тотчасъ же впущенъ въ замокъ.

Слуга провелъ насъ по устланному циновками корридору въ большой кабинетъ, весь уставленный книжными шкапами, увѣнчанными бюстами, гдѣ кавалеръ и докторъ Ливсэй сидѣли съ трубками въ рукахъ по обѣ стороны ярко пылающаго камина.

Я никогда не видѣлъ кавалера такъ близко. Онъ былъ высокаго роста, выше шести футовъ, и въ мѣру плечистъ, и лицо его было красно, обвѣтрено и покрыто загаромъ отъ долгихъ путешествій. Его брови были очень черны, и постоянно двигались, что придавало ему видъ, если и не злой, то все-таки вспыльчивый и высокомѣрный..

— Войдите, мистеръ Дэнсъ! — сказалъ докторъ и кивнулъ головой. — Добрый вечеръ, другъ Джимъ. Какой добрый вѣтеръ занесъ васъ сюда? —

Вахмистръ вытянулся по военному и доложилъ все происшествіе, какъ вытверженный урокъ; и надо бы вамъ было видѣть, какъ оба джентльмена наклонились впередъ и глядѣли другъ на друга, забывая курить, до того были они поражены и заинтересованы. Когда они услышали о томъ, какъ матушка моя вернулась въ гостинницу, докторъ Ливсэй одобрительно хлопнулъ себя по ляжкѣ, а кавалеръ воскликнулъ: «Браво!» и сломалъ свою длинную трубку о каминную рѣшетку. Еще до конца разсказа мистеръ Трелонэй (такъ, если помните, звали кавалера) вскочилъ съ кресла и сталъ въ волненіи шагать по комнатѣ, а докторъ, какъ бы для того, чтобы лучше слышать, снялъ свой напудренный парикъ, и было смѣшно глядѣть на его коротко остриженную черную голову.

Наконецъ мистеръ Дэнсъ закончилъ разсказъ.

— Мистеръ Дэнсъ, — сказалъ кавалеръ, — вы благородный малый. Что касается до того, что вы задавили этого чернаго негодяя, то я считаю это добродѣтельнымъ поступкомъ, сэръ, все равно что раздавить таракана. Этотъ малецъ Хоукинсъ — молодчина, я вижу. Хоукинсъ, позвони-ка въ этотъ звонокъ! Мистеру Дэнсу надо выпить пива.

— Итакъ, Джимъ, — сказалъ докторъ. — У тебя эта штука, которую они искали?

— Вотъ она, сэръ, — сказалъ я, подавая ему просмоленный пакетъ.

Докторъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, какъ будто у него пальцы чесались вскрыть пакетъ; но вмѣсто этого онъ спокойно положилъ его въ карманъ сюртука.

— Кавалеръ, — сказалъ онъ, — когда

Дэнсъ выпьетъ свое пиво, ему, навѣрно, придется вернуться къ исполненію службы Его Величества. Но я хочу оставить Джима переночевать у меня на дому и ,съ вашего разрѣшенія, я предполагаю приказать подать холодный паштетъ, и пусть онъ поужинаетъ. —

— Какъ хотите, Ливсэй, —сказалъ кавалеръ. — Хоукинсъ заслужилъ больше, чѣмъ холодный паштетъ.

Большой паштетъ изъ дичи появился вскорѣ на столѣ, стоявшемъ въ сторонѣ, и я основательно поужиналъ, потому что былъ голоденъ, какъ коршунъ. Тѣмъ временемъ Дэнса осыпали еще разъ похвалами и отпустили.

— А теперь, кавалеръ...—сказалъ докторъ.

— А теперь, Ливсэй... — сказалъ въ то же мгновеніе кавалеръ.

— По порядку, по порядку, — засмѣялся докторъ Ливсэй. — Надѣюсь, вы слышали объ этомъ Флинтѣ?

— Слышалъ ли я!—вскричалъ кавалеръ.— Слышалъ ли я, говорите вы! Да онъ былъ самымъ кровожаднымъ изъ всѣхъ пиратовъ когда-либо пускавшихся въ море. Черная Борода былъ ребенкомъ въ сравненіи съ Флинтомъ. Испанцы такъ его боялись, что признаться, сэръ, я одно время гордился тѣмъ, что онъ англичанинъ.

— Такъ, я и самъ много слышалъ о немъ въ Англіи, — сказалъ докторъ. — Но вопросъ въ томъ — были ли у него деньги?

— Деньги! — вскричалъ кавалеръ. — Да развѣ вы не слышали? Да чего же искали они кромѣ денегъ? Ради чего станутъ они рисковать своими дрянными шкурами, кромѣ денегъ?

— Это мы вскорѣ узнаемъ,—отвѣтилъ докторъ. — Но вы такъ горячитесь и шумите, что я не могу вставить слово. Вотъ что я желалъ бы знать: допустимъ, что у меня въ карманѣ ключъ къ тому мѣсту, гдѣ Флинтъ спряталъ свои сокровища, то каковы могутъ быть размѣры клада?

— Размѣры, сэръ! — вскричалъ кавалеръ. — Вотъ, каковы они будутъ. Если у васъ есть шлюпка, о которой вы говорите, то я снаряжаю судно въ Бристольскихъ докахъ, беру съ собой васъ и Хоукинса, и я добуду этотъ кладъ, если бы даже пришлось искать цѣлый годъ.

— Хорошо! — сказалъ докторъ. — Итакъ теперь, если Джимъ согласенъ, мы вскроемъ пакетъ. — И онъ положилъ его передъ собою на столъ.

Пакетъ былъ зашитъ, и доктору пришлось взяться за футляръ съ инструментами и разрѣзать швы хирургическими ножницами. Внутри оказалось двѣ вещи: книга и запечатанная бумага.

— Сперва посмотримъ книгу, — замѣтилъ докторъ.

Оба мы, я и кавалеръ, наклонились надъ его плечомъ, когда онъ вскрылъ его, ибо докторъ Ливсэй ласково пригласилъ меня встать изъ-за бокового столика, гдѣ я ужиналъ, и принять участіе въ вскрытіи пакета. На первой страницѣ были только пробы пера, какія человѣкъ съ перомъ въ рукѣ можетъ намарать отъ нечего дѣлать. «Причуды Билли Бонса».

Карта острова съ широтами и долготами, промѣрами глубины, названіемъ холмовъ, бухтъ и проливовъ, и всѣми отмѣтками, необходимыми для того, чтобы спокойно ошвартоваться у ея береговъ.

Дальше можно было прочесть: «Мистеръ У. Бонсъ, боцманъ». «Ни капли рома больше!» «Онъ получилъ *этто* у Пальмоваго Ключа». И нѣсколько другихъ надписей, по большей части короткихъ и безсмысленныхъ. Я не могъ не задуматься надъ тѣмъ, кто «получилъ этто» и что такое было «этто». Можетъ быть, ножъ въ спину, а можетъ быть — и что-нибудь другое.

— Не очень-то много понятнаго, — сказалъ докторъ Ливсэй и сталъ перелистывать дальше.

Слѣдующія десять или двѣнадцать страницъ оказались наполненными любопытными записями. Съ одной стороны строчки значилось число, мѣсяцъ и годъ, съ другой — сумма, какъ въ обычныхъ конторскихъ книгахъ; но вмѣсто какихъ бы то ни было пояснительныхъ замѣтокъ между этими цифрами были выставлены только крестики въ разныхъ количествахъ. Подъ двѣнадцатымъ іюнемъ 1745 года значилась, напримѣръ, сумма въ семьдесятъ фунтовъ, но происхожденіе ея объяснялось только шестью крестами. Въ нѣсколькихъ случаяхъ было прибавлено указаніе мѣста, какъ, напримѣръ, «близъ Каракасса»: или только отмѣчалась широта и долгота, — «62 град. 17'20». 19 град. 2'40».

Записи охватывали промежутокъ приблизительно въ 20 лѣтъ, причемъ суммы съ теченіемъ времени все возрастали, и въ концѣ былъ подведенъ общій итогъ послѣ пяти или шести невѣрныхъ и замаранныхъ сложеній. Тутъ же были приписаны слова: «Доля Бонса».

— Я ничего не могу въ этомъ разобрать, — сказалъ докторъ Ливсэй.

— Все это ясно, какъ полдень! — воскликнулъ кавалеръ.

— Это счетная книга негоднаго пса. Эти кресты замѣняютъ названія судовъ или городовъ. А гдѣ онъ боялся при подсчетѣ спутаться, онъ прибавлялъ нѣкоторыя поясненія, вродѣ «Близъ Каракасса». Это значитъ, что въ этомъ мѣстѣ было потоплено несчастное суденышко. Упокой, Господи, бѣдныя души команды!

— Правильно! — сказалъ докторъ. — Вотъ, что значитъ быть путешественникомъ. Правильно! И суммы все растутъ, соотвѣтственно его повышенію въ чинѣ.

Кромѣ этого въ книжкѣ оказалось еще нѣсколько отмѣтокъ широты и долготы, да таблица для перевода французскихъ и испанскихъ денегъ на англійскія.

— Ловкій прохвостъ! — воскликнулъ докторъ. — Онъ не хотѣлъ, чтобы его надували.

— Теперь, — сказалъ кавалеръ, — займемся другимъ.

Бумага была запечатана въ нѣсколькихъ мѣстахъ сургучемъ, печатью служилъ наперстокъ, должно быть тотъ самый, который я нашелъ въ карманѣ капитана. Докторъ вскрылъ печати съ большой осторожностью, и оттуда выпала карта острова, съ широтами и долготами, промѣрами глубины, названіемъ холмовъ, бухтъ и проливовъ, и всѣми отмѣтками, необходимыми для того, чтобы спокойно ошвартоваться у ея береговъ. Островокъ былъ около девяти миль въ длину и пяти въ ширину и немного напоминалъ очертаніями жирнаго дракона, поднявшагося на заднихъ лапахъ. Видны были двѣ естественныя гавани и холмъ въ средней части, наименованный «Подзорная труба». Нѣкоторыя отмѣтки очевидно были болѣе поздняго происхожденія. Особенно выдѣлялись три крестика краснымъ черниломъ — два на сѣверной части острова, одинъ на юго-западной, и сбоку послѣдняго, тѣмъ же краснымъ черниломъ, мелкой, отчетливой рукой, ярко отличавшейся отъ спотыкающихся каракуль капитана, — слова: «Главный кладъ здѣсь.»

На обратной сторонѣ той же рукой были написаны слѣдующія указанія:

«Высокое дерево, на вершинѣ «Подзорной трубы», 1'' къ N. отъ N. N. E.

«Островъ скелета на E. S. E. и къ E.

«10 футовъ.

«Серебро въ слиткахъ въ сѣверномъ тайникѣ. Итти по восточному оврагу, десять саженъ къ югу отъ скалы, на которой рожа.

Оружіе легко найти въ пескѣ, N. оконечность мыса, закрывающаго сѣверный рейдъ, 1'' къ E. и четверть N.»

«I. F.».

Это было все. Но хотя это казалось мнѣ краткимъ и непонятнымъ, кавалеръ и докторъ были охвачены восторгомъ.

— Ливсэй, — сказалъ кавалеръ, — вы немедленно пошлите къ чорту вашу практику. Завтра я ѣду въ Бристоль. Черезъ три недѣли, да что тамъ! черезъ двѣ недѣли или черезъ десять дней у насъ будетъ самое лучшее судно и первая команда въ Англіи. Хоукинсъ пойдетъ

въ качествѣ каютнаго юнги. Вы, Ливсэй — корабельный врачъ. Я — адмиралъ. Мы захватимъ Редруса, Джемса и Хентера. Вѣтеръ будетъ намъ благопріятствовать, путешествіе короткое, найти нужное мѣсто — никакихъ затрудненій, и денегъ — ѣшь, не хочу! хоть купаться въ нихъ.

— Трелонэй,— сказалъ докторъ,— я поѣду съ вами; и Джимъ поѣдетъ, и мы окажемся весьма полезными предпріятію. Есть только одинъ человѣкъ, котораго я боюсь.

— Кто же это такой? — вскричалъ кавалеръ. — Назовите эту собаку, сэръ!

— Вы! — отвѣтилъ докторъ. — Потому что не умѣете держать языкъ за зубами. Мы вѣдь не единственные люди, знающіе о существованіи этой бумаги. Молодцы, которые сегодня вечеромъ нападали на гостиницу и остальные, что были на шхунѣ, и еще, думается, другіе по близости, всѣ они твердо рѣшились добраться до этихъ денегъ. Никто изъ насъ не долженъ удаляться отъ другихъ, пока не выйдемъ въ море. Джимъ и я будемъ держаться вмѣстѣ; вы захватите Джемса и Хентера, когда поѣдете въ Бристоль, и, главнымъ образомъ, никто изъ насъ не долженъ проронить ни слова о находкѣ.

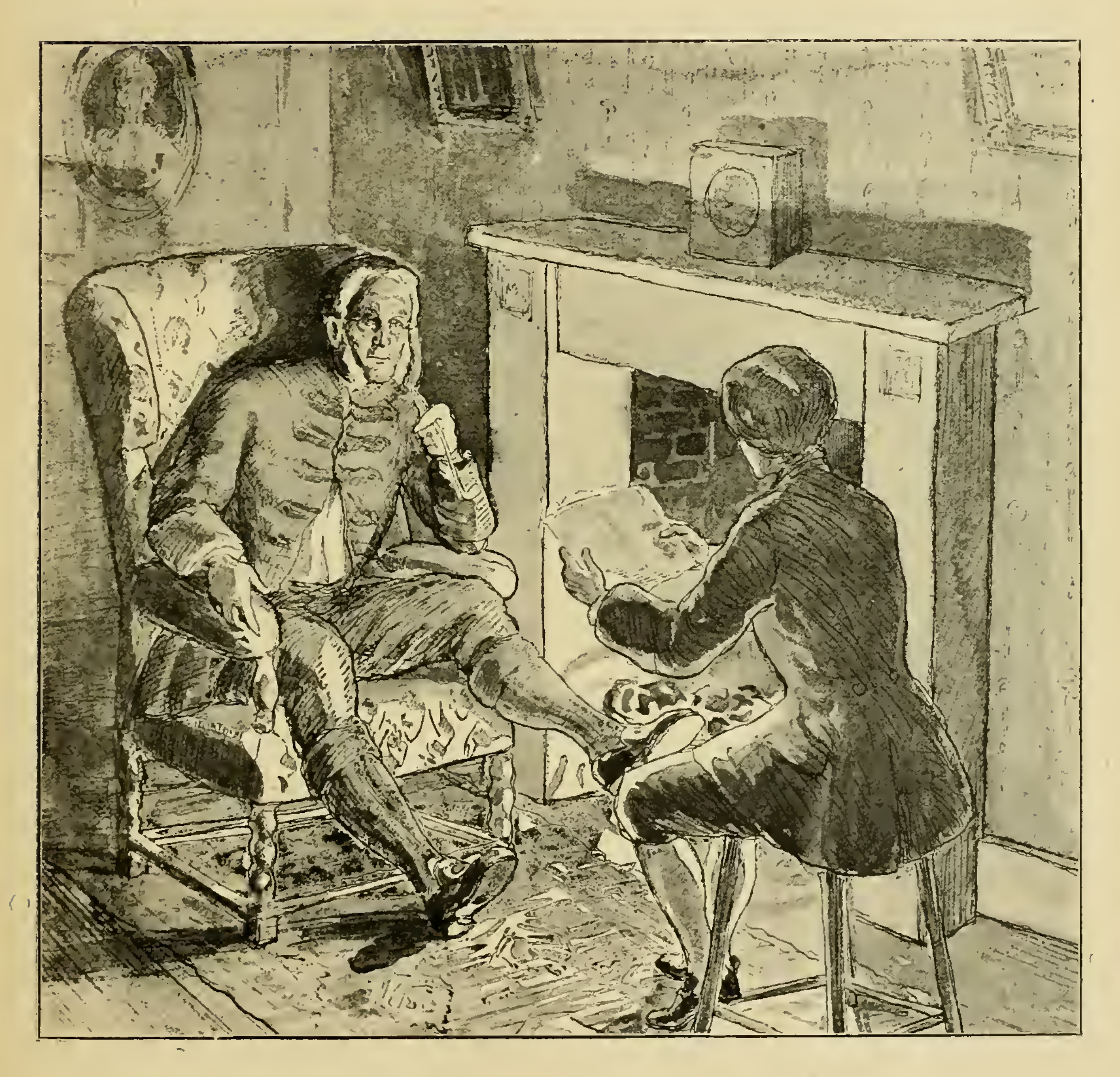
— Ливсэй, — отвѣтилъ кавалеръ, — какъ всегда, вы правы. Я буду молчать, какъ могила.

Часть вторая.

ГЛАВА VII.

Корабельный поваръ.

..Я отказался отъ всяческихъ комментаріевъ и продолжалъ читать.

АВАЛЕРЪ ошибся. Прошло много больше времени, чѣмъ онъ предполагалъ, прежде чѣмъ мы оказались готовы къ выходу въ море, и ни одинъ изъ нашихъ плановъ не удалось выполнить такъ, какъ мы задумали, не пришлось даже соблюсти намѣреніе доктора Ливсэя — не разставаться со мной. Доктору пришлось поѣхать въ Лондонъ, чтобы найти врача, которому онъ могъ бы передать свою практику; кавалеръ былъ по уши занятъ хлопотами въ Бристолѣ: я продолжалъ жить въ замкѣ на попеченіи стараго Редруса, егеря, почти, какъ плѣнникъ, но, погруженный въ мечты о морѣ и предвкушая приключенія на далекихъ островахъ, я часами размышлялъ о картѣ, всѣ детали которой я хорошо запомнилъ. Сидя у камина въ комнатѣ егеря, я въ мысляхъ объѣзжалъ этотъ островъ моей мечты со всѣхъ сторонъ. Я изслѣдовалъ каждую десятину его поверхности; я тысячи разъ взбирался на высокій холмъ, прозванный «Подзорная Труба», и съ вершины его наслаждался самыми чудесными и разнообразными видами. Порой я представлялъ себѣ, что островъ кишѣлъ дикарями, съ которыми мы вступали въ сраженія; порой я видѣлъ дикихъ звѣрей, нападавшихъ на насъ. Но никогда въ моихъ мечтахъ не происходило ничего столь удивительнаго и трагическаго, какъ то, что впослѣдствіи, произошло въ дѣйствительности.

Такъ шли недѣли, пока въ одинъ прекрасный день не пришло письмо, адресованное доктору Ливсэю, съ припиской: «За отсутствіемъ адресата вскрыть Тому Редрусу или молодому Хоукинсу». Повинуясь этому приказу, мы нашли въ немъ, — вѣрнѣе, я нашелъ, потому что егерь плохо разбиралъ по писанному, — слѣдующія важныя извѣстія:

Гостинница «Старый Якорь».
Бристоль, 1 марта 17..

«Дорогой Ливсэй, не зная гдѣ вы сейчасъ, въ замкѣ или въ Лондонѣ, я посылаю это письмо въ двухъ экземплярахъ въ оба мѣста.

«Судно куплено и снаряжено. Оно стоитъ на якорѣ, готовое къ выходу въ море. Вы не можете себѣ представить болѣе послушной шхуны, ребенокъ могъ бы управлять ей. Водоизмѣщеніе — 200 тоннъ. Названіе «Испаніола».

«Я пріобрѣлъ ее черезъ моего стараго друга, Блэндли, который проявилъ необычайную услужливость. Этотъ замѣчательный человѣкъ, буквально, какъ крѣпостной работалъ на меня, и такъ же отнеслись къ моему дѣлу всѣ въ Бристолѣ, лишь только пронюхали куда мы держимъ путь, т. е. о сокровищѣ».

— Редрусъ, — сказалъ я, прерывая чтеніе письма, — доктору Ливсэй это не очень-то понравится. Значитъ, кавалеръ все-таки проболтался.

— Ладно, развѣ онъ не имѣетъ права! — проворчалъ егерь. — Станетъ кавалеръ молчать въ угоду доктору Ливсэй!

Послѣ этого замѣчанія я отказался отъ всяческихъ комментаріевъ и продолжалъ читать:

«Блэндли самъ отыскалъ «Испаніолу» и ухитрился пріобрѣсть ее за сущій пустякъ. Есть, конечно, злые языки въ Бристолѣ, чудовищно несправедливые къ Блэндли. Они дошли до того, что объявили, будто этотъ честный человѣкъ за деньги готовъ на все, будто «Испаніола» принадлежала ему самому и онъ продалъ ее мнѣ за нелѣпо высокую цѣну, что, конечно, явная клевета. Никто изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, не смѣетъ отрицать достоинствъ судна.

«До сихъ поръ все шло безъ сучка, безъ задоринки. Рабочіе, конечное дѣло, крайне медлили съ оснасткой и другими работами; но все же мы справились. Больше всего задерживала меня команда.

«Мнѣ хотѣлось набрать десятка два, на всякій случай — туземцы что ли, пираты или эти проклятые французы — и я немало намучился, не набравъ и полдюжины, пока сама судьба не послала мнѣ нужнаго человѣка.

«Я стоялъ въ докѣ, когда совершенно случайно заговорилъ съ нимъ. Оказалось, что онъ — бывшій матросъ, содержитъ трактиръ, знаетъ всѣхъ моряковъ въ Бристолѣ, потерялъ на берегу здоровье, и желалъ бы получить мѣсто корабельнаго повара, чтобы снова быть въ морѣ. Онъ пришелъ на пристань немного подышать соленымъ воздухомъ.

«Я былъ глубоко тронутъ, какъ, увѣренъ, были бы и вы, и, прямо-таки изъ жалости, нанялъ его на должность повара. Его зовутъ — Длинный Джонъ Сильверъ и онъ лишился

...Мы уже стояли передъ большимъ зданіемъ на улицѣ какого-то города, и былъ уже давно яркій день.

одной ноги; но я считалъ это рекомендаціей, такъ какъ онъ потерялъ ее на службѣ родинѣ подъ командой безсмертнаго Хоука. Онъ не получаетъ пенсіи, Ливсэй. Въ какое отвратительное время мы живемъ!

«Ну вотъ, сэръ, я думалъ, что я нашелъ только повара. На самомъ же дѣлѣ я отыскалъ цѣлую команду. Вмѣстѣ съ Сильверомъ я въ нѣсколько дней собралъ компанію самыхъ настоящихъ морскихъ волковъ — не казистыхъ на видъ, но, судя по внѣшности, молодцовъ неукротимыхъ. Я увѣренъ, что мы смогли бы сражаться противъ цѣлаго фрегата.

«Длинный Джонъ даже развязался съ двумя изъ тѣхъ шести или семи, которыхъ я уже успѣлъ подрядить. Онъ сразу доказалъ мнѣ, что они принадлежатъ къ той прѣсноводной породѣ, которой намъ надо избѣгать, имѣя въ виду серьезныя приключенія.

«Я здоровъ и чувствую себя превосходно, ѣмъ, какъ быкъ, сплю за троихъ, но не буду доволенъ, пока не услышу топотъ моихъ просмоленныхъ ребятъ вокругъ якорнаго ворота. Въ море! О-го! Къ чорту сокровище! Зажить снова жизнью моряка! Вотъ отъ чего голова кружится! Поэтому, Ливсэй, торопитесь! Не теряйте ни часа, если уважаете меня.

«Пусть молодой Хоукинсъ немедленно съѣздитъ проститься съ матерью, въ сопровожденіи Редруса; и потомъ пусть оба на всѣхъ парусахъ мчатся въ Бристоль.

Джонъ Трелонэй».

«*Postscript.* — Я не сказалъ Вамъ, что Блэндли, который, между прочимъ, долженъ послать за нами выручку, если мы не вернемся къ концу августа, нашелъ для меня замѣчательнаго шкипера, къ сожалѣнію очень рѣзкаго человѣка, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ — сокровище. Длинный Джонъ откопалъ боцмана, очень свѣдущаго человѣка, по имени Арро. Помощникъ его играетъ на волынкѣ: такимъ образомъ, все будетъ по военному на борту «Испаніолы».

«Я забылъ сказать вамъ, что Сильверъ человѣкъ положительный; я узналъ, что у него есть текущій счетъ въ банкѣ; онъ оставляетъ жену завѣдывать трактиромъ: она — цвѣтной породы, и двумъ такимъ старымъ холостякамъ, какъ намъ съ Вами, легко догадаться, что эта жена еще больше, чѣмъ его здоровье, — причина страсти Сильвера къ морю.

Д. Т.».

«*P. P. S.* — Хоукинсъ можетъ пробыть сутку у матери.

Д. Т.».

Вы можете себѣ представить, въ какое волненіе привело меня это письмо. Я былъ внѣ себя отъ радости. Я презиралъ стараго Тома Редруса, который только ворчалъ и жаловался. Любой изъ младшихъ егерей охотно помѣнялся бы съ нимъ мѣстами; но не такова была воля кавалера, а воля кавалера была закономъ для всѣхъ ихъ. Никто, кромѣ Тома Редруса, не осмѣлился бы даже ворчать.

На слѣдующее утро мы отправились вдвоемъ съ нимъ пѣшкомъ къ «Адмиралу Бенбо», и тамъ я засталъ матушку въ добромъ здоровьи и въ хорошемъ расположеніи духа. Капитанъ, бывшій такъ долго причиной всѣхъ непріятностей, отправился туда, гдѣ злые лишены возможности творить зло. Кавалеръ распорядился все привести въ исправность, заново выкрасить помѣщеніе и вывѣску, и прислалъ кое-какую мебель, да еще, въ придачу, прекрасное кресло для матушки. Онъ нашелъ ей также мальчика въ ученики, чтобы она не нуждалась во мнѣ.

Увидѣвъ этого мальчика, я впервые понялъ свое положеніе. До этой минуты я думалъ только объ ожидавшихъ меня приключеніяхъ и ни на минуту не задумался о домѣ, который покидалъ; но при видѣ этого неуклюжаго посторонняго малаго, который долженъ былъ вмѣсто меня оставаться съ матушкой, я впервые ударился въ слезы. Должно быть, я солоно пришелся бѣдному малому; потому что, будучи новичкомъ, онъ доставлялъ мнѣ не мало случаевъ наставлять и муштровать его, чѣмъ я и поспѣшилъ воспользоваться.

Ночь прошла, и на слѣдующій день, послѣ обѣда, Редрусъ и я опять отправились пѣшкомъ въ обратный путь. Я простился съ матушкой, и съ бухтой, на берегу которой жилъ съ самаго своего рожденія, и съ дорогимъ старымъ «Адмираломъ Бенбо», правда, уже не столь дорогимъ моему сердцу послѣ того, какъ его выкрасили заново. Одна изъ моихъ послѣднихъ мыслей была о капитанѣ, который такъ часто бродилъ по берегу въ своей потрепанной шляпѣ, съ сабельнымъ шрамомъ на щекѣ и мѣднымъ телескопомъ подъ мышкой. Въ слѣдующее мгновеніе мы завернули за уголъ, и домъ мой скрылся изъ виду.

...Дорога наша, къ великому моему удовольствію, шла вдоль набережныхъ и мимо множества судовъ всѣхъ размѣровъ и всѣхъ національностей.

Почта захватила насъ въ сумерки у гостиницы «Короля Георга». Меня втиснули въ дилижансъ между Редрусомъ и толстымъ старымъ джентльменомъ, и, несмотря на быстрое путешествіе и холодный ночной воздухъ, я сразу сталъ дремать, а вскорѣ заснулъ, какъ чурбанъ; я, очевидно, проспалъ всю дорогу, потому что, когда я проснулся отъ толчка въ бокъ и открылъ глаза, мы уже стояли передъ большимъ зданіемъ на улицѣ какого-то города, и былъ уже давно яркій день.

— Гдѣ мы? — спросилъ я.

— Бристоль! — отвѣтилъ Томъ. — Слѣзай!

Мистеръ Трелоней устроился въ гостиницѣ у самыхъ доковъ, чтобы наблюдать за снаряженіемъ шхуны. Туда-то намъ и пришлось теперь направиться, и дорога наша, къ великому моему удовольствію, шла вдоль набережныхъ и мимо множества судовъ всѣхъ размѣровъ и всѣхъ національностей. На одномъ матросы пѣли за работой: на другомъ, высоко надъ моей головой, люди болтались на веревкахъ, которыя снизу казались не толще паутины. Хотя я всю жизнь прожилъ на берегу, я почувствовалъ, что до этого дня я не зналъ моря. Было что-то новое въ смѣшанномъ запахѣ дегтя и соли. Я увидѣлъ корабли, бугшприты которыхъ исчертили далекіе океаны. Я увидѣлъ много старыхъ моряковъ, съ серьгами въ ушахъ, вьющимися бакенбардами и просмоленными косицами, съ ихъ раскачивающейся, неуклюжей походкой; и я не былъ бы такъ обрадованъ, если-бы увидѣлъ столько же королей и архіепископовъ.

И самъ я собирался выйти въ море! Въ море, на шхунѣ, съ боцманомъ, играющимъ на дудкѣ, и съ поющими матросами; въ море, въ поискахъ невѣдомыхъ странъ и зарытыхъ сокровищъ!

Я еще былъ во власти прекрасной мечты, когда мы подошли къ подъѣзду большой гостиницы и встрѣтили кавалера Трелонэй, наряженнаго морскимъ офицеромъ, въ плотномъ синемъ суконномъ костюмѣ, и выходящаго изъ дверей съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь морской походкой.

— Вотъ вы! — воскликнулъ онъ. — А докторъ вчера вечеромъ прибылъ изъ Лондона. Браво! Корабельная команда вся налицо!

— О, сэръ, — вскричалъ я, — когда мы снимаемся съ якоря?

— Когда снимаемся? — сказалъ онъ. — Завтра!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводъ съ англійскаго АЛ. КОЙРАНСКАГО.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОЛШЕБНИКЪ

Очеркъ Мих. Первухина.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ что-то странное, таинственное стало твориться съ существующими и дѣйствующими по берегамъ Средиземнаго моря станціями безпроволочнаго телеграфа и съ такими же маленькими станціями плавающихъ по этому морю судовъ: сидитъ въ кабинкѣ дежурный телеграфистъ, и вдругъ слышитъ — звенятъ струны мандолины, слышитъ, какъ чьи-то пальцы перебираютъ бѣгло клавиши рояли. А то въ тишину станціонной кабинки вдругъ ворвется, правда, слабо, заглушенно, — пѣніе молодого женскаго голоса, исполняющаго популярный отрывокъ изъ какой-нибудь любимой публикою оперы, а потомъ — какъ будто засмѣется кто-то, и ошеломленный телеграфистъ, не вѣря своимъ ушамъ, вдругъ слышитъ вопросъ:

— Вы слышали? Скажите, что было сейчасъ спѣто?

— Арія изъ „Трубадура"! — торопится отвѣтить, не зная кому, изумленный телеграфистъ.

И опять слышитъ чей-то далекій смѣхъ.

Когда дежурные телеграфисты въ первый разъ стали доносить по начальству объ этомъ странномъ, таинственномъ явленіи, — строгое начальство отнеслось недовѣрчиво и рѣшило, что телеграфисты попросту фантазируютъ. Но таинственныя явленія повторялись. И нѣсколько недѣль тому назадъ пришло и разъясненіе всѣхъ этихъ явленій. Было это такъ.

Сидѣлъ въ кабинѣ одной станціи безпроволочнаго телеграфа дежурный телеграфистъ, и вдругъ совсѣмъ явственно услышалъ спрашивавшій его невѣдомо откуда мужской голосъ:

— Хотите послушать игру на піанино?

— Понятно, не откажусь!

— Ну, такъ слушайте!

И, въ самомъ дѣлѣ, въ кабину ворвались волны звуковъ игры на піанино. Звуки были сравнительно слабыми, но оставались ясными, четкими, такъ что ошеломленный телеграфистъ различалъ каждую ноту. И, увлекшись, самъ сталъ подпѣвать.

— Браво, браво! — одобрилъ его пѣніе тотъ же таинственный мужской голосъ. — Только попробуйте спѣть нѣсколько погромче!

Тогда телеграфистъ возопилъ:

— Да что же это такое? Да кто вы, милостивый государь? И какъ вы это устраиваете?

— Не волнуйтесь! — получился спокойно-насмѣшливый отвѣтъ. — Я — Маркони.

— Гульэльмо Маркони?

— Къ вашимъ услугамъ! Нахожусь на борту своей яхты, которая сейчасъ держится въ трехъ стахъ километрахъ отъ берега. Я давно уже произвожу опыты съ безпроволочнымъ телефономъ: испытываю новые, изобрѣтенные мною и недавно усовершенствованные аппараты. Какъ видите, опыты эти идутъ довольно успѣшно. Я, въ общемъ, ходомъ дѣлъ удовлетворенъ. Но я отрываю васъ отъ работы? Прощайте!

— Да постойте же! — завопилъ телеграфистъ. — Послушайте, синьоръ Маркони!

Но Маркони уже оборвалъ бесѣду. И телеграфисту не осталось ничего больше, какъ доложить по начальству о происшедшемъ. Какими-то путями объ этомъ узнали журналисты, — и дѣло стало, какъ говорится, достояніемъ гласности: разсказъ о немъ появился въ одной изъ крупнѣйшихъ итальянскихъ газетъ.

За послѣднее время все еще и сейчасъ разгуливающій по Средиземному морю на своей яхтѣ великій итальянскій изобрѣтатель добился уже большихъ результатовъ въ дѣлѣ такъ называемаго безпроволочнаго *телефонированія*.

* * *

На протяженіи добрыхъ пятнадцати лѣтъ — сотни, можетъ быть даже тысячи электротехниковъ всѣхъ національностей работаютъ упорно надъ разрѣшеніемъ этой далеко не легкой задачи. Вотъ, даже самъ знаменитый Эдиссонъ, и тотъ, говорятъ, затратилъ на изысканія колоссальныя средства. Извѣстные результаты достигнуты уже довольно давно. Помню, за годъ или около этого до начала міровой войны, я, по порученію редакціи московскаго „Русскаго Слова", наводилъ справки у сотрудниковъ того же Маркони въ Римѣ по поводу производившихся подъ ихъ руководствомъ опытовъ сообщенія по безпроволочно-

му телефону между Римомъ и Триполи, — на разстояніи свыше 1200 километровъ, и получилъ отъ нихъ схематическое изображеніе дѣйствовавшихъ тогда аппаратовъ.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Маркони тогда же сообщилъ мнѣ маленькій курьезъ.

Надо вамъ замѣтить, что станціи римская и триполитанская находятся въ завѣдываніи военныхъ властей Италіи. Управляютъ тамъ офицеры. У офицеровъ, конечно, имѣются денщики. И, вотъ, тогдашній завѣдывающій римскою станціею техникъ, помощникъ Маркони, и говорилъ мнѣ:

— А знаете, кто больше всего пользуется возможностью снеситься изъ Рима съ Триполи по безпроволочному телефону? Наши денщики!

Денщикъ Пьэтро въ Римѣ утромъ вызываетъ денщика Паоло въ Триполи:

— Ну, что подѣлываешь, Паоло?

— Да ничего! Кофе для капитана варю. А ты чѣмъ занятъ, Пьэтро?

— Да ничѣмъ! Только что капитану сапоги вычистилъ, кофе подалъ, папиросы принесъ... А что у васъ тамъ на обѣдъ готовится?

— Супъ съ горошкомъ, баранина. А у васъ что?

— У насъ? Во-первыхъ, макароны съ соусомъ изъ помидоровъ...

И такъ денщики бесѣдовали по цѣлымъ часамъ.

***

По вернемся, однако, къ самому изобрѣтенію.

Итакъ, опыты съ безпроволочнымъ телефономъ производятся уже довольно давно, и уже давно дали положительные результаты. Но культурное человѣчество ненасытно: оно не можетъ удовлетвориться „нѣкоторыми" успѣхами. Оно стремится дѣлать все новыя и новыя завоеванія въ той же области. И, вотъ, за Гульэльмо Маркони имѣется та большая заслуга, что онъ своими собственными изобрѣтеніями и усовершенствованіемъ чужихъ изобрѣтеній все ближе и ближе подходитъ къ полному разрѣшенію чрезвычайно сложной, но зато и удивительно интересной задачи.

По словамъ одного лица, близкаго къ Маркони, итальянскій изобрѣтатель мечтаетъ о томъ, чтобы дать человѣчеству возможность сноситься по безпроволочному телефону и на разстояніи хотя бы въ пять, въ десять или даже двадцать тысячъ километровъ.

— Скоро, — говоритъ Маркони, — сидя въ Римѣ, можно будетъ переговариваться по безпроволочному телефону съ людьми, находящимися, скажемъ примѣрно, въ Токіо.

Въ эту задачу огромной важности входитъ одинъ элементъ сугубой важности: сейчасъ, если говоритъ какая-нибудь мощная станція безпроволочнаго телеграфа, напримѣръ та, которая существуетъ на верхушкѣ Эйфелевой башни въ Парижѣ, или та, которая работаетъ въ Науэнѣ,—ея голосъ принимаютъ безчисленныя другія станціи.

Для телефона это не годится: я, напримѣръ, захочу сообщить какую-нибудь лично только меня и редакціи «Зеленой Палочки» касающуюся новость въ Парижъ изъ Рима, гдѣ я живу,—и въ мои расчеты вовсе не входитъ, чтобы эту новость знали посторонніе люди. Значитъ, надо изобрѣсти такіе аппараты, которые принимали бы только опредѣленныя, а не *всѣ* сообщенія. Надо научиться такъ настраивать отдѣльные аппараты, чтобы переговоры могли быть слышаны только лицами, ведущими эти переговоры, и не могли быть подслушиваемы никѣмъ другимъ. Вотъ, Маркони, кажется, и добился уже существенныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи.

Онъ обѣщаетъ, что въ близкомъ будущемъ вездѣ и всюду будутъ имѣться домашніе безпроволочные телефоны, что, при помощи извѣстныхъ приспособленій, лицо, живущее въ Парижѣ, сможетъ, сидя у себя въ кабинетѣ, вызывать не милліонъ обладателей такихъ-же аппаратовъ, а только того именно обладателя, тотъ «нумеръ», который ему въ данный моментъ нуженъ.

Въ чемъ именно состоитъ это открытіе, или, вѣрнѣе, тотъ рядъ открытій, которыя сдѣланы итальянскимъ изобрѣтателемъ,—онъ еще пока не говоритъ: это его изобрѣтательскій секретъ.

***

Недавно весь культурный міръ взволновался, узнавъ, что нѣкоторыя станціи безпроволочнаго телеграфа давно уже записываютъ какіе-то таинственные сигналы, во всякомъ случаѣ, идущіе не изъ какихъ-либо извѣстныхъ намъ источниковъ, то-есть, не отъ существующихъ станцій. Родилось очень понравившееся большой публикѣ предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ попытками сигнализаціи, дѣлаемыми обитателями другихъ планетъ, скорѣе всего, обитателями Марса.

Спрошенный по этому поводу Маркони поторопился расхолодить разгорѣвшуюся фантазію публики: по его словамъ, ни о какихъ

попыткахъ межпланетныхъ сношеній и рѣчи быть не можетъ. Маркони идетъ даже дальше, и совершенно отрицаетъ возможность того, чтобы тутъ дѣло касалось какихъ-бы то ни было сигналовъ вообще. Наблюдавшееся явленіе имѣетъ совершенно иное объясненіе: пріемники радіотелеграфныхъ станцій иногда получаютъ механически рождающіеся въ разныхъ воздушныхъ сферахъ электрическіе голоса. Это голоса не сознательныхъ существъ, а самой природы, могущіе быть въ нѣкоторомъ смыслѣ, для сравненія, уподобленными эхо отъ далекихъ раскатовъ грома, отъ взрывовъ и такъ далѣе.

Но тотъ-же Маркони отнюдь не теряетъ надежды на то, что со временемъ, дѣйствительно, человѣчество добьется возможности сноситься по безпроволочному телеграфу или даже по телефону съ обитателями Марса,—если только на Марсѣ вообще имѣются эти обитатели, и если они, въ самомъ дѣлѣ, достигли уже очень высокой степени развитія.

Подождемъ, увидимъ...

***

Заслуживаетъ вниманія карьера самого Маркони.

Много лѣтъ тому назадъ онъ, будучи еще совершенно молодымъ человѣкомъ, былъ на службѣ въ итальянскомъ телеграфномъ вѣдомствѣ. Въ то время, какъ огромное большинство его сослуживцевъ довольствовались только простымъ исполненіемъ порученной имъ работы, молодой Маркони съ жадностью изучалъ электротехнику и на практикѣ, и въ теоріи, и ради этого посѣщалъ лекціи физики извѣстныхъ римскихъ профессоровъ.

На одной изъ этихъ лекцій какого-то стараго римскаго профессора студентъ Маркони услышалъ изъ устъ этого теоретика, что многіе иностранные ученые, въ томъ числѣ и русскій профессоръ Поповъ, производятъ интересные опыты съ передачею электрическихъ волнъ безпроволочнаго соединенія между источникомъ энергіи и пріемникомъ ея.

Маркони жадно ухватился за идею, ознакомился со всѣмъ тѣмъ, что существовало въ литературѣ по данному вопросу, и, тратя свои собственныя скудныя средства, принялся самъ производить соотвѣтствующіе опыты.

Въ результатѣ получился извѣстный теперь всему міру безпроволочный телеграфъ.

— Безпроволочный телеграфъ изобрѣтенъ Маркони!—любятъ утверждать итальянцы.

Это—не совсѣмъ вѣрно: не одинъ Маркони изобрѣлъ безпроволочный телеграфъ и безпроволочный телефонъ: ученые знаютъ очень многихъ изобрѣтателей, добивавшихся и, дѣйствительно, добившихся извѣстныхъ положительныхъ результатовъ въ этой области. Тутъ имѣются и англичане, и французы, и австрійцы, и нѣмцы, и русскіе, и испанцы, и японцы. Но Маркони удалось изобрѣсти наиболѣе практическую систему, наиболѣе совершенные аппараты. И его имя прогремѣло на весь свѣтъ, тогда какъ другимъ, менѣе его удачливымъ, изобрѣтателямъ было суждено остаться въ тѣни.

Но любопытно слѣдующее обстоятельство: уже пріобрѣтя огромную извѣстность въ качествѣ удачливаго изобрѣтателя, тотъ-же Маркони никакъ не могъ добиться того, чтобы ему были даны большія средства, потребныя для дальнѣйшихъ усовершенствованій и для новыхъ открытій. Итальянское правительство отказывало ему въ ассигновкахъ на опыты. Итальянскіе капиталисты тоже не шли навстрѣчу молодому изобрѣтателю, боясь затрачивать большія деньги на дѣло, которое отнюдь не обѣщало непосредственныхъ большихъ барышей.

И, вотъ, на помощь Маркони пришли не итальянскіе, а иностранные, именно англійскіе, капиталисты. Въ Лондонѣ образовалась мощная «Марконіевская Компанія Безпроволочнаго Телеграфа», — которая пригласила Маркони своимъ техническимъ директоромъ, осыпала его золотомъ, а, главное, дала ему милліоны и милліоны на производство практическихъ опытовъ. И если Маркони удалось добиться поистинѣ чудесныхъ результатовъ, то этимъ онъ обязанъ не своимъ недальновиднымъ и скупымъ соотечественникамъ, а только англичанамъ.

Съ Маркони въ миніатюрѣ повторилось то, что больше четырехсотъ лѣтъ тому назадъ случилось съ другимъ талантливымъ итальянцемъ, съ Христофоромъ Колумбомъ, который получилъ средства для своего великаго предпріятія не отъ соотечественниковъ — генуэзцевъ, а отъ испанцевъ.

М. Первухинъ.

УЧЕНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

ОЧЕРКЪ НИК. А. РУБАКИНА.

Здѣсь будетъ разсказано объ одномъ мальчикѣ. О самомъ замѣчательномъ мальчикѣ, какіе только извѣстны за послѣдніе триста-четыреста лѣтъ. Ни въ одной странѣ на всемъ свѣтѣ не было такого другого мальчика.

Ему еще не минуло и четырнадцати лѣтъ, а онъ уже сдѣлалъ нѣсколько изобрѣтеній и открытій. Когда ему минуло 17 лѣтъ, онъ уже сталъ настоящимъ ученымъ. А когда ему исполнилось 23 года, — онъ произвелъ настоящій переворотъ въ области науки. Да еще какой науки-то! Той, которую правильно называютъ наукою всѣхъ наукъ, — математики. Но и это еще не все: немного лѣтъ спустя, тотъ же юноша произвелъ еще одинъ переворотъ, и тоже въ наукѣ, но только въ другой: онъ понялъ самую суть удивительнаго устройства Вселенной. Понялъ, почему и какъ передвигаются всѣ небесныя свѣтила. Всѣ безъ исключенія. И почему они не падаютъ другъ на дружку, хотя и притягиваются другъ дружкою. Все это и было понято, узнано, выяснено и доказано тѣмъ человѣкомъ, о какомъ сейчасъ будетъ разсказано.

Кто же онъ такой? И какое у него имя? И когда и гдѣ онъ жилъ и трудился? Имя ему Исаакъ Ньютонъ. Родился онъ въ 1642 году, въ Англіи, въ провинціи, называемой Линкольнширомъ. Въ простой деревушкѣ, называемой Вульстопъ. Отецъ его умеръ чуть ли не наканунѣ рожденія сына. Ребенокъ родился и хилымъ, и слабымъ. Думали, что онъ не выживетъ. А на самомъ дѣлѣ Исаакъ не только остался живъ, но и дожилъ до 85 лѣтъ. На пользу людямъ всѣхъ странъ, и всему человѣчеству!

Отецъ Исаака былъ простой крестьянинъ. Точнѣе говоря, фермеръ: онъ пахалъ землю, имѣлъ лошадей, коровъ, — словомъ, велъ настоящее деревенское хозяйство. Этимъ и кормилъ свою семью. Домъ, гдѣ родился Исаакъ Ньютонъ, и гдѣ онъ игралъ, будучи ребенкомъ, до сихъ поръ стоитъ и цѣлъ и невредимъ: англичане берегутъ словно какую святыню. И берегутъ именно потому, что здѣсь-то и родился и жилъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ самый замѣчательный мальчикъ, — гордость и слава не только всей Англіи, а всего человѣчества.

Хорошо-ли жилось Исааку въ дѣтствѣ? Очень хорошо. Мать сильно его любила. Тоже и старушка бабушка. Она-то, главнымъ образомъ, и заботилась о маленькомъ и слабосильномъ Исаакѣ. А тотъ понемножку росъ и укрѣплялся здоровьемъ. Расти ему пришлось на свободѣ, хотя и небогато, но сытно. Шести лѣтъ сталъ Исаакъ ходить въ сосѣднюю сельскую школу. Никакой другой по сосѣдству не было. Все, чему можно было научиться въ тогдашней сельской школѣ, было быстро выучено и пройдено Исаакомъ. Тогда бабушка рѣшила, что настала пора перевести его въ сосѣдній городъ Грэнтэмъ и отдать тамъ въ какую-нибудь школу получше. Такъ и сдѣлали. Отвезли въ городъ и тамъ помѣстили на квартиру къ одному аптекарю, по фамиліи Кларку. Исаакъ сталъ ходить въ городскую общественную школу.

Но тогдашняя школа не очень-то пришлась по вкусу 12-лѣтнему мальчику. А главное—куда интереснѣе было то, что пришлось увидѣть и узнать у аптекаря Кларка. У того имѣлась особая комната, въ которой дѣлалось что-то необычайное: была тамъ какая-то странная, большая печь, а на ней и на полкахъ стояли какіе-то сосуды, стклянки да банки,—тоже странныя и большія. Аптекарь возился съ ними по цѣлымъ часамъ, что-то дѣлалъ: то плавилъ что-то на огнѣ, то разбалтывалъ въ водѣ. Растирая какія-то вещества, онъ перемѣшивалъ ихъ, а тѣ при этомъ перемѣняли иногда свой цвѣтъ: напримѣръ, изъ бѣлыхъ и прозрачныхъ, словно вода, вдругъ дѣлались красными, словно кровь. А то синѣли или желтѣли. Все это было очень занятно. Кромѣ того, у аптекаря было много книгъ. И старинныхъ и новыхъ. Дозволялось при этомъ держать ихъ въ рукахъ и разсматривать. Аптекарь говорилъ Исааку: «Смотри книги сколько хочешь, — все равно не поймешь ихъ». И правда, сначала книги эти были совершенно непонятны мальчику, хотя и написаны на его родномъ языкѣ: отдѣльныя слова ихъ онъ понималъ, а вотъ что они означаютъ, всѣ вмѣстѣ взятыя, — этого-то и не понималъ маленькій Исаакъ. А понимать все это ужъ очень ему хотѣлось: онъ чуялъ, что въ этихъ самыхъ книгахъ объясняется то самое, что продѣлываетъ аптекарь въ своей аптечной мастерской. Но даже разсма-

тривать и перелистывать книги, даже только это, было занятно для Исаака. Впрочемъ, скоро онъ сталъ понимать ихъ все лучше и лучше, по мѣрѣ того какъ больше ихъ читалъ. И рядомъ съ этимъ хожденіе въ школу казалось ему и ненужнымъ, и скучнымъ, и неинтереснымъ. Вовсе не шло на умъ все то, о чемъ разсказывалъ въ классѣ сельскій учитель. Исаакъ въ это время думалъ о томъ, что самъ повидалъ и читалъ у аптекаря. И за это ему отъ учителя попадало. Тотъ считалъ Исаака не только лѣнивымъ, а даже и неспособнымъ ученикомъ, и говорилъ Исааку: Э, да вѣдь ты совсѣмъ глупъ!

Но тутъ произошелъ такой случай: Исаака поколотилъ одинъ школьникъ, — со всего размаху ударилъ кулакомъ по животу. Это былъ мальчикъ сильный, великорослый, — не такой заморышъ, какъ Исаакъ. Защитить себя своими кулаками отъ такого силача Исаакъ, разумѣется, не смогъ. Но въ такомъ случаѣ какимъ же способомъ отплатить тому, да еще, такъ отплатить, чтобы обидчикъ хорошенько почувствовалъ отплату — отвѣтъ обиженнаго?

Вотъ какой способъ отплаты придумалъ маленькій Исаакъ Ньютонъ, — самъ придумалъ, своей головой, безъ чужой помощи: противъ силы кулака Исаакъ выставилъ силу ума. *Онъ рѣшилъ обогнать обидчика во всѣхъ наукахъ!* Но тотъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ. Все-таки Исаакъ принялся за ученье и скоро самъ сдѣлался первымъ ученикомъ. Обидчикъ остался въ наукахъ далеко позади Ньютона. И сколько онъ ни старался, а Исаака больше ужъ никогда не обогналъ. Такимъ способомъ и пришлось ему почувствовать, что маленькаго Исаака Ньютона никакъ ужъ не одолѣть при помощи своего ума, — Исаакъ - то вѣдь куда сильнѣе въ этомъ отношеніи. Передъ силой ума совсѣмъ померкла сила кулака. И маленькій Исаакъ радовался своей выдумкѣ.

Значитъ, вотъ какова была его первая выдумка: во-первыхъ умная, а во-вторыхъ благородная. Мало такихъ дѣтей на свѣтѣ, которые при помощи своего ума борятся противъ кулака. А вѣдь въ концѣ концовъ въ такой борьбѣ всегда бываетъ побѣжденъ именно кулакъ, то-есть простая грубая сила.

Еще вотъ что интересно: мальчикъ Исаакъ, будучи школьникомъ, не любилъ никому вредить. Не любилъ причинять зла. Не любилъ сердить и злить. Вѣдь можно добиваться своего и безъ всего этого.

Съ другими дѣтьми играть Исаакъ не любилъ; онъ предпочиталъ мастерить что-либо. Самъ же придумывалъ, самъ же и мастерилъ. Въ свободное отъ уроковъ время онъ подолгу присматривался къ работѣ столяровъ, плотниковъ, слесарей и разныхъ ремесленниковъ. Родные дарили ему деньги на игрушки, а онъ покупалъ на эти деньги разные инструменты: пилы, стамески, молотки, топорики.

Однажды Исаакъ побывалъ на мельницѣ, которая только что строилась. Очень было интересно присматриваться къ ея постройкѣ. Исаакъ ходилъ смотрѣть на работу чуть ли не каждый день. Въ концѣ концовъ онъ внимательно разсмотрѣлъ и понялъ все ея устройство. И ему страстно захотѣлось сдѣлать такую же самую мельницу и своими руками, но только, разумѣется, въ маленькомъ видѣ.

Принялся Исаакъ за работу. Работалъ долго, усердно. Проводилъ все свое свободное время за такою работой. И добился таки своего, ни у кого не учась этому: мельница была наконецъ готова. Тогда Исаакъ поставилъ ее на крышу того дома, гдѣ онъ жилъ у аптекаря. И вотъ завертѣлись крылья у мельницы, и школьники побѣжали гурьбой любоваться на нее.

Но вотъ чѣмъ былъ недоволенъ Исаакъ. Вѣдь эта мельница могла вертѣться только при вѣтрѣ. А онъ не всегда бываетъ. Поэтому Исаакъ сталъ придумывать, какимъ бы это способомъ сдѣлать такъ, чтобы мельница его могла работать безъ всякаго вѣтра.

Придумалъ Исаакъ и это. Передѣлалъ мельницу согласно своей выдумкѣ. Затѣмъ поймалъ живую мышь и посадилъ ее въ мельницу. Она была устроена такъ, что мышиный кончикъ хвоста торчалъ наружу. Дернешь немножко за кончикъ хвостика, и мышка начинаетъ скрести своими передними лапками стѣнку своей каморки. А эту стѣнку представляло собою мельничное колесо. Оно было стоячее и приложено вплотную къ мышиной каморкѣ, безъ всякихъ щелокъ. Такъ приложено, что подъ напоромъ мышиныхъ лапокъ оно тотчасъ же начинало вертѣться. Исаакъ радовался, что мышка вертитъ и вертитъ колесо, сама не мучается, а убѣжать не можетъ. Исаакъ назвалъ мышку «мельникомъ».

Но и эта выдумка скоро уже перестала забавлять Ньютона. Тогда онъ снова передѣлалъ свою мельницу. Но снова посадилъ внутрь ея свою мышку. Впрочемъ на этотъ разъ мышка вертѣла колесо мельницы уже инымъ способомъ: надъ этимъ колесомъ висѣлъ кусочекъ колбасы. Мышка старалась его достать, схватить и съѣсть. Съ этой цѣлью она начинала и карабкаться на колесо, а то начинало вертѣться подъ тяжестью мышинаго тѣла. Послѣ такой работы Исаакъ самъ кормилъ мышку колбасой, и мышка сдѣлалась совсѣмъ ручною.

Послѣ такой выдумки маленькій Исаакъ смастерилъ еще кое-что получше, и тоже своимъ собственнымъ умомъ. Онъ устроилъ особые водяные часы. Большіе, примѣрно, въ полъ-сажени въ высоту, и съ настоящимъ циферблатомъ, — такимъ, какой бываетъ у обыкновенныхъ стѣнныхъ часовъ. Исаакъ сдѣлалъ эти часы изъ простого ящика. Въ него наливалась вода, а на ней плавалъ кусочекъ дерева. Вода изъ ящика понемножку вытекала, значитъ, опускался и плавающій кусочекъ дерева. А, опускаясь, онъ ворочалъ и стрѣлку часовъ. И тѣ ходили, передвигались правильно, ревномѣрно, и показывали время бозошибочно. Оставалось лишь отъ времени до времени приливать къ такимъ часамъ воду. Это и дѣлалъ самъ Исаакъ каждое утро.

Такими часами пользовалось все семейство аптекаря Кларка. Такому устройству часовъ дивились даже горожане. Еще бы! Вѣдь ихъ всецѣло придумалъ и смастерилъ маленькій мальчикъ, которому не было и 15 лѣтъ. И выдумывалъ такіе часы, этотъ мальчикъ безъ всякаго другого образчика такихъ же часовъ. И безъ всякой помощи взрослыхъ людей. И даже безъ всякой поддержки.

А маленькому Исааку особенно было по душѣ это самое придумыванье. Придумывать было пріятнѣе, чѣмъ мастерить. И Исаакъ обсуждалъ всѣ свои работы основательно, серьезно, словно онъ былъ вовсе не маленькій мальчикъ. А главное, онъ любилъ доводить свои выдумки до конца: не бросалъ ихъ на полдорогѣ.

Послѣ водяныхъ часовъ Исаакъ придумалъ и устроилъ маленькій самокатъ. Это была маленькая телѣжка на четырехъ колесахъ. Стоило въ нее сѣсть да задвигать особой ручкой, — и самокатъ начиналъ двигаться самъ собою.

Такая выдумка еще больше доказывала, что у мальчика Исаака — большой и удивительный умъ. Вѣдь на всей землѣ въ тѣ времена не было никакихъ самокатовъ. А какіе и были устроены кое-гдѣ, — о нихъ Исаакъ ничего не зналъ и не слыхалъ. Были, напримѣръ, еще до Ньютона придуманы и устроены самокаты въ Германіи. Но они не пошли въ ходъ, и были забыты. И вотъ въ Англіи снова былъ придуманъ самокатъ. И еще кѣмъ? Маленькимъ мальчикомъ! Но и это изобрѣтеніе не пошло, къ сожалѣнію, въ ходъ. Родные и знакомые маленькаго Исаака дивились ему, дивились, — а все таки его выдумки не оцѣнили. А между тѣмъ Исаакъ вѣдь придумалъ машину вродѣ четырехколеснаго велосипеда. Надо было еще тогда оцѣнить значеніе такой повозки, да улучшить ее, — и вышелъ бы изъ нея понемножку настоящій велосипедъ, — сначала четырехколесный, а затѣмъ и трехъ и двухколесный: такой самый, безъ какихъ не обходится теперь ни одна страна.

Маленькій Исаакъ былъ умнѣе взрослыхъ: онъ то дѣло дѣлалъ, а взрослые даже и не поняли его выдумокъ.

Но особенно замѣчательно здѣсь то, что въ то время этотъ самый мальчикъ былъ уже очень свѣдущимъ мальчикомъ, и его даже называли ученымъ. И правда, Исаакъ уже успѣлъ перечитать великое множество всевозможныхъ книгъ. По какимъ только наукамъ онъ ни читалъ ихъ. И всѣ онѣ интересовали его. И всѣ помогали хорошо учиться въ школѣ. Среди прочитанныхъ книгъ было не мало книгъ и научныхъ. Было много и романовъ и стиховъ, и даже сказокъ. Все это Исаакъ тоже читалъ, обсуждалъ, обдумывалъ, и все старался использовать для своихъ собственныхъ выдумокъ и изобрѣтеній. Это въ немъ и было самое замѣчательное: мальчикъ жилъ своимъ собственнымъ разсужденіемъ.

Впрочемъ Исаакъ вовсе не гнался за тѣмъ, чтобы его хвалили... Онъ все размышлялъ да размышлялъ, а кромѣ того, учился да учился тому, что ему казалось тогда особенно интереснымъ.

Увидѣлъ онъ, однажды, бумажнаго змѣя, и пришла ему въ голову такая мысль: а отчего-бы не носить такому змѣю и какихъ-нибудь тяжестей. Устроилъ Исаакъ и свой змѣй. Привязалъ къ нему фонарикъ со свѣчкой; зажегъ ее и пустилъ такой свой змѣй ночью. Испугалъ этимъ весь городъ: жители думали, что на небѣ вдругъ появилась комета.

А Исаакъ въ это время размышлялъ вотъ надъ чѣмъ: а нельзя-ли измѣрить силу любой бури, прыгая во-первыхъ, по вѣтру, а во-вторыхъ—противъ вѣтра. Вѣдь вѣтеръ, навѣрное, отнесетъ прыгающаго человѣка хоть немножко, а въ сторону. Сильнѣе вѣтеръ,—дальше онъ отнесетъ, слабѣе вѣтеръ, меньше онъ отнесетъ. Такимъ способомъ можно будетъ судить о силѣ вѣтра. И вотъ 15-ти лѣтній Исаакъ сталъ прыгать и прыгать во время сильной бури. И при этомъ измѣрялъ длину своихъ скачковъ, сдѣланныхъ и по вѣтру и противъ вѣтра.

Еще размышлялъ Исаакъ вотъ надъ чѣмъ: а какого вида и какой величины должны быть змѣи, чтобы они смогли летать возможно лучше и выше. И тоже придумалъ кое-что Исаакъ для устройства своихъ змѣевъ. А въ настоящее время, въ годы великой войны, и еще до войны 1914 года уже были устроены такіе змѣи, которые могли носить даже людей, и на большой высотѣ. Но 200 лѣтъ тому назадъ опять-таки никто не воспользовался выдумкой маленькаго Ньютона.

Годъ спустя послѣ того Исаакъ собственноручно сдѣлалъ настоящіе часы, солнечные, и приладилъ ихъ къ крышѣ своего дома. Эти часы, имъ сдѣланные, цѣлы и до сего дня и хранятся въ Лондонѣ.

Въ это время случилось горе: обѣднѣла мать Ньютона. Пришлось ей взять Исаака изъ школы и перевести въ деревню, на ферму. Мать надѣялась, что ея умный Исаакъ проявитъ свой умъ и въ деревенскомъ хозяйствѣ. Не тутъ то было! Въ сельскихъ работахъ Исаакъ ничего не зналъ, ничего не понималъ, и плохо соображалъ. И крестьяне-сосѣди о немъ говорили: Э, да онъ совсѣмъ глупъ . Маленькій Исаакъ интересовался главнымъ образомъ книгами, а не сельскимъ хозяйствомъ. Бывало такъ: каждую субботу мать посылала его съ однимъ старымъ и вѣрнымъ слугою въ городъ, на рынокъ, продавать хлѣбъ, и покупать разные городскіе товары. Слуга ѣхалъ на рынокъ, а Исаакъ бѣжалъ въ домъ аптекаря, на чердакъ, гдѣ стояли книги, да и читалъ ихъ, поджидая слугу. А иногда Исаакъ даже и въ городъ не ѣздилъ: высаживался съ телѣги гдѣ-нибудь подъ уютный кустикъ и принимался тамъ за свое любимое чтеніе и изученіе.

Тамъ однажды и увидѣлъ его дядя, братъ матери. Посмотрѣлъ онъ, чѣмъ занимается мальчикъ, да такъ и удивился: да Исаакъ-то вѣдь рѣшаетъ труднѣйшую математическую задачу, такую, какой дѣти его лѣтъ и разрѣшить-то не въ силахъ! Да еще и рѣшаетъ то ее вдумчиво и удивительно серьезно. Дядя уговорилъ мать Исаака снова отдать его въ школу, на этотъ разъ въ большой городъ Кэмбриджъ.

Въ это время было Ньютону 18 лѣтъ. Онъ сталъ юношей, и дѣтвора уже перестала звать его мальчикомъ, а для пожилыхъ онъ былъ по прежнему еще мальчикъ. Но въ этомъ «взросломъ» мальчикѣ теперь-то и развернулись его удивительныя способности. И главнымъ образомъ почему? Да потому, что ему можно стало заниматься тѣми самыми науками и книгами, какія ему были страшно интересны, и какія онъ поэтому очень и очень любилъ. И больше всего книгами по математикѣ. Исаакъ сталъ читать ихъ не послѣ урока, а еще до урока. Прочтетъ нѣсколько страницъ, посмотритъ еще разъ и знаетъ. И учитель оказывается почти вовсе не нуженъ Исааку: оставалось лишь размышлять объ узнанномъ да о прочитанномъ. Размышлять — это значитъ вникать и понимать. А въ области каждой науки всегда есть что-нибудь еще недодуманное и неузнанное, и и неизвѣстное. Поэтому въ каждой наукѣ есть что нибудь такое, что нужно бы къ ней добавить, а для этого еще и еще придумать кое-что,—какъ-бы это улучшить ее. Вотъ это-то и сталъ дѣлать Ньютонъ, будучи уже юношей. Онъ по прежнему читалъ много хорошихъ книгъ, а на нихъ дѣлалъ выписки, а о каждой сдѣланной выпискѣ тутъ-же въ своей тетрадкѣ излагалъ свои собственныя размышленія надъ выписками. Такимъ способомъ и было многое придумано молодымъ Ньютономъ. Особенно-же въ наукѣ алгебрѣ. Одна такая выдумка Ньютона до сихъ поръ называется «биномъ Ньютона . Ее знаютъ теперь всѣ гимназисты старшаго класса. Благодаря этой его выдумкѣ, наука алгебра сразу сдѣлала большой шагъ впередъ.

Послѣ того послѣдовали разныя другія открытія Ньютона. Одни за другими. Не проходило почти ни одного года безъ того, чтобы Ньютонъ не дѣлалъ какихъ-нибудь открытій или изобрѣтеній въ какой-нибудь наукѣ,—то въ математикѣ, то въ физикѣ, то въ астрономіи. Но тогда онъ уже былъ не мальчикомъ, и даже не юношей, а взрослымъ и ученымъ человѣкомъ. Открытія и изобрѣтенія совершались имъ по мѣрѣ того, какъ онъ становился все ученѣе и ученѣе. И нерѣдко бывало такъ: вѣдь объ этихъ самыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ своихъ Исаакъ Ньютонъ думалъ-размышлялъ еще во времена своего дѣтства и юношества.

Н. Рубакинъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

РАЗУМНАЯ МѢРА.

Въ Беринговомъ морѣ, среди льдинъ, на островахъ, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, живутъ эскимосы.

Главный промыселъ ихъ составляетъ охота на морскую выдру, изъ которой получается очень цѣнный мѣхъ. Эскимосы работаютъ для правительства Соединенныхъ Штатовъ, которое заботится о пропитаніи туземцевъ-охотниковъ и о здоровыхъ жилищахъ для нихъ.

Однако, совершенно невозможно и безцѣльно было-бы убѣдить эскимосовъ отказаться отъ своихъ старыхъ обычаевъ и привычекъ и замѣнить круглыя избы-шалаши изъ камней и мерзлаго снѣга—современными постройками.

Американское правительство, желая какъ можно лучше устроить необходимыхъ ему охотниковъ-спеціалистовъ, — рѣшило построить для нихъ рядъ шалашей изъ бетона, совершенно похожихъ, и извнѣ и по внутреннему устройству, на снѣжныя землянки, въ которыхъ они привыкли жить. Но эти шалаши снабжены печами, столами, водопроводами, нарами. Такимъ образомъ, туземцы покинутъ свои прежнія жилища и постепенно привыкнутъ къ культурнымъ усовершенствованіямъ. И въ полярныхъ странахъ выраcтетъ цѣлая деревушка бетонныхъ строеній, примѣчательныхъ по формѣ и создающихъ какъ бы «новый эскимосскій стиль».

Приведенный случай указываетъ, между прочимъ, на то, какъ разумно и осторожно должно быть поставлено перевоспитаніе отсталыхъ племенъ и народовъ, число которыхъ еще достаточно велико на землѣ.

ВОЗРАСТЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Англійскій ученый Джонъ Любокъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о возрастѣ, до котораго живутъ различныя животныя.

Заяцъ, напримѣръ, живетъ только десять лѣтъ, овца отъ десяти до двѣнадцати, свинья — двадцать, лошадь — тридцать. Верблюдъ — сто. Это число кажется уже очень большимъ, не правда ли? Но вы будете еще болѣе удивлены, когда узнаете, что гренландскій китъ, какъ разсказываютъ, живетъ четыреста лѣтъ, а черепаха — до пятисотъ.

Птицы тоже очень живучи. Попугай, напримѣръ, можетъ жить сто лѣтъ, а воронъ и того больше.

ПОЛЬЗА ЭХО.

Ученымъ Марти найденъ новый, чрезвычайно интересный способъ измѣренія глубины моря: основанъ онъ на изученіи явленія эхо.

Всѣмъ извѣстно, что звукъ въ водѣ распространяется гораздо быстрѣе, чѣмъ въ воздухѣ, — онъ проходитъ въ секунду около 1500 метровъ въ водѣ и лишь 340 метровъ — въ воздухѣ.

Марти помѣщаетъ подъ поверхность воды взрывчатое вещество.

Поставленный рядомъ микрофонъ (приборъ для записи самыхъ тихихъ звуковъ) отмѣчаетъ первый звукъ — моментъ взрыва, а затѣмъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ, — звукъ, возвращающійся со дна морского — въ видѣ эхо.

Обѣ записи даютъ возможность вычислить время, протекшее между взрывомъ и отзвукомъ его со дна.

Зная быстроту звука въ водѣ и вычисливъ время, которое нужно было для двойного пути звука до дна и обратно къ поверхности, — очень легко вычислить глубину даннаго мѣста.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ОДНОГО ИЗОБРѢТЕНІЯ

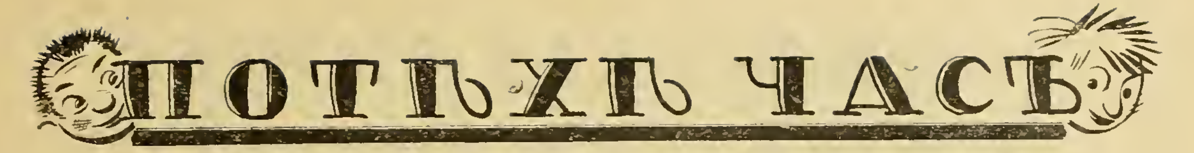
Въ декабрѣ 1895 г. — 25 лѣтъ тому назадъ—вѣсть о сказочномъ открытіи все-проникающихъ Иксъ-лучей (такъ называемыхъ Рентгеновскихъ лучей) — облетѣла весь міръ.

Открытіе это имѣло огромное значеніе не только для физики, но и для распознаванія болѣзней и помощи больнымъ.

Сейчасъ, когда это поразительное открытіе создало цѣлую науку, успѣхи его дали огромные результаты. Ни одна больница въ мірѣ не обходится безъ рентгеновскаго аппарата.

Вильгельмъ Рентгенъ, нѣмецкій ученый, родился въ 1845 г., въ Рейнской провинціи. До послѣдняго времени онъ продолжалъ свою педагогическую и ученую дѣятельность, читая лекціи въ Мюнхенскомъ университетѣ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Зеленой Палочки» будетъ разсказано о самомъ Вильгельмѣ Рентгенѣ и объ его научномъ открытіи.

ФОКУСЪ ВЪ ДОМИНО.

Интересный фокусъ, которому я хочу васъ научить, очень легко выполняется. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ.

Вы берете коробку домино и опрокидываете ее на столъ. Затѣмъ, обращаетесь къ комунибудь изъ присутствующихъ съ просьбой разложить игру въ томъ порядкѣ, въ какомъ она кладется по правилу игры, т. е. извѣстное число знаковъ одного домино должно соприкасаться съ тѣмъ-же числомъ знаковъ на другомъ домино.

Вы заявляете, что вамъ безразлично, какъ домино раскладывается, лишь бы выше-указанное правило игры соблюдалось и, что вы на это время выйдете изъ комнаты; вы, дѣйствительно, выходите въ другую комнату, и, когда вамъ сообщають, что все готово, то вы, не входя обратно, называете число знаковъ на крайнихъ домино обѣихъ линій.

Секретъ состоитъ въ томъ, чтобы успѣть незамѣтно унести съ собой одно домино, безразлично какое, лишь бы не *двойное* (т. е. 2 тройки, 2 пятерки и т. д. на одномъ домино).

На обоихъ крайнихъ домино разложенной игры будетъ то-же количество знаковъ, что на домино, которое вы унесли съ собой. Если у васъ шесть и два, то вы можете заявить число знаковъ на крайнихъ домино разложенной игры — шесть и два! Если на вашемъ домино четыре и три, то вы такъ и заявляете: четыре и три! Никому не придетъ въ голову пересчитывать игру домино.

Но если-бы кто-нибудь сказалъ вамъ, что игра состоитъ только изъ 27 домино, то вы отвѣтите, что это весьма возможно, что вы этого не знали и что это не имѣетъ значенія для успѣха фокуса. Во всякомъ случаѣ больше фокуса не повторяйте, т. к. въ публикѣ зародилось подозрѣніе, а подозрѣніе — плохой помощникъ для фокусника.

СОСТЯЗАНІЕ ВЪ ЛОВКОСТИ.

На полъ кладется, на одной линіи и въ нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другого, нѣсколько яицъ, по числу играющихъ. По данному сигналу, участвующіе должны поднять яйцо ложкой, которую они держать въ одной рукѣ, добѣжать до заранѣе намѣченной границы и вернуться на свое мѣсто, не уронивъ и не разбивъ яйца. Первый добѣжавшій выигрываетъ.

СВѢТОВОЙ ГОДЪ.

Вычисляя разстояніе между небесными свѣтилами, астрономы получаютъ числа такой огромной величины, что ихъ даже написать невозможно.

Мы еще въ состояніи выразить разстояніе, отдѣляющее насъ отъ луны — оно составляетъ 381. 414 километра. Солнце находится въ 148. 491. 380 километровъ отъ земли, и для обозначенія такихъ измѣреній уже употребляются метрическія мили (одна метрическая миля равна четыремъ километрамъ), являющіяся астрономической мѣрой длины для нашей солнечной системы.

Но какъ только дѣло касается планетъ, находящихся внѣ этой системы, — и эта мѣра оказывается недостаточной.

Надо было найти единицу, болѣе удобную. Для этого избрали такъ называемый *свѣтовой годъ*, т. е. то разстояніе, которое лучъ свѣта пробѣгаетъ въ 365 дней.

Извѣстно, что быстрота свѣта равняется 300.000 километровъ въ секунду или 1.080 милліардовъ километровъ въ часъ.

Свѣтовой годъ, слѣдовательно равняется 9.460.800.000.000 километрамъ.

Когда говорятъ, что звѣзда Альфа изъ созвѣздія Кентавра находится на разстояніи 4.35 свѣтовыхъ лѣтъ отъ земли,—это значитъ, что свѣтъ отъ этой планеты доходитъ до насъ приблизительно въ 4 года, 4 мѣсяца и 6 дней.

Поэтому, глядя сейчасъ на любую звѣзду, — мы видимъ ее не въ ея настоящемъ видѣ, а такой, какой она была опредѣленное количество лѣтъ тому назадъ.

На нашемъ звѣздномъ небѣ легко распознать, напримѣръ, Сиріусъ: разстояніе между этой звѣздой и землей равняется 9.9 свѣтовымъ годамъ. Это значитъ, что мы ее видимъ такой, какой она была около 10 лѣтъ тому назадъ. Если бы она потухла, мы продолжали бы видѣть ее еще въ теченіе 10 лѣтъ.

Представимъ себѣ, что и на Сиріусѣ существуютъ обитатели, имѣющіе телескопы достаточной силы, чтобы видѣть все, происходящее на землѣ.

Что -же они увидятъ?

У насъ 1920 годъ, — но они теперь получаютъ свѣтъ, излученный землей въ 1910 году: для нихъ земля предстаетъ еще въ довоенное время.

На Полярной звѣздѣ, въ такомъ случаѣ, только теперь узнаютъ о нашей жизни въ 1884 году.

Въ каждомъ очередномъ номерѣ „Зеленой Палочки" будутъ печататься произведенія юныхъ авторовъ.

МОЦАРТУ.

Въ блескѣ солнечнаго утра
Кружева и перламутры
Ты на звуки преложилъ.
Ты повѣдалъ радость міру,
И за это твою лиру
Свѣтъ, любя, благословилъ.

Блескъ востока, тихость дали,
Тебя живо вдохновляли,
И лились волной послушной,
Шаловливой и воздушной
Твои звуки, замирая...
Это были звуки рая...

О, пѣвецъ! твой дивный геній
Весь изъ тихихъ пѣснопѣній
Райскихъ голосовъ.
Ты, Моцартъ, людскія слёзы
Превратилъ въ улыбки, розы...
О, пѣвецъ отцовъ!

Валя Шуваловъ
(13-ти лѣтъ).

„Докторъ говоритъ, что большинство болѣзней вызываютъ микробы. Вотъ, какъ я у себя представляю — микробъ!..."

Рисовалъ **Володя Лиссинъ** (9-ти лѣтъ).

Въ помощь русскимъ дѣтямъ.

Редакція журнала «Зеленая Палочка» считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ «Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ», въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ.*
Александръ Ивановичъ *Купринъ.*
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ.*

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи:

31, Rue de Richelieu, PARIS (Ier)
(Métro : Palais-Royal)

а также почтовыми переводами.

Поступили пожертвованія: отъ Тамары В. — 100 фр.; отъ А. М. Пескина 100 фр.; *итого:* съ прежде поступившими 740 франками — всего 940 франковъ.

Запаздываніе въ выходѣ предшествующихъ номеровъ журнала происходило исключительно по винѣ прежней типографіи.

Съ настоящаго 4-го номера журналъ „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА" печатается въ новой типографіи (Типографія „Земгора").

Редакторъ: А. П. Шполянскій (Донъ-Аминадо). *Издатель:* Русское Книгоиздательство въ Парижѣ „Сѣверъ".

Le gérant : HAMBOURG. Imprimerie « ZEMGOR », 116, Bd Raspail.

ПРОДАЖА ОТДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРОВЪ ЖУРНАЛА

„ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА"

И ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ:

ПАРИЖЪ: Контора журнала. 31, rue de Richelieu. Paris (1er)
Tél. Louvre 13.36 Métro : Palais-Royal
Контора газеты „Послѣднія Новости" Place Palais-Bourbon, 5.
Книжный магазинъ Поволоцкаго. Rue Bonaparte. 13.
МАРСЕЛЬ: G. Esmansky, Rue Paradis, 29
НИЦЦА. Книжный магинъ Розанова. Rue Longchamps, 7.
АВСТРІЯ: J. Persky. Wæhringerstr. 33. Wien IX
АМЕРИКА: New-Jork. D. Magner 275, Henry Str. Brooklyn.
АНГЛІЯ: London E. C. 2. Press Agency, 36, Finsbury Pavement.
БЕЛЬГІЯ: Bruxelles. R. Fichbein, 30. rue du Monastère
БЕССАРАБІЯ: Кишиневъ Н. Авербухъ Ул. Гоголя. 20.
БОЛГАРІЯ: Sofia A. Lewenson Rue Rossiza, 7.
ВЕНГРІЯ: Budapest. A. Chariton, Teretz Kôrnt. 34.
ГЕРМАНІЯ: Berlin S. W. 48. Russische Buchhandlung H. Sachs.
Wilhelmstr., 20.
ГРЕЦІЯ: Athénes. Librairie Internationale Eleftherudakis et Bareth.
ИТАЛІЯ: Roma. Libreria Russo „Slovo" Piazza del Popolo, 18.
ЛАТВІЯ: Riga Ed. Petzholtz. Schkuhnu cela, 16. (Сарайная 16.)
РУМЫНІЯ: Bucarest. N. Averbuch. Str. Orlando.
СКАНДИНАВІЯ: (Швеція, Норвегія, Данія): M. Laapchitz, Westen 25, III.
Copenhagen
ТУРЦІЯ: Constantinople. J. Polonsky. Galata, Hovaghimian Han.
„Центросоюзъ"
ФИНЛЯНДІЯ: Гельсинфорсъ, Almanna Pressbiran. N. Esplanadg, 27.
Выборгъ, Librairie Russe. Ekateringatte, 23.
Келломяки, A. Reiche.
ЧЕХО-СЛОВАКІЯ: Praha II. „Naša rječ." Katerinská, 40
ШВЕЙЦАРІЯ: Genève. Librairie Menkes. Rue de Carouge, 3.
ЮГО-СЛАВІЯ: Belgrade. B. Gerchoune, Sviatosavska. 18
ЭСТОНІЯ: Reval. A. Poumpiansky. Pessotchnaja, 14.

Книгоиздательство „СѢВЕРЪ" выполняетъ заказы по высылкѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ.

PRIX : 3 FRANCS

N°s 5 - 6

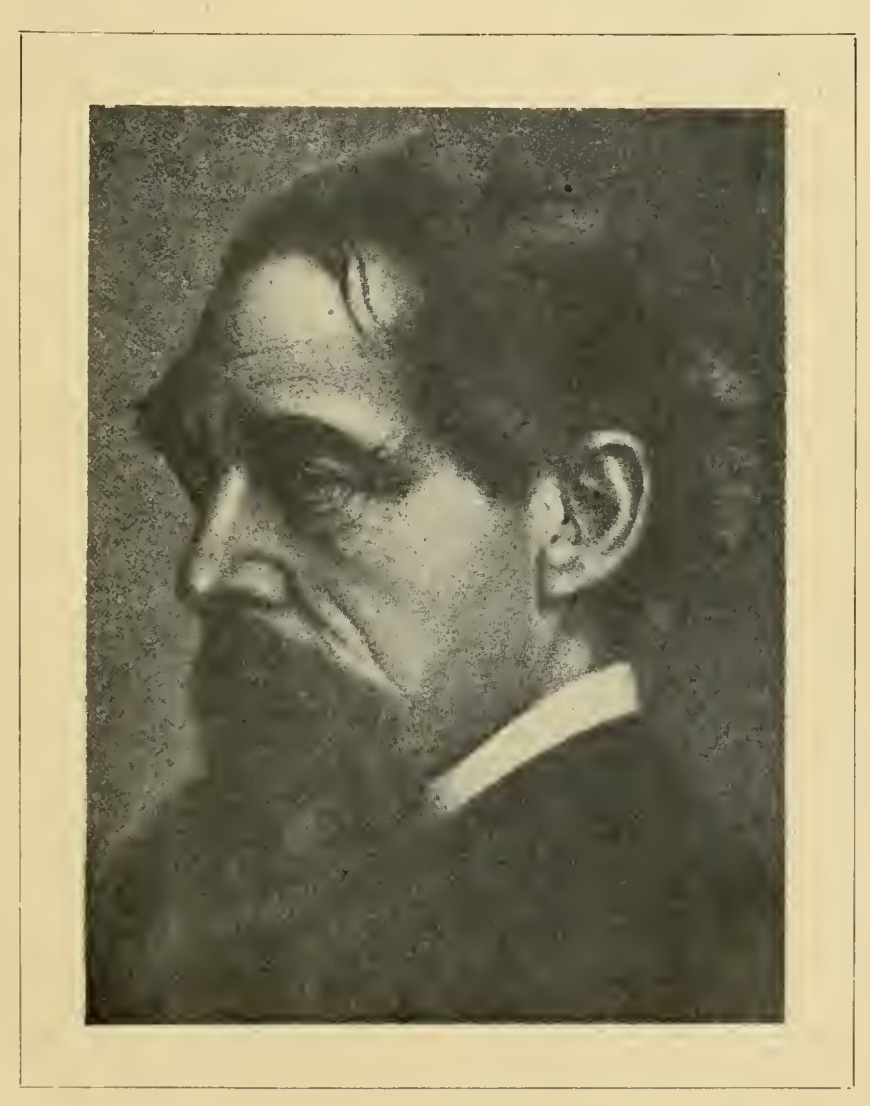

« LA BAGUETTE VERTE »
Revue bi-mensuelle

Зеленая Палочка

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 5-6 1-31 Декабря 1920. —— Годъ изданія первый. № 5-6
Редакція и контора: 31, rue de Richelieu, Paris (Ier)
ПАРИЖЪ.

Чарльзъ ДИККЕНСЪ.

Недавно исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти величайшаго англійскаго писателя — Чарльза Диккенса.

Рядъ поколѣній выросъ и воспитался на его книгахъ, замѣчательныхъ книгахъ, полныхъ любви и участія къ людямъ.

Выше всего Диккенсъ ставилъ человѣческое сердце и больше всего цѣнилъ человѣческую доброту.

Ни геніальныя изобрѣтенія, ни удачныя войны, ни великіе историческіе перевороты — ничто не принесетъ счастья людямъ, пока сами они не станутъ лучше, совершеннѣе и справедливѣе, и добрѣе другъ къ другу.

Человѣческое существо, это — странное смѣшеніе великаго и ничтожнаго, прекраснаго и безобразнаго, благороднаго и низкаго.

И только силой разумно-направляемой воли можетъ и долженъ человѣкъ преодолѣть и побороть въ себѣ дурные инстинкты и темныя, разрушительныя страсти.

Окружающая насъ жизнь несправедлива и груба. Она построена на мелкомъ себялюбіи, равнодушіи къ чужимъ страданіямъ, на внѣшней и внутренней злобѣ.

Но измѣнить условія нашей жизни можно, постепенно и упорно работая надъ собой и надъ себѣ подобными, широко открывъ свое сердце чувствамъ жалости и любви, которыя одни только и даютъ душевную ясность и душевный покой, а, значитъ, и счастье.

«Ищите добрыхъ людей!»—таковъ былъ завѣтъ Диккенса, настойчиво звучавшій во всѣхъ его романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ.

Его «Домби и сынъ», «Давидъ Копперфильдъ», «Оливеръ Твистъ», «Записки Пиквикскаго клуба», «Сверчокъ на печи»—навсегда останутся въ памяти людей, какъ проповѣдь чистаго милосердія.

И навсегда благоуханнымъ останется имя Диккенса, окруженное двойнымъ безсмертіемъ: безсмертіемъ искусства и безсмертіемъ доброты.

Рис. П. ХЕНТОВОЙ.

Рождественское.

Въ ясляхъ спалъ на свѣжемъ сѣнѣ
Тихій крошечный Христосъ.
Мѣсяцъ, вынырнувъ изъ тѣни,
Гладилъ ленъ его волосъ...
Быкъ дохнулъ въ лицо младенца
И, соломою шурша,
На упругое колѣнце
Засмотрѣлся, чуть дыша.
Воробьи сквозь жерди крыши
Къ яслямъ хлынули гурьбой,
А бычокъ, прижавшись къ нишѣ,
Одѣяльце мялъ губой.
Песъ, прокравшись къ теплой ножкѣ,
Полизалъ ее тайкомъ.
Всѣхъ уютнѣй было кошкѣ
Въ ясляхъ грѣть дитя бочкомъ...
Присмирѣвшій бѣлый козликъ
На чело Его дышалъ,
Только глупый сѣрый осликъ
Всѣхъ безпомощно толкалъ.
«Посмотрѣть бы на ребенка
Хоть минуточку и мнѣ!»
И заплакалъ звонко-звонко
Въ предразсвѣтной тишинѣ...
А Христосъ, раскрывши глазки,
Вдругъ раздвинулъ кругъ звѣрей
И съ улыбкой, полной ласки,
Прошепталъ: «Смотри скорѣй!»...

Саша Черный.

ДѢТСТВО НИКИТЫ

Рис. Н. Ремизова. Повѣсть гр. Алексѣя Н. Толстого.

(*Окончанiе*).

ЛОДКА.

Воза шли теперь по плотинѣ подъ огромнымъ сводомъ снѣжныхъ ветелъ, и уже былъ слышенъ хрустъ снѣга, визжанiе полозьевъ и дыханiе лошадей.

Первымъ въѣхалъ на дворъ во главѣ обоза, какъ всегда это бывало, старшiй рабочiй, Никифоръ, на большой рыжей кобылѣ Вѣстѣ. Никифоръ, коренастый старикъ, легко шелъ въ мерзлыхъ, обмотанныхъ веревками, валенкахъ сбоку саней. Тулупъ его былъ распахнутъ, поднятый бараній воротникъ, шапка, борода его и брови были въ инеѣ. Вѣста, потемнѣвшая отъ пота, широко дышала боками и вся дымилась паромъ. На-ходу Никифоръ обернулся и простуженнымъ крѣпкимъ голосомъ крикнулъ заднимъ возамъ:

— Эй, заворачивай къ амбарамъ. Слышалъ? А послѣднiй возъ къ дому.

Всего въ обозѣ было шестнадцать саней. Лошади шли бодро, сильно пахло коскимъ потомъ, визжали полозья, хлопали кнуты, паръ стоялъ надъ обозомъ.

Когда послѣднiй возъ покинулъ плотину и приблизился, Никита не сразу разобралъ, что на немъ лежитъ. Это было большое, странной формы, зеленое, съ длинной, красной полосой. Возъ подошелъ. У Никиты сильно забилось сердце.

На саняхъ, съ припряженными сзади вторыми салазками, лежала, скрипя и покачиваясь, двухвесельная, крутоносая лодка. Сбоку лодки изъ саней торчали два зеленыхъ весла и мачта съ мѣдной маковкой на концѣ.

Такъ вотъ что былъ за подарокъ, обѣщанный въ таинственномъ письмѣ!

ЕЛКА.

Въ гостиную втащили большую, мерзлую ель. Артемiй долго стучалъ и тесалъ топоромъ, прилаживая крестъ; дерево, наконецъ, подняли и оно оказалось такъ высоко, что нѣжно-зеленая верхушечка его согнулась подъ потолкомъ.

Отъ ели вѣяло холодомъ, но понемногу слежавшiяся вѣтви ея оттаяли, опустились, распушились и по всему дому запахло хвоей. Дѣти принесли въ гостиную вороха цѣпей и картонки съ украшенiями, подставили къ елкѣ стулья и начали ее убирать. Но скоро оказалось, что вещей мало. Пришлось опять сѣсть клеить фунтики, золотить орѣхи, привязывать къ пряникамъ и крымскимъ яблокамъ серебряныя веревочки.

За этой работой дѣти просидѣли весь вечеръ, покуда Лиля, опустивъ головку съ измятымъ бантомъ на локоть, не заснула у стола. Ночью Никитѣ снилось, будто онъ влѣзъ на крышу и наклеиваетъ на совсѣмъ низкое небо бумажныя звѣзды, а онѣ не приклеиваются.

Насталъ сочельникъ. Елку убрали, опутали золотой паутиной, повѣсили цѣпи и вставили свѣчи въ цвѣтныя защипочки. Когда все было готово, матушка сказала:

— А теперь, дѣти, уходите и до вечера въ гостиную не заглядывать.

Въ этотъ день обѣдали поздно и наспѣхъ, — дѣти ѣли только сладкое, шарлотку. Въ домѣ была суматоха. Мальчики слонялись по дому и ко всѣмъ приставали — скоро ли будетъ вечеръ? Даже Аркадiй Ивановичъ, надѣвшiй черный, долгополый сюртукъ и коробомъ стоящую, накрахмаленную рубашку, не зналъ,

что ему дѣлать, — ходилъ отъ окна къ окну и посвистывалъ. Лиля ушла къ матери. Солнце страшно медленно ползло къ землѣ, розовѣло, увеличивалось. Длиннѣе становилась лиловая тѣнь отъ колодца на снѣгу. Наконецъ, матушка велѣла идти одѣваться. Никита нашелъ у себя на постели синюю шелковую рубашку, вышитую елочкой по вороту, подолу и рукавамъ, синій поясокъ съ кистями и бархатные шаровары. Никита одѣлся и побѣжалъ къ матушкѣ. Она пригладила ему гребнемъ волосы на проборъ, взяла за плечи, внимательно поглядѣла въ лицо и подвела къ тяжелому, краснаго дерева, трюмо. Въ зеркалѣ Никита увидѣлъ нарядняго, поблѣднѣвшаго и до жуткости благонравнаго отрока. Неужели это былъ онъ самъ?

— Ахъ, Никита, Никита, — проговорила матушка, цѣлуя его въ голову, — если бы ты всегда былъ такой кроткій и славный мальчикъ!

Никита на цыпочкахъ вышелъ въ корридоръ и увидѣлъ важно идущую ему навстрѣчу дѣвочку въ бѣломъ. На ней было пышное платье съ кисейными юбочками, большой бѣлый бантъ въ волосахъ, и шесть пышныхъ локоновъ съ боковъ ея лица, тоже сейчасъ неузнаваемаго, спускались на худенькія плечи. Подойдя, Лиля съ гримасой оглядѣла Никиту:

— Ты что думалъ — это привидѣніе, — сказала она, — чего испугался? — И прошла въ кабинетъ и сѣла тамъ съ ногами на диванъ. Никита тоже сѣлъ на диванъ въ другой его конецъ. Въ комнатѣ горѣла печь, потрескивали дрова, разсыпались угольками. Красноватымъ мигающимъ свѣтомъ были освѣщены высокія спинки кожаныхъ креселъ, уголъ золотой рамы на стѣнѣ, мраморная голова между книжными шкафами.

Лиля сидѣла, не двигаясь. Было чудесно, когда свѣтомъ печи освѣщалась ея щека и приподнятый носикъ. Появился Викторъ въ синемъ мундирчикѣ со свѣтлыми пуговицами и съ галуннымъ воротникомъ, который такъ подпиралъ подбородокъ, что было трудно разговаривать. Викторъ сѣлъ въ кресло и тоже замолчалъ. Рядомъ въ гостиной, было слышно, какъ матушка и Анна Аполлосовна разворачивали какіе-то свертки, что-то ставили на полъ и переговаривались въ полголоса. Викторъ подкрался было къ замочной щелкѣ, но съ той стороны двери была опущена портьера.

Затѣмъ, въ корридорѣ хлопнула на блокѣ дверь, послышались голоса и множество мелкихъ шаговъ. Никита понялъ, что это пришли дѣти изъ деревни. Надо было побѣжать къ нимъ, но онъ не могъ пошевелиться. Въ окнѣ на морозныхъ узорахъ затеплился голубоватый свѣтъ. Лиля проговорила тоненькимъ голосомъ:

— Звѣзда взошла.

И въ это время раскрылись двери въ кабинетъ. Дѣти соскочили съ дивана. Въ гостиной отъ пола до потолка сіяла елка сотней свѣчей. Она стояла, какъ огненное дерево, переливаясь золотомъ, искрами, длинными лучами. Свѣтъ отъ нея шелъ густой, теплый, пахнущій хвоей, воскомъ и медовыми пряниками.

Дѣти стояли неподвижно, пораженные. Въ гостиной раскрылись другія двери, и робкой толпой, тѣснясь къ стѣнѣ, вошли деревенскіе мальчики и дѣвочки. Всѣ они были безъ валенокъ въ шерстяныхъ чулкахъ, въ красныхъ, розовыхъ, желтыхъ рубашкахъ, въ желтыхъ, алыхъ, бѣлыхъ платочкахъ.

Тогда матушка заиграла на рояли польку. Играя, обернула къ елкѣ улыбающееся лицо и запѣла:

Журавлины долги ноги
Не нашли пути, дороги...

Никита протянулъ Лилѣ руку. Она дала ему руку и продолжала глядѣть на свѣчи, въ синихъ глазахъ ея, въ каждомъ глазу, горѣло по елочкѣ. Дѣти стояли, не двигаясь. Наконецъ Аркадій Ивановичъ подбѣжалъ къ толпѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, схватилъ двоихъ за руки и галопомъ помчался съ ними вокругъ елки. Полы его сюртука развѣвались. Бѣгая, онъ прихватилъ еще двоихъ, потомъ Никиту, Лилю, Виктора, и, наконецъ, всѣ дѣти закружились хороводомъ вокругъ елки.

Ужъ я золото хороню, хороню.
Ужъ я серебро хороню, хороню...

запѣли деревенскіе.

Никита сорвалъ съ елки хлопушку, хлопнулъ ею, разорвалъ, и въ ней оказался колпакъ со звѣздой. Сейчасъ же захлопали хлопушки, запахло хлопушечнымъ порохомъ, зашуршали колпаки изъ папиросной бумаги. Лилѣ достался бумажный фартукъ съ кармашками. Она надѣла его. Щеки ея разгорѣлись, какъ яблочки, губы были измазаны шоколадомъ. Она все время смѣялась, посматривая на огромную куклу, сидящую подъ елкой на корзинкѣ съ кукольнымъ приданымъ. Тамъ же подъ елкой лежали бумажные пакеты съ подарками для мальчиковъ и подарки для дѣвочекъ, завернутые въ разноцвѣтные платки. Викторъ получилъ полкъ солдатъ съ пушками и палатками, Никита — кожаное сѣдло, уздечку и хлыстъ.

Теперь было слышно только, какъ щелкали орѣхи, хрустѣла скорлупа подъ ногами, какъ дышали носами дѣти, развязывая пакеты съ подарками. Матушка опять заиграла на рояли, вокругъ елки пошелъ хороводъ съ пѣсней, но свѣчи уже догорали, и Аркадій Ивановичъ, подпрыгивая, тушилъ ихъ. Елка потускнѣла. Матушка закрыла рояль и велѣла всѣмъ идти въ столовую пить чай.

Но Аркадій Ивановичъ и тутъ не успокоился, — устроилъ цѣпь и самъ впереди, а за нимъ двадцать пять ребятишекъ побѣжали обходомъ черезъ корридоръ въ столовую.

Въ прихожей Лиля оторвалась отъ цѣпи и остановилась, переводя дыханіе и глядя на Никиту смѣющимися глазами. Они стояли около вѣшалки съ шубами. Лиля спросила:

— Ты чего смѣешься?

— Это ты смѣешься, — отвѣтилъ Никита.

— А ты чего на меня смотришь?

Никита покраснѣлъ, по подвинулся ближе и, самъ не понимая, какъ это вышло, нагнулся къ Лилѣ и поцѣловалъ ее. Она сейчасъ же отвѣтила скороговоркой:

— Ты очень хорошій мальчикъ, я тебѣ этого не говорила, чтобы никто не узналъ, но это страшный секретъ. —Повернулась и убѣжала въ столовую.

Послѣ чая Аркадій Ивановичъ устроилъ игру въ фанты, но дѣти устали, наѣлись и плохо соображали,что нужно дѣлать. Наконецъ одинъ совсѣмъ маленькій мальчикъ, въ бѣлой рубашкѣ — горохомъ, задремалъ, свалился со стула и началъ горько плакать. Матушка сказала,что елка кончена. Дѣти пошли въ корридоръ, гдѣ вдоль стѣны лежали ихъ валенки и полушубки, одѣлись и вывалились изъ дома всей гурьбой на морозъ.

Никита пошелъ провожать дѣтей до плотины. Когда онъ одинъ возвращался домой, въ небѣ, высоко, въ радужномъ, блѣдномъ кругѣ горѣла луна. Деревья на плотинѣ и въ саду стояли огромныя и бѣлыя и, казалось, выросли, вытянулись подъ луннымъ свѣтомъ. Направо уходила въ неимовѣрную даль бѣлая пустыня. Сбоку Никиты передвигала ногами длинная, большеголовая тѣнь.

Никитѣ казалось, что онъ идетъ во снѣ, въ заколдованномъ царствѣ. Только въ зачарованномъ царствѣ бываетъ такъ странно и такъ счастливо на душѣ.

Что было въ вазочкѣ на стѣнныхъ часахъ.

Викторъ подружился за эти дни съ Мишкой Коряшенкомъ и ходилъ съ нимъ на нижній прудъ зажигать «кошки». Одну «кошку» они запалили такую, что огонь вылетѣлъ изо льда —выше человѣка. Затѣмъ, на канавѣ, за прудомъ, они построили крѣпость — башню изъ снѣга и кругомъ нея стѣну съ воротами. Послѣ этого Викторъ написалъ кончанскимъ письмо:

«Вы, кончанскіе, кузнецы косоглазые, мышъ подковали, мы васъ такъ отколотимъ, что будете помнить. Приходите, мы васъ дожидаемся въ крѣпости. Комендантъ, гимназистъ второго класса, Викторъ Бабкинъ». Письмо это прибили къ палкѣ, Мишка Коряшенокъ понесъ его на деревню и воткнулъ въ сугробъ у Арта-

...Наконецъ Аркадій Ивановичъ подбѣжалъ къ толпѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, схватилъ двоихъ за руки и галопомъ помчался вокругъ елки...

моновой избы. Семка, Ленька и Артамошка-меньшой, Алешка, Ванька-Черныя Уши и Петрушка бобылевъ племянникъ, взлѣзши на сугробъ около палки, долго грозились кончанскимъ, кидала на ихъ сторону котяши, потомъ пошли съ Мишкой Коряшенкомъ и сѣли съ нимъ въ крѣпость.

Викторъ велѣлъ надѣлать побольше снѣжныхъ комьевъ и шаровъ. Все это разложили внутри крѣпости, вдоль стѣнъ, воткнули на башнѣ палку съ пучкомъ камыша и стали ждать.

Пришелъ Никита, осмотрѣлъ укрѣпленія, поморщился, заложилъ руки въ карманы:

— Никто къ вамъ не придетъ, крѣпость ваша никуда не годится, пойду лучше домой.

— Съ дѣвченкой связался, — крикнулъ ему Викторъ со стѣны, — дамскій кавалеръ! — Артамоновы сыновья громко засмѣялись, Ванька - Черныя Уши засвисталъ въ согнутый палецъ. Никита нахмурился:

— Была бы охота связываться — я бы васъ всѣхъ раскидалъ вмѣстѣ съ крѣпостью. Рукъ марать не стоитъ, — сказалъ онъ и пошелъ черезъ прудъ къ дому. Вслѣдъ ему полетѣли комья снѣга, но онъ даже и не обернулся.

Дома, проходя черезъ комнаты, онъ услышалъ, какъ Лиля говорила:

— Мамочка, дайте мнѣ, пожалуйста, чистенькую тряпочку, у новой куклы, Валентины, разболѣлась нога, я очень безпокоюсь за ея здоровье.

Никита остановился и снова, какъ всѣ эти дни, почувствовалъ счастье. Оно было такъ велико, что, казалось, будто все время гдѣ-то у него внутри поетъ музыка. Никита пошелъ въ кабинетъ, сѣлъ на диванъ, на то мѣсто, гдѣ позавчера сидѣла Лиля, и, прищурясь, глядѣлъ на расписанныя морозомъ стекла. Нѣжные и причудливые узоры эти были, какъ изъ зачарованнаго царства, оттуда, гдѣ играла музыка.

Это были вѣтви, листья, деревья, какія-то странныя фигуры. Глядя на узоры, Никита почувствовалъ, какъ слова какія-то сами собой складываются, поютъ, и отъ этого, отъ этихъ удивительныхъ словъ и пѣнія, волосы у него начали шевелиться на макушкѣ.

Никита замигалъ глазами, слѣзъ съ дивана, отыскалъ на столѣ у отца четвертушку бумаги и большими буквами началъ писать стихотвореніе:

Ужъ ты лѣсъ, ты мой лѣсъ,
Ты волшебный мой лѣсъ,
Полный птицъ и звѣрей
И веселыхъ дикарей...
Я люблю тебя лѣсъ... Такъ люблю
тебя лѣсъ...

Но дальше про лѣсъ писать было трудно .. Никита грызъ вставочку, глядѣлъ на потолокъ. Да и написанныя слова были не тѣ, что сами пѣлись только что, просились на волю.

Никита перечелъ стихотвореніе. Оно,все-таки, ему понравилось. Онъ сложилъ бумажку въ восемь разъ, сунулъ ее въ карманъ и пошелъ въ столовую, гдѣ у окна шила Лиля. Рука его, державшая въ карманѣ бумажку, вспотѣла, но онъ такъ и не рѣшился показать стихи.

Въ это же время Викторъ съ товарищами увидѣли бредущихъ по глубокому снѣгу кончанскихъ мальчишекъ. Ихъ было человѣкъ пятнадцать. Викторъ страшно храбрился, хвасталъ, грозился наколотить дровъ изъ кончанскихъ, и все время пошмыгивалъ покраснѣвшимъ отъ мороза носомъ. Глаза у него бѣгали. Кончанскіе подошли и расположились передъ воротами крѣпости, иные сѣли на снѣгъ. Прилелся съ ними и маленькій мальчикъ въ мамкиномъ платкѣ, но видимо, не для того, чтобы драться, а только смотрѣть.

Кончанскихъ привелъ Степка Карнаушкинъ. Оглядѣвъ крѣпость, онъ подошелъ близко къ стѣнѣ и сказалъ:

— Выходите, а то хуже будетъ.

Викторъ промолчалъ. Мишка Коряшенокъ проговорилъ ему шопотомъ:

— Коли узнаютъ, что съ нами Никиты нѣтъ — бѣда.

— Дайте намъ этого мальчишку со свѣтлыми пуговицами, — сказалъ Степка. — мы ему натремъ уши снѣгомъ.

Викторъ только шмыгнулъ носомъ. Мишка

шепнулъ ему: — «Кидай въ него глыбой, кидай». Викторъ поднялъ большой комъ снѣга, кинулъ и промахнулся. Карнаушкинъ отступилъ къ своимъ. Кончанскіе вскочили и начали катать снѣгъ. Изъ крѣпости въ нихъ полетѣли комья. Артамоновы сыновья лукались очень ловко. Они сразу же сшибли съ ногъ маленькаго мальчика въ мамкиномъ платкѣ. Кончанскіе начали отвѣчать. Снѣжки полетѣли съ обѣихъ сторонъ цѣлой тучей. На банѣ повалился шестъ съ камышемъ. Ванька-Черныя уши упалъ со стѣны и сдался кончанскимъ. Вдругъ съ Виктора сбили фуражку и другимъ комомъ ударили въ лицо. Кончанскіе завыли и пошли напристу̀пъ... Стѣна была проломана, защитники крѣпости бросились бѣжать черезъ камыши по льду пруда.

Викторъ вернулся въ сумерки, посинѣвшій отъ холода и съ распухшимъ носомъ. Анна Аполлосовна всплеснула руками:

— Опять носъ ему разбили! Съ кѣмъ дрался? — отвѣчай мнѣ сію минуту.

— Ни съ кѣмъ я не дрался, просто носъ самъ распухъ, — отвѣтилъ мрачно Викторъ, ушелъ къ себѣ и легъ на кровать. Къ нему явился Никита, сталъ у печки и заложилъ руки за спину. Въ зеленоватомъ небѣ зажглись точно отъ укола иголочкой нѣсколько звѣздъ. Никита сказалъ:

— Хочешь я тебѣ одни стихи прочту про лѣсъ?

Викторъ фыркнулъ, положилъ ноги на спинку кровати:

— Ты этому Степкѣ Карнаушкину такъ и скажи, — пусть онъ мнѣ лучше не попадается.

— Знаешь, — проговорилъ опять Никита, —въ этихъ стихахъ лѣсъ одинъ описывается. Этотъ лѣсъ такой, что его нельзя увидать, но всѣ про него знаютъ... Если тебѣ грустно, тебя наказали, тебѣ плакать хочется, прочти про этотъ лѣсъ и все пройдетъ... Или, знаешь, бываетъ — во снѣ привидится что-то страшно хорошее, не помнишь что, но удивительное,— проснешься и смѣешься отъ радости... Понимаешь?

— Нѣтъ не понимаю,—отвѣтилъ Викторъ. — и стиховъ не хочу слушать.

Никита вздохнулъ, постоялъ у печи и вышелъ. Въ большой прихожей, освѣщенной только горящей печью, противъ печи на сундукѣ, покрытомъ волчьимъ мѣхомъ, сидѣла Лиля и глядѣла, какъ пляшетъ огонь. Никита сѣлъ рядомъ съ ней на сундукъ. Въ прихожей пахло печнымъ тепломъ, шубами и сладковато-нѣжнымъ запахомъ старинныхъ вещей изъ ящиковъ огромнаго комода, въ углу.

— Давайте съ вами разговаривать, — задумчиво проговорила Лиля, — разскажите мнѣ что-нибудь.

— Хотите я разскажу, какой я недавно сонъ видѣлъ?

— Ну что же — разскажите, пожалуй.

Никита началъ разсказывать сонъ про кота, который хотѣлъ лапой остановить маятникъ, про ожившіе портреты, и про то, какъ онъ леталъ по комнатѣ и что видѣлъ, летая подъ потолкомъ... Лиля слушала внимательно, опустивъ руки на куклу, лежавшую у нея на колѣняхъ. Когда онъ кончилъ разсказывать, она повернула къ нему голову, глаза ея были раскрыты отъ страха и любопытства.

— Что же было въ вазочкѣ? — спросила она шопотомъ.

— Не знаю.

— Навѣрно тамъ было что-нибудь очень интересное?

— Но вѣдь это я во снѣ видѣлъ.

— Ахъ, ничего не значитъ, что во снѣ. Почему вы не посмотрѣли... Вы — мальчикъ, вы ничего не понимаете. Скажите, а вазочка у васъ на самомъ дѣлѣ такая есть?

Никита подумалъ, вспоминая:

— Часы у насъ есть такіе на самомъ дѣлѣ, а вотъ про вазочку не помню.

Часы сейчасъ въ кабинетѣ у дѣдушки стоятъ, сломанные.

— Пойдемте ихъ посмотримъ.

— Тамъ темно.

— Мы фонарикъ съ елки возьмемъ. Подите, принесите фонарикъ, ну, пожалуйста.

Никита побѣжалъ въ гостиную, снялъ съ

елки фонарикъ съ шестью слюдяными окошечками, синими и красными, зажегъ его и вернулся въ прихожую. Лиля была уже одѣта въ большой пуховый платокъ, накинутый на голову. Дѣти, крадучись, на цыпочкахъ, вышли въ корридоръ и прошмыгнули на лѣтнюю половину.

Въ темной, высокой залѣ густымъ инеемъ были запушены окна и на нихъ лежали отъ луннаго свѣта густой сѣтью тѣни вѣтвей. Было холодно, пахло гнилыми яблоками. Дубовыя половинки дверей въ сосѣднюю, темную комнату оказались пріоткрытыми.

— Часы тамъ? — спросила Лиля шопотомъ.

— Нѣтъ, еще дальше, въ третьей комнатѣ.

— Вы не боитесь, Никита?

— Какая чепуха! Я въ какую угодно темную комнату пойду.

Никита потянулъ половинку двери, она неожиданно заскрипѣла, и жалобный скрипъ гулко раздался въ пустыхъ комнатахъ. Лиля схватила Никиту за руку. Фонарикъ задрожалъ и синіе и красные отсвѣты его полетѣли по бѣлымъ стѣнамъ. Дѣти, все-таки, рѣшились и вошли въ дверь. Здѣсь сквозь два полукруглыя окна лился лунный свѣтъ и голубоватыми квадратами лежалъ на паркетѣ. У стѣны, рядкомъ, на кривыхъ ножкахъ стояли полосатыя кресла, въ углу — раскорякой — низкій, глубокій диванъ. У Никиты закружилась голова: — точно такою онъ уже видѣлъ однажды эту комнату.

— Смотрите, вотъ они, — прошепталъ онъ, указывая на висящія рядышкомъ на стѣнѣ два портрета старичка и старушки. Но странно, что портреты казались совсѣмъ небольшими, потрескавшимися и темными. Только видны были хорошо у нихъ глаза.

— Они смотрятъ, — прошептала Лиля. Дѣти на цыпочкахъ перебѣжали по луннымъ отсвѣтамъ комнату и у рѣзной, низкой дверцы обернулись: — такъ и есть, портреты, два темныхъ пятна, пристально глядѣли на нихъ. Никита поскорѣе толкнулъ рѣзную дверь и она раскрылась безъ шума. Кабинетъ былъ залитъ луннымъ свѣтомъ. Поблескивала мѣдь на шкафахъ, отсвѣчивали стекла, кое-гдѣ мерцало золото на книжныхъ переплетахъ и въ большомъ футлярѣ часовъ блестѣлъ кругъ маятника.

Дѣти вошли. На нихъ съ изразцовъ камина глядѣла, улыбаясь, дама въ черной амазонкѣ, на лицо ея падалъ лунный свѣтъ. Никита вглядѣлся, обернулся къ Лилѣ и только сейчасъ понялъ, что у дамы въ амазонкѣ и у Лили одно и то-же лицо. И немудрено — дама приходилась двоюродной прабабкой дѣвочкѣ.

Вдругъ Лиля громко воскликнула, выпроставъ изъ подъ платка руку, протянула ее кверху:

— Вазочка, вазочка!

Дѣйствительно, на верху часового футляра, отдѣланнаго бронзой, стояла бронзовая вазочка съ львиной головой и виноградными листьями на ручкахъ.

Никита никогда, почему-то, не замѣчалъ ее, но сейчасъ узналъ, — это была именно та самая вазочка, которую онъ видѣлъ во снѣ. Никита подставилъ къ часамъ стулъ, вскочилъ на него, и въ ту же минуту увидѣлъ на книжномъ шкафу два горящихъ зеленымъ огнемъ глаза. У Никиты поползъ морозъ по спинѣ. Глаза мигнули, двинулись и со шкафа свѣсилась голова. Она разинула ротъ и слабо мяукнула. Это былъ котъ Василій Васильевичъ, — ловившій каждую ночь мышей въ библіотекѣ.

— Вась, Вась, — заискивающимъ голосомъ позвалъ Никита. Котъ мягко спрыгнулъ на полъ и началъ тереться головой о спинку стула и мурлыкать.

— Никита, да что же вы, умереть можно съ вами! — крикнула, даже ногой топнула Лиля. Никита приподнялся на цыпочки, запустилъ пальцы въ вазочку и на днѣ ея ощупалъ что-то твердое. Никита зажалъ это въ кулакѣ, и спрыгнулъ со стула. Котъ отскочилъ, фыркнулъ, поднялъ шерсть.

— Бѣжимъ, нашелъ, скорѣе, — крикнулъ Никита. И дѣти пустились что было силы бѣ-

жать черезъ комнаты. За ними, беззвучно по луннымъ квадратамъ, скакалъ Василій Васильевичъ, опустивъ хвость.

Дѣти вбѣжали въ прихожую, сѣли на сундукъ, на волчій мѣхъ и,запыхавшись и дыша, глядѣли другъ на друга. У Лили горѣли щеки.

— Ну? — сказала она.

Никита разжалъ пыльные пальцы. На ладони его засвѣтилось синимъ камушкомъ золотое, тоненькое колечко. Лиля молча всплеснула руками.

— Какое колечко! Слушайте, это навѣрное волшебное колечко. Что же мы съ нимъ будемъ дѣлать?

Никита взялъ ея руку и надѣлъ колечко на палецъ. Лиля слабымъ голоскомъ сказала было: «Нѣтъ, почему же мнѣ, оно такъ же и ваше». Но когда колечко было надѣто, она обхватила Никиту руками за шею и поцѣловала:

— Никита, вы лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Лиля, вотъ что, — проговорилъ Никита, собравъ все присутствіе духа, — я вамъ посвятилъ одни стихи, про лѣсъ. — Онъ вытащилъ изъ кармана бумажку со стихами и подалъ Лилѣ.Стихи были прочитаны ею, потомъ имъ, вслухъ. Лиля съ глубокимъ уваженіемъ и восторгомъ глядѣла на Никиту. Онъ сказалъ, что завтра же начнетъ писать цѣлую книгу стиховъ и посвятитъ ее Лилѣ.

Матушка, увидавъ за ужиномъ колечко и выслушавъ, какъ оно было найдено, изумилась:

— Да, колечко очень старинное, оно пролежало тамъ въ часахъ много десятковъ лѣтъ. А вы знаете, Анна Аполлосовна, кому, я думаю, оно могло принадлежать? Увѣрена, что это колечко той женщины, изъ за которой сошелъ съ ума прадѣдушка Африканъ Африкановичъ. Ну, конечно, вотъ и годъ нацарапанъ.

Лиля и Никита переглянулись.

Святочные дни пролетѣли, какъ птицы. Дѣти катались съ горъ, гадали, ѣздили ряжеными на деревню, и Рождество кончилось. Лиля и Викторъ уѣхали.И Аркадій Ивановичъ, разбудивъ однажды утромъ Никиту, сказалъ строговато:— «Вставай, разбойникъ, черезъ полчаса я тебя жду въ классной комнатѣ».

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

*
* *

Денъ прошелъ, да мало толку.
Потушили въ залѣ елку.
Спитъ, забытый на верхушкѣ,
Ангелъ, блѣдный отъ луны.

Золотой орѣшекъ съ елки
Положу я подъ подушку,
Будутъ радостные сны.

Въ часъ урочный скрипнетъ дверца,—
Это сонъ взойдетъ и ляжетъ
Къ изголовью моему.

Спи, мой ангелъ, — тихо скажетъ...
Золотой орѣшекъ — сердце,
Положу на грудь ему.

Наталья Крандіевская.

СТРАШНАЯ ИСТОРІЯ

Разсказъ кн. В. В. Барятинскаго.

Да! страшная это исторія — предупреждаю васъ. Такъ что, если кто изъ васъ трусливъ, а то и по-просту плаксивъ — бросьте, не читайте, особливо вечеромъ, на ночь. Темнота въ такихъ случаяхъ — плохой совѣтчикъ. Сами, небось, знаете! Какихъ только жуткихъ мыслей она ни навѣваетъ, какія только страсти ни выползаютъ изъ ея глубины! Я не имѣю въ виду, само собою разумѣется, Бабу-Ягу, Кощея Безсмертнаго, разныхъ домовыхъ да лѣшихъ. Это все — вздоръ. Вы не маленькія дѣти. А вотъ всякія привидѣнія, да живые разбойники, да еще вотъ это нѣчто сѣрое такое, неопредѣленное, непонятное и неописуемое, что вдругъ хватаетъ васъ за сердце своими невидимыми и безплотными щупальцами и заставляетъ это сердце биться быстро-быстро, пока дыханіе въ горлѣ становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Будто вы катитесь на салазкахъ съ высокихъ американскихъ горъ.

Знакомо вамъ это? Хотите изъ любопытства, а то и просто изъ бахвальства, испытать это чувство? Если да — воля ваша. Тогда читайте мой разсказъ. Но я васъ предупредилъ, и снимаю съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ съ вами приключиться. Однако — довольно болтать по-пустому. Слушайте, храбрецы. Я перехожу теперь къ сущности дѣла.

Во-первыхъ, долженъ вамъ сказать, что все, что вы сейчасъ прочтете — отнюдь не выдумка. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и происходило.

Произошло это уже давно. Мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ. Бывали вы въ Петербургѣ? можетъ быть, даже жили въ этомъ прекрасномъ городѣ, созданіи великаго Петра?

Помните Неву, эту величественную то темную, то серебристую рѣку, окаймленную гранитной набережной, гордую, широкую, обнимающую своими рукавами зеленые острова? Помните — на одномъ берегу ея чудное зданіе Адмиралтейства, построенное русскимъ зодчимъ Захаровымъ, рядомъ Зимній дворецъ, твореніе итальянца Растрелли, дальше — Эрмитажъ и уходящая въ даль линія богатыхъ, красивыхъ зданій, прерывающаяся кущей Лѣтняго Сада. А на другомъ берегу — Петропавловская крѣпость съ царской усыпальницей и таинственными казематами, Университетъ, Академія, кадетскій корпусъ — бывшій дворецъ петровскаго любимца Меньшикова... Помните?

Такъ вотъ немного подальше, слѣдуя по тому-же берегу, внизъ по теченію, стояло большое зданіе — «Морское Училище». Не знаю — какъ теперь; можетъ быть его и вовсе нѣтъ, а если само зданіе и существуетъ — можетъ быть оно уже больше не «Морское Училище». А если даже оно и по-прежнему зовется такимъ именемъ, то все равно — оно уже не

то, не наше, не — настоящее, такъ сказать. Я вѣдь вамъ уже сказалъ, что это давно было. Многое съ тѣхъ поръ разрушено, растоптано, обращено въ пыль; а если что и уцѣлѣло, то измѣнилось...

Ну, да это такъ, между прочимъ. Я опять разболтался. Года, вѣрно, свое берутъ. Языкъ чешется.

Постараюсь больше не отвлекаться. А то вдругъ получится исторія не страшная, а — скучная, или еще того хуже.

Начинаю.

Въ нижнемъ этажѣ зданія, окнами на Тринадцатую Линію — улица такъ называлась — находилось помѣщеніе четвертой роты, иначе говоря — двухъ младшихъ классовъ училища. Одно изъ оконъ было особенно замѣчательно. Косяки его были выложены мраморомъ, а на мраморѣ золотыми буквами были выведены надписи.

Императоръ Николай I очень любилъ Морское Училище и часто посѣщалъ его. Пріѣзжалъ онъ невзначай, по нѣскольку разъ въ годъ. Пріѣдетъ, все осмотритъ, кого слѣдуетъ выбранитъ, кого слѣдуетъ похвалитъ, а потомъ усядется вотъ у этого самаго окна, соберетъ вокругъ себя воспитанниковъ, да такъ запросто съ ними и болтаетъ, какъ будто и не царь, а такъ отецъ, что-ли, или старшій братъ.

Вотъ въ память этихъ посѣщеній и были сдѣланы золотыя надписи на мраморныхъ доскахъ по обѣимъ сторонамъ окна.

Николай I давнымъ давно уже померъ и его преемникъ, Александръ II, тоже, когда я поступилъ въ Морское Училище, но надписи все сохранялись и напоминали о прошлыхъ дняхъ. Вещи живутъ дольше людей, потому что у вещей души нѣтъ, не мучаетъ она ихъ, не изводитъ...

6 ноября былъ праздникъ училища, день святого Павла Исповѣдника, день имянинъ императора Павла, основателя училища.

Праздникъ справлялся всегда радостно и пышно. Утромъ — торжественная обѣдня съ молебномъ, потомъ большой парадъ въ присутствіи великихъ князей, адмираловъ, генераловъ — всѣ въ лентахъ, въ орденахъ, — потомъ завтракъ, общій, съ жаренымъ гусемъ и конфетами, рѣчи, здравицы, а вечеромъ — балъ, самый многолюдный балъ Петербурга, съ нѣсколькими тысячами приглашенныхъ. Да, только Морское Училище и могло устраивать такіе балы: нигдѣ не было такого огромнаго зала, зала безъ колоннъ. Онъ былъ такъ великъ, что въ сильную стужу, когда воспитанниковъ не хотѣли морозить, въ этомъ залѣ происходили батальонныя ученія.

Какъ-то — вотъ именно тогда, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ — собралось насъ трое поздно вечеромъ, послѣ всенощной и ужина накапунѣ училищнаго праздника, у «николаевскаго» окна. Всѣ уже спали; даже дежурный офицеръ, и тотъ уже легъ въ своемъ помѣщеніи въ концѣ общей спальни, за особой загородкой. Но ложился дежурный офицеръ, не раздѣваясь, и скорѣе дремалъ, нежели спалъ, прислушиваясь сквозь дремоту къ каждому шуму, каждому звуку, всегда готовый вскочить и пойти посмотрѣть — все-ли въ порядкѣ, всѣ-ли спятъ.

Это придавало нашей бесѣдѣ у окна особый отпечатокъ — чего-то недозволеннаго и, такъ или иначе, немного страшнаго. Сидѣли мы въ одномъ бѣльѣ, говорили шопотомъ и все посматривали въ ту сторону, откуда могъ каждую минуту появиться дежурный офицеръ. Появись онъ и увидь насъ — конецъ! Пропалъ и праздничный отпускъ и хорошіе баллы за поведеніе. Вообще — было бы не хорошо, очень не хорошо.

Среди насъ былъ одинъ «старый», т. е. провалившійся на экзаменахъ, отставшій отъ своихъ товарищей, перешедшихъ въ слѣдующій классъ, и поневолѣ примкнувшій къ намъ. Эти «старые» пользовались большимъ уваженіемъ — съ ними даже драться нельзя было, развѣ что они сами затѣвали драку. Когда они что разсказывали, то всѣ ихъ слушали со вниманіемъ и не безъ нѣкотораго уваженія.

Полянскій — кажется, если мнѣ память не измѣняетъ, такъ звали «стараго», который си-

дѣлъ съ нами въ тотъ вечеръ у окна — Полянскій чуть слышнымъ голосомъ говорилъ намъ:

— «Вотъ это окно, у котораго мы теперь сидимъ — тутъ сидѣлъ императоръ Николай Павловичъ... Давно — ухъ, какъ давно! — это было...»

— «Почти сто лѣтъ, небось?» — неувѣренно спросилъ воспитанникъ Калининъ.

— «Дуракъ ты! Исторіи не знаешь»,—обрѣзалъ Полянскій: «Николай Павловичъ померъ во время Крымской кампаніи, а это было — знаешь... начальникъ намъ все твердитъ: адмиралы Нахимовъ, Корниловъ, Лазаревъ...»

Разсказчикъ передразнилъ немного гнусавый и добродушный голосъ начальника. Мы фыркнули.

— «Молчите, вы! Не гогочите! Чернушку разбудите!» — прошипѣлъ Полянскій. Упоминаніе о «Чернушкѣ», т. е. о дежурномъ офицерѣ, лейтенантѣ Черновѣ, сразу заставило насъ замолкнуть и стать серьезными.

А Полянскій, избѣгнувъ вопроса о точномъ годѣ смерти императора Николая Павловича, въ которомъ онъ, кажется, самъ былъ не особенно увѣренъ, продолжалъ:

— «Слушайте лучше, что я вамъ разскажу. Знаете ли вы, птенцы бѣлоклювые, что либо о фонъ-Дезинскомъ заговорѣ?»

Мы съ Калининымъ переглянулись.

Заговоръ? Это очень таинственно... Нѣтъ, мы объ этомъ ничего не знали. А луна какъ разъ въ эту минуту заглянула въ окно и, пробивъ лучами тонкую штору, бросила дрожащее бѣлесоватое пятно у самыхъ нашихъ ногъ. Луна и — заговоръ. А кругомъ — все спитъ. Страшновато!

— «Ну, конечно, не знаете! Мама съ папой не велятъ»,—презрительно замѣтилъ Полянскій, и продолжалъ тихо, мечтательно, немного нараспѣвъ: «это былъ адскій заговоръ. Теперь такихъ не бываетъ... Придвиньтесь ко мнѣ поближе... Объ этомъ можно только шопотомъ разсказывать... (Мы придвинулись, ощущая въ спинѣ легкій холодокъ)... Это было вотъ именно при Николаѣ Павловичѣ. За что, про что, кто ихъ тамъ знаетъ, разныя тамъ тайныя общества рѣшили убить царя. Не нравился онъ имъ вѣрно... Но какъ привести этотъ страшный замыселъ въ исполненіе? Дѣло — не шуточное, опасное и нелегкое...»

— «Царя убить!...» — съ ужасомъ прошепталъ Калининъ.

— «Всякіе люди бываютъ».— съ важностью замѣтилъ Полянскій: «слушайте дальше. Общества эти самыя знали. что государь всегда бывалъ въ Морскомъ Училищѣ на праздникѣ 6-го ноября. Вотъ они и завлекли къ себѣ. ужъ не знаю какъ — врать не люблю — одного гардемарина, по фамиліи фонъ-Дезина, изъ русскихъ нѣмцевъ, вѣрно. Какъ они его убѣдили, чѣмъ прельстили — тоже не знаю. Но только онъ и еще нѣсколько его товарищей обѣщали заговорщикамъ обрушить на государя потолокъ, когда государь войдетъ въ большой залъ во время праздника...»

— Какъ же такъ — обрушить потолокъ?».— спросилъ я, поеживаясь отъ охватившаго меня озноба.

— «Да вотъ такъ! Очень просто. Потолокъ то вѣдь на цѣпяхъ. Такъ они собирались перепилить цѣпи. Потолокъ и рухнулъ бы» — пояснилъ Полянскій.

Мнѣ представилась картина рушащагося потолка, погребающаго подъ своими обломками нѣсколько сотъ человѣкъ, и мнѣ стало совсѣмъ страшно. Калининъ посмотрѣлъ на меня — онъ былъ блѣденъ, и я, вѣроятно, тоже. Полянскій продолжалъ.

— «Что произошло-бы, если-бъ заговоръ удался — неизвѣстно... Но онъ не удался, и вотъ почему... Гардемаринъ фонъ-Дезинъ за два дня до праздника узналъ, что его отецъ, какъ дежурный флигель-адъютантъ, будетъ сопровождать государя на праздникъ и, желая спасти отца отъ смерти, сообщилъ начальству о заговорѣ...»

— «Ну, и что-же?», — съ замираніемъ въ голосѣ спросили мы съ Калининымъ.

— «Что? Да—ничего. Такъ заговоръ и провалился»,—отвѣтилъ Полянскій. Наступило молчаніе. Слышно было только сонное дыха-

ніе огромной спальни, да съ улицы временами доносился трескъ проѣзжавшихъ экипажей...

— «Но дѣло этимъ не кончилось», — еще тише и еще таинственнѣе продолжалъ Полянскій: «участвовавшіе въ заговорѣ гардемарины, узнавъ про измѣну фонъ-Дезина, заманили его ночью въ круглый залъ — знаете, наверху, въ классномъ корридорѣ...»

— «Компасный залъ?», — спросилъ Калининъ.

— «Да, компасный... и зарубили его тамъ палашами...»

Мы вздрогнули, а Полянскій, взявъ насъ за руки, едва уже слышно договорилъ:

— «И съ тѣхъ поръ каждый годъ, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, по компасному залу бродитъ привидѣніе. Это — духъ фонъ-Дезина.»

Калининъ слабо вскрикнулъ и закрылъ лицо руками.

—«А кто-нибудь видѣлъ это привидѣніе?» — спросилъ я.

— «Ну, конечно!» — отвѣтилъ Полянскій.

— «А ты самъ — видѣлъ?»

— «Я... нѣтъ.»

Мы опять помолчали, тревожно прислушиваясь ни то къ полутьмѣ, ни то къ шороху, донесшемуся изъ помѣщенія дежурнаго офицера. Ужъ не разбудили-ли мы его?

Я — признаться по совѣсти — особенно храбрымъ никогда не былъ. Не моя вина, такимъ ужъ я уродился. Нервы у меня всегда съ самаго дѣтства слабые были. Но все таинственное меня, несмотря на это, всегда притягивало. Вопросы о смерти, о будущей жизни, о призракахъ и обо всемъ такомъ жутко интересовали меня.

— «Знаете что?» — вдругъ сказалъ я: «пойдемте нынче въ полночь въ компасный залъ... Посмотримъ сами — ходитъ тамъ привидѣніе или нѣтъ...»

Калининъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на Полянскаго и ничего не отвѣтилъ. Полянскій зѣвнулъ и сказалъ:

— «Нѣтъ ужъ вы идите одни».

— «Ты боишься?»

— «Я не боюсь, а просто спать хочу».

Въ эту минуту шорохъ, доносившійся изъ помѣщенія дежурнаго офицера, смѣнился вполнѣ опредѣленнымъ шумомъ шаговъ и бряцаніемъ сабли. Одно мгновеніе — и, прежде чѣмъ въ глубинѣ спальни показалась высокая, немного сутулая фигура лейтенанта Чернова, — мы уже лежали каждый въ своей кровати, неподвижно, съ закрытыми глазами. Офицеръ, полусонный, одной рукой придерживая саблю, чтобъ не звякала, — другой теребя свою бородку — онъ это постоянно дѣлалъ — медленно прошелся по спальнѣ, вдоль длинныхъ рядовъ кроватей, подозрительно поглядывая на спящихъ или притворявшихся спящими. Потомъ онъ скрылся въ своемъ помѣщеніи, и мы слышали, какъ его постель скрипнула. Онъ опять улегся, и на этотъ разъ — уже навѣрное основательно, до утра.

Полянскій спалъ далеко отъ меня, почти у самаго «николаевскаго» окна; кровать же Калинина стояла рядомъ съ моей. Когда гроза миновала, т. е. когда лейтенантъ Черновъ ушелъ, я поднялъ голову и шопотомъ окликнулъ сосѣда.

— «Калининъ, пойдемъ въ компасный залъ...»

— «А развѣ ты рѣшилъ идти?»

— «Да. Непремѣнно.»

— «Зачѣмъ?»

— «Хочу видѣть — взаправду-ли бродитъ тамъ привидѣніе.»

— «А, можетъ быть, Полянскій все навралъ?»

— «Вотъ и увидимъ.»

— «Эка тебя какъ разобрало!» — буркнулъ Калининъ и хихикнулъ: «давай лучше спать. Завтра обѣдня, парадъ, вечеромъ — балъ.»

— «Нѣтъ, я пойду» — рѣшительно заявилъ я.

— «Брось! Во первыхъ, попасться можешь; а во вторыхъ — вдругъ привидѣніе и на самомъ дѣлѣ бродитъ...»

— «Вотъ и увижу.»

— «Не храбрись! Одному, въ полночь, въ

…И вотъ вдругъ… начало придвигаться что-то бѣлое и колеблющееся…

этомъ корридорѣ... Бррр!» — и Калининъ подтянулъ одѣяло къ самому носу.»

— «Одному... Я и не храбрюсь. Конечно, страшно. Потому-то я тебя съ собой и зову.»

— «Нѣтъ, я не пойду. Сказалъ, и — не пойду» — отвѣтилъ Калининъ и замолчалъ.

Я посмотрѣлъ на часы, круглые въ деревянной рамѣ, висѣвшіе на стѣнѣ какъ разъ напротивъ нашихъ кроватей. Было половина двѣнадцатаго.

— «Слушай, Калининъ...» — началъ было я, но сосѣдъ мой сразу-же перебилъ меня.

— «Покойной ночи. И разговаривать больше не хочу.»

— «Ну, какъ хочешь...»

Прошло двадцать минутъ. Да, именно двадцать минутъ, потому что, когда я тихо-тихо всталъ съ кровати, часы показывали безъ десяти минутъ полночь.

Сперва я задумался — одѣться ли или такъ и идти въ одномъ бѣльѣ, какъ былъ. Потомъ рѣшилъ не одѣваться. Если кто меня увидитъ — притворюсь лунатикомъ, благо луна была. А лунатики, извѣстное дѣло — во снѣ гуляютъ. Смышленый я былъ мальчикъ, какъ теперь подумаю! Привидѣніе искать шелъ, а предосторожности принять не забылъ.

Вышелъ я изъ спальни, поднялся по лѣстницѣ, узкой, витой, которая вела въ классный корридоръ... Прошелъ мимо лазарета. Еще шаговъ тридцать-сорокъ, и я былъ бы въ «компасномъ залѣ». Сердце билось ужасно, да и холодно было! Подумайте — въ одномъ бѣльѣ... Одна единственная лампа горѣла гдѣ-то вдалекѣ во всемъ этомъ длинномъ корридорѣ, въ который выходили всѣ классныя помѣщенія. Залъ, куда я направлялся, находился какъ разъ посреди корридора. Это даже, въ сущности говоря, былъ не залъ, а такъ сказать — расширеніе корридора. Корридоръ въ этомъ мѣстѣ расширялся и образовывалъ довольно большой круглый залъ, къ которому примыкала «музыкальная комната» съ одной стороны и «физическій кабинетъ» — съ другой. На полу разноцвѣтный паркетъ былъ расположенъ въ видѣ компаса.

Вотъ здѣсь-то, если Полянскій не солгалъ, бродилъ въ ночь подъ 6 ноября призракъ фонъ-Дезина.

Дошелъ я до зала. Никого и ничего. Темнота. Молчаніе. Только паркетъ изрѣдка потрескивалъ. Вы, конечно, сами замѣтили, что по ночамъ все деревянное любитъ, Богъ вѣсть почему, потрескивать. Днемъ—люди трещатъ, ночью — вещи. Каждому свое время.

Ну-съ, хорошо. Прижался я къ стѣнѣ, какъ теперь помню — около двери «физическаго кабинета» — и жду. Дрожу и жду. Въ головѣ всякія мысли бродятъ, страшныя все. А что какъ призракъ появится? Что я буду дѣлать? Бѣжать или — умереть отъ ужаса, что-ли?

А время шло. По моему расчету я стоялъ уже не меньше получаса. Ой! солгалъ Полянскій! Не пойти-ли спать?..

И вотъ вдругъ — изъ глубины корридора, съ того же конца, съ котораго я пришелъ — начало придвигаться что-то бѣлое и колеблющееся. Оно шло медленно, неслышно, точно плыло. У меня затряслись колѣни и въ вискахъ застучало. Боже мой! что дѣлать? что дѣлать? Бѣжать уже поздно. «Оно» меня догонитъ...

Призракъ приближался, приближался и, наконецъ, вступилъ въ компасный залъ. Въ полутьмѣ я, отчетливо различалъ его бѣлыя формы.

Представьте себѣ человѣка небольшого роста, закутаннаго съ головою въ простыню... Таковымъ казался призракъ зарубленнаго гардемарина.

Я хорошо это помню.

Вдругъ — привидѣніе, точно замѣтя меня, жалкаго, перепуганнаго, ничтожнаго, повернуло въ мою сторону и зашевелило руками. Ясно было, что конецъ мой пришелъ. Я началъ усиленно креститься и мысленно прощаться съ родителями...

Но тутъ произошло что-то совершенно неожиданное и непонятное.

У входа въ залъ... появилось другое привидѣніе, такое же бѣлое, но немного выше ро-

стомъ! Я вскрикнулъ и невольно протянулъ руку въ сторону этого новаго призрака. Подходившее ко мнѣ привидѣніе, очевидно, замѣтило мое движеніе и повернулось въ ту сторону, куда я указывалъ.

Призраки увидѣли другъ друга. Раздались одновременно два неистовыхъ крика, два совсѣмъ человѣческихъ крика. Вотъ какъ мы бы съ вами закричали. Потомъ они бросились бѣжать въ разныя стороны, растерявъ по дорогѣ свои саваны...

Все это произошло такъ внезапно, что я и опомниться не успѣлъ. Что со мной происходило — вы и представить себѣ не можете. Я трясся, какъ въ лихорадкѣ, зубы мои стучали, со лба катились капли холоднаго пота.

Минуть черезъ пять, однако, видя, что призраки окончательно исчезли, я немного успокоился и быстро, почти опрометью, бросился назадъ по корридору и по лѣстницѣ въ спальню.

Господи! Какимъ раемъ мнѣ показалась эта спальня. Даже легкое похрапыванье, доносившееся изъ помѣщенія лейтенанта Чернова, звучало для меня небесной музыкой, или по крайней мѣрѣ ласковымъ бурчаньемъ самовара за домашнимъ вечернимъ столомъ...

Пробираясь къ своей кровати, я прошелъ мимо кровати Полянскаго: она была пуста. Пустою оказалась и кровать Калинина. Почему — не знаю. Впрочемъ, я тогда надъ этимъ долго и не задумывался. Пережитыя волненія изморили меня. Я повалился на постель и сейчасъ же заснулъ.

На слѣдующее утро, когда я подошелъ къ зеркалу, чтобъ причесаться, я замѣтилъ, что былъ очень блѣденъ. Но еще блѣднѣе меня были мои товарищи Полянскій и Калининъ. Почему они были такъ блѣдны — этого я уже никакъ въ толкъ не возьму...

Да! Вотъ какія бывали въ мое время страшныя происшествія.

Впрочемъ, теперь и еще того хуже бываютъ.

Кн. В. Барятинскій.

Въ бѣломъ полѣ вьюга стелется.

Баю-баю, баю-баиньки,
Баю-баиньки, мой заинька.
Воетъ вѣтеръ за стѣной.
Вѣтеръ скоро успокоится,
Спи, съ тобой Святая Троица.
Спи, мой мальчикъ, спи, родной.

Ходятъ въ морѣ волны пѣнныя,
Волны пѣнныя — надменныя,
Бьются грудью объ утесъ.
Царь Морской съ своею свитою,
Ожерельемъ травъ увитою,
Выплываетъ на откосъ.

Въ бѣломъ полѣ вьюга стелется,
Вьюга стелется метелицей,
Вьется снѣжная парча.
А въ лѣсу, въ зеленомъ ельникѣ,
Скачутъ_карлики-бездѣльники,
Лѣшій бродитъ, гогоча.

Пряжу свѣтлую и длинную,
Пряжу длинно-паутинную
Льетъ луны веретено.
Пусть сердечко не тревожится,
Спи спокойно, моя рожица,—
Это лучъ глядитъ въ окно.

Золотыми огонечками,
Огонечками-кружочками
Скоро въ глазкахъ зарябитъ.
Чу! Звенятъ надъ дѣтской спальнею
Колокольчики хрустальные.
Тише... тише... зайчикъ спитъ.

Григорій Шайкевичъ.

ПРОПАВШЕЕ СОЛНЦЕ

СКАЗКА ПЕТРА КОЖЕВНИКОВА.

Однажды среди одного сѣвернаго племени послѣ трехъ-мѣсячной зимней ночи стали распространяться толки, что солнца никогда больше не будетъ, что его похитили злые духи.

Эти слухи распространяли колдуны, которые разсчитывали на этомъ поживиться. Они говорили другъ другу:

— Что бы народъ ни сдѣлалъ, мы свою выгоду получимъ.

Но отъ этихъ слуховъ горе и отчаяніе овладѣло сѣверянами. Они выходили изъ своихъ юртъ и взволнованно разсуждали:

— Надо ѣхать искать солнце! Мы настигнемъ злыхъ духовъ и отнимемъ у нихъ ласковое свѣтило. Если мы пойдемъ на нихъ всей толпой, то они испугаются насъ и не справятся съ нашей силой.

И кочевники стали готовиться къ своему походу.

Напрасно ихъ удерживалъ старый шаманъ; онъ былъ самый мудрый изъ всего кочевья, и уговаривалъ ихъ:

— Неправда то, что вамъ натолковали колдуны. У нихъ свои расчеты: они заберутъ себѣ оставленное вами имущество. Куда васъ несетъ? Солнце всегда возвращалось къ намъ весной, оно вернется и на этотъ разъ. А зимній путь въ такую темь и такую лютую стужу опасенъ и труденъ. Вернитесь-ка въ ваши юрты, живите мирно и спокойно и ждите. И великій Духъ не оставитъ васъ безъ своей помощи.

Но кочевники не послушались мудраго слова. Они покинули юрты, захватили съ собой, сколько могли, пожитковъ, запаслись съѣстнымъ и запрягли въ легкія санки своихъ сѣверныхъ оленей.

Пришлось послѣдовать за ними и старому шаману. Онъ тоже запрягъ своихъ рогатыхъ оленей, сѣлъ въ сани и взялъ съ собой свою пріемную дочку, дѣвочку одиннадцати лѣтъ.

Тронулись въ путь и поѣхали.

Тьма была глухая-преглухая. Нельзя разобрать, что — день, что — ночь, что — вечеръ и что — утро.

Негромко постукивали копытцами по твердому снѣгу олени. Узкія полозья санокъ скрипѣли и визжали. Отъ этого стремительнаго оленьяго бѣга и отъ вѣтра, звенѣвшаго въ ушахъ, вся кругомъ промерзшая равнина превращалась въ одну тонкую и непрерывную, безъ начала, безъ конца, убѣгающую и звенящую ленту.

Въ погожую пору, когда разсѣивались облака, все небо осыпалось безсчетными звѣздами; онѣ сверкали яркія и цвѣтныя, какъ глаза павлиньи на чудесной Божьей ризѣ. Онѣ освѣщали морозную пустыню, и тогда вся она, огромная, во всѣ стороны безкрайная, казалась голубою.

Различали день отъ ночи по звѣздамъ и другимъ примѣтамъ. Ночью спали, повалившись на снѣгу въ мѣховыхъ и плотныхъ шубахъ. Распряженные олени искали корма, раскапывая снѣжные сугробы и доставая себѣ мохъ.

По утрамъ вставали снова, запрягали и торопились дальше.

Такъ ѣхали долго, сутки проходили за сутками, а солнца все не видали. И ни съ кѣмъ не было встрѣчъ. Кругомъ — пустынная глушь. Уже кончался четвертый мѣсяцъ зимней ночи.

Между тѣмъ, сѣверяне поѣли всѣ свои припасы: съѣли сушеную рыбу, прикончили тюленій жиръ и начали голодать.

Они не разсчитывали, что путь будетъ такимъ долгимъ, да и нельзя было взять съ собой много припасовъ въ маленькія сани.

А морозъ, какъ нарочно, все крѣпчалъ, были сердитыя вьюги, и стужа становилась все лютѣй.

Холодъ прокрадывался подъ мѣхъ одеждъ и пробиралъ тѣла, ослабѣвшія отъ голодовки. Уже у многихъ отмерзли пальцы на рукахъ и на ногахъ. Другіе отморозили себѣ свои плоскіе носы и уши, несмотря на ушастыя шапки. Всѣ жаловались, охали и страдали.

Впередъ тащились кое-какъ: не прежней быстрой оленьей рысью. Скоро стали падать и олени: отъ долгаго бѣга и отъ недостатка моха подъ глубокимъ снѣгомъ. Пришлось убивать ихъ въ пищу.

Шелъ пятый мѣсяцъ, а солнца все не было. И куда только такъ ловко скрылись запрятавшіе его злые духи?

Заболѣлъ и старый шаманъ, самымъ присутствіемъ своимъ ободрявшій кочевниковъ. Онъ уже не могъ сидѣть въ саняхъ и лежалъ, растянувшись. Приходилось волочить его за собой.

Но тутъ случилось нѣкоторое чудо: шамана замѣнила его малолѣтняя пріемная дочка.

Въ своей мѣховой курткѣ, въ остроконечной шапкѣ, сшитой изъ одного куска, въ штанахъ изъ оленьихъ шкуръ, она, несмотря на всю тяжесть и негибкость этихъ одеждъ, обнаруживала самую дѣятельную проворность.

У нея было предоброе сердце, и судьба бѣдныхъ кочевниковъ глубоко тревожила ее.

По утрамъ она вставала раньше всѣхъ, а вечеромъ укладывалась спать позже всѣхъ.

Она ухаживала за больными. Носила младенцевъ на своей некрѣпкой еще, дѣтской спинѣ, чтобы было легче матерямъ. Растапливала снѣгъ въ котелкѣ, чтобы дать напиться жаждущимъ. Всѣмъ улыбалась и поддерживала всѣхъ бодрымъ и ласковымъ словомъ.

Скоро всѣмъ она сдѣлалась необходимой. Со всѣхъ сторонъ ее звали:

— Камусь, Камусь, пойди сюда.

И Камусь шла ко всѣмъ и всюду поспѣвала.

Однажды вечеромъ, когда измученные путники, повалившись въ снѣгъ, спали тяжелымъ сномъ и стонали отъ боли, ихъ разбудилъ странный свѣтъ. Они и раньше просыпались отъ такого же свѣта, но на этотъ разъ онъ былъ особенно ярокъ.

Приподнялись со снѣгу на локтяхъ кочевники и смотрятъ: стоитъ передъ ними шаманова дочка, сама изнуренная, а бодрствуетъ; внимательно вглядывается въ спящихъ, кто боленъ и кому помочь.

А какъ разъ надъ нею, въ небѣ, какъ огромная корона — сѣверное сіяніе.

Горятъ разноцвѣтными огнями радужные и пламенные снопы, переливаются, то вспыхнутъ, то погаснутъ, то опять зажгутся. Точно дышетъ, какъ живое, сѣверное сіяніе. И что-то пишетъ неразгаданными знаками — въ молчаніи бездонномъ... И то тамъ, то здѣсь пронизываютъ его, вонзаясь въ самыя верхушки неба, огненныя лучевыя стрѣлы.

Стоитъ дѣвочка въ своей кургузой шубкѣ и удивляется: чего это на нее такъ смотрятъ? Она и не знала, что отъ сѣвернаго сіянія было и вокругъ ея головки въ лохматой шапкѣ — какъ-бы тоже сіяніе.

Приподнялся на своихъ санкахъ и старый шаманъ, поглядѣлъ, подумалъ и промолвилъ:

— Зачѣмъ намъ ѣхать дальше и искать пропавшее солнце? Вы видите знаменіе? Его посылаетъ намъ самъ великій Духъ. Онъ увѣнчалъ ребенка, который стоитъ передъ вами, — за доброту его.

— Уже на исходѣ зимняя тьма, и скоро алый, какъ кровь, солнечный отрѣзокъ покажется надъ землею. Солнце вернется къ

намъ, какъ всегда возвращалось весною, и въ безсиліи разбѣгутся злые духи, укравшіе его. Покуда же вотъ вамъ другое солнце — наша Камусь. Развѣ съ такимъ солнцемъ нельзя прожить самую глухую, самую темную ночь? Что самое нужное для людей въ ихъ страданіяхъ и бѣдахъ? И чѣмъ крѣпче всего держится человѣческая жизнь? Любовью и помощью другъ другу.

Старецъ поднялъ свою правую руку и внушительно указалъ ею на сѣверъ:

— Вернемся! А когда я умру, она вамъ замѣнитъ меня. Вы же видѣли: самъ невѣдомый и великій Айонъ увѣнчалъ ее своимъ свѣтовымъ вѣнцомъ.

Съ тѣхъ поръ кочевники прозвали Камусь: «наше новое солнце».

На этотъ разъ они послушались мудрыхъ рѣчей стараго шамана. Повернули свои санки запрягли въ нихъ оставшихся оленей и поспѣшно заскользили снова на сѣверъ, обратно къ своимъ старымъ кочевьямъ, къ роднымъ мѣстамъ, — ждать терпѣливо весенняго солнца.

Петръ Кожевниковъ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ КРАЙ

ОЧЕРКЪ Ив. НАЖИВИНА.

Буря безумія и злобы обрушилась на несчастную Россію, и тысячи и тысячи русскихъ людей разбросала по всему свѣту. Меня судьба занесла въ Штирію, въ зеленый край, гдѣ шумятъ, свергаясь съ крутизны скалъ въ звонкія долины, сребропѣнные водопады; гдѣ свѣжій воздухъ напоенъ сладостнымъ ароматомъ безбрежныхъ хвойныхъ лѣсовъ, гдѣ въ чуткой тишинѣ зорь внимательное ухо легко ловитъ прелестные шорохи дикой жизни. И этотъ благословенный край очень пострадалъ отъ войны. и тутъ жизнь стала очень скудна и тяжела, но тутъ все это искупается красотой окружающей природы и спокойнымъ добродушіемъ штирійцевъ. Они буквально влюблены въ свой зеленый край и всюду носятъ на себѣ воспоминаніе о своихъ родныхъ горахъ: національный костюмъ штирійца, это—сѣренькая курточка съ зелеными выпушками и пуговицами изъ оленьяго рога, короткіе, до колѣнъ, вышитые штаны изъ кожи дикой козы и шляпа съ широкой, ярко-зеленой, какъ горныя пастбища, лентой и красивымъ пучкомъ перьевъ тетерева или кисточкой изъ оленьяго волоса. Штирійцы живутъ больше маленькими, уютными городками, маленькими деревнями, а еще больше, кажется, разбрелось ихъ по этимъ уютнымъ одинокимъ домикамъ, что разбросаны среди лѣсовъ и горъ и всегда украшены оленьими рогами. Штирійцы спокойны, трудолюбивы и очень набожны: на перекресткѣ дорогъ, на красивой лѣсной полянѣ, на полѣ, гдѣ волнуется спѣющій хлѣбъ, всюду вы видите крошечныя часовенки, распятія, а то и просто какую-нибудь священную картинку въ деревянной нишѣ, и всегда это изукрашено или свѣжей зеленью елки, или гирляндой изъ живыхъ цвѣтовъ, а когда встрѣчается съ вами на пути штиріецъ, то всегда привѣтливо кивнетъ головой и скажетъ: «Gruss Gott». Также привѣтлива здѣсь и дѣтвора. Здѣсь дѣтей очень любятъ, и штирійскій крестьянинъ такъ прямо, хотя и грубовато, и говоритъ: «da Misthaufn und da Kindahaufn is ва an Bauernhaus nia gross gnua»; «мужику двѣ кучи всегда кажутся малы — куча навоза на дворѣ и куча дѣтворы въ избѣ...» Кто хочетъ познакомиться поближе съ этимъ милымъ народомъ. пусть прочтетъ прелестные разсказы Петра Розеггера, который самъ былъ родомъ изъ крестьянской семьи Штиріи.

Прекрасна эта природа, хороши эти люди, но всего болѣе поражаетъ и привлекаетъ иноземца въ этомъ краю это изумительное его спокойствіе, его какая-то безбрежная, глубокая тишина. День проходитъ за днемъ, недѣля проходитъ за недѣлей, и хоть бы вѣточка одна, хоть бы листокъ одинъ шевельнулся въ обступившихъ вашъ домикъ со всѣхъ сторонъ лѣсахъ. Все точно зачаровано, все точно спитъ глубокимъ, спокойнымъ, свѣтлымъ сномъ. А пришла зима, пошелъ съ вечера снѣгъ — безъ трескучаго мороза, безъ дикихъ завываній бѣшеной вьюги, а ровно, неслышно, мягко, — и шелъ онъ всю ночь и къ утру все было бѣло: и лѣса, и островерхая колоколенка наша, и горы, и дома, и даже телеграфная проволока... И опять эта зачарованная тишина, глубокая, свѣтлая, опять все спитъ...

И я пошелъ въ эти тихія, бѣлыя, лѣсистыя горы — я каждый день хожу туда

хоть на два часа... Какое очарованіе!.. Мы всѣ привыкли восхищаться весенними и лѣтними запахами земли — цвѣтовъ, скошенной травы, пригрѣтой сосны... но только немногіе знаютъ, что ароматы зимы не менѣе разнообразны, упоительны и нѣжны: зимой особенно пахнутъ лѣса, особенно пахнетъ и деревня, особенно, желѣзно пахнетъ ледяной потокъ, особенно, удивительно пахнетъ свѣже-выпавшій снѣгъ... А какъ дышется, Боже, какъ дышется на этой вышинѣ!..

И я шелъ занесенной мягкимъ, чистымъ, пахучимъ снѣгомъ тропинкой, которая змѣилась въ вышину то лѣсами, то Alm'ами (горныя пастбища), то среди камней и скалъ, иду въ вышинѣ, совершенно одинъ... Я иду тихо-тихо, стараясь не шумѣть, и внимательно читаю огромную бѣлую книгу зимы, которая лежитъ передо мной. Для городского человѣка она не говоритъ ничего, но я, старый охотникъ, читаю ее также легко, какъ и всякую другую книгу, по тѣмъ перепутаннымъ слѣдамъ, что оставила дикая, лѣсная жизнь на снѣгу. Сегодня, по свѣжей порошѣ, эти живыя, говорящія письмена читаются особенно легко... Вотъ тутъ вышелъ изъ лѣсу ночью зайчишка и, четко отпечатывая свои особенныя четверки, пошелъ полакомиться корой яблонекъ вотъ туда, внизъ, въ крестьянскій садикъ. Но — напрасно: здѣшній крестьянинъ хорошій, заботливый хозяинъ, и свои яблоньки онъ отъ этихъ ночныхъ гулякъ заботливо обернулъ желѣзной сѣткой. А вотъ изъ кустовъ вышла лиса, постояла надъ заячьимъ слѣдомъ, подумала, стоитъ преслѣдовать его или не стоитъ, и, рѣшивъ, что не стоитъ, пошла дальше: ея ровный, красивый, похожій на бусы, слѣдъ уходитъ въ густыя заросли, гдѣ вокругъ озимей она надѣялась, вѣроятно, найти спящихъ куропатокъ. Вотъ тутъ, среди молодыхъ пихтъ, по утру, — говорятъ, слѣды, — играли двѣ бѣлочки; тутъ, на молодыхъ березкахъ, лакомился почками красавецъ-тетеревъ; тутъ пробѣжала крошечная лѣсная мышка и скрылась подъ корнями старой лиственницы, съ которой тихо сѣется теперь въ морозномъ воздухѣ золотой дождь ея нѣжныхъ иголъ... И вдругъ справа, у скалъ, легкій шорохъ. Я обернулся — изъ-за молодыхъ елокъ на меня, добродушно улыбаясь, смотритъ Hans Schoggl. На правомъ плечѣ у него короткій и тяжелый штуцеръ, въ лѣвой рукѣ длинный альпенштокъ, а за спиной — убитая серна...

— Gruss Gott!.. — привѣтливо говоритъ онъ.

— Gruss Gott!.. — отвѣчаю я. — Съ добычей?

Я осматриваю прелестное, граціозное созданіе съ его темно-бурой, въ свѣтло-желтыхъ подпалинахъ, шерстью, съ этими хорошенькими, крутыми, загнутыми назадъ рожками, и мнѣ кажется, что я слышу

отъ серны вольный запахъ высокихъ, горныхъ Alm и скалъ, гдѣ она живетъ своей пугливой, быстроногой жизнью. А Hansl закуриваетъ свою длинную, изогнутую трубку.

Hansl былъ въ Россіи въ плѣну два года и теперь только и мечтаетъ снова вернуться къ намъ, когда народъ нашъ придетъ въ себя и снова заживетъ мирной и трудовой жизнью. Онъ совершенно очарованъ Россіей, и я никакъ не могу понять, что ему такъ понравилось у насъ.

— Oh, schones Land!.. — съ восторгомъ говоритъ онъ. — Oh, sehr schones Land!..

И сколько я ни встрѣчалъ здѣсь этихъ очарованныхъ Россіей и тоскующихъ по ней нѣмцевъ!.. А мы — какъ мы мало цѣнили ее, какъ мало берегли!..

Мирно побесѣдовавъ и покуривъ, мы прощаемся.

— Ну, что, скоро въ Россію? — улыбаясь, говоритъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Богъ дастъ, скоро...

— Oh, schones Land!.. — повторяетъ онъ. — Какъ поѣдете, скажите — и я съ вами...

И снова я одинъ, и снова я бреду и, наслаждаясь, дышу этимъ морознымъ, пахучимъ воздухомъ, и любуюсь игрою нѣжнаго тумана въ дикихъ ущельяхъ, а иногда останавливаюсь и слушаю то нѣжное бульканье горнаго ключа подъ снѣгомъ, то оживленный разговоръ стайки синичекъ, то глухой и музыкальный гулъ спускаемыхъ съ кручи въ долины дровосѣками деревьевъ: бумъ... бумъ-бумъ... бумъ... И надо видѣть, что выдѣлываетъ огромное, тяжелое, обледенѣлое бревно въ этомъ своемъ стремительномъ полетѣ внизъ!.. Змѣей оно скользитъ между пней и скалъ, съ чудовищной силой таранитъ всякія препятствія, и летитъ, взрывая снѣгъ, и при каждомъ сотрясеніи издаетъ мощный, музыкальный звонъ: бумъ... бумъ-бумъ... бумъ!.. А за нимъ, гудя, уже поспѣваетъ другое, третье, пятое, десятое...

Я иду все дальше, все выше... Ба, это что такое?!. Снѣгъ бурно взрытъ неровными ямками, слѣдъ свѣжій-свѣжій, — тутъ только что пронеслись испуганныя чѣмъ-то косули... Я тихонько подвигаюсь впередъ, чтобы полюбоваться этими хорошенькими животными, и иду не слѣдомъ — этого звѣрь не любитъ, — а сторонкой. Иду пять минутъ, четверть часа, — нѣтъ, несутся все тѣми же бѣшеными, саженными скачками: значитъ, уйдутъ въ горы, далеко... Я останавливаюсь отдохнуть, и вдругъ все исчезаетъ: заблудившаяся тучка окутываетъ меня со всѣхъ сторонъ. Я ничего не вижу, а тишина, тишина какая!.. Только гдѣ-то далеко-далеко неустанно катится сверху внизъ: бумъ-бумъ... бумъ-бумъ-бумъ... А когда, черезъ нѣсколько минутъ, туманъ разсѣялся, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, четко вырисовываясь на бѣломъ атласѣ снѣга, на лѣсной дорогѣ стояла — косуля!.. Хорошенькій звѣрокъ медленно шелъ на меня и все оглядывался — точно что безпокоило его сзади, въ чемъ онъ еще не отдавалъ себѣ отчета... И вдругъ неуловимымъ движеніемъ она спрыгнула подъ откосъ. Изъ кустовъ вышелъ ей навстрѣчу козленокъ. Она понюхала его, полизала любовно, и они стали кормиться молодыми побѣгами какого-то кустика. Я долго любовался этими прелестными созданіями, такими изящными и крошечными въ колоссальной рамѣ горъ, ущелій и тумановъ, а потомъ тихонько пошелъ къ нимъ, чтобы видѣть ихъ бѣгъ и граціозные прыжки. Я былъ совсѣмъ уже близко отъ нихъ, какъ вдругъ въ кустѣ, рядомъ, что-то осторожно зашумѣло и — матерая, бурая лиса, распушивъ хвостъ, понеслась въ гору. Она подбиралась къ козленку, и я явился невольнымъ спасителемъ его: онъ съ матерью летѣлъ уже въ противоположную сторону, мелькая своимъ бѣлымъ задомъ...

Вечерѣло... Я сталъ тихо спускаться съ горъ внизъ, туда, гдѣ, прыгая среди скалъ и камней, закованныхъ зимой въ

серебро, чуть слышно отсюда шумѣлъ буйный Folz. Перезвонъ бревенъ кончился, но начался внизу, въ ущельѣ, другой перезвонъ, такой музыкальный, но нѣжный, поющій: то звенѣли колокольчики обоза, который везъ эти спущенныя внизъ съ кручи бревна. Лѣтомъ колокольчики какъ-то не нужны, а зимой какъ пріятно ихъ пѣніе среди глубокаго молчанія природы!..

— Gruss Gott!.. — привѣтствовалъ я крестьянъ-возчиковъ.

— Gruss Gott!.. Gruss Gott!..

Гдѣ-то далеко-далеко въ горахъ кто-то взревѣлъ, — неопытный человѣкъ подумалъ бы, что это или медвѣдь, или какой другой страшный звѣрь: до такой степени грубъ, дикъ и сердитъ этотъ короткій, настойчивый ревъ. Но это былъ только олень. Онъ звалъ кого-то изъ своихъ друзей и сердился, что тотъ и не идетъ, и не отзывается. А вокругъ меня нѣжно пѣли колокольчики и пріятно пахло на морозцѣ табачнымъ дымкомъ изъ длинныхъ трубокъ.

Вдали, сквозь спящія деревья, ласково засвѣтились въ сумеркахъ первые огоньки нашего тихаго городка. Вотъ слышны веселые голоса, звонкій смѣхъ и глухой рокотъ несущихся саней, — то идетъ катанье съ горъ, въ которомъ здѣсь восторженно принимаетъ участіе и старъ, и младъ. Мало того: если хозяйкѣ нужно, напримѣръ, сходить на рынокъ, внизъ, она — безъ пальто, безъ платка, а такъ, какъ была, — садится на свои санки и съ корзинкой въ рукахъ и съ улыбкой полнаго удовольствія на благодушномъ лицѣ, летитъ внизъ, покрикивая только, чтобы всѣ сторонились...

А вотъ и нашъ домикъ. Дѣтворы нѣтъ — всѣ катаются на санкахъ. Въ окно смотритъ ласково послѣдній свѣтъ догорающей зари. Горы почернѣли... А вотъ и первая звѣзда — вотъ яркій поясъ Оріона, вотъ вѣнчикъ Капеллы, вотъ опрокинутый

золотой ковшъ Большой Медвѣдицы, а вотъ и Полярная. Тамъ, подъ нею, чуть поправѣе, за этими тихими горами, далеко-далеко лежитъ наша несчастная, взбаламученная, окровавленная Россія, schönes Land... На островерхой колоколенкѣ запѣлъ старенькій колоколъ. То — Angelus, вечерняя молитва... И кажется мнѣ, поетъ старенькій колоколъ, а можетъ быть, и моя душа поетъ это:

— Спаси, Боже, несчастную Россію и даруй, Боже, прекрасному краю этому сохранить его тишину на долго, долго, ибо, если и есть что прекрасное въ жизни, о, Господи, то это прежде всего миръ, честный трудъ и тихія радости Твоей, о, Боже, красавицы-Земли...

И затихъ старый колоколъ... Надъ черными горами играли и переливались звѣзды... И ни одна вѣточка не шевелилась въ зачарованныхъ лѣсахъ...

Ив. Наживинъ.

НАУКА И ЖИЗНЬ.

I.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОТКРЫТІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.

Всѣмъ намъ теперь извѣстно, что громъ и молнія являются результатами насыщенности воздуха электричествомъ. Но въ прежнія времена этого не знали, и люди объясняли себѣ эти явленія гнѣвомъ боговъ и всякими небылицами.

Въ одной изъ своихъ интересныхъ и поучительныхъ книгъ Жанъ Генри Фабръ описываетъ первые опыты, которые открыли тайну грома и молніи.

Болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, въ маленькомъ городѣ Неракъ, жилъ нѣкто де-Рома.

Однажды, во время грозы, де-Рома отправился за городъ, неся бумажнаго змѣя и клубокъ тонкой веревки. Жители города заинтересовались: куда, зачѣмъ идетъ де-Рома? Неужели онъ бросилъ свои серьезныя занятія, чтобы пускать змѣя?

Большая толпа слѣдовала за нимъ.

Но, конечно, не для пустой забавы шелъ де-Рома: онъ хотѣлъ произвести смѣлый опытъ, который до него не приходилъ никому въ голову.

Его дерзкій замыселъ состоялъ въ томъ, чтобы извлечь молнію изъ тучи и спустить ее съ неба на землю. Для этого онъ и рѣшилъ воспользоваться бумажнымъ змѣемъ.

Этотъ змѣй ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго змѣя, которымъ играютъ дѣти, только вдоль всей веревки была протянута мѣдная нитка, да къ нижнему концу веревки былъ привязанъ шелковый шнуръ, укрѣпленный подъ навѣсомъ, чтобы онъ не мокъ подъ дождемъ.

Еще къ веревкѣ, въ другомъ мѣстѣ, былъ прикрѣпленъ маленькій жестяной цилиндръ, касавшійся мѣдной нитки, а самъ де-Рома держалъ въ рукѣ такой же цилиндръ, но со стеклянной ручкой.

Такой цилиндръ называется возбудителемъ, и имъ де-Рома надѣялся извлечь электричество изъ тучъ и провести его по мѣдной ниткѣ къ цилиндру, висящему на веревкѣ. А такъ какъ шелкъ и стекло электричества не пропускаютъ, то оно не могло пройти ни въ землю, ни въ руку.

Вотъ, какъ просто былъ устроенъ приборъ для производства опыта, который долженъ былъ доказать возможность овладѣть молніей и направить ее по своему желанію.

Конечно, только глубокая вѣра де-Рома въ свою правоту могла заставить его рѣшиться на демонстрацію опыта въ присутствіи огромной толпы.

Обратимся теперь къ самому опыту.

Поднявшійся вѣтеръ подхватилъ змѣя и унесъ его на высоту около 200 метровъ. Тучи, предвѣстники грозы, приближаются къ нему.

Де-Рома подноситъ цилиндръ, который онъ держитъ въ рукѣ, къ тому, который привязанъ къ веревкѣ, и вдругъ — вспыхиваетъ свѣтъ: ослѣпительная искра, словно сверканіе молніи, но безъ всякаго грома и треска.

Это — электричество, это — маленькая молнія, пойманная мѣдной ниткой змѣя. Она еще пока такъ слаба, что де-Рома не боится вызвать ее пальцемъ, и каждый разъ, какъ онъ приближаетъ палецъ къ цилиндру, вспыхиваетъ искра.

Зрители тоже набираются храбрости, подходятъ ближе, и каждый пробуетъ самъ вызвать молнію и увидѣть искру между своими пальцами.

Всѣ въ восторгѣ, шутятъ, забавляются такъ около получаса, какъ вдругъ сильная искра ударяетъ де-Рома и чуть не валитъ его съ ногъ:

Гроза приблизилась; тяжелыя тучи висятъ надъ самымъ змѣемъ.

Де-Рома собираетъ всю свою стойкость. Онъ проситъ толпу отойти подальше и одинъ становится у аппарата, а напуганные зрители все дальше и дальше отходятъ отъ него.

Искры становятся все сильнѣе и сильнѣе, все больше и больше. Вотъ, онѣ уже походятъ на ленты, которыя взрываются съ трескомъ и напоминаютъ ленты серпантина.

Попади только такая огненная лента въ кого-нибудь, что-бы отъ него осталось!..

Опасаясь, какъ бы съ кѣмъ-нибудь изъ зрителей не приключилось такой бѣды, де-Рома проситъ ихъ отойти еще дальше, а

самъ, ежеминутно рискуя своей жизнью, продолжаетъ опытъ, какъ ни въ чемъ не бывало, съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто занятъ онъ совсѣмъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Вокругъ него — гулъ и громъ, какой бываетъ при безпрерывной работѣ на наковальнѣ. Въ воздухѣ — запахъ гари.

Веревка змѣя — словно въ блестящей оберткѣ и кажется огненной лентой, соединяющей небо и землю. Лежащія на землѣ соломинки приподымаются, прыгаютъ къ веревкѣ, падаютъ, снова подпрыгиваютъ въ странномъ танцѣ, привлекая вниманіе зрителей.

Вдругъ — оглушительный взрывъ: молнія упала, поднявъ облако пыли и вырывъ въ землѣ огромную дыру.

Всѣ вскрикнули, поблѣднѣвъ отъ ужаса. А де-Рома сіялъ отъ счастья: всѣ его предположенія оправдались, успѣхъ опыта граничилъ съ чудомъ.

Такимъ образомъ де-Рома доказалъ, что причиной грома и молніи являются силы электричества, и что молнію можно совлечь съ неба на землю.

Но, конечно, цѣнность его опыта не только въ томъ, что онъ позволяетъ удовлетворить наше любопытство. Благодаря ему былъ придуманъ громоотводъ.

Какъ и многіе другіе великіе люди, де-Рома печально окончилъ свою жизнь. Желая повторить свой опытъ въ Бордо, онъ былъ принятъ за колдуна, привлекающаго на землю громъ и молнію своимъ колдовствомъ, и былъ избитъ чернью. Ему пришлось бѣжать отъ преслѣдованія враговъ и клеветниковъ.

Ренгамъ.

II.

ВОДА И ЗЕМЛЯ.

Въ своей интересной книгѣ «Жизнь и смерть земного шара» профессоръ Беркэ излагаетъ наблюденія и выводы науки о тѣхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ на поверхности земли подъ вліяніемъ разрушительной силы воды.

Начинаетъ онъ свои наблюденія съ дѣйствія солнечныхъ лучей, превращающихъ воду въ паръ и постепенно разрушающихъ скалы. Скалистыя поверхности, какъ плохіе проводники тепла, разогрѣваются только со стороны, непосредственно освѣщаемой солнцемъ. Этимъ объясняются трещины въ скалахъ, постоянное видоизмѣненіе ихъ поверхности — въ видѣ углубленій, ложбинъ.

Водяной паръ на высотахъ превращается опять въ воду, заполняетъ всѣ эти трещины и замерзаетъ въ нихъ. Ледъ совершенно разрушаетъ скалу и отдѣльныя части ея падаютъ въ долины, гдѣ онѣ уносятся рѣками все ниже и ниже. Части эти по пути мельчаютъ, разбиваются и, въ свою очередь, служатъ на всемъ протяженіи разрушителями почвы.

Мы часто можемъ видѣть у устья рѣкъ цѣлыя массы песка, камней и другихъ разрушенныхъ частей теченіемъ земной поверхности.

Если прибавить къ этому постоянное размываніе участковъ земли, — мы придемъ къ заключенію, что результатомъ, правда, отдаленнымъ, этого непрерывнаго воздѣйствія воды будетъ уничтоженіе материковъ, части которыхъ постепенно уносятся въ океанъ.

Море съ своей стороны принимаетъ дѣятельное участіе въ этомъ разрушеніи. Велика сила воды, размывающей берега, а на поверхности земли имѣется около 250.000 километровъ побережья. Изъ этого видно на какое огромное пространство распространяется разрушительная сила моря.

Геологи, занятые изученіемъ земли, ея строенія и жизни, вычислили, что ежегодно моря уносятъ около 25 кубическихъ километровъ твердой почвы. При нормальномъ теченіи въ такомъ случаѣ понадобилось бы, по изслѣдованіямъ проф. Беркэ — 1 милліона лѣтъ для полнаго уничтоженія материковъ.

Но милліоны лѣтъ, остающихся до исчезновенія земли, въ нашемъ сознаніи граничатъ съ безконечностью; вѣдь наше воображеніе съ трудомъ охватываетъ и тысячелѣтія.

Такъ что особенно огорчаться *заранѣе* не слѣдуетъ: да и неоткрытыхъ еще тайнъ природы слишкомъ много для того, чтобы быть увѣренымъ въ неизбѣжной и окончательной гибели нашей планеты...

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

ЕСЛИ-БЫ...

Вотъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, которыя англійскій ученый Робертъ Болль сообщаетъ о лунѣ и солнцѣ.

Если-бы величайшій въ мірѣ римскій соборъ Петра и Павла́ стоялъ на лунѣ и мы смотрѣли бы на него черезъ микроскопъ, то мы увидѣли-бы только точку, такую, какую оставляетъ кончикъ карандаша на бумагѣ.

Такъ какъ на лунѣ нѣтъ ни воздуха, ни воды, то существа, подобныя людямъ, не могли-бы тамъ существовать.

Если бъ мы могли попасть на луну, то насъ поразило бы, конечно, все то, что мы тамъ увидѣли бы. Мы были бы въ состояніи передвигать большіе камни съ такой-же легкостью, съ какою передвигаемъ теперь перышко. Хорошій игрокъ въ крокетъ у насъ можетъ однимъ ударомъ отбросить шаръ на 100 ярдовъ, тотъ же игрокъ тѣмъ же ударомъ отброситъ шаръ на лунѣ на 600 ярдовъ (ярдъ нѣсколько больше аршина).

Если-бъ мы попали на солнце, то мы нашли бы всѣ явленія какъ разъ противоположныя этимъ.

Если бы вы захотѣли вынуть часы изъ кармана, они показались-бы вамъ странно тяжелыми, и руки ваши не въ силахъ были бы вынуть ихъ. Часы оказались бы тяжелѣе свинца.

Мы всѣ знаемъ, что вставать рано утромъ совсѣмъ не такъ пріятно, но если бы хоть одинъ разъ мы легли на солнцѣ, то мы никогда больше не встали бы.

ДѢЛЕЖЪ ВЕРБЛЮДОВЪ.

Старикъ арабъ, имѣвшій трехъ сыновей, распорядился, чтобы они послѣ его смерти подѣлили принадлежащее ему стадо верблюдовъ такъ, чтобы старшій взялъ половину всѣхъ верблюдовъ, средній — треть, и младшій — девятую часть всѣхъ верблюдовъ.

Старикъ умеръ и оставилъ 17 верблюдовъ. Сыновья начали дѣлежъ, но увы! вѣдь число 17 не дѣлится ни на 2, ни на 9. Въ недоумѣніи, какъ быть, братья обратились къ шейху (старшина племени). Тотъ пріѣхалъ къ нимъ на собственномъ верблюдѣ и раздѣлилъ верблюдовъ по завѣщанію.

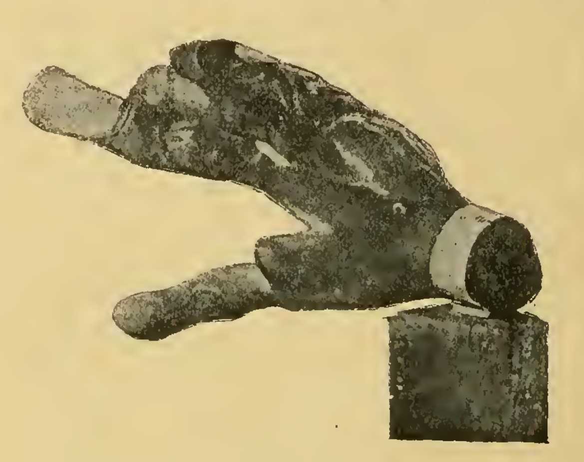
Какъ онъ это сдѣлалъ?

КАМЕННАЯ РУКА.

Сравнительно часто наблюдается паденіе аэролитовъ— частей, оторвавшихся отъ другихъ планетъ и притянутыхъ нашей землей. Но впервые, по сообщеніямъ американскихъ ученыхъ, былъ найденъ метеоръ такой удивительной формы, какимъ онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Онъ поражаетъ своимъ сходствомъ съ очертаніями человѣческой руки. Пальцы какъ-бы изуродованы огнемъ, — большой палецъ и мизинецъ чрезмѣрно длинны, остальные пальцы согнуты и какъ бы дѣлаютъ охватывающее движеніе.

Метеоръ этотъ упалъ въ одной фермѣ въ Бекерсвиллѣ (Соединенныхъ Штатахъ) и его паденіе сопровождалось яркой бѣлой молніей.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЧЕМПІОНАТЪ.

Состоитъ это состязаніе въ слѣдующемъ. Четыре ведерка (или корзины, коробки и т. п.) ставятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга по прямой линіи. Отъ каждаго ведерка въ сторону, по прямой линіи, кладется 5 — 6 картофелинъ, разстояніе между которыми, приблизительно, равняется аршину.

У каждаго ведерка становится участникъ игры. По данному сигналу, всѣ четверо бросаются подбирать картофелины, лежащія подлѣ каждаго ведерка, и бросать ихъ въ ведерко, при чемъ заразъ можно поднять и бросить въ ведерко только одну картофелину. Выигрываетъ тотъ, кто первый соберетъ въ ведерко всѣ свои картофелины.

Если играющихъ много, то игра повторяется нѣсколько разъ съ новыми участвующими, послѣ чего побѣдители играютъ между собой, пока одинъ не окажется полнымъ побѣдителемъ, получающимъ званіе картофельнаго чемпіона.

Островъ сокровищъ

Рис. А. Койранскаго. Романъ Р. Стивенсона.

ГЛАВА VIII.

Подъ вывѣской „Подзорной трубы".

Когда я кончилъ завтракъ, кавалеръ далъ мнѣ записку, адресованную Джону Сильверу, подъ вывѣской «Подзорной Трубы», и сказалъ мнѣ, что я легко найду его, если пойду вдоль набережной и внимательно поищу маленькую таверну съ большой мѣдной подзорной трубой въ качествѣ вывѣски. Я отправился, обрадованный этимъ случаемъ повидать еще корабли и моряковъ, и сталъ пробираться черезъ густую толпу, между повозками и кипами товаровъ, — потому что это было самое дѣловое время въ докахъ. Наконецъ я нашелъ указанную мнѣ таверну.

Это было веселенькое заведеньице. Вывѣска была покрашена заново. На окнахъ были изящныя красныя занавѣсочки. Полъ былъ чистенько посыпанъ песочкомъ. По обѣ стороны трактирчика проходили улицы, и на каждую изъ нихъ выходила дверь, благодаря чему въ большой низкой комнатѣ было достаточно свѣтло, несмотря на волны табачнаго дыма.

Посѣтителями были по большей части моряки; и разговаривали они такъ громко, что я остановился у дверей, не рѣшаясь войти.

Пока я стоялъ тамъ, изъ боковой комнаты вышелъ человѣкъ, и съ одного взгляда я узналъ въ немъ Длиннаго Джона. Его лѣвая нога была отрѣзано по самое туловище, и подъ лѣвой мышкой онъ держалъ костыль, которымъ управлялъ съ удивительной ловкостью, ковыляя, какъ птица. Онъ былъ очень высокъ и силенъ, съ лицомъ широкимъ, какъ окорокъ ветчины — некрасивымъ и блѣднымъ, но умнымъ и улыбающимся. Онъ, безусловно, казался въ великолѣпномъ расположенiи духа, насвистывалъ, двигаясь между столовъ и обмѣниваясь веселыми словами или дружескимъ ударомъ по плечу съ наиболѣе почетными гостями.

Сказать по правдѣ, съ самаго перваго упоминанiя о Длинномъ Джонѣ въ письмѣ кавалера Трелонэй, я побаивался, какъ бы онъ не оказался тѣмъ самымъ одноногимъ морякомъ, котораго я такъ долго поджидалъ въ гостинницѣ «Адмирала Бенбо». Но одного взгляда на бывшаго предо мной человѣка было достаточно. Я видѣлъ капитана, Чернаго Пса, и слѣпого Пью, и я полагалъ, что знаю, каковъ на видъ пиратъ — совершенно, по моему мнѣнiю, нѣчто не похожее на этого чистаго и благороднаго хозяина.

Я сразу собрался съ духомъ, переступилъ черезъ порогъ и прямо подошелъ къ хозяину, разговаривавшему съ однимъ изъ посѣтителей, опираясь на костыль.

«Господинъ Сильверъ, сэръ?» спросилъ я, протягивая ему записку.

«Да, малый», отвѣчалъ онъ. «Таково мое имя. А кто ты?» И потомъ, увидѣвъ письмо кавалера, онъ, какъ показалось мнѣ, смутился.

«О», сказалъ онъ громко и протянулъ мнѣ руку. «Ты нашъ новый юнга; радъ тебя видѣть».

И онъ крѣпко сжалъ мою руку.

Какъ разъ въ эту минуту одинъ изъ посѣтителей поднялся и направился къ двери. Онъ сидѣлъ близко отъ выхода и въ одно мгновеніе очутился на улицѣ. Но его поспѣшность привлекла мое вниманіе, и я сразу узналъ его. Это былъ блѣднолицый человѣкъ, который приходилъ первый къ «Адмиралу Бенбо».

«О», закричалъ я, «держите его! Это — Черный Песъ!»

«Плевать мнѣ на это, кто онъ», закричалъ Сильверъ. «Но онъ не заплатилъ. Гарри, бѣги, поймай его!»

Другой мужчина, сидѣвшій близко къ двери, вскочилъ и пустился въ преслѣдованіе.

«Если бы онъ былъ даже самъ адмиралъ Гоукъ, онъ долженъ былъ бы заплатить по счету», кричалъ Сильверъ. И потомъ, выпустивъ мою руку, спросилъ; «Кто онъ, говоришь ты? «Черный» кто?»

«Песъ, сэръ», отвѣчалъ я. «Развѣ мистеръ Трелонэй не говорилъ вамъ о пиратахъ? Онъ одинъ изъ нихъ».

«Вотъ какъ?» воскликнулъ Сильверъ.«Въ моемъ домѣ! Бэнъ, бѣги и помоги Гарри. Такъ онъ былъ однимъ ихъ этихъ негодяевъ? Это ты пилъ съ нимъ, Морганъ? Подойди-ка!»

Человѣкъ, котораго онъ назвалъ Морганомъ, старый, сѣдой морякъ, съ краснымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, подошелъ въ смущеніи, пожевывая табакъ.

«Ну-ка, Морганъ», спросилъ строго Длинный Джонъ. «Видалъ ли ты когда-нибудь раньше этого Чернаго... Чернаго Пса, а?»

«Нѣтъ, сэръ», сказалъ Морганъ.

«Ты не зналъ его имени?»

«Нѣтъ, сэръ».

«Клянусь честью, Морганъ счастье твое, что это такъ!» воскликнулъ хозяинъ. «Если бы ты видѣлся съ такимъ молодчикомъ, то ты больше не посмѣлъ переступить черезъ мой порогъ, ужъ это можешь быть спокоенъ. Что же онъ говорилъ тебѣ?»

«Право, толкомъ не знаю, сэръ», отвѣтилъ Морганъ.

«Что же это у тебя на плечахъ, голова или чурбанъ?» закричалъ Длинный Джонъ. «Толкомъ не знаю, не знаю! Можетъ, ты толкомъ не зналъ съ кѣмъ разговариваешь? Ну-кась, о чемъ онъ болталъ — о путешествіяхъ, капитанахъ, корабляхъ? Живо! О чемъ шелъ разговоръ?»

«Мы говорили о наказаніяхъ въ трюмѣ», отвѣтилъ Морганъ

«Вотъ какъ? Очень подходящее дѣло для васъ обоихъ, миляга. Ступай-ка на свое мѣсто, старый увалень!»

И тотчасъ, когда Морганъ вперевалку направился на свое мѣсто, Сильверъ прибавилъ довѣрительнымъ шопотомъ, что очень льстило моему самолюбію:

«Онъ вполнѣ порядочный малый; Томъ Морганъ, только глупъ. А теперь», заговорилъ онъ опять громко, «на счетъ этого Чернаго Пса! Нѣтъ, что-то не помню такого имени. Но рожу эту я видѣлъ. Онъ приходилъ сюда съ слѣпымъ нищимъ».

«Ужъ это навѣрняка», сказалъ я. «Я зналъ и слѣпого. Имя его было Пью».

«Точно такъ!» закричалъ Сильверъ въ возбужденіи. «Пью! Такъ его звали! О, онъ былъ похожъ на акулу! Если бы удалось сейчасъ поймать этого Чернаго Пса, были бы новости для капитана Трелонэй! Бэнъ здорово бѣгаетъ. Немногіе моряки бѣгаютъ лучше Бэна. Клянусь, онъ перегонитъ его. Такъ онъ говорилъ о поркѣ въ трюмѣ? Я его выпорю!»

Кидая эти восклицанія, онъ ковылялъ взадъ и впередъ по тавернѣ, опираясь на

... «Господинъ Сильверъ, сэръ», — спросилъ я, протягивая ему записку...

клюку и хлопая рукой по столамъ, и былъ такъ взволнованъ, что это убѣдило бы судью на Боу-стритѣ или въ Ольдъ-Байлей. Мои подозрѣнія воскресли, когда я увидѣлъ въ «Подзорной Трубѣ» Чернаго Пса, и я пристально разглядывалъ повара. Но онъ былъ слишкомъ хитеръ и ловокъ. Тѣмъ временемъ вернулись, запыхавшись, оба, гонявшіеся за Псомъ, и когда они доложили, что затеряли его слѣдъ въ толпѣ, и когда Сильверъ выругалъ ихъ за это, на чемъ свѣтъ стоитъ, — я готовъ былъ поручиться за невинность Сильвера.

«Вѣдь вотъ, Хоукинсъ», заговорилъ онъ. «какая для меня непріятность! Что подумаетъ капитанъ Трелонэй! Вотъ, сидитъ у меня въ домѣ этотъ проклятый сынъ голландца и пьетъ мой ромъ. Вотъ, приходишь ты и говоришь мнѣ объ этомъ. И вотъ, онъ ускользнулъ у меня изъ подъ носа! Теперь, Хоукинсъ, ты долженъ поддержать меня передъ капитаномъ. Ты всего лишь мальчикъ, но писаный красавецъ. И умница. Я это замѣтилъ съ перваго взгляда. Но дѣло вотъ въ чемъ: что я могъ подѣлать съ этимъ несчастнымъ костылемъ? Да, въ ту пору, когда я еще былъ молодымъ матросомъ, я бы не упустилъ его, и мигомъ онъ оказался бы у меня въ парѣ славныхъ наручниковъ. Но теперь...»

И вдругъ онъ остановился и разинулъ ротъ, какъ будто вспомнилъ что-то.

«А деньги за ромъ!» закричалъ онъ. «Три стакана рома! Чортъ меня подери, вѣдь я забылъ про деньги за ромъ».

Съ этими словами онъ упалъ на скамью и расхохотался до слезъ. Я не могъ удержаться, чтобы не вторить ему; и мы захохотали оба такъ, что стѣны гулко задрожали.

«Какой же я морской теленокъ!» проговорилъ онъ наконецъ, вытирая щеки. «Я увѣренъ, что мы съ тобой поладимъ, Хоукинсъ, потомъ что мнѣ надо было бы наняться юнгой, а не поваромъ. Но пойдемъ-ка. Долгъ прежде всего, ребята! Я надѣну мою старую шляпу, и дойду вмѣстѣ съ тобой до капитана Трелонэя и доложу ему всю эту исторію. Потому что дѣло это серьезное, молодчикъ Хоукинсъ! И надо сказать, что никто изъ насъ, ни я, ни ты не отличились въ этомъ дѣлѣ. Да, не повезло ни одному изъ насъ. Но, оторвись мои пуговицы! Я здорово посмѣялся за свои деньги!»

И онъ опять засмѣялся, и такъ искренно, что, хотя я и не понималъ, что тутъ смѣшного, я не могъ опять удержаться отъ того, чтобы не присоединиться къ его веселью.

Во время нашего недолгаго путешествія по набережной онъ оказался очень интереснымъ спутникомъ, разсказывая мнѣ про корабли, мимо которыхъ мы проходили, ихъ оснастку, тоннажъ, національность, объясняя мнѣ происходившую на нихъ работу, — какъ одно изъ нихъ разгружалось, какъ другое принимало грузъ, а третье готовилось къ отплытію. И между дѣломъ онъ успѣвалъ разсказать какой-нибудь анекдотъ о корабляхъ и морякахъ, или же повторялъ какую-нибудь морскую команду, пока я не зналъ ее наизусть. Я начиналъ чувствовать, что это будетъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ спутниковъ на кораблѣ.

Когда мы пришли въ гостинницу, кавалеръ и докторъ Ливсэй сидѣли вмѣстѣ, доканчивая по квартѣ эля съ сухаремъ, передъ тѣмъ какъ отправиться на шхуну.

Длинный Джонъ разсказалъ всю исторію съ самаго начала, съ большимъ остроуміемъ и совершенной правдивостью. «Не такъ ли было дѣло, Хоукинсъ?» обращался онъ время отъ времени ко мнѣ, и я всегда могъ всецѣло поддержать его.

Оба джентльмена очень жалѣли, что Черному Псу удалось ускользнуть; но всѣ мы согласились, что ничего нельзя было подѣлать, и, выслушавъ похвальные

отзывы своему поведенію, Длинный Джонъ взялся за костыль и ушелъ.

«Всѣ на бортъ сегодня къ четыремъ часамъ пополудни», крикнулъ ему вдогонку кавалеръ.

«Слушаюсь, слушаюсь, сэръ»—отвѣтилъ поваръ на-ходу.

«Вотъ, кавалеръ». сказалъ докторъ Ливсэй: «я не очень-то довѣряю вашимъ находкамъ. Но этотъ, Джонъ Сильверъ, мнѣ нравится».

«О, это — настоящій козырь!» заявилъ кавалеръ.

«А теперь», прибавилъ докторъ, «Джимъ можетъ отправиться съ нами на судно?

«Конечно»! сказалъ кавалеръ. «Возьми шляпу, Хоукинсъ, и пойдемъ смотрѣть корабль!»

ГЛАВА IX.

Порохъ и оружіе.

«Испаньола» стояла на внѣшнемъ рейдѣ, и мы проплыли мимо кормы и подъ фигурами, украшавшими носъ многихъ другихъ кораблей, и ихъ канаты порой терлись о киль нашей лодки, порой раскачивались надъ нашими головами. Но, наконецъ, мы подъѣхали къ борту «Испаньолы», и когда всходили на трапъ, насъ встрѣтилъ, салютуя по-военному, боцманъ мистеръ Арроу, старый, обвѣтренный матросъ, раскосый и съ серьгами въ ушахъ. Кавалеръ былъ съ нимъ уже въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, но я вскорѣ замѣтилъ, что совсѣмъ не таковы были отношенія мистера Трелонэй съ капитаномъ.

Это былъ суровый на видъ человѣкъ, который казалось сердился на всѣхъ, причемъ вскорѣ онъ объяснилъ намъ причину. Лишь только мы сошли въ каюту, какъ вошелъ матросъ:

«Капитанъ Смолеттъ, сэръ, проситъ разрѣшенія переговорить съ вами», сказалъ онъ.

«Я всегда къ услугамъ капитана. Попроси его войти», сказалъ кавалеръ.

Капитанъ, слѣдовавшій по пятамъ за своимъ вѣстовымъ, немедленно вошелъ и закрылъ за собой дверь.

«Итакъ, капитанъ Смолеттъ, что вы хотите сказать? Надѣюсь, что все въ порядкѣ; все, какъ полагается на кораблѣ и на морѣ?»

«Полагаю», отвѣчалъ капитанъ, «что лучше говорить на-чистоту, даже рискуя обидѣть. Мнѣ не нравится эта экспедиція, мнѣ не нравится команда и не нравится мой помощникъ. Это коротко и ясно».

«Быть можетъ, сэръ, вамъ не нравится корабль?» спросилъ кавалеръ, очень разгнѣванный, какъ я могъ замѣтить.

«Я не могу сказать этого, сэръ, не видавъ его въ дѣлѣ», сказалъ капитанъ. «Кажется — складное суденышко. Большаго я не могу сказать».

«Быть можетъ, сэръ, вамъ не нравится хозяинъ?» сказалъ кавалеръ.

Но тутъ вмѣшался докторъ Ливсэй.

«Подождите, подождите!» сказалъ онъ. «Такіе вопросы не приводятъ ни къ чему кромѣ непріятностей. Капитанъ сказалъ слишкомъ много или же слишкомъ мало, и я долженъ сказать, что слова его требуютъ

поясненія. Вы говорите, что вамъ не нравится экспедиція. Почему же?»

«Я былъ нанятъ, сэръ, подъ условіемъ того, что мы называемъ запечатаннымъ приказомъ, вести этотъ корабль, для этого джентльмена, куда онъ прикажетъ», сказалъ капитанъ.«Прекрасно-съ. Но теперь я вижу, что каждый человѣкъ на бакѣ знаетъ больше меня. Я не считаю этого правильнымъ, а вы — какъ?»

«Нѣтъ», сказалъ докторъ Ливсэй, «и я не считаю.»

«Дальше», сказалъ капитанъ, «я узнаю, что мы отправляемся за кладомъ — я слышу это отъ моей собственной команды. Искать клады, это всегда дѣло невѣрное; такого рода путешествія совсѣмъ не въ моемъ духѣ; и я, въ особенности, не люблю ихъ, когда они секретныя, и когда секретъ (да проститъ меня мистеръ Трелонэй) извѣстенъ даже попугаю.»

«Попугаю Сильвера?» спросилъ кавалеръ.

«Я хотѣлъ только сказать, что объ этомъ всѣ болтаютъ. Я увѣренъ, что никто изъ васъ, джентльмены, не представляетъ себѣ, чему вы подвергаетесь. Такъ вотъ я долженъ сказать: дѣло идетъ о жизни и смерти».

«Это все очень ясно, и, я долженъ сказать, довольно вѣрно», отвѣтилъ докторъ Ливсэй. «Мы принимаемъ рискъ; но мы не такъ неосвѣдомлены, какъ вы полагаете. Дальше вы сказали, что вамъ не нравится команда. Развѣ они плохіе моряки?»

«Они не нравятся мнѣ, сэръ», возразилъ капитанъ Смолеттъ. «И я полагаю, что выборъ долженъ былъ быть предоставленъ мнѣ, если уже на это пошло».

«Можетъ быть, надо было бы сдѣлать такъ», отвѣтилъ докторъ. «Мой другъ долженъ былъ, быть можетъ, посовѣтоваться съ вами; но эта ошибка была, во всякомъ случаѣ, не преднамѣренная. И вамъ не нравится мистеръ Арроу?»

«Не нравится, сэръ. Я вѣрю, что онъ хорошій морякъ; но онъ слишкомъ за панибрата съ командой. Боцманъ долженъ соблюдать себя — и не долженъ пить съ матросами!»

«А вы полагаете, что онъ пьетъ?» вскричалъ кавалеръ.

«Нѣтъ, сэръ, я только думаю, что онъ слишкомъ фамильяренъ», отвѣтилъ капитанъ.

«Однимъ словомъ, коротко говоря, скажите намъ, чего вы хотите, капитанъ?» спросилъ докторъ.

«Прекрасно. Рѣшили ли вы, джентльмены, отправиться въ это плаваніе?»

«Твердо рѣшили», отвѣтилъ кавалеръ.

«Прекрасно», сказалъ капитанъ. «Такъ разъ вы уже выслушали меня терпѣливо, когда я говорилъ вещи, которыхъ не могъ доказать, то выслушайте меня еще немного. Они грузятъ порохъ и оружіе въ носовую часть. А между тѣмъ есть хорошее мѣсто подъ каютой, почему не погрузить всего этого туда? — Это первое. Потомъ, съ вами четверо вашихъ людей, и я слышу, что ихъ койки будутъ въ носовой части. Почему не размѣстить ихъ здѣсь, рядомъ съ каютой? Второе!»

«Еще что-нибудь?» спросилъ мистеръ Трелонэй.

«Еще одно», сказалъ капитанъ. «Было уже слишкомъ много болтовни».

«Слишкомъ много», согласился докторъ.

«Я скажу вамъ, что слышалъ самъ», продолжалъ капитанъ Смолеттъ: «что у васъ есть карта острова; что на ней поставлены крестики, указывающіе мѣсто, гдѣ зарыто сокровище; и что островъ этотъ находится... и тутъ онъ назвалъ совершенно точно широту и долготу.

«Я никогда не говорилъ этого», вскричалъ кавалеръ, «ни единой душѣ!»

«Команда знаетъ это, сэръ», возразилъ капитанъ.

«Ливсэй, значитъ это вы или Хоукинсъ», воскликнулъ кавалеръ.

«Не будемъ спорить о томъ, кто сказалъ», отвѣтилъ докторъ. И я видѣлъ, что ни онъ,

— «Прекрасно. Рѣшили-ли вы, джентльмены, отправиться въ это плаваніе?»
— «Твердо рѣшили», — отвѣтилъ кавалеръ.

ни капитанъ не придавали значенія протестамъ Трелонэя. И я не очень вѣрилъ, ужъ очень онъ былъ несдержанный на языкъ; но думаю теперь, что онъ дѣйствительно былъ правъ, и что никто не сказалъ о положеніи острова.

«Прекрасно, джентльмены», продолжалъ капитанъ. «Я не знаю, у кого эта карта. Но я ставлю условіемъ, чтобы она содержалась въ секретѣ даже отъ меня и мистера Арроу! Въ противномъ случаѣ я вынужденъ просить объ отставкѣ».

«Я вижу», сказалъ докторъ, «что вы желаете, чтобы мы сохранили все это въ секретѣ, и чтобы мы превратили въ крѣпость кормовую часть судна, съ гарнизономъ изъ людей моего друга, въ рукахъ котораго будетъ вся амуниція и порохъ на кораблѣ. Другими словами, вы боитесь бунта».

«Сэръ», сказалъ капитанъ Смолеттъ. «Не желая васъ обидѣть, я не считаю васъ въ правѣ навязывать мнѣ подобныя слова. Ни одинъ капитанъ не имѣетъ права выйти въ море, если у него есть такія предположенія. Что же касается до мистера Арроу, то я полагаю, что онъ совершенно честенъ; быть можетъ, тоже самое можно сказать и кое о комъ изъ команды. Но я отвѣчаю за безопасность корабля и за жизнь каждаго человѣка на борту. Я вижу, что дѣло идетъ, по-моему, не вполнѣ правильно. И я прошу васъ принять нѣкоторыя предосторожности, или же отставить меня. И это все».

«Капитанъ Смолеттъ», началъ докторъ съ улыбкой, «слыхали ли вы когда-нибудь басню о горѣ и мыши? Вы простите меня, но вы напомнили мнѣ эту басню. Когда вы вошли сюда, готовъ прозаложить мой парикъ, у васъ въ мысляхъ было больше того, что вы сказали».

«Докторъ», сказалъ капитанъ, «вы догадливы. Когда я пришелъ сюда, я былъ увѣренъ, что получу отставку. Я не думалъ, что мистеръ Трелонэй захочетъ выслушать хотя бы одно слово».

«И не сталъ бы слушать», вскричалъ кавалеръ. «Если бы здѣсь не было Ливсэя, я послалъ бы васъ къ... чорту. Но я выслушалъ васъ. И сдѣлаю то, что вы потребовали. Но мое мнѣніе о васъ отъ этого не повысилось».

«Это какъ вамъ угодно, сэръ», сказалъ капитанъ. «Вы согласитесь, что я исполняю мой долгъ».

Съ этими словами онъ откланялся.

«Трелонэй», сказалъ докторъ, «независимо отъ всѣхъ моихъ прежнихъ предположеній, я вѣрю, что вамъ удалось взять на бортъ двухъ честныхъ людей — этого человѣка и Джона Сильвера».

«Сильвера, да», воскликнулъ кавалеръ. «Что же касается до этого невыносимаго пустомели, то заявляю, что считаю его поведеніе недостойнымъ мужчины, моряка и англичанина».

«Хорошо», сказалъ докторъ, «мы увидимъ».

Когда мы вышли на палубу, команда уже принялась за перегрузку пороха и оружія, и галдѣла въ тактъ работѣ, за которой наблюдали капитанъ и мистеръ Арроу.

Новое устройство было мнѣ по вкусу. Вся шхуна была премѣщена; шесть каютъ размѣстили ближе къ кормѣ. Эта часть сообщалась съ носовой и бакомъ только узкимъ проходомъ съ лѣваго борта. Раньше предполагалось, что капитанъ, мистеръ Арроу, Гешперъ, Джойсъ, докторъ и кавалеръ займутъ эти шесть каютъ. Теперь же двѣ изъ нихъ отводились мнѣ и Редрусу, а мистеръ Арроу и капитанъ помѣщались на полубѣ въ каютъ-компаніи, которая была расширена съ обѣихъ сторонъ, такъ, что стала чѣмъ-то вродѣ блокгауза. Правда, она была низковата, но въ ней было дос-

таточно мѣста, чтобы подвѣсить двѣ койки, и, кажется, боцманъ былъ доволенъ этимъ устройствомъ. Думается, что и онъ не очень довѣрялъ командѣ, но это, впрочемъ, только догадка. Ибо, какъ вы услышите, мы не долго пользовались его обществомъ.

Мы всѣ были заняты дѣломъ, перегружая порохъ, когда одинъ или двое запоздавшихъ изъ команды и Длинный Джонъ съ ними прибыли на лодкѣ.

Поваръ вскарабкался съ легкостью обезьяны и лишь только увидѣлъ, чѣмъ заняты, воскликнулъ:

«Ого, ребята, что это такое?»

«Мы перегружаемъ порохъ, Джонъ», отвѣтилъ одинъ изъ матросовъ.

«Зачѣмъ же, чортъ дери», вскричалъ Длинный Джонъ. «Вѣдь эдакъ мы прозѣваемъ утренній приливъ!»

«Это мой приказъ!» сказалъ коротко капитанъ. «Вы можете итти внизъ, любезный! Командѣ понадобится ужинъ».

«Слушаюсь, сэръ», отвѣтилъ поваръ и, откозырявъ, тотчасъ же исчезъ въ направленіи бака.

«Это—хорошій малый, капитанъ», сказалъ докторъ.

«Очень можетъ быть, сэръ», отвѣтилъ капитанъ Смолеттъ.

«Полегче, ребята, полегче!» обратился онъ къ матросамъ, подтягивавшимъ бочки съ порохомъ.

И вдругъ, замѣтивъ, что я разсматриваю пушку, которой мы были вооружены, длинное мѣдное девятифунтовое орудіе, онъ крикнулъ мнѣ:

«Эй, юнга, долой отсюда! Ступай къ повару и займись дѣломъ!»

И когда я спѣшилъ внизъ, я слышалъ, какъ онъ сказалъ совершенно громко доктору:

«Я не хочу имѣть любимчиковъ на кораблѣ!»

Увѣряю васъ, я былъ вполнѣ согласенъ съ кавалеромъ и глубоко ненавидѣлъ капитана.

ГЛАВА X.

Путешествіе.

Весь этотъ вечеръ мы много трудились надъ приведеніемъ въ порядокъ всего, что было на кораблѣ. То и дѣло подъѣзжали лодки съ друзьями кавалера, какъ мистеръ Блэнди, такъ и разные другіе, чтобы пожелать добраго пути и счастливаго возвращенія. Мнѣ никогда не приходилось работать столько въ гостинницѣ «Адмирала Бенбо». И я усталъ, какъ собака, когда, незадолго до зари, боцманъ засвисталъ въ дудку, и команда взялась за рычаги кабестана. Если бы я даже усталъ вдвое больше, я ни за что не ушелъ бы съ палубы; все было такъ ново и интересно для меня —короткія командныя слова, пронзительный рѣзкій свистъ дудой, и люди, спѣшившіе къ своимъ мѣстамъ въ свѣтѣ корабельныхъ фонарей.

«Ну-ка, затяни-ка намъ пѣсню», — раздался чей-то голосъ.

«Нашу старую!» — крикнулъ другой.

«Охотно, ребята», сказалъ Длинный Джонъ который стоялъ тутъ же, опираясь на костыль. И онъ тотъ часъ же затянулъ слова и мотивъ, такъ хорошо мнѣ знакомые:

...«Пятнадцать человѣкъ на крышкѣ гроба...»

И вся команда подхватила хоромъ:

«Іо - го - го и бутылка рому...»

И дружно налегла на спицы ворота.

Несмотря на увлекательность момента, я не могъ не вспомнить «Адмирала Бенбо». И мнѣ казалось, что я слышу въ хорѣ голосъ капитана.. Но вскорѣ якорь былъ поднятъ; паруса стали надуваться, и земля съ судами стали отодвигаться съ обѣихъ сторонъ; и не успѣлъ я завалиться соснуть часокъ-другой, какъ «Испаніола» уже неслась къ Острову Сокровищъ.

Я не стану разсказывать подробно объ этомъ путешествіи. Оно было вполнѣ благопріятнымъ. Корабль оказался хорошимъ суденышкомъ, команда — умѣлыми моряками, а капитанъ основательно зналъ свое дѣло.Но прежде чѣмъ мы прибыли на высоту Острова Сокровищъ, произошло нѣсколько событій, о которыхъ должно упомянуть.

Прежде всего мистеръ Арроу оказался хуже, чѣмъ даже опасался капитанъ. Онъ не имѣлъ никакой власти надъ командой, и люди дѣлали, что хотѣли. Но это было еще не самое худшее; потому что черезъ день или два послѣ выхода въ море онъ сталъ появляться на палубѣ съ осоловѣлыми глазами, краснымъ лицомъ, заплетающимся языкомъ и другими признаками опьянѣнія. Нѣсколько разъ приходилось съ позоромъ отправлять его въ трюмъ. Нѣсколько разъ онъ валился съ ногъ и основательно повредился; иногда онъ весь день лежалъ на своей койкѣ въ каютъ-компаніи; иногда онъ цѣлый день бывалъ почти трезвъ, и тогда исполнялъ свою работу, какъ слѣдуетъ.

Между тѣмъ мы никакъ не могли установить, откуда онъ достаетъ вино. Это была тайна. Какъ мы не слѣдили за нимъ, мы не могли открыть ничего. А если мы его спрашивали прямо, то онъ либо только смѣялся, если бывалъ пьянъ, либо, если бывалъ трезвъ, торжественно клялся, что онъ никогда ничего въ ротъ не беретъ кромѣ воды.

Онъ не только былъ безполезенъ, какъ боцманъ, и плохо вліялъ на команду, но ясно было, что онъ долженъ свернуть себѣ шею; поэтому никто не удивлялся и не былъ особенно опечаленъ, когда въ одну темную

ночь, при бурномъ морѣ, онъ исчезъ и больше не появлялся.

«За бортомъ!»—сказалъ капитанъ. «Прекрасно, господа, это избавляетъ насъ отъ непріятной необходимости посадить его на цѣпь».

Но тѣмъ не менѣе, мы оказались безъ боцмана; и пришлось, конечно, произвести въ этотъ рангъ кого-нибудь изъ команды. Помощникъ боцмана, Іовъ Андерсонъ, больше всѣхъ подходилъ для этой должности и его и назначили замѣнять Арроу. Второй помощникъ, Израэль Хендсъ,былъ старый опытный морякъ, которому можно было тоже довѣрить почти всякую работу.

Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Длиннымъ Джономъ Сильверомъ, и по этому поводу я долженъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ поварѣ, котораго команда звала Барбикью.

На кораблѣ онъ носилъ свой костыль на шнурѣ, надѣтомъ на шею, чтобы имѣть возможно большую свободу для рукъ. Занятно было видѣть, какъ онъ пользовался костылемъ вмѣсто подставки, упирая его во что-нибудь и ловко приспособляясь къ качкѣ, что позволяло ему заниматься кухоннымъ дѣломъ такъ же спокойно,какъ если бы онъ былъ на твердой землѣ. Но всего удивительнѣе было видѣть, какъ онъ въ въ самую бурную погоду передвигался по палубѣ. Чтобы нѣсколько помочь ему, протянули пару веревокъ. И онъ пользовался ими съ удивительной ловкостью, двигаясь такъ же скоро, какъ могъ здоровый человѣкъ. Но все же нѣкоторые изъ команды, которые и прежде плавали съ нимъ, не могли смотрѣть на него безъ жалости.

«Джонъ не простой человѣкъ», сказалъ мнѣ однажды второй помощникъ. «Въ молодые годы онъ получилъ образованіе, и, если только хочетъ, онъ можетъ говорить, какъ книга. И къ тому же онъ храбръ, какъ левъ! Я видѣлъ его, когда онъ напалъ безъ оружія на четверыхъ и разбилъ имъ головы».

Вся команда уважала его и повиновалась ему. Онъ зналъ, какъ говорить съ каждымъ , и умѣлъ каждому оказать услугу. Со мной онъ былъ неизмѣнно ласковъ; и онъ всегда съ радостью принималъ меня въ кухнѣ, которую онъ содержалъ въ безукоризненной чистотѣ; по стѣнамъ висѣли сверкающія кастрюли, а въ углу, въ клѣткѣ — попугай.

«Иди-ка сюда, Хоукинсъ», говорилъ онъ бывало. «Иди-ка, поболтай со старымъ Джономъ. Ты у меня желанный гость,сынокъ. Садись-ка и послушай. Вотъ капитанъ Флинтъ,я прозвалъ такъ моего попугая въ честь славнаго пирата, предсказываетъ успѣхъ нашему путешествію. Не правда ли, капитанъ?»

Попугай принимался кричать: «Червонцы, червонцы, червонцы», и не унимался, пока Джонъ Сильверъ не накрывалъ клѣтку платкомъ.

— Видишь ты эту птицу, Хоукинсъ? Ей можетъ быть больше двухсотъ лѣтъ, потому что попугай, кажется, никогда не умираетъ. И думаю, что только самъ чортъ видѣлъ столько ужасовъ , сколько онъ. Подумай только онъ плавалъ съ Инглендомъ, съ знаменитымъ капитаномъ Инглендомъ, пиратомъ. Онъ побывалъ на Мадагаскарѣ, на Малабарѣ, въ Суринамѣ, въ Провидэнсѣ, въ Порто-Белло. Онъ присутствовалъ при подъемѣ затонувшихъ испанскихъ кораблей. Тамъ то онъ и научился твердить: «Червонцы!», и неудивительно. Ихъ набрали тамъ триста пятьдесятъ тысячъ. Онъ былъ и при томъ,какъ брали на абордажъ «Вице-Короля» у береговъ Гоа. А посмотрѣть на него: совсѣмъ младенецъ! Но ты понюхалъ пороху, неправда ли, капитанъ?

— «Слушай! Къ бою готовьсь!» — кричалъ попугай.

—«О, онъ славный малый!—говорилъ поваръ, и доставалъ сахаръ изъ кармана. Тогда попугай принимался грызть перекладины клѣтки, ругаясь съ невѣроятной

яростью. «Вотъ, говорилъ тогда Джонъ, «нельзя возиться съ дегтемъ и не запачкаться. Вотъ моя бѣдная птица, клянется и божится, какъ пьяный матросъ, и сама не понимаетъ, что кричитъ. Она могла повторить это даже при священникѣ». И Джонъ съ такимъ торжественнымъ видомъ приглаживалъ прядь волосъ, сбившуюся ему на лобъ, что казался мнѣ самымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Тѣмъ временемъ кавалеръ и капитанъ Смолеттъ все еще были въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ. Кавалера это не очень безпокоило. Онъ презиралъ капитана. Капитанъ же говорилъ только, когда къ нему обращались, и то коротко, рѣзко и сухо. Онъ долженъ былъ признаться, что ошибся на счетъ экипажа, что ихъ работа не оставляла желать ничего лучшаго, и что поведеніе ихъ было вполнѣ пристойно. А шхуну онъ прямо полюбилъ. «Она больше слушается руля, чѣмъ могъ бы честный человѣкъ требовать отъ своей жены»,говаривалъ онъ. «Но», прибавлялъ онъ, «мы еще не дома, и, вообще, не нравится мнѣ это плаваніе».

При такихъ словахъ кавалеръ отворачивался и начиналъ мѣрить палубу крупными шагами, выставивъ впередъ подбородокъ.

«Поговори онъ еще немножко», заявлялъ онъ, «и меня взорвало бы».

Налетѣлъ на насъ шквалъ, что лишь еще больше показало достоинства «Испаньолы». Каждый человѣкъ на кораблѣ казался вполнѣ довольнымъ, и надо бы было быть черезчуръ разборчивымъ и требовательнымъ, чтобы не быть довольнымъ; потому что я увѣренъ, что никогда еще на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ Ной спустилъ свой ковчегъ, не баловали такъ команду, какъ на «Испаньолѣ». При малѣйшемъ поводѣ отпускался грогъ; чуть ли не черезъ день задавались пиры, въ особенности, если кавалеръ узнавалъ о томъ, что кто-либо изъ команды празднуетъ день рожденія. И большая бочка съ яблоками всегда стояла открытая на палубѣ, около бака, для всякаго, кто пожелалъ бы полакомиться яблокомъ.

«Никогда еще не видалъ, чтобы изъ этого могло быть что-нибудь хорошее», говорилъ капитанъ доктору Ливсэй. «Балуйте команду, и она превратится въ настоящихъ чертей. Таково мое мнѣніе!»

Но все-же кое-что хорошее произошло благодаря бочкѣ съ яблоками, какъ вы услышите; безъ нея мы не получили бы предупрежденія и всѣ погибли бы отъ предательской руки.

...Это и была таверна подъ вывѣской «Подзорной трубы».

Вотъ, какъ это произошло.

Мы оставили за собой обычные пути океана въ поискахъ вѣтра, который долженъ былъ привести насъ къ острову, къ которому мы стремились (я не имѣю права говорить подробнѣе) и теперь мы шли прямо къ нему, будучи на-сторожѣ ночью и днемъ. Близился, судя по всѣмъ признакамъ, послѣднiй день нашего путешествiя. Этою же ночью или, во всякомъ случаѣ, не позднѣй завтрашняго полудня, мы должны были увидѣть Островъ Сокровищъ. Мы шли къ Юго-Юго-Западу и насъ подгонялъ непрерывный вѣтеръ по спокойному морю. «Испаньола» шла хорошимъ ходомъ, ныряя время отъ времени бугшпритомъ въ пѣнистый гребень волны. Всѣ паруса были поставлены и вся команда была въ превосходномъ настроенiи, предчувствуя близость цѣли.

Случилось такъ, что послѣ захода солнца, когда я уже возвращался въ свою каюту, закончивъ работу, мнѣ захотѣлось скушать яблочко. Я поднялся на палубу. Вахтенные были всѣ на носу, вглядываясь въ море. Рулевой смотрѣлъ въ небо и что-то насвистывалъ. Это, да хлюпанье воды подъ бугшпритомъ, были единственные звуки, нарушавшiе тишину.

Бочка была почти пуста: едва-ли оставалось въ ней два-три яблока. Чтобы достать ихъ, мнѣ пришлось прыгнуть въ бочку. Забравшись въ нее, я сѣлъ, потому что былъ уставши, и принялся ѣсть; весьма, вѣроятно, что я даже заснулъ бы среди этого занятiя, —потому что уже спускалась ночь, и качка укачивала меня, — если бы кто-то не подошелъ и не опустился тяжело около самой бочки. Бочка даже покачнулась, когда онъ уперся въ нее плечомъ, и я уже готовъ былъ выскочить, когда человѣкъ заговорилъ.

Это былъ голосъ Сильвера, и послѣ первыхъ же словъ я ни за что не согласился бы вылѣзть изъ бочки. Я слушалъ, дрожа, охваченный страхомъ и любопытствомъ. Ибо изъ этихъ словъ я узналъ, что жизнь всѣхъ честныхъ людей на кораблѣ всецѣло зависитъ отъ меня.

ГЛАВА XI.

Что я слышалъ въ яблочной бочкѣ.

«Нѣтъ, не я», сказалъ Сильверъ. «Флинтъ былъ капитаномъ; я былъ квартирмейстеромъ и еще былъ о двухъ ногахъ. Тотъ же залпъ, который оставилъ стараго Пью безъ глазъ, лишилъ меня ноги. Большой мастеръ былъ хирургъ, ампутировавшій мнѣ ногу, только что изъ университета и знатокъ латинской кухни; но и его повѣсили, какъ собаку, и солнце сушило его на висѣлицѣ близъ Корсо-Кастелло. Да, такъ случилось это съ шайкой Робертса, и произошло это оттого, что они все мѣняли названія своихъ кораблей. То это была «Королевская Фортуна», то еще какъ-нибудь поиному. А по-моему, какъ окрестили корабль, такъ онъ и долженъ называться. Такъ было съ «Кассандрой», которая всѣхъ насъ доставила живыми и невредимыми съ Малабара, послѣ того, какъ Инглэндъ взялъ на абордажъ «Вице-Короля Индіи». Такъ было и со старымъ «Моржемъ», первымъ суденышкомъ Флинта, которое я не разъ видѣлъ все въ крови и до верху нагруженное золотомъ».

«Ого!» воскликнулъ восторженно кто-то изъ младшихъ матросовъ. «Флинтъ былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ молодцовъ!»

«Да, одинъ. Дэвисъ могъ равняться съ нимъ, по словамъ знавшихъ его», продолжалъ Джонъ Сильверъ. «Но я никогда не плавалъ съ нимъ. Сперва съ Инглэндомъ, потомъ съ Флинтомъ, вотъ — и вся моя исторія. А теперь о себѣ самомъ, если позволите... Отъ Инглэнда у меня осталось девятьсотъ фунтовъ чистоганомъ, да двѣ тысячи отъ Флинта. Это не плохо для простого матроса — и всѣ на сбереженьи въ банкѣ. Не въ томъ дѣло, чтобы заработать, а въ томъ, чтобы сберечь. Гдѣ-то теперь товарищи Инглэнда? Не знаю. А Флинтовы ребята? Скажемъ, большая часть — здѣсь, и рады, что ѣдятъ до-сыта, потому что многіе просили милостыню. Взять хоть стараго Пью, который потерялъ зрѣніе, и могъ бы быть другимъ примѣромъ: развѣ смѣлъ онъ прожить тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ, какъ какой-нибудь лордъ? Гдѣ онъ теперь? Мертвъ и зарытъ. Но всѣ мы видѣли, какъ онъ больше двухъ лѣтъ просилъ милостыню. Я спрашиваю тебя, стоитъ ли быть тридцать лѣтъ пиратомъ, чтобы кончить такимъ манеромъ».

«Да, отъ этого толку мало», сказалъ. молодой морякъ.

«Да въ чемъ же для дурака есть толкъ?» продолжалъ Джонъ Сильверъ. «Ни въ чемъ... Но, вотъ, ты, напримѣръ. Ты молодъ, но писаный красавчикъ. Я сразу это увидѣлъ, какъ только ты мнѣ попался на глаза, и я буду говорить съ тобой, какъ съ мужчиной».

Можете себѣ представить, что я почувствовалъ, когда услышалъ, какъ старый мошенникъ обращался къ другому съ такими же ласковыми словами, какъ нѣкогда ко мнѣ. Если я могъ бы, я убилъ его сквозь бочку. Но онъ тѣмъ временемъ продолжалъ, совершенно не подозрѣвая, что его подслушиваютъ:

«Вотъ что можно сказать о джентльме-

нахъ фортуны. Имъ живется тяжело, и они рискуютъ петлей, но они ѣдятъ и пьютъ, какъ боевые пѣтухи, а когда плаваніе окончено, то у нихъ въ карманѣ — сотни фунтовъ, а не мѣдяковъ. И все это ухлопывается на ромъ да на кутежи, и въ море выходятъ опять въ одной рубашкѣ. Но я иду не такимъ курсомъ. Я все берегу, тутъ толику, тамъ другую, чтобы не возбудить подозрѣнія. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, замѣчайка; какъ только вернусь изъ этого путешествія, такъ всерьезъ заживу бариномъ. Пора уже! Но жилъ я не плохо. Ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, спалъ мягко и ѣлъ сытно, когда не бывалъ въ морѣ. А съ чего началъ? Съ младшаго матроса, какъ ты, малый!»

«Да», отвѣтилъ тотъ. «Но теперь придется распроститься съ накопленнымъ. Пропали денежки? Вѣдь, небось, вы носа теперь не покажете въ Бристолѣ».

«А гдѣ же, по-твоему, были мои деньги»? спросилъ Сильверъ насмѣшливо.

«Въ Бристолѣ въ банкахъ», отвѣтилъ матросъ.

«Да, были тамъ», сказалъ поваръ. «Были — покуда мы не подняли якоря. Но ужъ теперь моя старуха все забрала. И «Подзорная Труба» продана, аренда и обстановка, все; а старуха выѣхала мнѣ на встрѣчу. Я бы сказалъ тебѣ одному, куда именно; да не хочу возбуждать ревности среди прочихъ товарищей».

«А старухѣ своей вы можете вѣрить?» спросилъ собесѣдникъ. «Джентльмены фортуны», отвѣтилъ поваръ, «обычно мало довѣряютъ другъ другу, и правильно поступаютъ. Но у меня есть заручка. Кто надуетъ стараго Джона, знаетъ, что не долго останется на этомъ свѣтѣ. Были люди, которые боялись Пью, и другіе, которые боялись Флинта. Но самъ Флинтъ боялся меня. Не было озорнѣе команды Флинта. Самъ чортъ побоялся бы выйти съ ними въ море. Ну, такъ вотъ, я скажу тебѣ, я не хвастунъ, и ты самъ видишь, что я не гнушаюсь компаніи. Но когда я былъ квартирмейстеромъ, такъ овечки не были послушнѣе старыхъ пиратовъ Флинта. О, ты можешь быть спокоенъ на кораблѣ стараго Джона!»

«Скажу вамъ откровенно», отвѣтилъ малый, «я, до этого разговора съ вами, Джонъ, не очень-то соглашался на дѣло. Но теперь вотъ вамъ моя рука!»

«И молодчина. Да еще красавчикъ», отвѣтилъ Сильверъ, пожимая его руку такъ усердно, что бочка зашаталась. «Лучшей вывѣски, чѣмъ твоя, и не придумаешь для джентльмена фортуны».

Къ этому моменту я уже сталъ понимать значеніе ихъ выраженій. Подъ словами «джентльмены фортуны» они подразумѣвали просто пиратовъ, и сценка, которую я подслушалъ, была послѣднимъ актомъ соблазна одного изъ порядочныхъ матросовъ, быть можетъ послѣдняго. Вскорѣ я получилъ разъясненіе и на этотъ счетъ. Сильверъ тихо свистнулъ, и еще одинъ человѣкъ подошелъ и сѣлъ рядомъ съ собесѣдниками.

«Дикъ теперь въ порядкѣ», сказалъ Сильверъ.

«О, я зналъ, что Дикъ будетъ въ порядкѣ», отвѣтилъ помощникъ боцмана Израиль Хендсъ. «Дикъ не дуракъ!». И онъ переложилъ жвачку и сплюнулъ. «Но вотъ, что я хотѣлъ бы знать, Барбикью: какъ долго будемъ мы еще ждать? Надоѣлъ мнѣ капитанъ Смолеттъ. Довольно онъ поглазѣлъ на меня, чортъ дери! Я хочу поселиться въ его каютѣ. Я хочу отвѣдать его пикулей и вина».

«Израиль», сказалъ Сильверъ, «твоя голова не многаго стоитъ. Но, думаю, что ты способенъ слушать; по меньшей мѣрѣ, у тебя такія большія уши. Такъ вотъ, что я говорю: ты будешь спать въ койкѣ на бакѣ, работать, и разговаривать потише, и не

пить вина, пока я не скажу слово; запомни это, сынокъ!»

«Ладно, я вѣдь ничего не говорю?» проворчалъ помощникъ. «Я только спрашиваю, когда? Вотъ и все».

«Когда? Чортъ дери!» воскликнулъ Сильверъ. «Хорошо же, если хочешь, я скажу тебѣ, когда. Чѣмъ позже, тѣмъ лучше. И вотъ, почему: во-первыхъ здѣсь такой первоклассный морякъ, какъ капитанъ Смолеттъ, который для насъ ведетъ суденышко. Здѣсь — кавалеръ и докторъ съ картой и знаками на ней, которыхъ не знаемъ ни я, ни ты. Такъ вотъ, докторъ и кавалеръ найдутъ кладъ и помогутъ намъ нагрузить его. Тогда и посмотримъ. Если бы я былъ увѣренъ во всѣхъ васъ, чортовы дѣти, я бы еще заставилъ капитана Смолетта провести насъ полпути обратно».

«Чего тутъ? Мы всѣ моряки, кажется», сказалъ молодой Дикъ.

«Моряки-то — моряки», возразилъ Сильверъ. «Мы можемъ поворачивать руль. Да только кто будетъ прокладывать курсъ? Тутъ-то васъ и не хватитъ, моряковъ. Еслибы моя воля, я заставилъ бы капитана Смолетта провести насъ обратно полпути, ну хоть бы до подъ пассаты; тогда бы мы уже не заблудились и не пришлось бы сидѣть на полуложкѣ прѣсной воды въ день. Но я вѣдь знаю васъ. Придется мнѣ съ ними покончить на островѣ, какъ только кладъ будетъ погруженъ на корабль, а жалко! Но вѣдь вы не успокоитесь, пока не напьетесь. Прямо, чортъ дери, тошно плавать съ такимъ народомъ!»

«Легче, легче, Длинный Джонъ!» крикнулъ Израиль. «Кто тебѣ перечитъ?»

«Да, не мало, ты думаешь, я видѣлъ кораблей на мели? И сколько ловкихъ молодцовъ на висѣлицахъ, подъ солнышкомъ?» воскликнулъ Сильверъ. «А все изъ-за этой самой проклятой спѣшки. Ужъ ты меня послушай! Я кое-что перевидалъ на своемъ вѣку. Если бы вы только держали правильный курсъ да шли по вѣтру, такъ вы бы теперь въ каретахъ разъѣзжали бы. Но гдѣ-жъ вамъ! Знаю я васъ! Всѣмъ вамъ только бы дорваться до рому, а тамъ хоть въ петлю!»

«Всякій знаетъ, что ты мастеръ проповѣди читать, Джонъ; но вѣдь были же люди, которые не хуже тебя разумѣли дѣло, и все же умѣли и повеселиться и кутнуть въ волю».

«Да?» переспросилъ Сильверъ. «Ну, а гдѣ они теперь? Вотъ, Пью былъ таковъ и умеръ нищимъ. Флинтъ былъ таковъ и сдохъ отъ рома въ Саваннѣ. Да, славные были молодцы, да только, гдѣ они?»

«Но», спросилъ Дикъ, «когда мы ихъ сцапаемъ, то что жъ мы съ ними сдѣлаемъ?»

«Вотъ это молодецъ въ моемъ вкусѣ!» воскликнулъ поваръ въ восторгѣ. «Это называется — дѣло. Да, такъ какъ же ты думаешь? Оставить ихъ на островѣ? Такъ поступилъ бы Инглэндъ. Или же зарѣзать ихъ, какъ свиней? Такъ поступилъ бы Флинтъ или Билли Бонсъ».

«Да, Билли былъ таковъ», сказалъ Израиль. «Мертвецы не кусаются», говорилъ онъ. Но вотъ, онъ самъ — мертвецъ. Теперь онъ все объ этомъ знаетъ».

«Правильно», сказалъ Сильверъ. «Короткая управа была у Билли Джонса. Но замѣть: я человѣкъ легкій, я — настоящій джентльменъ. Только тутъ — дѣло серьезное. Долгъ—долгомъ. Я голосую за смерть! Когда я буду въ парламентѣ и разъѣзжать въ собственной каретѣ, я вовсе не хочу, чтобы появился кто-нибудь изъ нихъ, какъ чортъ изъ-за печки. Надо ждать, вотъ что я говорю, но, когда время придетъ, нечего миндальничать!»

«Джонъ», воскликнулъ помощникъ, — ты молодчина!»

«Увидимъ, увидимъ, Израиль, какъ при-

детъ время», сказалъ Сильверъ. «Одного только я требую, Трелонэя. Собственными руками оторву его телячью голову! Дикъ», прибавилъ онъ, вставая, «вскочи-ка, будь добръ, и достань-ка мнѣ яблочко промочить горло».

Вы можете себѣ представить мой ужасъ! Я бы выскочилъ и побѣжалъ, если бы нашелъ силу; но мои ноги такъ же задрожали, какъ и мое сердце. Я слышалъ, какъ Дикъ уже подымался, но потомъ онъ остановился, и голосъ Хендса сказалъ:

«Ну ихъ къ лѣшему, эти яблоки! Пойдемъ, отпусти намъ по стаканчику рома!»

«Дикъ», отвѣтилъ Сильверъ, «я довѣряю тебѣ. Ты пойдешь къ боченку съ ромомъ. Вотъ ключъ: ты наполнишь манерку и принесешь намъ!»

Какъ я не былъ напуганъ, я не могъ удержаться отъ мысли, что, должно быть, этимъ путемъ добывалъ мистеръ Арроу ту влагу, которая его погубила.

Дикъ долго ходилъ, и во время его отсутствія Израиль говорилъ что-то на ухо повару. Я могъ уловить только пару словъ, и все же то, что я разслышалъ было очень важно. Потому что, между прочими отрывками, я разобралъ фразу: «Никто изъ нихъ больше не присоединится къ намъ». Значитъ, еще были вѣрные люди на кораблѣ.

Когда Дикъ вернулся, они стали пить, передавая кружку по-очереди. Одинъ выпилъ «за счастье», другой, — «за стараго Флинта». А Сильверъ проговорилъ на распѣвъ: «Вотъ и за насъ, чтобы было намъ чѣмъ поживиться, да чему подивиться!»

Какъ разъ въ это время свѣтъ упалъ на меня въ бочку, и, поднявъ голову, я увидѣлъ, что мѣсяцъ уже высоко на небѣ и серебритъ верхушку бизани и ярко освѣщаетъ переднiй парусъ; и почти въ ту же самую минуту голосъ дозорнаго прокричалъ:

«Земля! Ого!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводъ съ англійскаго Ал. КОЙРАНСКАГО.

МАЯКЪ.

— «Въ бурную ночь приближается нашъ корабль къ цѣли своего путешествія.

Играютъ волны судномъ, поскрипываютъ на немъ мачты, накреняется оно то на одинъ, то на другой бокъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ населяютъ этотъ плавучій островъ. Они взошли на него и поплыли по морю съ полнойувѣренностью, что этотъ плавучій островъ пронесетъ ихъ надъ пучинами и благополучно спуститъ ихъ снова на твердую землю. А между тѣмъ, теперь, по мѣрѣ приближенія къ берегу, опасность для населенія возрастаетъ съ необычайной быстротой. По всѣмъ расчетамъ капитана осталось не больше какъ 50 верстъ до берега. Но берегъ то здѣсь плохой: выступаютъ впередъ, на далекое разстояніе каменистыя гряды, подводныя скалы, и мелкіе выглядывающіе изъ воды островки разсѣяны тамъ и сямъ. Чтобы избѣжать этихъ опасностей, нужно твердо,четко знать, гдѣ находишься, и при томъ съ большой точностью. Но въ темную, непогодную ночь, въ открытомъ морѣ, никакъ не опредѣлишь съ точностью положеніе корабля. Эхъ! напоремся мы на скалу!..» — такъ думалъ закутавшійся въ пальто пассажиръ, котораго вѣтеръ обдавалъ, время отъ времени, брызгами, сорванными съ гребня волны. Около пассажира, между мачтой и паровой лебедкой, стоялъ матросъ, засунувши плотно въ карманы руки и посасывая коротенькую трубочку. Оба молчали. Но, какъ будто, отвѣчая на невысказанныя безпокойныя мысли пассажира, матросъ пробурчалъ:

— « Капитанъ у насъ не дуракъ, а, главное дѣло, скоро маякъ блеснетъ. Тогда уже дорога ясная, сбиться нельзя».

Маякъ!!! Отъ этого слова, такого короткаго и уютнаго, вдругъ словно тепломъ повѣяло на душу пассажира.

Маякъ! Вотъ спаситель, вотъ близкій другъ, который сразу поможетъ въ несчастьи.

На какомъ нибудь утесѣ или пустынномъ островкѣ стоитъ одинокая башня, а въ ней этотъ далекій добрый духъ мореплавателя — сторожъ, который каждый вечеръ, съ наступленіемъ сумерекъ, зажигаетъ огонь огромнаго

фонаря, вѣнчающаго башню. Далеко въ море на десятки верстъ протягиваетъ маякъ свои руки — свѣтлые лучи навстрѣчу моряку. полному безпокойства за тѣхъ, кто населяетъ его корабль, и кто отдался цѣликомъ на его волю и знаніе.

Пассажиръ напряженно вглядывался во мракъ, но ничего кромѣ чернаго безкрайнаго провала не удавалось ему высмотрѣть...

Вдругъ на мостикѣ капитана послышался чей-то негромкій, но внятный голосъ:

— «Маякъ».

Тихо сказанное слово это прокатилось словно громкое эхо по всему пароходу. Зашевелились и застучали по палубѣ какія то невидимыя до сихъ поръ фигуры, лежавшія или сидѣвшія, притаившись, въ разныхъ закоулкахъ. Вѣсть понеслась дальше, по корридорамъ и по каютамъ, расположеннымъ въ нѣсколько этажей. Тѣ изъ пассажировъ, истомленныхъ морской болѣзнью, которые еще могли держаться на ногахъ, шла къ своимъ близкимъ, стучали въ двери каютъ и сообщали новость.

На палубѣ началось оживленіе. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми, болѣе крѣпкими пассажирами вышли изъ трюмовъ прислуга парохода, матросы. Эти люди, привыкшіе къ опасностямъ моря и потерявшіе уже счетъ перенесеннымъ, видавшіе маяки на берегахъ разныхъ странъ и материковъ, не могли удержаться отъ удовольствія выйти и посмотрѣть, какъ привѣтливо подмигиваетъ своимъ свѣтлымъ глазомъ маякъ этихъ береговъ, надежный и неизмѣнный другъ всѣхъ моряковъ.

***

Въ древности почти вся нынѣшняя Европа была населена дикими или полудикими народами. Культурныя просвѣщенныя государства расположились главнымъ образомъ на побережьяхъ Средиземнаго моря. Особенно выдающимися среди этихъ народовъ были египтяне, греки, ассирійцы, римляне. Отличались они необыкновеннымъ искусствомъ въ строительномъ дѣлѣ. И нѣкоторыя изъ построекъ вызывали всеобщее восхищеніе. Семь такихъ замѣчательныхъ сооруженій называли даже « семью чудесами свѣта».

Рис. 2. Старинная римская монета. На ней изображена гавань Остія съ большой башней-маякомъ (справа). На вершинѣ башни представлено пламя въ видѣ двухъ большихъ языковъ.

Среди этихъ семи чудесъ числилась и громадная башня, построенная на небольшомъ плоскомъ островкѣ въ устьяхъ Нила, недалеко отъ Александріи. Островокъ назывался Фаросъ. Подъ этимъ именемъ стала извѣстной и башня, которая служила сигналомъ для моряковъ, направлявшихся въ древній знаменитый портъ Александрію. Эта башня была построена лѣтъ за 280 до Рождества Христова, и долгое время служила лишь, какъ дневной сигналъ, такъ какъ не освѣщалась ночью. Слава о ней была однако такъ велика, что впослѣдствіи, въ многихъ мѣстахъ, стали называть именемъ Александрійскаго Фароса башни, воздвигавшіяся въ цѣляхъ помощи мореплавателямъ. Въ нѣкоторые языки это названіе вошло даже какъ обозначающее маякъ (напримѣръ, по-французски «маякъ» значитъ — «le phare»).

По всѣмъ историческимъ даннымъ первый

настоящій маякъ, то есть *ночной* указатель для мореплавателей, былъ заложенъ въ 42 году послѣ Р. Х. Римскій императоръ Клавдій приказалъ устроить, какъ слѣдуетъ, гавань въ Остіи, при впаденіи р. Тибръ въ море. Эта гавань обслуживала Римъ. Въ гавани была воздвигнута высокая башня, чтобы корабли могли направлять свой путь по огню, пылавшему ночью на ея вершинѣ.

Съ тѣхъ поръ маяки стали возникать въ довольно значительномъ числѣ въ разныхъ мѣстахъ европейскаго побережья. Нѣкоторые изъ нихъ получили большую извѣстность и упоминаются у многихъ писателей. Такъ, напримѣръ, очень важное значеніе имѣлъ маякъ, сооруженный на берегу Чернаго моря, при входѣ въ проливъ Босфоръ. Уже во времена римскихъ императоровъ на этомъ маякѣ былъ зажженъ огонь. Въ концѣ 16-го столѣтія маякъ продолжалъ указывать своимъ свѣтомъ путь въ Босфоръ. Такимъ образомъ, этотъ маякъ — одинъ изъ самыхъ долговѣчныхъ — просуществовалъ не менѣе, чѣмъ 1500 лѣтъ. Тысячи и тысячи мореходовъ посылали ему благодарность за то, что помогъ имъ выбраться изъ бурнаго Чернаго моря въ Босфоръ.

Объ этомъ маякѣ говоритъ между прочимъ и русскій знаменитый лѣтописецъ Несторъ. Возлѣ этого маяка, «на которомъ ночью горитъ огонь для освѣщенія», произошла, по разсказамъ Нестора, въ 911 году битва между византійцами и русскими.

***

Почти двѣ тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появились первые маяки, они оставались неизмѣнны по своему устройству: высокая каменная башня, на вершинѣ которой, на площадкѣ, разводится костеръ или горитъ смола. Но въ 19-мъ вѣкѣ, который по справедливости называется вѣкомъ расцвѣта техники, положеніе измѣнилось. Во-первыхъ, необычайно развилось мореплаваніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постройка маяковъ. На морскихъ картахъ маяки отмѣчены въ подробностяхъ. Если бы вамъ довелось разсматривать морскую карту береговъ Франціи или Англіи, вы бы увидали, въ какомъ изобиліи разсыпаны по этимъ берегамъ кружечки-горошинки, изображающіе маяки.

На устройство, на оборудованіе маяковъ обращается много вниманія. Цѣлый рядъ ученыхъ, инженеровъ, техниковъ работалъ и работаетъ надъ усовершенствованіемъ маяковъ. Задача, цѣль всѣхъ этихъ усовершенствованій одна: добиться того, чтобы возможно дальше, возможно четче маякъ могъ протягивать свои свѣтлые лучи навстрѣчу мореплавателю.

Три главныхъ условія должны быть исполнены, чтобы добиться успѣха:

1) источникъ свѣта, фонарь маяка, долженъ быть поставленъ достаточно высоко, чтобы не мѣшала кривизна земли;

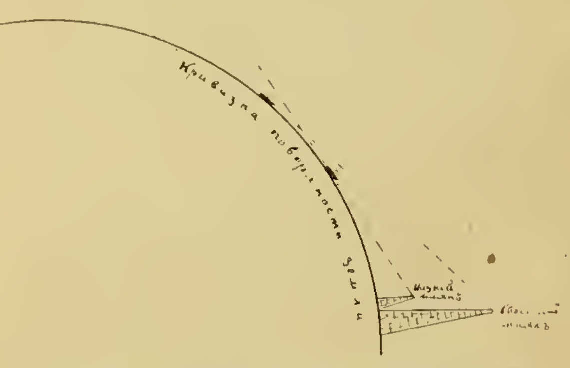

Рис. 3. Высокій маякъ посылаетъ свои лучи дальше, чѣмъ маякъ низкій, которому препятствуетъ кривизна поверхности земли.

2) необходимо устроить такъ, чтобы лучи свѣта не разбрасывались во всѣ стороны, а шли по одному направленію;

3) необходимо, чтобы источникъ свѣта былъ особенно сильный и постоянный.

Первое условіе достигается тѣмъ, что маяки строятъ на высокихъ берегахъ, на утесахъ, или, когда берегъ моря повсюду низкій, дѣлаютъ особенно высокой самую башню.

Чтобы вычислить, какъ далеко кривизна земли позволяетъ маяку посылать свои лучи, служитъ формула: $S = 2{,}08 (\sqrt{h_1} + \sqrt{h_2})$.

Въ этой формулѣ: S обозначаетъ число

морскихъ миль (одна морская миля равняется приблизительно 1 и три четверти версты); h_1 обозначаетъ высоту, въ метрахъ, огня маяка надъ уровнемъ моря: h_2 обозначаетъ высоту, въ метрахъ, глаза наблюдателя, находящагося на кораблѣ, надъ уровнемъ моря.

Предположимъ, напримѣръ, что маякъ имѣетъ высоту 25 метровъ и что наблюдатель на кораблѣ находится на высотѣ 9 метровъ надъ уровнемъ моря. Тогда $\sqrt{25} = 5$; $\sqrt{9} = 3$ и $S = 2{,}08\ (5-3) = 16{,}64$ морскихъ мили, что составляетъ приблизительно 29 верстъ.

Для направленія лучей свѣта примѣнялись въ прежнія времена зеркала, особенно зеркала кривыя. Зеркала, иначе рефлекторы, дѣлались металлическія, съ полированной поверхностью. Но отъ огня поверхность такихъ зеркалъ очень быстро тускнѣла и теряла свою способность отражать свѣтъ. Современные маяки обязаны своимъ устройствомъ главнымъ образомъ замѣчательному французскому ученому, физику Френелю. Въ 1820 году онъ придумалъ особую систему стеколъ, которая даетъ возможность собирать и направлять лучи свѣта. Онъ воспользовался для этого свойствомъ кривыхъ стеколъ (чечевицъ), а также призмъ преломлять свѣтъ, отклонять его съ первоначальнаго пути. Лампа помѣщается внутри такой системы стеколъ, изготовленныхъ, отполированныхъ и установленныхъ согласно съ расчетами, которые были сдѣланы впервые Френелемъ. Лучи свѣта отъ лампы расходятся во всѣ стороны. Попадая на стекла (призмы и чечевицы), всѣ лучи направляются по одному пути, чѣмъ достигается необыкновенное усиленіе свѣта.

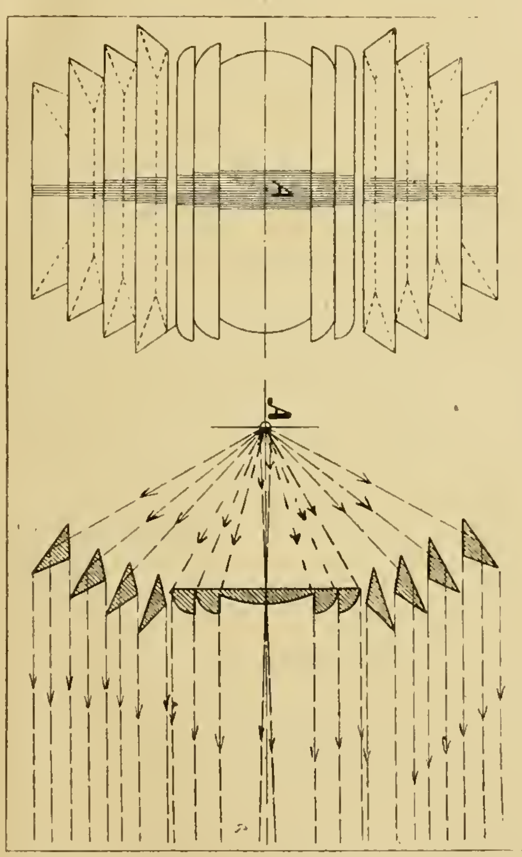

Рис. 4. Система стеколъ Френеля. Огонь лампы находится въ *А*. *Слѣва* — система стеколъ изображена такъ, какъ она видна снаружи. *Справа* — дано изображеніе въ разрѣзѣ. Изъ *А* лучи свѣта расходятся по разнымъ направленіямъ. Преломившись въ стеклахъ, лучи свѣта слѣдуютъ всѣ по одному направленію.

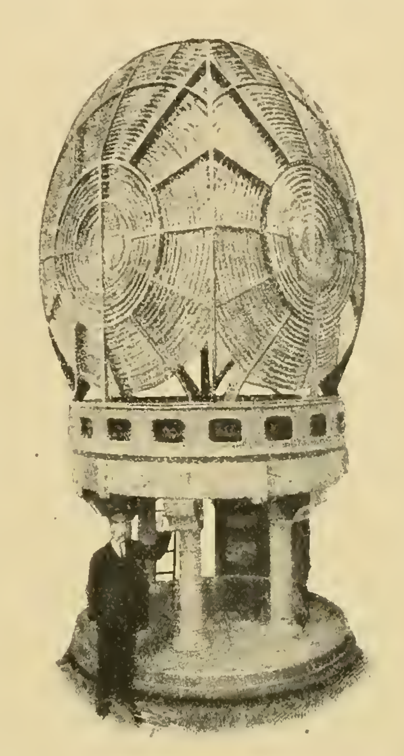

Рис. 5. Фонарь маяка на Ньюфаундлендѣ.

Въ громадныхъ маякахъ, находящихся на

особенно оживленныхъ путяхъ сообщенія, преломляющія стекла достигаютъ иногда необычайныхъ размѣровъ. Однимъ изъ самыхъ большихъ является маякъ на островѣ Нью-Фаундлендъ. Онъ указываетъ путь судамъ, совершающимъ рейсы между Европой и Сѣверной Америкой. Рисунокъ показываетъ это громадное сооруженіе; фигура человѣка, стоящаго рядомъ, позволяетъ судить о размѣрахъ. Подъ центральной чечевицей находится 13 рядовъ призмъ, а надъ чечевицей — 22 ряда.

Кто изъ васъ бывалъ на морѣ, замѣтилъ, конечно, что не всѣ маяки свѣтятъ одинаково. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ ровный постоянный свѣтъ (бѣлый, зеленый, красный). Другіе же маяки мигаютъ. Это — маяки съ такъ называемымъ проблесковымъ огнемъ. Въ нѣкоторыхъ маякахъ между проблесками наступаетъ полная тьма. Въ другихъ же между проблесками маякъ даетъ уменьшенный свѣтъ. Есть множество системъ этихъ проблесковъ. Они бываютъ длинные и краткіе, часто слѣдующіе другъ за другомъ или, наоборотъ, съ большими промежутками. Каждый маякъ имѣетъ свой языкъ, говоритъ свое. Чтобы понять эти языки друзей, капитанъ корабля имѣетъ у себя на суднѣ книгу — каталогъ маяковъ съ подробнымъ разъясненіемъ посылаемыхъ ими свѣтовыхъ сигналовъ.

Иные маяки снабжены особыми приспособленіями, сиренами, которыя пускаются ими въ дѣйствіе, когда надъ моремъ нависаетъ слишкомъ густой туманъ. Тогда звукъ сирены замѣняетъ, до нѣкоторой степени, свѣтъ маячнаго фонаря и предупреждаетъ мореплавателя о близости опасности, хотя и не можетъ, конечно, дать точнаго указанія, какого пути слѣдуетъ держаться.

Надо ли добавлять, что помимо замѣчательно точнаго устройства механизма маячнаго фонаря, долженъ быть также замѣчательнымъ человѣкомъ и сторожъ на маякѣ. Отъ него требуется изумительная точность и аккуратность. Ни одной мелочи онъ не долженъ упустить, которая могла бы нарушить работу маяка. Вѣдь неправильное дѣйствіе маяка и его сигналовъ можетъ оказаться причиной крушенія судна и гибели десятковъ и сотенъ людей.

Житель материковый, не знающій моря, не всегда даже можетъ понять все значеніе маяка. «Неужели это ужъ такъ важно?» — готовъ сказать онъ. Можетъ быть, поэтому - то сторожами на маяки назначаютъ чаще всего бывшихъ моряковъ. Бывалый морякъ, который многое - множество разъ вглядывался самъ съ трепетомъ во мракъ ночи, ожидая проблеска маячнаго фонаря, хорошо понимаетъ, сколько надеждъ возлагается на маякъ, какое великое значеніе имѣетъ онъ въ жизни мореплавателя.

Н. А. Ульяновъ.

МОРСКІЕ ГИГАНТЫ.

ОЧЕРКЪ М. ДЕ-МАРА.

Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ вышла книга, которой суждено было стать извѣстною всему культурному міру. На нее набросились и простые читатели, и переводчики. Въ короткій срокъ она появилась въ переводѣ на десяти или двѣнадцати языкахъ и заняла почетное мѣсто въ тогдашнихъ библіотекахъ. Тогда,—не забывайте—это было около полувѣка тому назадъ — тогда книгу, о которой я говорю, можно было найти и въ рукахъ государственнаго дѣятеля, и на столѣ крупнаго промышленника, предпринимателя, строителя, и на столѣ ученаго, изучающаго проблемы улучшенія условій существованія человѣчества, и въ книжномъ шкафу простого любителя занимательнаго чтенія.

Прошли годы, — и если интересъ къ этой нашумѣвшей книгѣ не уменьшился, а, пожалуй, даже увеличился,то во всякомъ случаѣ,— онъ, такъ сказать, перемѣстился: книга, которую жадно читали взрослые люди, сдѣлалась достояніемъ болѣе юной публики, а еще позже и совсѣмъ перешла въ разрядъ такъ называемыхъ «книгъ для дѣтскаго чтенія».

Читаютъ ее и теперь, но далеко не съ тѣмъ интересомъ, какъ раньше. Причина этому понятна: полъ вѣка назадъ книга разсказывала въ формѣ маленькаго романа объ одной изъ интересныхъ, но преждевременныхъ попытокъ техники сдѣлать крупное завоеваніе. И самъ разсказъ казался до извѣстной степени фантастическихъ, и многіе читатели по - просту считали этотъ разсказъ занятною выдумкою, интересною сказкою, или, въ лучшемъ случаѣ, попыткою заглянуть въ далекое будущее. Но шли годы, техника, напряженно работая,черпая уроки въ прошлыхъ ошибкахъ, дѣлала все новыя и новыя завоеванія, шла впередъ и впередъ. То, что не удалось, или, вѣрнѣе, плохо удалось въ серединѣ девятнадцатаго вѣка, оказалось сравнительно легко достижимымъ въ началѣ двадцатаго вѣка. И то, что поражало воображеніе нашихъ отцовъ, намъ кажется совершенно естественнымъ. То, чѣмъ гордились техники пятьдесятъ лѣтъ назадъ, кажется простымъ дѣломъ техникамъ нашего времени, и будетъ казаться пустякомъ техникамъ близкаго будущаго... Таковъ законъ природы.

Книга, о которой я говорю, была написана Жюлемъ Верномъ и носитъ названіе «Плавающій городъ». Посвящена она описанію гигантскаго — по тогдашнимъ понятіемъ — парохода «Гретъ-Истернъ».

* * *

Лѣтописи морского дѣла сохранили намъ память о гигантскихъ корабляхъ, строившихся и въ дни далекаго прошлаго. Такъ, у Гіерона Сиракузскаго былъ огромный корабль, въ сооруженіи котораго, будто бы, принималъ участіе великій Архимедъ. Корабль этотъ являлся своего рода плавающимъ дворцомъ. На его палубѣ имѣлись башни, храмъ, внутри — бани, библіотеки, театръ и т.д. Кромѣ довольно многочисленной команды, корабль могъ вмѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ пассажи-

ровъ. Почти одновременно или нѣсколько позже александрійскіе купцы соорудили пару гигантскихъ галеръ, служившихъ для перевоза египетскаго хлѣба въ Грецію и въ Италію. Въ XIII и въ XIV вв. идеею созданія огромныхъ кораблей сильно интересовались генуэзцы, и лѣтописи разсказываютъ объ одномъ такомъ судвѣ, будто бы, могшемъ держать на борту до 2.000 человѣкъ.

Несомнѣнно, это судно должно было имѣть весьма внушительные размѣры. Но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства,что въ тѣ далекіе годы путешественники не предъявляли особыхъ требованій относительно комфорта: даже очень далекія путешествія совершались въ такихъ неудобныхъ условіяхъ, которыя привели бы въ ужасъ и самаго неприхотливаго и невзыскательнаго пассажира нашихъ дней. По - просту говоря, тогдашніе корабли уподоблялись бочкамъ, въ которыя «набиваются» сельди — пассажиры...

Просматривая исторію морского дѣла и судостроительной техники, мы безъ труда открываемъ причины, препятствовавшія развитію строительства въ сторону увеличенія *размѣровъ* судовъ, или, какъ говорятъ моряки,въ сторону развитія «тоннажа». Во первыхъ, корабли предназначены не только къ плаванію, но и стоянкамъ въ гаваняхъ. Если гавани не велики по занимаемому ими пространству и по мелководію — то слишкомъ большимъ кораблямъ негдѣ помѣщаться. Они могутъ посѣщать только немногіе порты. Сооруженіе дающихъ хорошее убѣжище судамъ гаваней—дѣло очень сложное и очень дорого стоющее. Въ древности такихъ портовъ, куда могли бы заходить гигантскія суда, было очень мало.Значитъ, нечего было затѣвать и строить особенно большіе корабли, ибо имъ, какъ говорится, некуда было дѣваться.

Античный міръ и средневѣковье знали только два рода движущей силы для кораблей: или при помощи веселъ, приводимыхъ въ дѣйствіе мускульною силою,или при помощи парусовъ. Но процентъ такъ называемой «полезной работы» при употребленіи весла — совершенно ничтоженъ. Весло — отличный двигатель для крошечной лодочки, но оно уже куда хуже служитъ для приведенія въ движеніе барки. Чѣмъ больше ходящее на веслахъ судно, тѣмъ больше, тяжелѣе — должно быть и самое весло. Представьте себѣ весла, которыя употреблялись хотя бы на римскихъ триремахъ, квадриремахъ и квинквиремахъ, то - есть, на галерахъ, гдѣ гребцы, орудуя веслами, сидѣли въ три, въ четыре и даже въ пять ярусовъ. Весла самаго нижняго ряда были сравнительно коротки, во второмъ ярусѣ—уже значительно длиннѣе и тяжелѣе, въ третьемъ ярусѣ — еще длиннѣе и тяжелѣе. Весла самаго верхняго яруса — это были уже цѣлыя бревна. Чтобы только ворочать такое весло-бревно — силы одного человѣка уже не было достаточно. Оно приводилось въ движеніе сразу нѣсколькими гребцами. Если бы античный строитель вздумалъ размѣстить гребцовъ въ семь или восемь ярусовъ — ему пришлось бы сажать за одно весло нѣсколько десятковъ человѣкъ, — а это оказывается физически невозможнымъ.

Искусство приводить въ движеніе суда при помощи парусовъ было извѣстно человѣчеству еще во дни глубокой древности. Флотилія фараона Нехао именно на парусахъ оплыла въ первый разъ Африку.

Однако, съ парусомъ легко, сравнительно, управляться, если онъ сравнительно не такъ великъ, и если мачты не высоки. Но маленькій парусъ — безсиленъ гнать корабль боль-

шого размѣра. Значитъ. для большого корабля нужны высокія мачты съ цѣлою системою парусовъ. Для того, чтобы эти паруса, въ зависимости отъ силы и направленія вѣтра, можно было быстро распускать и убирать, нужна огромная команда.

Опять - таки, какъ и съ системою веселъ, существуетъ строго опредѣленный предѣлъ: переступать границу нельзя, ибо тогда парусъ дѣлается не только безполезнымъ. но даже вреднымъ.

Только тѣ источники силы, которые не были извѣстны или доступны людямъ прошлаго. то есть, паръ и электричество — могли бы позволить сооруженіе дѣйствительно гигантскихъ, и, все же, при всей своей колоссальности, остающихся полезными судовъ. Но человѣчество научилось примѣнять паровые двигатели для морского дѣла всего около ста лѣтъ тому назадъ.

Но, кромѣ этихъ причинъ, мѣшавшихъ развитію судостроительства въ сторону увеличенія размѣра судовъ — имѣется еще одна, и при томъ самая важная. Причина эта—прочность или такъ называемая «сопротивляемость» матеріала, употребляемаго на постройку.

Въ чемъ дѣло, вы поймете по самому простому примѣру.

Возьмите кусокъ картона, и вырѣжьте изъ этого матеріала длинную полоску. Она оказывается гнущеюся. Точно такая же палочка, вырѣзанная изъ мягкаго дерева, напримѣръ изъ осины, оказывается уже гораздо менѣе гнущеюся, а еще менѣе гнется полоска изъ дуба. Такая же полоска изъ желѣза — если мы ее держимъ на - вѣсу, за одинъ конецъ, вовсе не гнется.

Но если мы сдѣлаемъ *длинную* балку изъ желѣза или даже изъ стали. — мы видимъ, что и эти балки гнутся. Да не только просто гнутся: слишкомъ длинная балка изъ стали можетъ не выдержать собственной тяжести и обломиться.

Въ доброе старое время для постройки судовъ примѣнялось только дерево. Но степень его «сопротивляемости на изломъ» очень не высока. Строить особенно большія суда, даже употребляя самые крѣпкіе сорта дерева — нѣтъ возможности. Такое судно — крайне не прочно: сидя на водѣ, оно можетъ переломиться, расползтись.

Неизмѣримо прочнѣе дерева, конечно, желѣзо. Но его основныя качества также даютъ опредѣленную границу длины балокъ и реберъ, составляющихъ скелетъ каждаго судна. Изъ желѣза можно выстроить судно большихъ размѣровъ, чѣмъ изъ дерева. Но слишкомъ большое желѣзное судно оказывается крайне непрочнымъ. Такимъ именно оказался и пресловутый «Гретъ-Истернъ»,—описанный Жюлемъ Верномъ: путешествуя, онъ слишкомъ часто терпѣлъ всяческаго рода поврежденія именно въ силу того, что его остовъ и его машины были выстроены не изъ достаточно прочнаго матеріала. Прочность матеріала оказывалась слишкомъ малою сравнительно съ тяжестью, съ массою судна.

Значительно прочнѣе желѣза, не говоря уже о деревѣ, — простая сталь. Но современная техника знаетъ способы выдѣлывать спеціальные сорта стали, болѣе прочные, чѣмъ сталь простая. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріалъ, позволяющій намъ строить такія суда, о которыхъ въ сравнительно недавнемъ прошломъ нельзя было и мечтать. А въ могучихъ паровыхъ двигателяхъ мы имѣемъ ту силу, которая способ-

на приводить въ движеніе наши огромные корабли и позволяетъ легко управлять ими.

Но посмотримъ же, каковъ прогрессъ въ этомъ отношеніи.

Христофоръ Колумбъ около четырехъ вѣковъ тому назадъ отправился въ свое путешествіе, приведшее къ открытію Америки, на испанскихъ каравеллахъ совершенно ничтожной величины. Правда, эти корабли не были самыми большими среди другихъ тогда существовавшихъ судовъ, но они и не оказались пигмеями въ сравненіи съ ними.

Если бы мы увидѣли каравеллы Колумба въ какой - нибудь современной гавани, — мы бы по - просту не обратили на нихъ никакого вниманія, такое скромное мѣсто заняли бы онѣ среди современныхъ судовъ,рядомъ съ нашими самыми скромными пароходами для прибрежнаго плаванія. Двѣсти и триста лѣтъ спустя уже строились сравнительно куда большіе парусные корабли. Но, за исключеніемъ неудачнаго «Гретъ - Истерна» — до начала второй половины девятнадцатаго вѣка строители морскихъ судовъ не увлекались идеею созданія «морскихъ гигантовъ».

Толчокъ въ сторону ихъ постройки былъ данъ особымъ обстоятельствомъ: въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка въ далекой отъ насъ Калифорніи были открыты богатѣйшія розсыпи золота, и со всѣхъ концовъ міра туда хлынули переселенцы. Имѣвшихся тогда судовъ не хватало для перевозки десятковъ тысячъ стремившихся въ современное Эльдорадо эмигрантовъ. На это первыми обратили вниманіе англійскіе арматоры, и инженеры стали спѣшно разрабатывать планы постройки судовъ, спеціально предназначенныхъ для перевозки эмигрантовъ и ихъ имущества въ Америку. Собственно говоря, именно съ этою то цѣлью и былъ выстроенъ «Гретъ-Истернъ».

Постигшая его строителей неудача не могла не охладить пылъ, но не на долго. Кстати, въ это время всѣ такъ называемыя «морскія» державы торопились обзавестись боевыми судами, возможно богаче снабженными артиллеріею, и стали стремиться къ сооруженію большихъ пароходовъ. Слѣдомъ началось примѣненіе брони для боевыхъ судовъ. Но броня слишкомъ тяжела для небольшихъ судовъ. И именно ради снабженія судовъ бронею пришлось увеличивать самый размѣръ судовъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка самымъ большимъ пароходомъ въ мірѣ былъ«Океаникъ»,спущенный на воду въ 1899 году и имѣвшій свыше 12.000 тоннъ водоизмѣщенія. Это судно произвело сенсацію во всемъ мірѣ и казалось какимъ то чудовищемъ по величинѣ. Люди поражались, узнавъ, что длина «Океаника» — 200 метровъ. Но всего черезъ семь лѣтъ на морѣ появился «Адріатикъ» въ 24.500 тоннъ и длиною въ 216 метровъ. Въ 1907 году были спущены на воду «Мавританія» и «Лузитанія» — по 32.500 тоннъ, въ 1910 году былъ выстроенъ «Олимпикъ» въ 45.324 тонны, а въ 1912 и 1913 г. г. были созданы «Императоръ» и «Фатерландъ» по 50.000 тоннъ.

«Императоръ» расчитанъ на 1.000 человѣкъ экипажа и на 4.000 человѣкъ пассажировъ. Но на самомъ дѣлѣ на немъ, отказавшись не отъ необходимаго, а отъ слишкомъ изысканнаго комфорта, могутъ размѣститься еще свыше тысячи человѣкъ пассажировъ. Такимъ образомъ, это судно можетъ въ одинъ пріемъ перевезти за тридевять земель свыше 6.000 человѣкъ. Сейчасъ строится «Гигантикъ», и англичане разрабатываютъ проектъ постройки «Сверхъ-Гигантика», судна, на которомъ найдется мѣсто для цѣлыхъ 30.000 человѣкъ разомъ.

Это судно будетъ имѣть длину по килю въ 463 метра, — безъ малаго полъ версты...

Современная техника обладаетъ уже средствами строить карабли въ 75.000 и даже въ 90.000 тоннъ, длиною около 500 метровъ.

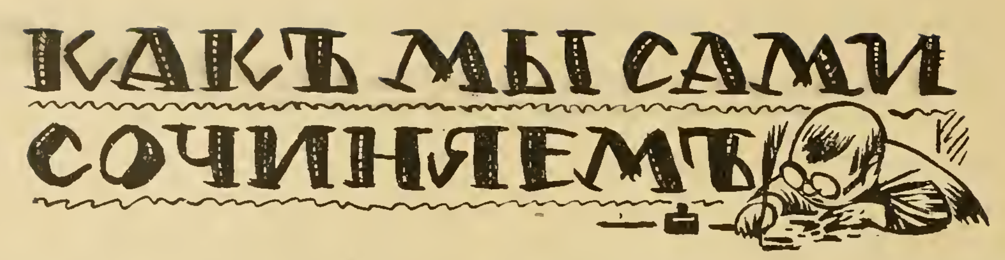
Кто знаетъ, можетъ быть, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ наши инженеры откроютъ способъ приготовлять какую - нибудь особо крѣпкую сталь, изъ которой можно будетъ строить суда и еще болѣе огромнаго размѣра...

Но уже «Императоръ» и «Британикъ» такъ колоссальны, что блаженной памяти каравеллы Колумба кажутся рядомъ съ ними простыми лодочками. Да не только каравеллы: первый пароходъ Фультона, стоя возлѣ «Императора», казался бы одною изъ спасательныхъ лодокъ этого великана...

Прародителемъ этихъ современныхъ «морскихъ гигантовъ» надо признать, по справедливости, «Гретъ-Истернъ».

Кстати, нѣсколько словъ объ этомъ «плавающемъ городѣ Жюля Верна: немногіе знаютъ о томъ, что дожилъ онъ почти до настоящихъ дней, — и былъ проданъ на сломъ только наканунѣ міровой войны. Въ качествѣ судна, предназначеннаго для океанскихъ рейсовъ, злополучный «Гретъ-Истернъ» не оправдалъ возлагавшихся на него его строителями надеждъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ совершенно безполезнымъ. Такъ, въ началѣ второй половины прошлаго вѣка, когда усиленно прокладывались кабели подводнаго телеграфа, на долю «Гретъ-Истерна» выпало послужить для прокладки кабеля между Европою и Америкою, и онъ отлично справился съ этимъ дѣломъ.

М. Де-Маръ.

Въ каждомъ очередномъ номерѣ „Зеленой Палочки“ будутъ печататься произведенія юныхъ авторовъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Въ высокомъ небѣ вышелъ мѣсяцъ
И озарилъ онъ весь народъ.
У золотыхъ, старинныхъ лѣстницъ
Блестятъ колодцы чистыхъ водъ.

Зажглись фонарики на Пéра,
Въ Галатѣ крики, звонъ и шумъ...
По морю тихому — Венера
Идетъ, въ плащѣ счастливыхъ думъ.

Нина С-ва (11-ти лѣтъ).

Непослушный котенокъ.

На одномъ чердакѣ жила семья очень важнаго сибирскаго кота.

Онъ былъ изъ очень богатой семьи и потому носилъ чудную рыжую шубу.

Его супруга была прелестная бѣлая кошечка.

Конечно, у такихъ породистыхъ родителей должны были быть такія породистыя дѣти, но къ удивленію всѣхъ у нихъ былъ простой сѣрый котенокъ, о которомъ я и хочу разсказать.

Этому котенку былъ всего одинъ мѣсяцъ; его звали Шалопайчикъ.

Котъ Василій Ивановичъ и его супруга, Пушинка, души не чаяли въ Шалопайчикѣ.

Когда Василій Ивановичъ и Пушинка уходили гулять, Шалопайчикъ рыскалъ по всѣмъ комнатамъ, и это путешествіе кончалось всегда весьма плачевно. Однажды, во время такого путешествія, забрелъ нашъ котенокъ въ спальню хозяйки, въ которой были дорогія фарфоровыя вещи.

Шалопайчикъ подошелъ къ зеркальному шкапчику, на которомъ стояли большія японскія вазы. Глупенькій котенокъ, увидя свое отраженіе въ зеркалѣ, подумалъ, что это другой котенокъ, и толкнулъ шкапчикъ; шкапчикъ покачнулся, и великолѣпныя японскія вазы съ грохотомъ упали на полъ.

Шалопайчикъ ничуть не испугался: напротивъ, ему стало даже очень весело: онъ вскочилъ на туалетъ и началъ нюхать помаду.

Онъ разлилъ духи и надѣлалъ много разныхъ глупостей, и тогда только, довольный своими продѣлками, степеннымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Хозяйка вошла въ комнату и, увидя разбитыя вазы, всплеснула руками.

Конечно, котенка отодрали и онъ оскорбленный явился къ матери.

Пушинка очень огорчилась и запретила Шалопайчику ходить по комнатамъ.

Василій Ивановичъ объявилъ своему сыну, что онъ будетъ брать его на охоту, чтобы не оставлять его одного.

На другой день вся семья отправилась на охоту. Шалопайчикъ не хотѣлъ итти и убѣжалъ на дворъ. На дворѣ онъ увидалъ уличнаго котенка и началъ играть съ нимъ; они поссори-

лись: на шумъ прибѣжала Жучка и откусила кончикъ уха Шалопайчику.

Какъ-то разъ отправился Шалопайчикъ къ своей теткѣ Машкѣ.

Тамъ онъ напился молока и началъ бѣгать по комнатамъ; онъ забрелъ въ столовую и увидѣлъ краски, приготовленныя Ниной для урока рисованія.

Шалопайчикъ вскочилъ на столъ и началъ пробовать краски, но онѣ не пришлись ему по вкусу.

Онъ размазалъ весь столъ и пошелъ дальше.

На кухнѣ стояла корзина съ чистымъ бѣльемъ. Шалопайчикъ не долго думая улегся въ нее и заснулъ.

Конечно, онъ спалъ бы еще дольше, если бы не пришла хозяйка и не выбросила его въ окно.

Валя Р-ова (12-ти лѣтъ).

СОНЪ ВАНЮШИ.

«Ванюша, что ты зѣваешь? У Пети диковинка, а ужъ какая диковина! Говорятъ, эльфъ!»

— «Я не вѣрю въ эльфовъ», важно отвѣчалъ Ванюша. «даромъ, что моложе васъ. Это бумажная кукла. Васька!» Ванюша сѣлъ и началъ размышлять; классы кончились, а у него по ариѳметикѣ тройка съ минусомъ, по русски четыре, по исторіи тройка, по нѣмецки два.

Между тѣмъ въ узкомъ душномъ корридорѣ шумѣли, толпились, кричали. Сквозь шумъ слышался чей-то плачъ. Ванюша не выдержалъ. Можетъ быть, кукла фарфоровая, можетъ быть... Онъ стремглавъ бросился въ корридоръ, боясь прозѣвать тайну. Побѣжавъ за толпой мальчиковъ, Ванюша увидѣлъ ихъ въ передней и вошелъ самъ туда.

Петя вынулъ ключъ, заперъ и сказалъ: «теперь покажу вамъ эту диковинку. Я вышелъ рано въ школу, шелъ дубовымъ лѣсомъ, думалъ погулять въ Петровскомъ предмѣстьѣ. Солнышко грѣло, почки распускались, чудо какъ хорошо! Вдругъ вижу: у ручья лежитъ эльфикъ, такой изящный и милый, личико такое нѣжное, счастливое. Я его посадилъ въ пеналъ, но едва онъ тамъ очутился, какъ проснулся и началъ ревѣть».

«Но гдѣ онъ? Гдѣ онъ?» — «Онъ съ крыльями?» — «Онъ съ кудрями?» — «Онъ плачетъ, говоришь ты?» — «Онъ смѣется?»

— «Но по моему это все сказки», важно сопѣлъ Ванюша.

— «Что? Вотъ онъ, смотрите!»

И Петя вытащилъ изъ ранца маленькій деревянный пеналъ съ деревянной крышкой. Всѣ глаза устремились на него, всѣ затолкались, заорали, затопали. Въ пеналѣ метался крошечный нѣжный эльфикъ, не больше Ванюшинаго пальца, и совершенно голый. Легкія крылышки красовались у него за спиной; личико такое нѣжное и грустное, что всякій былъ бы тронутъ. Онъ напрасно царапалъ твердыя стѣнки пенала, напрасно билъ стекло — освобожденія не было. Слезы не переставая катились изъ его голубыхъ глазъ; онъ отчаянно рвалъ золотыя кудряшки...

— «Танцуй»! повелительно скомандовалъ Петя. «Танцуй свои эльфиные танцы»! Эльфикъ обвелъ умоляющимъ взоромъ и, не видя на лицѣ мальчиковъ ничего, кромѣ жадности и любопытсва, упалъ на дно пенала и зарыдалъ еще громче.

— «Что-жъ ты ревешь? Танцуй же! Ну!»

— «О, дайте мнѣ хоть разъ полетать! Дайте посмотрѣть на небо! Мнѣ душно тутъ, мнѣ жарко»! всхлипывалъ эльфъ.

— «Вотъ еще выдумалъ! Нѣтъ, братецъ, сиди тутъ смирно! Не смѣй больше ревѣть!... Не кричи!»

Ванюша, протолкавшись сквозь толпу, хо-

тѣлъ стащить пеналъ, но Петя зорко слѣдилъ за нимъ. Мальчики волновались...

— «Танцуй или ной, слышишь, плакса ты эдакій! Не кричать мнѣ! Да знаешь, что я могу тебѣ крылья отрѣзать!» — кричалъ Ванюша.

— «Сжальтесь надо мной! Дайте мнѣ хоть разъ увидѣться съ сильфидой! Я вчера имѣлъ свиданіе съ нею: она меня поцѣловала! Я такъ сладко заснулъ, когда она ушла! Мнѣ было такъ хорошо! Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня поймали»!

— «Это что за фокусы такіе? Смотри, вотъ ножницы! Видишь! Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, будешь ты слушаться меня или нѣтъ?»

— «Дайте мнѣ хоть одну минуту хоть одинъ моментъ вылетѣть изъ этой клѣтки! Мнѣ дурно тутъ! Воздуха дайте мнѣ, воздуха»!

Ванюша вынулъ изъ кармана маленькія ножницы и просунулъ въ пеналъ, придерживая крышку... Мальчики молчали. Эльфъ рыдалъ, метаясь въ пеналѣ.

— «Откройте! Что вы тутъ дѣлаете? Кто это плачетъ»? — раздался вдругъ громовый голосъ за спиной Ванюши.

Вася торопливо отперъ дверь, и Петя уже раскрылъ ротъ, чтобы похвалить свою находку, когда здоровый пинокъ сшибъ его съ ногъ.

— «Низкіе мальчики! Какъ это вы можете мучить это маленькое беззащитное существо! Я стоялъ за дверью, все слышалъ. Если...»

— «Что?! Наши дѣла подслушивать? Намъ мораль читать! Негодяй»! — «Дуракъ второго класса!» «Эльфъ мой, мой, мой! и я дѣлаю съ нимъ что хочу! Убирайся-ка подобру по-здорову домой»!—«Дурень! Философъ»! — кричали мальчишки; толчки, пинки сыпались дождемъ на защитника эльфа. Онъ былъ одинъ, а ихъ пятьдесятъ! Въ одно мгновеніе онъ очутился за дверью и ругательства посыпались ему вслѣдъ.

— «А и впрямь крылья рѣзать ему не слѣдуетъ. Безъ крыльевъ онъ танцовать не сумѣетъ».

— «Вѣрно».

— «Надо ему сказать, что если онъ танцовать не будетъ, мы его сильфиду утопимъ.»

— «Да ну, онъ не говоритъ. Надо его поколотить». — «Да нѣтъ, надо его попросить хорошенько»...

Несчастный эльфикъ увидѣлъ, что послѣдняя возможность освобожденія пропала. Вѣдь Ванюша прежде, чѣмъ пойти помогать товарищамъ вытолкнуть защитника его жертвы, снова заперъ пеналъ. Эльфъ началъ судорожно метаться по пеналу, рвалъ волосы и отчаянно рыдалъ:рыдалъ все тише и тише, пока не упалъ безъ чувствъ на дно пенала.

— «Слышишь, онъ больше не кричитъ. — Авось успокоился?» Ванюша бросился къ пеналу, отперъ его и, вынувъ эльфика, неподвижно лежавшаго, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.«Что? Какъ? Неужели онъ умеръ?»—въ ужасѣ закричалъ Ванюша.

— «Умеръ, къ несчастью. Во всякомъ случаѣ онъ тебѣ не достался», мрачно отвѣчалъ Петя.

Мальчики замолчали. Они смотрѣли на заплаканные глаза эльфа, на растрепанныя кудри, на слѣды ударовъ о стѣнки пенала, на личико, на которомъ лежала печать ужасныхъ страданій. Имъ стало стыдно, страшно. Они были виноваты въ этомъ....

Ванюша сидѣлъ, погруженный въ тоску и въ угрызенія совѣсти. Онъ чуть не отрѣзалъ эльфу крылышки!

Онъ уронилъ голову на руки и зарыдалъ.

Вдругъ громкій звонъ разбудилъ его. Онъ открылъ глаза. Онъ былъ въ своей кровати, а на столѣ звонилъ будильникъ. Ванюша свободно вздохнулъ. — «Значитъ, всего этого не было!» — воскликнулъ онъ и побѣжалъ одѣваться.

Маня Р. (10-ти лѣтъ).

Въ помощь русскимъ дѣтямъ.

Редакція журнала «Зеленая Палочка» считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ «Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ», въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ.*
Александръ Ивановичъ *Купринъ.*
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ.*

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи:

31, Rue de Richelieu, PARIS (Ier)
(Métro : Palais-Royal)

а также почтовыми переводами.

Поступили пожертвованія: отъ Анатолія и Виктора В. — 25 фр.; отъ Тараса Войтиченко — 50 фр.; *итого:* съ прежде поступившими 940 франками — всего 1015 франковъ.

Запаздываніе въ выходѣ предшествующихъ номеровъ журнала происходило исключительно по винѣ прежней типографіи.

Въ настоящее время журналъ „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА“ печатается въ новой типографіи (Типографія „Земгора“).

Редакторъ: А. П. Шполянскій (Донъ-Аминадо). *Издатель:* Русское Книгоиздательство въ Парижѣ «Сѣверъ».

Le gérant : HAMBOURG. Imprimerie «ZEMGOR», 216, boulevard Raspail.

PRIX : 5 FRANCS

№ 1

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

ПАРИЖЪ

1921

«LA BAGUETTE VERTE»
Revue bi-mensuelle.

II-ой ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

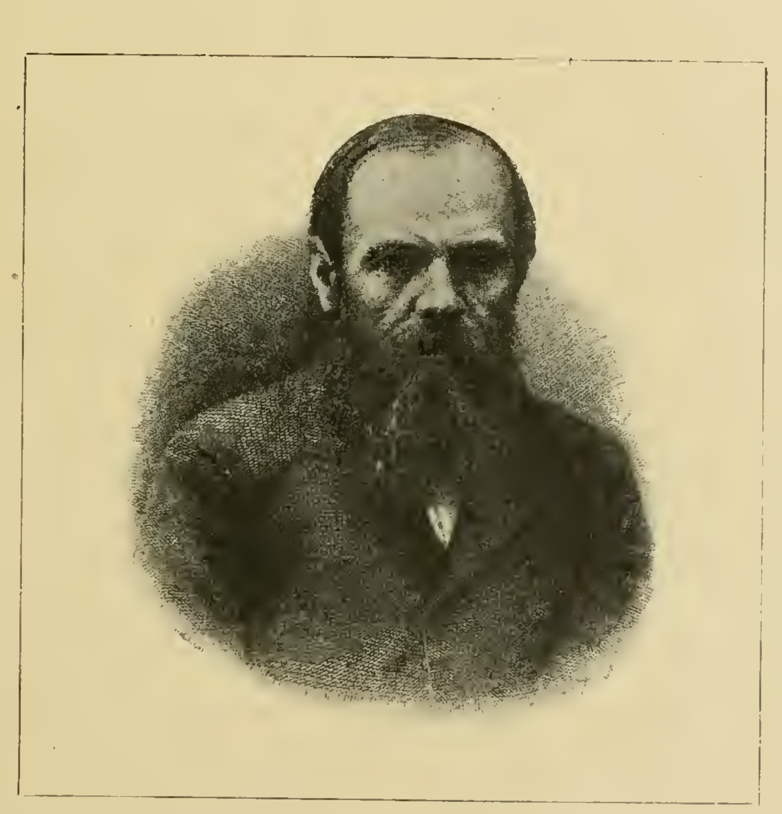
Зеленая Палочка

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 1 (7)

1-15 Января 1921 г. Годъ изданія второй.
Редакція и контора: 31, rue de Richelieu, Paris (Ier)
ПАРИЖЪ.

№ 1 (7)

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

НА этихъ дняхъ исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти Ѳедора Михайловича Достоевскаго, замѣчательнаго русскаго писателя.

Одни писатели больше пишутъ про внѣшнюю жизнь, про то, какъ кто коротаетъ свой вѣкъ, какіе съ каждымъ бываютъ смѣшные и несчастные случаи, какая у кого въ домѣ мебель, и еще — про деревья, про звѣзды, про соловья.

Другіе писатели, самые чуткіе и талантливые, пишутъ больше про человѣческую душу, про горести ея и радости, про то, какъ и почему Иванъ Петровичъ вдругъ взялъ и сдѣлался героемъ, а Настасья Ильинишна понапрасну сгубила свою жизнь.

Такіе писатели называются психологами, отъ греческаго слова «психэ», душа.

Достоевскій былъ величайшимъ писателемъ-психологомъ. Кромѣ Толстого, другого такого геніальнаго писателя у насъ въ Россіи, да и въ Европѣ, не было за все прошлое столѣтіе.

Достоевскій больше всего любилъ показывать, объяснять и разгадывать самыя необыкновенныя исторіи, какія случаются съ бѣдной человѣческой душой.

Таковы его романы — «Братья Карамазовы», «Идіотъ», «Преступленіе и Наказаніе».

Само собою разумѣется, что романы эти написаны больше для взрослыхъ, даже для очень взрослыхъ людей.

Но у Достоевскаго были необыкновенно прозорливые глаза, которые проникали повсюду. Онъ, какъ никто, умѣлъ описать все, что происходитъ и въ самой простой, безхитростной дѣтской душѣ. Говорятъ, это иногда труднѣе всего.

Разсказы про «Неточку Незванову», про «Мальчика у Христа на елкѣ» и многія другія произведенія Достоевскаго открываютъ предъ нами самое дно, самое донышко дѣтской души. Точно это написалъ не большой бородатый господинъ съ угрюмыми глазами, а—сами дѣти о дѣтяхъ, о своихъ потайныхъ тайнахъ, о томъ, что имъ снится и думается.

Оттого Достоевскаго такъ чтитъ весь взрослый міръ и такъ любятъ, или должны-бы любить, дѣти.

САПСАНЪ.

РАЗСКАЗЪ А. И. КУПРИНА.

Я Сапсанъ Тридцать Шестой — большой и сильный песъ рѣдкой породы, красно-песочной масти, четырехъ лѣтъ отъ роду, и вѣшу около шести съ половиной пудовъ. Прошлой весной въ чужомъ огромномъ сараѣ, гдѣ насъ, собакъ, было заперто немного больше, чѣмъ семь (дальше я не умѣю считать), мнѣ повѣсили на шею тяжелую желтую лепешку, и всѣ меня хвалили.

Однако, лепешка ничѣмъ не пахла.

* * *

Я меделянъ. Другъ хозяина увѣряетъ, что это названіе испорчено. Надо говорить «недѣлянъ». Въ глубокую старину для народа, разъ въ недѣлю, устраивалась потѣха: стравливали медвѣдей съ сильными собаками. Отсюда и слово. Мой пращуръ, Сапсанъ II, въ присутствіи грознаго царя Іоанна IV, взявъ медвѣдя-стервятника «по мѣсту» за горло, бросилъ его на землю, гдѣ онъ и былъ приколотъ главнымъ царскимъ псаремъ. Въ честь и память его лучшіе изъ моихъ предковъ носили имя Сапсана. Такой родословной могутъ похвастаться немногіе жалованные графы. Съ потомками древнихъ человѣческихъ фамилій меня сближаетъ то, что кровь наша, по мнѣнію знающихъ людей, голубого цвѣта. Названіе же Сапсанъ — киргизское, и значитъ оно — ястребъ.

* * *

Первое во всемъ мірѣ существо — Хозяинъ. Я вовсе не рабъ его, даже не слуга, и не сторожъ, какъ думаютъ иные, а другъ и покровитель. Люди, эти ходящіе на заднихъ лапахъ, голыя, носящія чужія шкуры животныя, до смѣшного неловки и беззащитны. Но за то они обладаютъ какимъ-то непонятнымъ для насъ, чудеснымъ и немного страшнымъ могуществомъ, а больше всѣхъ — Хозяинъ. Я люблю въ немъ эту странную власть, а онъ цѣнитъ во мнѣ силу, ловкость, отвагу и умъ. Такъ мы и живемъ.

* * *

Хозяинъ честолюбивъ. Когда мы съ нимъ идемъ рядомъ по улицѣ — я у его правой ноги — за нами всегда слышатся лестныя замѣчанія: «Вотъ такъ собачище... цѣлый левъ... какая чудная морда», и т.д. Ни однимъ движеніемъ я не даю Хозяину понять, что слышу эти похвалы и что знаю, къ кому онѣ относятся. Но я чувствую, какъ мнѣ по невидимымъ нитямъ передается его смѣшная, наивная, гордая радость. Чудакъ. Пусть тѣшится. Мнѣ онъ еще милѣе со своими маленькими слабостями.

* * *

Я силенъ. Я сильнѣе всѣхъ собакъ на свѣтѣ. Онѣ это узнаютъ еще издали, по моему запаху, по виду, по взгляду. Я же на разстояніи вижу ихъ души, лежащими предо мною на спинахъ, съ лапами, поднятыми вверхъ. Строгія правила собачьяго единоборства воспрещаютъ мнѣ трогать сдавшагося, и я не нахожу себѣ достойнаго соперника для хорошей драки... А какъ иногда хочется... Впрочемъ, большой тигровый догъ, съ сосѣдней улицы, совсѣмъ пересталъ выходить изъ дома послѣ того, какъ я его проучилъ за невѣжливость. Проходя мимо забора, за которымъ онъ жилъ, я теперь уже не чую его запаха, и никогда не слышу издали его лая.

Люди не то. Они всегда давятъ слабаго. Даже Хозяинъ, самый добрый изъ людей, иногда такъ бьетъ — вовсе не громкими, но жестокими — словами другихъ, маленькихъ и трусливыхъ, что мнѣ становится стыдно и

жалко. Я тихонько тычу его въ руку носомъ, но онъ не понимаетъ и отмахивается

***

Мы, собаки, въ смыслѣ угадыванія мыслей, въ семь и еще много разъ тоньше людей. Людямъ, чтобы понимать другъ друга, нужны внѣшнія отличія, слова, измѣненія голоса, взгляды и прикосновенія. Я же познаю ихъ души просто, однимъ внутреннимъ чутьемъ. Я чувствую тайными, невѣдомыми, дрожащими путями, какъ ихъ души краснѣютъ, блѣднѣютъ, трепещутъ, завидуютъ, любятъ, ненавидятъ. Когда Хозяина нѣтъ дома, я издали знаю: счастье или несчастье постигло его, и я радуюсь или грущу.

***

Говорятъ про насъ: такая-то собака добра, такая-то зла. Нѣтъ. Золъ или добръ, храбръ или трусливъ, щедръ или скупъ, довѣрчивъ или скрытенъ бываетъ только человѣкъ. А по нему и собаки, живущія съ нимъ подъ одной кровлей.

***

Я позволяю людямъ гладить себя. Но я предпочитаю, если мнѣ протягиваютъ сначала открытую ладонь. Лапу когтями вверхъ я не люблю. Многолѣтній собачій опытъ учитъ, что въ ней можетъ таиться камень. (Меньшая дочка Хозяина, моя любимица, не можетъ выговорить «камень», а говоритъ «кабинъ»). Камень вещь, которая летитъ далеко, попадаетъ мѣтко и ударяетъ больно. Это я видѣлъ на другихъ собакахъ. Понятно, въ меня никто не осмѣлится швырнуть камнемъ.

***

Какія глупости говорятъ люди, будто бы собаки не выдерживаютъ человѣческаго взгляда. Я могу глядѣть въ глаза Хозяина хоть цѣлый вечеръ, не отрываясь. Но мы, собаки, отводимъ глаза изъ чувства брезгливости. У большинства людей, даже у молодыхъ, взглядъ усталый, тупой и злой, точно у старыхъ, больныхъ, нервныхъ, избалованныхъ, хрипучихъ

мосекъ. Зато у дѣтей глаза чисты, ясны и довѣрчивы. Когда дѣти ласкаютъ меня, я съ трудомъ удерживаюсь, чтобы не лизнуть кого-нибудь изъ нихъ прямо въ розовую мордочку. Но Хозяинъ не позволяетъ, а иногда даже погрозитъ плеткой. Почему? Не понимаю. Даже и у него есть свои странности.

***

О косточкѣ. Кто же не знаетъ, что это самая увлекательная вещь въ мірѣ. Жилки, внутренность ноздреватая, вкусная, пропитанная мозгомъ. Надъ инымъ занимательнымъ *мосолкомъ* можно охотно потрудиться отъ завтрака до обѣда. И я такъ думаю: кость — всегда кость, хотя бы самая подержаная, а слѣдовательно, ею всегда не поздно позабавиться. И потому зарываю ее въ землю въ саду, или на огородѣ. Кромѣ того, я размышляю: вотъ было на ней мясо и нѣтъ его; почему же, если его нѣтъ, ему снова не быть.

И если кто-нибудь — человѣкъ, кошка или собака — проходитъ мимо мѣста, гдѣ она закопана, я сержусь и рычу. Вдругъ догадаются. Но чаще я самъ забываю мѣсто и тогда долго бываю не въ духѣ.

***

У насъ живетъ въ домѣ пушистая кошка «Катя», необыкновенно важное и дерзкое существо. Она держитъ себя такъ надменно, будто бы весь домъ и все, что въ домѣ — лю-

ди и вещи — принадлежитъ ей. На чужихъ собакъ она всегда бросается первая, вцѣпляясь въ морду. Мы съ ней живемъ дружно. Вечеромъ, когда мнѣ приносятъ мою миску съ овсянкой и костями, я охотно позволяю ей подойти и полакать со мною. Но уговоръ: косточекъ не трогать. И она это хорошо помнитъ послѣ того, какъ однажды я на нее очень громко прикрикнулъ. Однако, играть я съ ней не люблю. Непремѣнно въ игрѣ забудется и оцарапаетъ мнѣ носъ. А этого я терпѣть не могу.

* * *

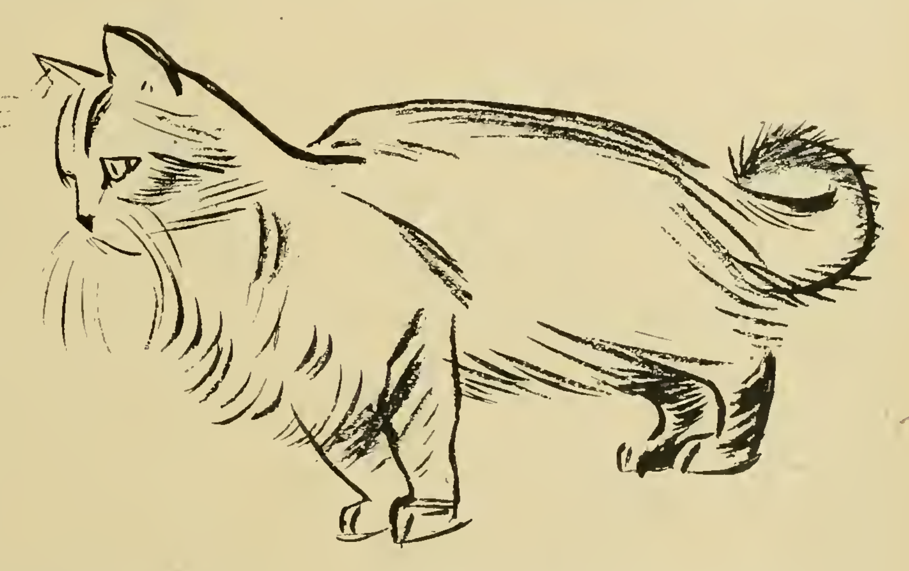
На-дняхъ Маленькая позвала меня къ себѣ, въ дѣтскую, и открыла шкафчикъ. Тамъ на нижней полкѣ лежала на боку наша кошка, и ее сосала цѣлая куча смѣшныхъ слѣпыхъ котятъ. «Правда, Сапсанъ, какія они восторгательные», —сказала мнѣ Маленькая.

Правда. Они мнѣ очень понравились. Двухъ или трехъ я обнюхалъ, лизнулъ и носомъ перевернулъ съ брюшка на спинку. Они пищали точно мышата и были теплые и мягкіе, безпомощные и сердитые. Забезпокоившись, кошка приподняла голову и сказала жалобнымъ голосомъ: «Ахъ, пожалуйста, Сапсанъ, поосторожнѣе, не наступите на нихъ лапой, вы такой большой».

Вотъ глупая. Точно я самъ не знаю.

* * *

Сегодня Хозяинъ взялъ меня въ гости въ домъ, гдѣ мы еще никогда не бывали. Тамъ я увидѣлъ замѣчательное чудо: не щенка, а настоящую взрослую собаку, но такую маленькую, что она свободно помѣстилась бы въ моей закрытой пасти, и тамъ ей еще осталось бы довольно мѣста, чтобы покружиться вокругъ самой себя, прежде чѣмъ лечь. Вся она, со своими тоненькими шаткими ножками и мокрыми выпуклыми черными глазами походила на какого-то трясущагося паучка, но — скажу откровенно — болѣе свирѣпаго созданія я еще никогда не встрѣчалъ. Она съ ожесточеніемъ накинулась на меня и закричала пронзительно: «Вонъ изъ моего дома. Вонъ, сію же минуту. Иначе растерзаю на части. Оторву хвостъ и голову. Вонъ. Отъ тебя улицей пахнетъ». — И она еще прибавила нѣсколько такихъ словъ, что... Я испугался, пробовалъ залѣзть подъ диванъ, но прошла только голова, потомъ я забился въ уголъ. Хозяинъ смѣялся. Я поглядѣлъ на него укоризненно. Онъ вѣдь самъ хорошо знаетъ, что я не отступлю ни передъ лошадью, ни передъ быкомъ, ни передъ медвѣдемъ. Просто — меня поразило и ужаснуло, что этотъ крошечный собачій комочекъ извергаетъ изъ себя такой огромный запасъ злости.

* * *

Послѣ Хозяина всѣхъ ближе моему собачьему сердцу «Маленькая», такъ я зову его доч-

ку. Никому бы кромѣ нея я не простилъ, если бы вздумали таскать меня за хвостъ и за уши, садиться на меня верхомъ, или запрягать въ повозку. Но я все терплю и, притворяясь, повизгиваю, какъ трехмѣсячный щенокъ. И радостно мнѣ бываетъ по вечерамъ лежать неподвижно, когда она, набѣгавшись за день, вдругъ задремлетъ на коврѣ, прикурнувъ головкой у меня на боку. И она, когда мы играемъ, тоже не обижается, если я иногда махну хвостомъ и свалю ее съ ногъ.

Иногда мы съ нею развозимся, и она начинаетъ хохотать. Я это очень люблю, но самъ не умѣю. Тогда я прыгаю вверхъ всѣми четырьмя лапами и лаю громко, какъ только могу. И меня обыкновенно вытаскиваютъ за ошейникъ на улицу. Почему?

* * *

Лѣтомъ былъ такой случай на дачѣ. «Маленькая» еще едва ходила и была препотѣшная. Мы гуляли втроемъ. Она, я и нянька. Вдругъ всѣ заметались — люди и животныя. Посрединѣ улицы мчалась собака, черная, въ бѣлыхъ пятнахъ, съ опущенной головой, съ висячимъ хвостомъ, вся въ пыли и пѣнѣ. Нянька убѣжала, визжа. «Маленькая» сѣла на землю и заплакала. Собака неслась прямо на насъ. И отъ этого пса еще издали сразу повѣяло на меня острымъ запахомъ безумія и безпредѣльно-бѣшеной злобы. Отъ ужаса вся шерсть на мнѣ вздыбилась, но я превозмогъ себя и загородилъ тѣломъ «Маленькую».

Это уже было не единоборство, а смерть одному изъ насъ. Я сжался, выждалъ краткій, точный мигъ и однимъ скачкомъ опрокинулъ пеструю на землю. Потомъ поднялъ за шиворотъ на воздухъ и встряхнулъ. Она легла на землю безъ движенія, плоская и теперь совсѣмъ не страшная. Но «Маленькая» очень перепугалась. Всю дорогу домой она держала меня за ухо и прижималась ко мнѣ, и я чувствовалъ, какъ дрожало ея маленькое тѣльце.

Не бойся, моя «Маленькая». Когда я съ тобой, то ни одинъ звѣрь, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не посмѣетъ тебя обидѣть.

* * *

Не люблю я лунныхъ ночей и мнѣ нестерпимо хочется выть, когда я гляжу на небо. Мнѣ кажется, что оттуда смотритъ кто-то очень большой, больше самого Хозяина, тотъ, кого Хозяинъ такъ непонятно называетъ «Вѣчность» или иначе. Тогда я смутно предчувствую, что и моя жизнь когда-нибудь кончится, какъ кончается жизнь собакъ, жуковъ и растеній. Придетъ ли тогда, передъ концомъ, ко мнѣ Хозяинъ? Я не знаю. Я бы очень этого хотѣлъ. Но даже, если онъ и не придетъ, — моя послѣдняя мысль все-таки будетъ о немъ.

А. Купринъ.

ВЪ САДУ.

СТИХИ САШИ ЧЕРНАГО.

I.

ЯБЛОКИ.

На рогатинахъ корявыхъ вѣтви грузныя лежатъ.
Гроздья яблокъ навѣсаютъ, какъ гигантскій виноградъ...
Ихъ весь день румянитъ солнце, обвѣваетъ вѣтерокъ,
И надъ ними сонно вьется одурѣвшій мотылекъ.
А внизу скосили травы, сохнетъ блескъ густыхъ рядовъ,
И встревоженныя пчелы ищутъ, жалуясь, цвѣтовъ...
Сколько яблокъ! Въ темныхъ листьяхъ сквозь узлы тугихъ сѣтей
Эти — ярче помидоровъ, тѣ — лимоновъ золотѣй.
Подойдешь къ тяжелой вѣткѣ и, зажмуривши глаза,
Духъ ихъ радостный вдыхаешь, какъ хмельная стрекоза...
Посмотри! Изъ подъ забора поросята влѣзли въ садъ —
Приманилъ и ихъ, какъ видно, духовитый ароматъ:
Оглянулись вправо-влѣво, какъ бы не было бѣды,
И накинулись гурьбою на опавшіе плоды.
Ходятъ ноги, ходятъ уши, ходятъ хвостики винтомъ,
А взволнованная кошка притаилась за кустомъ...
Непонятно ей и странно: развѣ яблоки ѣда?
Въ синемъ небѣ сонно таетъ бѣлоснѣжная гряда.
И до самаго забора, до лохматой бузины,
Гроздья яблокъ расцвѣтили тѣнь зеленой глубины.
Пахнетъ осенью и медомъ, пахнетъ яблочнымъ виномъ.
Пѣтушекъ веселымъ басомъ распѣваетъ за гумномъ...

2.

ПРУДЪ.

Зелененькою ряскою
Покрыта гладь пруда.
Подъ зыбкою замазкою
Качается вода...

У берега — метелочка
Густого тростника,
А на бугрѣ двѣ елочки
Сквозятъ издалека.

Въ прудѣ колода дряхлая
Спитъ кверху животомъ.
Склонилась ива чахлая
Взлохмаченнымъ кустомъ...

Кра-кра! Плывутъ отъ берега
Утята-малыши, —
Съ лягушками — истерика,
Удрали въ камыши...

И только жаба важная,
Какъ будто напоказъ,
Дородная и влажная,
Изъ тины пучитъ глазъ.

Въ водѣ бѣгутъ пузырики,
Проснулись тростники,
И въ сердцѣ, полномъ лирики,
Рождаются стишки...

3.

ШАЛАШИКЪ.

Это шалашикъ дѣда Егора.
Вонъ его свитка лежитъ на золѣ.
Скоро придетъ онъ съ лукошкомъ изъ бора,
Будетъ грибы разбирать на землѣ.
Сохнутъ на жерди густыя охапки —
Передъ покоемъ дѣдъ тминъ обобралъ.
Палкой пучки обмолотитъ на тряпкѣ,
Свѣетъ, а сѣмя въ мѣшечекъ.—Видалъ?..
Вотъ чугунокъ съ оттопыреннымъ ухомъ...
Сваритъ дѣдъ кашу, до капельки съѣстъ.
Свѣжее сѣно покажется пухомъ —
Ляжетъ, закуритъ, посмотритъ окрестъ...
Вечеромъ, чуть пропадетъ за оврагомъ
Соннаго солнца цвѣтной ободокъ,
Вспыхнетъ костеръ яркорозовымъ флагомъ
И озаритъ задремавшій прудокъ.
Къ спящему саду наставитъ дѣдъ уши
И загремитъ въ темноту: «Ого-го!»
Вынетъ изъ пепла шипящія груши,
Дунетъ — и въ ротъ. «Горячо?» — «Ничего!»...

Саша Черный.

Приключенія Миши Шишмарева.

Повѣсть Александра Яблоновскаго.

I.

На внѣшнемъ одесскомъ рейдѣ, среди сотни пароходовъ съ русскими бѣженцами, уже добрый часъ бѣгалъ нарядный, бѣленькій катерокъ подъ англійскимъ флагомъ.

Катерокъ казался маленькимъ мальчикомъ среди тяжелыхъ, угрюмыхъ броненосцевъ и океанскихъ пароходовъ-чудовищъ.

Весело, точно радуясь первому весеннему солнцу, онъ взбирался на широкую грудь волны и, попыхивая сзади синимъ дымкомъ, проваливался затѣмъ внизъ, въ зеленую водяную бездну.

На кормѣ катерка, у руля, сидѣлъ сухой и прямой, какъ палка, англійскій офицеръ, еще молодой человѣкъ, съ красивымъ, загорѣлымъ лицомъ и съ потухшей трубочкой въ углу бритаго рта.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ другой офицеръ съ простымъ,курносымъ лицомъ, въ русской морской формѣ, а на бакѣ и у машины работало нѣсколько человѣкъ англійскихъ матросовъ, — такихъ худощавыхъ, безусыхъ и юныхъ, что ихъ можно было принять за переодѣтыхъ мальчиковъ-подростковъ.

Катерокъ далъ малый ходъ и причалилъ къ борту исполинскаго чернаго парохода съ надписью «Николай». И тотчасъ-же русскій офицеръ проворно и ловко перебѣжалъ на носъ и, держась рукой за плечо матроса, сталъ кричать пассажирамъ, которые съ любопытствомъ перевѣсились черезъ бортъ:

— Господа! Нѣтъ-ли среди васъ мальчика, Миши Шишмарева? Пропалъ мальчикъ, отбился отъ матери, и мы его теперь ищемъ. Миша Шишмаревъ, семи лѣтъ.

На пароходѣ, среди пассажировъ, стали окликать мужскіе и женскіе голоса:

— Мальчикъ Миша. Миша Шишмаревъ. Пропалъ мальчикъ. Миша!.. Выходи!.. Шишмаревъ!

Минутъ пять по всѣмъ палубамъ и по трюмамъ неслись эти крики. Наконецъ, какой-то толстый человѣкъ въ бархатномъ, ушастомъ картузѣ перевѣсился черезъ бортъ и прокричалъ:

— Не слыхать такого, господинъ офицеръ. Должно, гдѣ на другомъ пароходѣ окажется... А скажите, сдѣлайте милость, какъ въ городѣ: вошли уже непріятели-то?

— Нѣтъ еще.

— А скоро-ли мы тронемся?

— Не знаю!

— Господи! Да мы третьи сутки здѣсь стоимъ и безъ хлѣба!.. Сдѣлайте божескую милость!..

Англійскій офицеръ одной бровью чуть-чуть мигнулъ матросу, и катерокъ опять побѣжалъ на волну и опять сталъ поплевывать сзади синимъ дымкомъ и помахивать кормовымъ флагомъ. А съ парохода вдогонку ему все неслись басы, тенора и контральто:

— Правда-ли, что мы ночью уйдемъ?

— А куда насъ повезутъ?

— А отчего нѣту хлѣба?

— Это безобразіе!

Но никто съ катера не отвѣчалъ на этотъ дождь безполезныхъ вопросовъ, и черезъ пять минутъ, ныряя среди волнъ, нарядный катерокъ уже опять подбѣжалъ къ другому пароходу — на этотъ разъ къ греческому угольщику, опять далъ малый ходъ.

— Господа! Нѣтъ-ли среди васъ мальчика, Миши Шишмарева?

Офицеръ снова объяснилъ пассажирамъ въ чемъ дѣло, и по пароходу снова, какъ огоньки по соломѣ, побѣжали мужскіе, женскіе и дѣтскіе голоса:

— Миша Шишмаревъ. Шишмаревъ Миша... Мальчикъ Миша... Пропалъ. Ищутъ мальчика.

Голоса пробѣжали по палубѣ, перепрыгнули въ каютъ-компанію, спустились въ трюмъ, но отклика все не было.

Русскій офицеръ уже замѣтно сталъ нервничать. — Это уже одиннадцатый пароходъ мы спрашиваемъ.

Но англійскій офицеръ былъ по-прежнему совершенно непроницаемъ и невозмутимъ. Глядя на его сухое, бритое лицо, можно было подумать, что онъ уже давно, мѣсяца три ни съ кѣмъ не говорилъ, и что онъ не скажетъ слова и еще мѣсяцевъ шесть, потому что, въ сущности, ничего значительнаго и ничего интереснаго на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ.

— Нѣтъ вообще ничего: никакого мальчика Миши, никакой русской революціи и никакихъ русскихъ бѣженцевъ, а есть вотъ только трубочка въ зубахъ, которая къ сожалѣнію потухла. Но, если мигнуть матросу, то онъ, конечно, догадается, что въ такихъ случаяхъ надо зажечь спичку. И англійскій офицеръ такъ и сдѣлалъ. Угломъ бритаго рта онъ сдѣлалъ гримасу, и матросъ тотчасъ-же догадался и далъ огня.

А на пароходѣ между тѣмъ все неслись крики.

Крики то потухали, то снова разгорались, пока, наконецъ, сверху не послышался густой, женскій голосъ:

— Нѣту тутъ такого!.. Весь пароходъ окричали — нѣту!

Но едва смолкъ этотъ женскій голосъ, какъ черезъ бортъ перевѣсилось заплаканное, грязное лицо мальчика въ сѣрой мѣховой шапкѣ и послышался дѣтскій шепелявый басъ:

— Я здѣсь!..

Русскій офицеръ, однимъ прыжкомъ, поспѣшно и даже радостно вскочилъ на пароходный трапъ и побѣжалъ вверхъ за мальчикомъ. А англичанинъ опять сдѣлалъ какое-то движеніе бровями, и англійскій матросъ снова угадалъ его мысли и тоже съ ловкостью обезьяны побѣжалъ по трапу, чтобы помочь при посадкѣ.

Черезъ двѣ минуты, на этой висячей, узенькой и колеблющейся, пароходной лѣсенкѣ показалось цѣлое шествіе.

Впереди, крѣпко прижавъ къ животу бѣленькаго фокстерьера, шелъ и тихо плакалъ Миша. Изъ осторожности онъ выступалъ все съ одной лѣвой ноги, такъ какъ былъ одѣтъ въ очень длинное гимназическое пальто, которое подметало за нимъ ступеньки, и такъ какъ испуганная собачка все время тихо взвизгивала, лизала его въ лицо и въ губы.

За мальчикомъ, сильно держа его за рукавъ, слѣдовалъ офицеръ, а за офицеромъ, какъ акробатъ, легко и красиво сбѣгалъ матросъ, держа въ рукахъ мишинъ багажъ: чемоданчикъ и большую, мамину коробку изъ-подъ шляпы съ надписью: « Gallerie Lafayette ».

Когда Миша, все еще прижимая къ животу собачку, сидѣлъ въ катерѣ, съ парохода ему махали руками и шутливо кричали:

— Кланяйся мамашѣ, путешественникъ!

— Да смотри опять не угоди на чужой пароходъ!

А какой-то отставной полковникъ, съ желчнымъ лицомъ и съ гигантскими подусниками, прохрипѣлъ простуженнымъ басомъ:

— Выпороть, выпороть надо мальчишку, чтобы не терялся! Ахъ, какъ надо выдрать!

Но полковникъ не договорилъ, потому что какъ разъ въ это время въ морѣ случилось что-то необыкновенное. Казалось, что

лопнуло пополамъ небо или раскололась на-двое земля, и огромный, полный, необыкновенно красивый звукъ загудѣлъ по морю и наполнилъ собою все: и море, и небо, и землю.

Это сосѣднiй французскiй броненосецъ выстрѣлилъ изъ тяжелаго морского орудiя по далекой дорогѣ, гдѣ шло наступленiе.

Миша нисколько не испугался, но только радостно изумился и выронилъ на полъ собачку.

А звукъ все еще катался по морю, какъ огромный, исполинскiй шаръ. Онъ грохоталъ, гремѣлъ, ударялся въ высокiе берега и снова откатывался въ море и снова грохоталъ и гудѣлъ и будилъ кругомъ могучее эхо.

Миша искоса взглянулъ на русскаго офицера и шопотомъ застѣнчиво спросилъ:

— Это двѣнадцати-дюймовка?

Офицеръ улыбнулся.

— Она!

— Здорово шарахнула!

— Да. И не дай Богъ, если въ глазъ попадетъ!

Въ тонѣ офицера прозвучала, однако, какая-то нервная, слишкомъ веселая нотка. Повидимому, онъ ждалъ морского боя и насторожился.

Насторожились и матросы.

И только англiйскiй офицеръ былъ попрежнему непроницаемъ. Онъ даже не повернулъ головы въ сторону выстрѣла, даже не повелъ бровью, такъ что, глядя на эти свѣтлые, британскiе глаза и на эту трубку, которая, казалось, приросла въ углу его бритыхъ губъ, всякiй невольно подумалъ бы:

— Да, можетъ быть, черезъ шесть-семь мѣсяцевъ онъ и заговоритъ. Но, можетъ быть, и не заговоритъ...

А катеръ, между тѣмъ, все взбѣгалъ съ горки на горку. Ловко, легко, свободно онъ огибалъ пароходы, крейсера, броненосцы, и казалось, что онъ рѣзвится среди этой массы судовъ, до верху наполненныхъ русскими бѣглецами.

Мишѣ очень нравилось качаться такъ на волнахъ и носиться по рейду вольной птицей.

Слезы уже высохли на испачканномъ лицѣ мальчика, и онъ съ жадностью, не сводя блестящихъ глазъ, смотрѣлъ на длинныя, какъ вытянутый хоботъ, жерла морскихъ пушекъ.

Хотѣлось спросить у русскаго офицера сразу о тысячахъ предметовъ:

— Почему пушки въ чехлахъ? Почему выкрашены подъ цвѣтъ крейсеровъ? Сколько пушекъ на броненосцѣ и сколько на крейсерѣ? И неужели больше ни разу не бабахнетъ? Эхъ, кабы еще хоть разочекъ!

Но пока Миша колебался и обдумывалъ, можно-ли со всѣмъ этимъ обратиться къ русскому офицеру, — офицеръ самъ обратился къ нему:

— Вонъ, видишь, бѣлый большой пароходъ подъ англiйскимъ флагомъ. Тамъ тебя мама ждетъ. Должно быть, плачетъ, бѣдная! И какъ это, братецъ, тебя угораздило потеряться?

— Но это совсѣмъ не я, это мама нечаянно потерялась... Я совсѣмъ не терялся. Мнѣ сказали: возьми Бойчика и садись на телѣгу. Я и сѣлъ. А потомъ на пристани, матросъ меня снялъ и посадилъ въ лодку... Мы и поѣхали съ Бойчикомъ, а мама потерялась...

Мишѣ еще очень хотѣлось прибавить, что это уже не въ первый разъ мама теряется, но онъ постыдился и вмѣсто того спросилъ:

— А она очень плакала?

— Очень. Страшно плакала... Просила англiйскаго адмирала розыскать тебя, вотъ мы и искали.

Мишѣ стало вдругъ нестерпимо, до слезъ жалко маму. Онъ насупился, захныкалъ и, дергая носомъ, сказалъ своимъ шепелявымъ басомъ:

— Вотъ такъ она всегда: потеряется, а потомъ плачетъ.

Черезъ десять минутъ, Миша, опять съ Бойчикомъ на рукахъ, уже всходилъ по трапу на англійскій пароходъ.

Еще молодая, красивая женщина, вся въ слезахъ, такъ и накинулась на него. Она прижимала Мишу къ груди, осыпала упреками и поцѣлуями, она и плакала и смѣялась и едва-ли помнила, что говорила:

— Что ты надѣлалъ, скверный мальчишка... голубчикъ мой!.. Тебя надо высѣчь!.. Какъ ты меня напугалъ, мой мальчикъ, мой родной!.. Ахъ, какъ я вамъ благодарна, господинъ офицеръ!.. Бойчикъ, да пошелъ-же вонъ!.. Какъ безконечно я вамъ благодарна!..

Русскій офицеръ, который вмѣстѣ съ Мишей поднялся на палубу, былъ видимо польщенъ и вниманіемъ столпившихся пассажировъ, и этой горячей, страстной благодарностью матери.

Онъ улыбался, охорашивался, расшаркивался и все твердилъ:

— Ради Бога, сударыня... какіе пустяки!.. Ради Бога... что вы-съ!..

Но мишина мама уже не слушала его. Она кинулась къ борту парохода и, перегнувшись, закричала по-англійски молчаливому англійскому офицеру:

— О, какъ я вамъ благодарна, дорогой сэръ! Какъ безмѣрно, отъ всей души, я вамъ благодарна!..

На этотъ разъ молчаливый офицеръ былъ поставленъ въ тяжелое положеніе. Съ нимъ говорила лэди, говорила на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, въ глазахъ ея блестѣли слезы. Промолчать и теперь было-бы неучтиво, но и говорить — было совершенно противъ обыкновенія. И потому офицеръ выбралъ золотую середину. Онъ очень вѣжливо привсталъ, вынулъ изо рта трубку и почтительно снялъ передъ лэди фуражку. На одно мгновеніе показалось даже, что его бритыя губы какъ будто раздвинулись и что онъ произнесъ что-то въ родѣ: «all right!» Но, можетъ быть, это только показалось, потому что черезъ минуту маленькій, щегольской катерокъ уже опять несся по волнамъ, и англичанинъ снова сидѣлъ на кормѣ въ своей британской позѣ: — невозмутимый, сухой, ровный, какъ палка, съ непроницаемымъ лицомъ и съ забытой трубочкой въ углу бритыхъ, тонкихъ губъ...

Александръ Яблоновскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ.

Изъ дневника Эрнеста Шэкльтона.

Переводъ съ англ. Л. Б.

Когда начиналась война, Эрнестъ Шэкльтонъ, знаменитый англійскій путешественникъ, прославившійся своей экспедиціей на Южный полюсъ, отправился вторично въ полярныя моря. На этотъ разъ онъ намѣревался изучить всѣ части полярнаго материка. Къ несчастью, обиліе ледяныхъ горъ и огромное количество сплошного льда мѣшали экспедиціи высадиться на материкъ — и, начиная съ января 1915 года, судно Шэкльтона было заперто среди огромныхъ льдинъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, судно было разбито невѣроятнымъ давленіемъ льда. Шэкльтонъ и его спутники, — всѣхъ ихъ было 28 человѣкъ, — очутились на плавучихъ льдинахъ, уносившихъ ихъ къ сѣверо-западу.

Въ апрѣлѣ 1916 г. убѣжищемъ изслѣдователей служилъ лишь небольшой ледяной островокъ, грозившій раздробиться. Къ счастью, они находились недалеко отъ Слоноваго острова.

Шэкльтонъ рѣшилъ добраться до этого острова на трехъ оставшихся лодкахъ; назывались эти лодки: «Дэдли-Докеръ», «Стэнкомъ-Уилсъ» и «Джемсъ-Кердъ». Послѣ нѣсколькихъ дней тяжелаго плаванія изслѣдователи причалили къ Слоновому острову.

Разсказъ Шэкльтона передаетъ тѣ волнующія переживанія, которыя выпали на долю смѣлыхъ путешественниковъ во время ихъ пребыванія на островѣ и опаснаго 16-ти дневнаго переѣзда вслѣдъ за тѣмъ.

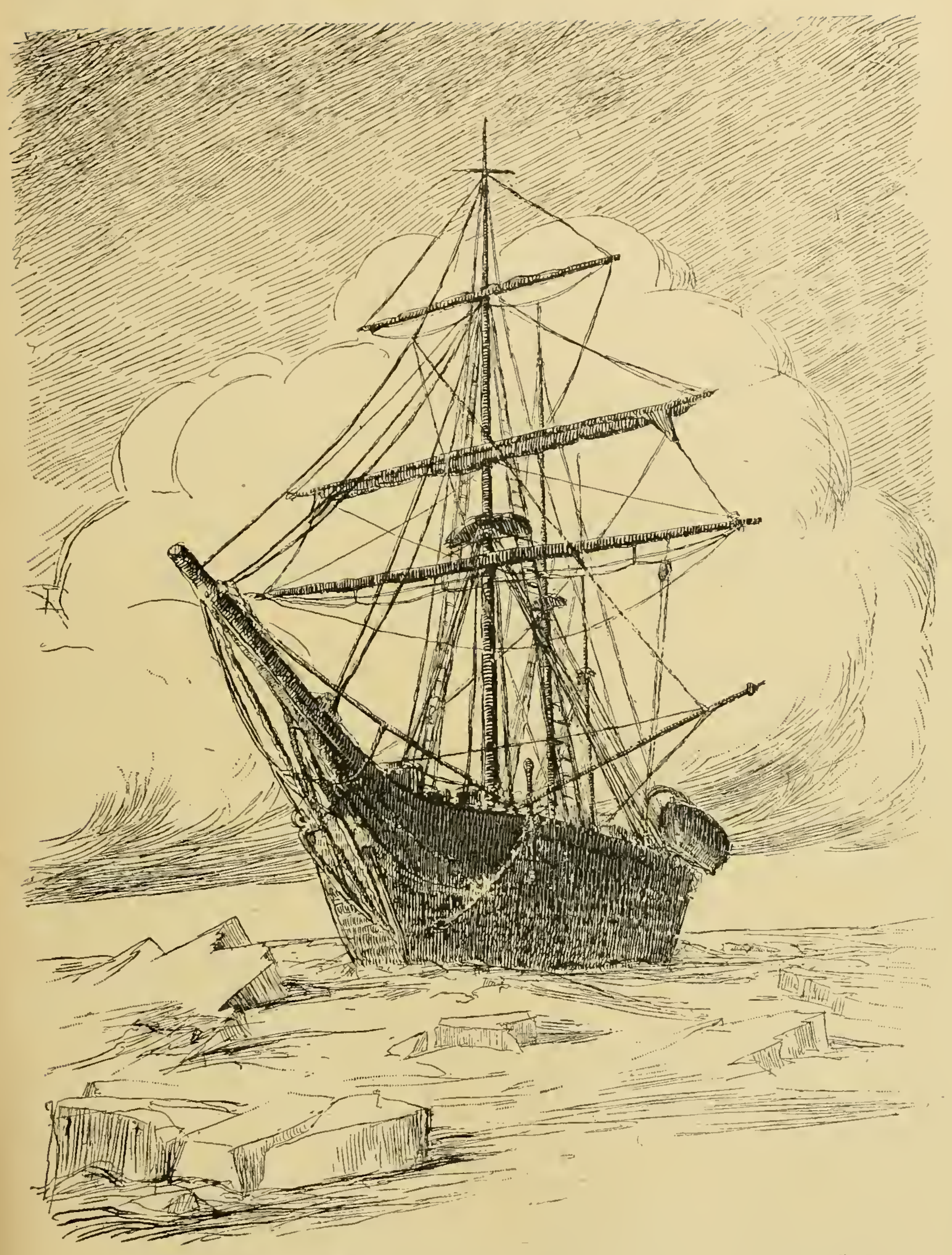
*
* *

— «Къ Слоновому острову впервые причаливало судно. Я хотѣлъ, чтобы честь вступить первымъ на берегъ досталась младшему члену нашей экспедиціи, и я велѣлъ Блэкборро прыгнуть за бортъ. Онъ замѣшкался, и я — можетъ-быть нѣсколько грубо — помогъ ему сойти. Очутившись на землѣ, онъ тотчасъ же, не говоря ни слова, усѣлся на скалѣ. Это напомнило мнѣ, что у бѣдняги были отморожены ноги.

Мы высадили повара, съ печкой и банками сгущеннаго молока. Втащивъ затѣмъ лодки и провизію на берегъ, мы съ наслажденіемъ принялись за горячій обѣдъ, первый за всю послѣднюю недѣлю.

Наши нервы были страшно напряжены. Мы буквально сходили съ ума отъ радости: одни катались по песку, точно выпивъ черезчуръ много, — другіе забавлялись камушками, смѣялись и пѣли, какъ маленькія дѣти передъ чудесами рождественской елки. Недостатокъ пищи, безсонныя ночи, непрерывная борьба сдѣлали насъ настолько слабыми, что мы были не способны ни на малѣйшее усиліе; нашихъ силъ хватало лишь на то, чтобы разбить палатки и забраться въ уютное убѣжище. Такъ мы проспали съ трехъ часовъ по-полудни до утра слѣдующаго дня.

Маленькій пляжъ, на которомъ мы очутились, былъ далеко не безопасенъ, а недоступныя скалы, окружавшія его, дѣлали невозможной всякую попытку про-

Судно «Endurance», на которомъ отправился въ полярную экспедицію Эрнестъ Шэкльтонъ со своими спутниками.

Судно это впослѣдствіи погибло среди льдовъ.

никнуть внутрь острова. Во что бы то ни стало, надо было искать другого убѣжища.

На слѣдующее утро всѣ поднялись очень рано. Я рѣшилъ отправить Уайльда на лодкѣ «Стэнкомъ-Уилсъ» на розыски болѣе надежнаго мѣста для стоянки.

Около восьми часовъ Уайльдъ вернулся и сообщилъ, что онъ нашелъ на разстояніи десяти километровъ отъ нашего мѣста небольшой выступъ, покрытый пескомъ и достаточно высокій, чтобы не быть заливаемымъ водой. Его описаніе привело меня въ восторгъ, и я рѣшилъ отправиться туда въ слѣдующее же утро.

Мысъ этотъ, однако, былъ далекъ отъ идеальнаго пристанища. Двѣсти метровъ пространства, покрытаго мелкими камушками, на которомъ бушуютъ вѣтеръ и волны; единственной защитой со стороны земли служилъ скатъ высокаго глетчера, а со стороны моря — нѣсколько высокихъ скалъ.

Въ слѣдующіе дни мы были заняты заготовкой провизіи и устройствомъ — поскольку это было возможно — болѣе комфортабельныхъ условій существованія. Мои спутники изнемогали. Скверное состояніе здоровья стало сказываться и на состояніи ихъ духа... Я рѣшилъ отправиться съ нѣсколькими людьми на одной изъ лодокъ въ южную сторону, чтобы просить тамъ о помощи до наступленія зимы.

Командованіе надъ остаткомъ экспедиціи я передалъ моему другу Уайльду, и снова — на спасательной лодкѣ — довѣрилъ свою жизнь страшнѣйшему изъ океановъ, чтобы искать помощи на разстояніи 1200 километровъ.

Была осень, худшее время года, и никогда скверная репутація жестокаго Антарктическаго океана не была болѣе заслуженной. Казалось, что вѣчная буря свирѣпствуетъ въ немъ. Мы не имѣли ни минуты отдыха. Непрерывная острая и дикая борьба за жизнь. Непосредственная опасность поглощала насъ всецѣло, ибо въ каждомъ порывѣ моря таился врагъ, готовый нанести намъ смертельный ударъ.

Насъ было шестеро въ лодкѣ, и мы чередовались: трое сторожили въ теченіе четырехъ часовъ, а трое отдыхали. Одинъ былъ за рулемъ, другой у паруса, третій долженъ былъ черпать воду, которая съ каждой волной заливала наше несчастное судно и угрожала потопить его.

Какъ могла наша скорлупа противостоять дикому урагану? Мы знали, что предпріятіе наше безумно, но другого выхода не было, потому что 22 нашихъ товарища были покинуты на пустынномъ островѣ и обречены на смерть отъ голода и холода.

Мысль эта ободряла насъ и поддерживала въ насъ вѣру. Мы продвигались впередъ.

Въ то время какъ новая стража дрожала отъ холода на мостикѣ (если можно назвать мостикомъ узкую платформу впереди лодки), тѣ, которыхъ только-что смѣнили, лежали, скорчившись, въ мѣховыхъ мѣшкахъ, оставленныхъ товарищами. Они старались разогрѣть свои замерзшіе члены и забыться въ короткомъ снѣ. Но не всегда можно было позволить себѣ этотъ отдыхъ. Не успѣвали мы закрыть глаза, какъ насъ затопляла волна. Приходилось вставать и черпать воду всѣми доступными способами, послѣ чего мы опять укладывались, еще болѣе продрогшіе и промокшіе. За все время этого путешествія намъ не удалось просохнуть, и одежда наша, которую мы не мѣняли въ теченіе 7 мѣсяцевъ, настолько отвердѣла отъ холода, что она причиняла острую боль тѣлу, тѣмъ болѣе чувствительную, что платье было пропитано солью. Мы были покрыты ранами, отъ которыхъ мы очень страдали, особенно изъ-за морской воды и холода.

Когда насталъ 6-ой день, я почувствовалъ, что «Джемсъ-Кердъ» потеряла силу сопротивленія. Она уже больше не подни-

малась на гребнѣ волны и казалась неподвижной. Надо было во что бы то ни стало выгрузить излишній балластъ. Мы выбросили за бортъ все, въ чемъ не было крайней необходимости, и очистили лодку отъ льда. Послѣ этой работы, она вновь стала мужественно подниматься и продолжать свою борьбу съ бурей.

На слѣдующій день была хорошая погода. Впервые со дня нашего отъѣзда стало возможно оріентироваться; несмотря на бурю, мы сдѣлали половину нашего пути. Солнце насъ согрѣвало, и мы почувствовали себя ожившими: хороша все-таки жизнь!

Хорошая погода продолжалась, однако, недолго. На слѣдующій день вновь забушевала буря. Ночью, я былъ за рулемъ, когда вдругъ замѣтилъ на горизонтѣ бѣлую линію. Думая, что это просвѣтъ, я разбудилъ товарищей, но вскорѣ мы были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ: это былъ лишь гребень огромной волны. Вотъ уже 26 лѣтъ, какъ я путешествую по морямъ и какъ я испытываю ихъ злобу, но никогда еще я не видалъ ничего подобнаго.

Это была не волна, это грозно поднимался весь океанъ, нѣчто могучее и страшное, что приближалось къ намъ, чтобы поглотить насъ.

Минуты, которыя послѣдовали за этимъ, мнѣ казались столѣтіями — я не смѣлъ дышать. Я ждалъ конца... Насъ окружила кипящая пѣна. Мы почувствовали себя поднятыми, затѣмъ сразу брошенными въ пропасть... И еще разъ Провидѣніе спасло насъ въ положеніи, пережить которое казалось невозможнымъ.

Но въ какомъ мы были состояніи! Бѣдная наша лодка «Джемсъ-Кердъ», наполненная водой до краевъ, обезсиленная неравной борьбой, не могла больше сопротивляться разбушевавшейся стихіи. Съ настойчивостью людей, борющихся за жизнь, мы начали черпать воду. Мы чувствовали, какъ постепенно наше храброе суденышко набиралось силъ и начинало плавать... Мы были спасены!

И тогда насъ стала мучить жажда! Жажда — худшее изъ страданій. Время текло, какъ въ кошмарномъ снѣ; губы наши горѣли и языкъ опухъ. Вѣтеръ дулъ очень сильно, море оставалось сквернымъ, но сознаніе опасности дѣлало насъ нечувствительными; наша мучительная жажда не давала намъ думать ни о чемъ другомъ. Мы всѣ молчали. Было жутко. Часы проходили, одинаково печальные и мрачные. Регулярно, послѣ опредѣленныхъ промежутковъ, мы получали кружку молока, которая согрѣвала насъ и на минуту утоляла жажду. Это были счастливые моменты, къ сожалѣнію очень рѣдкіе, потому что жажда вскорѣ овладѣвала нами съ новой силой.

8-го мая мы почувствовали близость земли, хотя изъ-за скверной погоды мы ничего не могли различить. Въ полдень мы замѣтили среди тучъ черныя скалы. Прошло ровно 14 дней, какъ мы отчалили отъ берега. Хотя мы были измучены жаждой и холодомъ, мы испытали всю силу радости въ ослабѣвшихъ сердцахъ. Скоро кончатся наши мученія!

Увы! — не такъ скоро, какъ мы полагали. Природа, казалось, находила удовольствіе въ томъ, чтобы обрушиться на насъ въ тотъ моментъ, когда мы готовились торжествовать побѣду. Буря усиливалась въ то время, какъ мы приближались къ скалистому берегу; не было ни одной бухты, ни одного мѣстечка, къ которому можно было причалить. Волны съ шумомъ разбивались о камни. Не было возможности подойти. Ночь опускалась. Пришлось бросить якорь и ждать утра. Ужасная ночь. Буря свирѣпствовала, вѣтеръ завывалъ, туманъ пронизывалъ насъ насквозь. Мы съ нетерпѣніемъ ждали свѣта, но съ наступленіемъ утра еще яснѣе обнаружился ужасъ нашего положенія: вѣ-

теръ гналъ насъ къ берегу, и намъ предстояло быть разбитыми, уничтоженными.

Побѣдить гигантскія силы океана, бороться столько дней съ бушующими волнами, перенести столько страданій, столько лишеній, чтобы погибнуть здѣсь, глупо, у берега, къ которому мы стремились. Какая ужасная иронія судьбы! Нѣтъ, намъ надо бороться до конца — если погибнемъ мы, это будетъ также гибелью 22 несчастныхъ, чья надежда была только на насъ. Ради нихъ хотя-бы мы должны были бороться во что бы то ни стало. Но что дѣлать? Борьба была слишкомъ неравна.

Въ тотъ моментъ, когда волна должна была прибить насъ къ берегу, вѣтеръ вдругъ затихъ. Мы побѣдили природу, она устала мучить насъ, она исчерпала всѣ свои утонченныя жестокости.

Она, наконецъ, оставила насъ въ покоѣ. Лодка «Джемсъ-Кердъ» провела эту ночь спокойно въ тихихъ водахъ.

Но теперь, когда миновала опасность, съ новой силой возобновились мученія жажды. Во что-бы то ни стало, надо было причалить къ берегу на слѣдующій день.

Какъ только мы бросили якорь и очутились на песчаномъ берегу, мы услышали волшебную музыку; это было журчаніе источника у нашихъ ногъ. Мы бросились на колѣни, приникли и жадными глотками стали пить чистую свѣжую воду, которая давала намъ новую жизнь. Какое это было счастье!..»

Э. Шэкльтонъ.

КРѢПКО ПОМНИ О РОССІИ

МОСКВА.

«Изъ края въ край, изъ града въ градъ судьба, какъ вихрь, людей мятетъ»... Кажется, будто не три года, а уже цѣлыя столѣтія живемъ мы подъ чужимъ небомъ прекрасныхъ, но, увы! чужихъ Парижа, Берлина, Лондона.

И забывается все, что было, и за величественными дворцами стараго Парижа таютъ и тлѣютъ видѣнія нашей далекой Москвы.

Мечтательный Версаль, стрѣлы парадныхъ улицъ, рѣзные мосты, сковавшіе чужую рѣку, потоки автомобилей, пѣшеходовъ, фіакровъ, велосипедовъ, задумчивая строгость Елисейскихъ полей, — и еще недѣля, еще день, и не сможемъ мы и разсказать, какъ жили тамъ, когда-то, какъ выглядѣла наша рѣка, наши соборы, наши дворцы и музеи.

Если суждено еще долго намъ быть на чужбинѣ, такъ хоть-бы во снѣ увидѣть намъ Василія Блаженнаго, хоть-бы въ грезахъ еще разъ сѣсть на санки и проѣхать притаившимся Кремлемъ...

* * *

Двѣсти лѣтъ спалъ Кремль. Двѣсти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Петръ перенесъ столицу въ Москву, ждалъ онъ новой жизни. И она пришла, новая жизнь, новая неволя, глядящая изъ теремовъ, гдѣ томились боярыни Іоаннова двора, на сонную мелѣющую Москву-рѣку, отъ которой — тишь и неподвижность по всему великому городу.

* * *

Позваниваютъ колоколенки на пустынномъ Арбатѣ, гудитъ колоколъ Ивановой колокольни, колоколъ — въ четыре тысячи пудовъ. Черезъ Спасскія, Никольскія, Тайницкія ворота спѣшитъ народъ въ соборы, удивленные проходятъ иностранцы и, озираясь, оглядываютъ невиданныя картины.

Удивляетъ ихъ тридцать одна кремлевская башня, каменная стѣна, окружающая Кремль, выстроенная Дмитріемъ Донскимъ на смѣну выгорѣвшихъ деревянныхъ, Кремлевскіе соборы, диковинные Царь-колоколъ и царь-пушка.

Архангельскій, старѣйшій изъ соборовъ, облупленъ, потрескался. Здѣсь лежатъ мощи царевича Дмитрія, зарѣзаннаго при Годуновѣ.

Успенскій соборъ, причудливо, на итальянскій ладъ, выстроенъ въ XIV столѣтіи пріѣзжимъ архитекторомъ Фіоравенти. Въ немъ отъ вѣка вѣнчались русскіе цари, при Аннѣ Іоанновнѣ онъ горѣлъ, при Александрѣ I его ограбили французы, увезшіе изъ него и серебро, и золото, и драгоцѣнные камни.

Башня Ивана Великаго, стремящаяся вверхъ, заостренная въ сорокъ шесть саженъ къ небу. А у подножья ея исполинскій царь-колоколъ съ единственной его исторіей.

Въ память избавленія отъ голода заказалъ его въ 1605 году Борисъ Годуновъ. Долго его отливали, но подняли-ли его

на колокольню и благовѣстили-ли въ него, и когда онъ упалъ, — неизвѣстно. Только въ 1654 году былъ приказъ Алексѣя Михайловича, — Тишайшаго и богомольнѣйшаго царя, — перелить его заново. Перелить перелили, стало въ немъ 8000 пудовъ, но поднять на колокольню не смогли. Такъ и пролежалъ онъ четырнадцать лѣтъ, и только въ 1668 году самоучка-мастеръ сумѣлъ его поднять, при чемъ подымали его въ продолженіи девяти мѣсяцевъ.

Прозвонивъ тридцать три года, онъ снова упалъ и разбился. И снова его переливали, прибавивъ мѣди и олова.

И снова стали поднимать, и снова его уронили, и отбили край. Такъ онъ и остался въ землѣ до 1836 года, когда, при императорѣ Николаѣ I, его поставили на гранитный пьедесталъ.

На поверхности его, подъ фризомъ, фигуры Спасителя, Іоанна Предтечи, св. Анны. Въ двухъ надписяхъ излагается его судьба, а въ отверстіе, образовавшееся отъ отбитаго края, могутъ пролѣзть нѣсколько человѣкъ. Въ холодныя зимы внутри него ночевали тайкомъ бездомные бродяги.

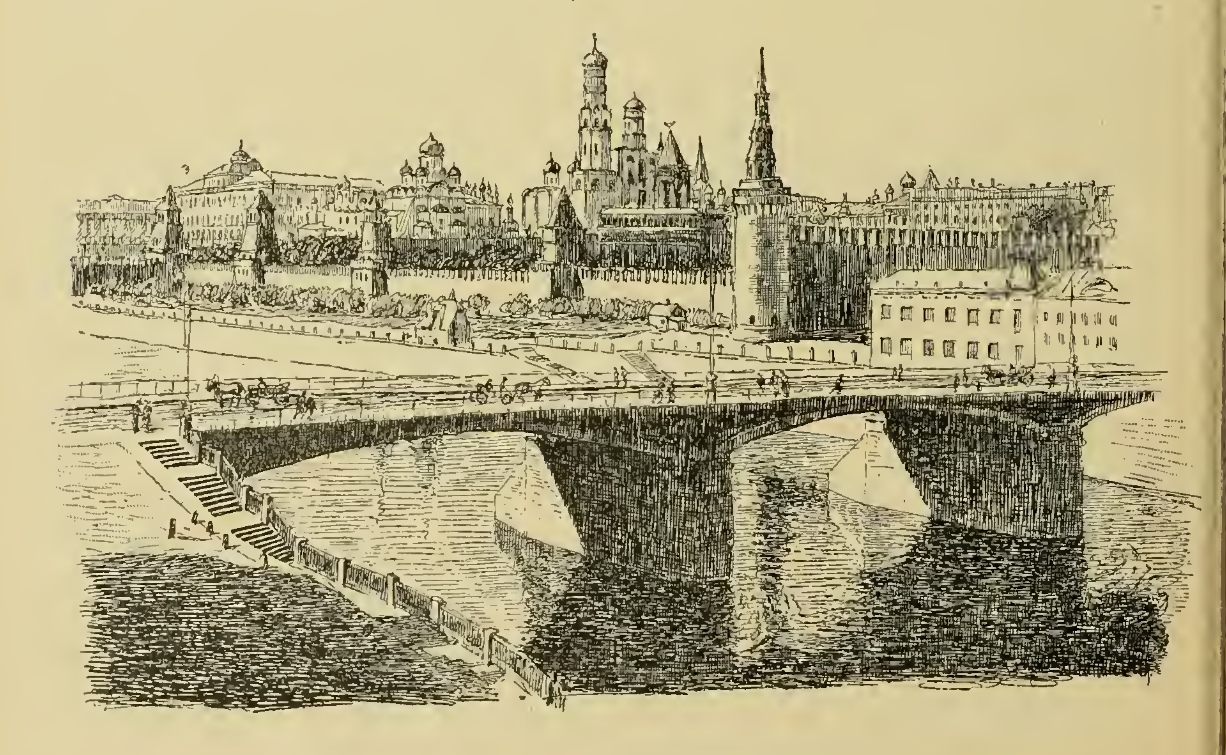
Неподалеку отъ колокола другое чудо — царь-пушка, отлитая въ 1586 году при Грозномъ царѣ русскимъ мастеромъ Антономъ Чеховымъ. Дуло ея шириной въ 2 аршина, а вѣситъ она 2400 пудовъ.

У этихъ двухъ «чудесъ» цѣлыми часами стоитъ толпа зѣвакъ, слушая разсказы выцвѣтшаго подслѣповатаго инвалида въ старомодной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Все забылъ старикъ и все путаетъ. И Петра онъ помнитъ, и съ Іоанномъ Казань бралъ, и Гришку Отрепьева на алебарду ловилъ, когда изъ окна его выбросили взбунтовавшіеся бояре.

Серьезный паломникъ послушаетъ, головой поведетъ и пойдетъ дальше.

Пройдите площадь. На противоположной сторонѣ уже — другая жизнь.

Зданіе суда. Ведутъ два солдата молоденькаго арестанта. На лѣстницѣ присяжный повѣренный во фракѣ и бѣлой манишкѣ, горячась, что-то доказываетъ пожилой дамѣ.

Чрезъ Троицкія ворота на Знаменку громыхаетъ грузовикъ съ порожними бочками. Поверхъ ихъ примостился рыжій скуластый солдатъ, и лицо его расплывается отъ блаженства.

Наслушавшись инвалида, зѣваки переходятъ къ памятнику Александра II-го. Памятникъ окруженъ галлереей, на стѣнахъ которой портреты всѣхъ русскихъ царей.

Снова разсказы — смѣсь правды и небылицы. А внизу по запорошенной снѣгомъ Москвѣ-рѣкѣ съ оглядкой скользятъ конькобѣжцы, и... по-прежнему на правомъ берегу, гдѣ-то въ Замоскворѣчьѣ перезваниваютъ запоздавшія колоколенки.

* * *

Пройдемъ Никольскими воротами. Теперь въ дни большевиковъ шальной снарядъ повредилъ ихъ, но были времена иныя.

Мы на Красной площади, противъ Торговыхъ рядовъ.

Посреди площади стоятъ Мининъ и Пожарскій, избавители Россіи отъ смуты.

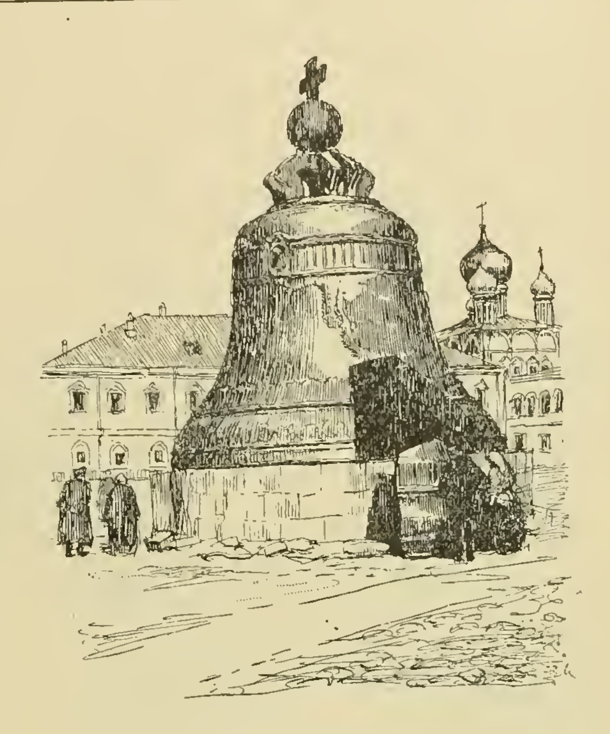
Глядятъ они, какъ кипитъ купеческій людъ, какъ бойкіе приказчики уговариваютъ покупателей, какъ струится потокъ дѣловыхъ людей на Ильинку, къ Биржѣ, какъ въ концѣ площади предъ храмомъ Василія Блаженнаго старушки кормятъ голубей, хорошо знающихъ часъ, когда имъ даютъ зерно.

* * *

Василій Блаженный, давшій имя храму съ архитектурой исключительной странности и яркости, — и самъ былъ странный и яркій.

Въ селѣ Елоховѣ, подъ Москвой, шестнадцати-лѣтнимъ парнемъ работалъ онъ у деревенскаго сапожника. Здѣсь посѣтилъ его даръ прозрѣнія. Къ хозяину пришелъ заказчикъ.

— Сапоги сдѣлай мнѣ покрѣпче, чтобъ на пять лѣтъ хватило!

Усмѣхнулся Василій.

— Ты чего?

— Да какъ-же, ему къ вечеру — отходить, а онъ о пяти годахъ думаетъ...

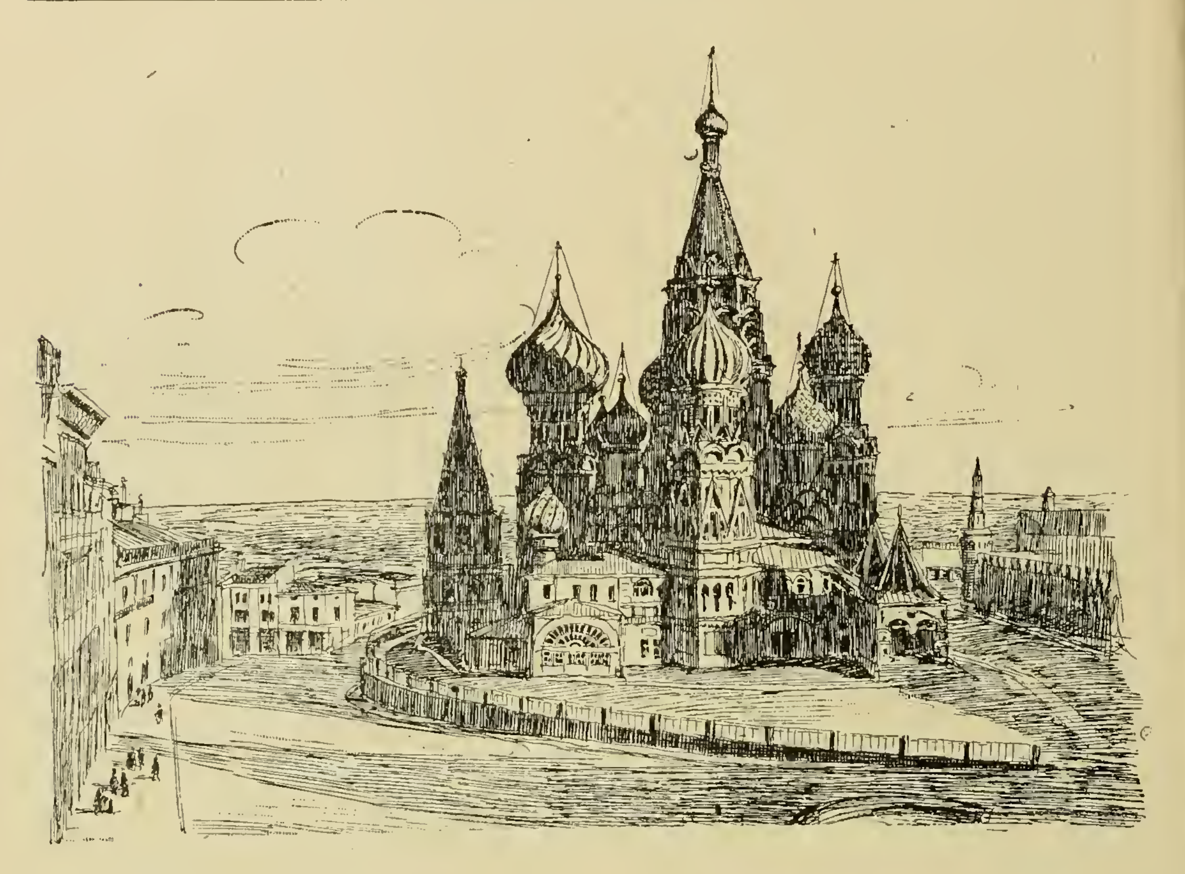
И, точно, къ вечеру отошелъ заказчикъ, померъ, а молва о Василіи пошла по селамъ и докатилась до Москвы.

Богатый бояринъ подарилъ ему однажды соболью шубу. Въ ней пошелъ Василій на базаръ и встрѣтилъ двухъ жуликовъ. Одинъ изъ нихъ легъ и притворился мертвымъ, желая вмѣсто савана получить шубу. И, точно, — Василій прикрылъ его шубой, но сказалъ: «будь-же отнынѣ мертвъ за лукавство твое, ибо писано: лукавіи, да погибнутъ!»..

Воръ тутъ-же умеръ.

Въ 1547 году, уже въ пожилыхъ годахъ, святой юродивый пришелъ въ Вознесенскій соборъ и долго плакалъ о грядущемъ бѣдствіи. На утро великій пожаръ истребилъ полъ - Москвы, а вмѣстѣ и монастырь.

Іоаннъ Грозный заложилъ въ память Василія Блаженнаго на кладбищѣ во имя Троицы, на мѣстѣ его погребенія, церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Впослѣдствіи, претерпѣвъ многія измѣненія, она развилась до нынѣшняго храма. Его грабили поляки (въ 1612 г.) и французы (въ 1812 г.), горѣлъ онъ въ 1626 и 1668 г.г. При Петрѣ въ него были перенесены главы 15 церквей. Обновляли его также дважды: при Елизаветѣ и Александрѣ, когда онъ, потерявъ первоначальный планъ, былъ обнесенъ рѣшеткой, раскрашенъ снаружи и внутри и разукрашенъ пестрыми изразцами.

Нынѣ въ немъ 8 соединенныхъ и расположенныхъ вкругъ главнаго придѣла башенъ. Каждая имѣетъ особую форму, каждая по своему раскрашена. Всѣ вмѣстѣ образуютъ онѣ цвѣтеніе, болѣе пестрое, чѣмъ клумбы въ маѣ.

* * *

Съ Красной площади, пройдя Иверскую часовню, гдѣ предъ чудотворной иконой Божьей Матери теплятся неугасимые огни, проходимъ на Театральную площадь, къ Большому театру.

Памятникъ величественной Александровой Имперіи. Стройныя колонны, великолѣпный фронтонъ и вознесенная къ небу бронзовая колесница съ могучими конями, еле сдерживаемыми возницей.

Гостинница Метрополь, напротивъ, перенесетъ насъ сразу на сто лѣтъ въ гущу современной Европы, съ ея крикливымъ, непростымъ и невеличественнымъ стилемъ, съ ея надуманной пестротой.

Но и это зданіе раздѣлило обычную московскую судьбу: горѣло, рушилось, и внимательный пѣшеходъ разглядитъ на Метрополѣ, вверху, надпись: «тотъ, кто строитъ свой домъ, научается жить»...

Пойдемъ дальше. Поспѣшимъ пройти чрезъ Охотные ряды, пока разбитные парнишки не затащили насъ въ темную лавку

и не заставили купить жирнаго каплуна или пудовую севрюгу.

— Баринъ, баринъ, возьмите, возьмите свѣженькихъ яичекъ...

— Баринъ, а баринъ, на индѣйку мою взгляни, тяжелѣй твоей свиньи!..

— Икорки, икорки!..

— Балычокъ!

И колышется море картузовъ, шляпокъ, платковъ, котелковъ.

— Пожалте, пожалте, — хлопочутъ извозчики, — моя рыженькая мигомъ домчитъ!

— Не ѣзжайте съ нимъ, вашбродь, его лошадь на-ходу издохнетъ!..

— Куда прикажете?

— На Тріумфальную.

— До Трухмальной рупь съ четвертью!

Цокая языкомъ, понукаетъ старикъ свою «рыжую», и мы взбираемся на Тверскую, крича безчисленнымъ пѣшеходамъ, дергаясь отъ грузовиковъ.

По дорогѣ у насъ два памятника. У дома генералъ-губернатора — бѣлый генералъ, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, у Тверского бульвара — бронзовый Пушкинъ.

На общенародныя средства открытъ этотъ памятникъ въ 1880 году, по проекту художника Опекушина.

И, опять, мы на Тверской. Магазины, кофейни, церкви. Узко въ Москвѣ. Негдѣ разъѣхаться трамваю, извозчику, автомобилю. И пѣшеходъ опасливо переходитъ Тріумфальную площадь, спѣша къ себѣ домой, проходя черезъ ту арку, которую Москва соорудила въ память избавленія отъ французовъ и которая предназначена для торжественнаго въѣзда русскихъ царей.

Послѣднимъ ее проѣхалъ Николай II, послѣдній русскій царь.

За Тріумфальной аркой меньше становятся дома, шире дворцы, больше зелени. Начинаются предмѣстья. Бутырки, Рогожская, Дорогомилово — кольцомъ охватываютъ они Москву.

Въ 13-мъ столѣтіи былъ одинъ Кремль.

Потомъ вокругъ него выросъ Китай-городъ съ его семи-верстной стѣной. Потомъ раскинулся бѣлый городъ, отъ его стѣны — осталась только линія бульваровъ, потомъ онъ опоясался землянымъ городомъ.

Застроился лѣвый берегъ, начали заселять слободы на правомъ: Татарская, Толмачевская и другія, — такъ зародилось фабричное и купеческое Замоскворѣчье. Такъ раскинулось оно своими трубами и фабричными корпусами, что, если взлѣзешь на колокольню Храма Христа Спасителя, что на лѣвомъ берегу, у самой рѣки, то кажется, будто вдали новый городъ. Гудятъ гудки, дымитъ дымъ, рабочій людъ идетъ на работу. Дальше бѣжитъ окружная желѣзная дорога. Дальше по шоссе ѣдутъ на рынокъ тысячи телѣгъ, и нѣтъ конца ни имъ, ни Москвѣ.

* * *

Будетъ-ли опять?!

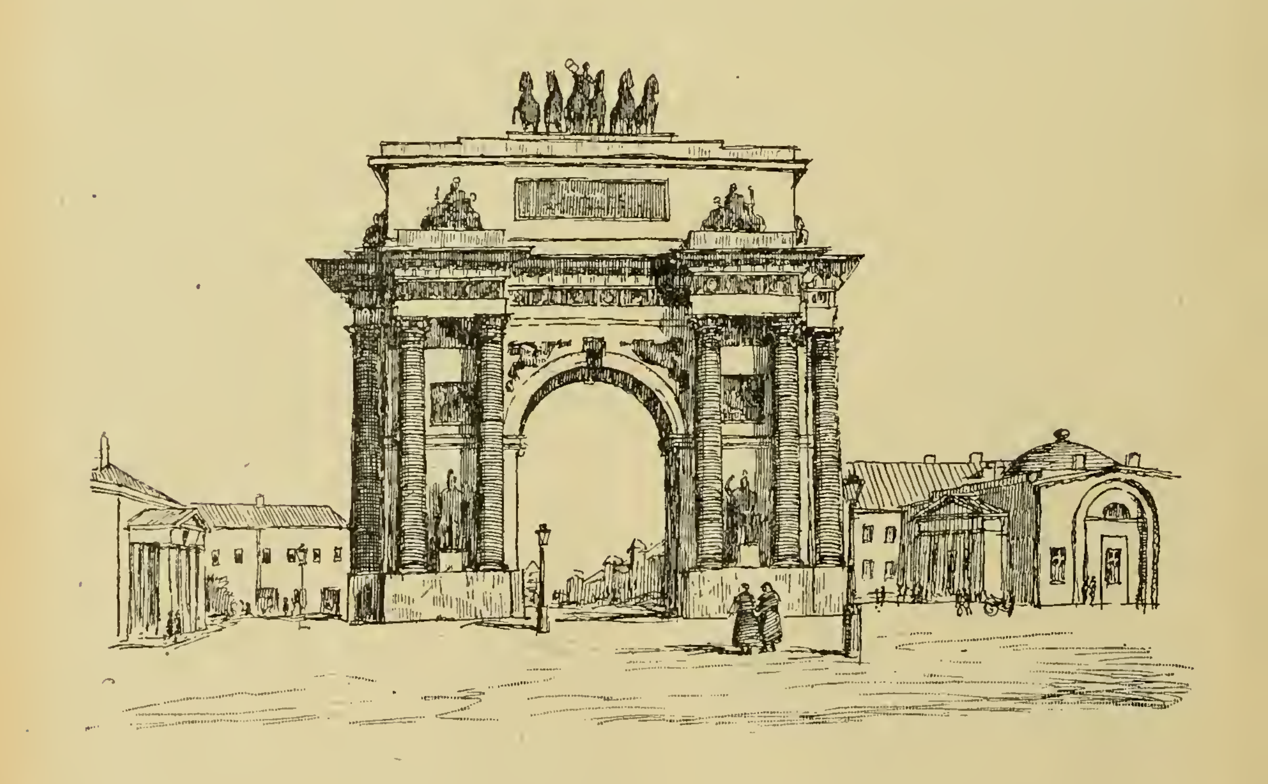
Увидимъ-ли снова золотые купола исполинскаго «Христа Спасителя», зайдемъ-ли въ мощный храмъ, гдѣ во всякомъ камешкѣ грезится душа создателя храма — великаго зодчаго Витберга. Зависть враговъ не дала ему совершить весь его изумительный планъ. Витбергъ умеръ въ изгнаніи. Изъ его плана была взята лишь часть, и память о немъ исчезаетъ.

— Будетъ-ли опять?!

Не знаемъ.

Но упаси насъ Богъ и помилуй потерять Москву — мечту, потерять единственное наше достояніе — память о сокровищницахъ русскаго духа!..

Д. Денисовъ.

Островъ сокровищъ

Рис. А. Койранскаго.

Романъ Р. Стивенсона.

ГЛАВА XII.

Военный совѣтъ.

Раздался шумный топотъ на палубѣ. Я слышалъ, какъ люди выбѣгали изъ кабинъ и спрыгивали съ такелажа. И выскочивъ въ одно мгновеніе изъ моей бочки, я нырнулъ за парусъ, проскользнулъ въ сторону кормы, и вынырнулъ на верхней палубѣ какъ разъ во-время, чтобы присоединиться къ Гектеру и доктору Ливсэю.

Здѣсь собралась уже вся команда. Туманная полоса разсѣялась почти одновременно съ появленіемъ луны. Къ юго-западу отъ насъ мы увидѣли два низкихъ холма, на разстояніи нѣсколькихъ миль одинъ отъ другого, а вдали за однимъ изъ нихъ — третій, болѣе высокій холмъ, вершина котораго все еще была окутана туманомъ. Всѣ три холма были заостренной конической формы.

Все это я видѣлъ почти, какъ во снѣ, потому что я все еще не могъ придти въ себя отъ пережитаго страха. Тогда я услышалъ голосъ капитана Смолетта, отдававшаго приказанія. «Испаніола» легла подъ вѣтеръ, и теперь шла курсомъ на восточный конецъ острова.

«А теперь, ребята», сказалъ капитанъ, когда всѣ паруса были убраны, — «кому изъ васъ приходилось уже видѣть этотъ островъ раньше?»

«Мнѣ, сэръ», сказалъ Сильверъ. «Я забиралъ здѣсь воду, когда плавалъ поваромъ на одномъ купцѣ».

«Якорная стоянка находится къ югу, за островкомъ, не такъ-ли»? спросилъ капитанъ.

«Да, сэръ. Островокъ этотъ зовется «Островомъ Скелета». Это когда-то было убѣжище пиратовъ, и одинъ человѣкъ изъ нашей команды зналъ всѣ названія. Вотъ этотъ холмъ на сѣверѣ называется «Фокъ-мачта». Холмовъ этихъ всего — три: фокъ, марсъ и бизань, сэръ! Но средній, этотъ, вотъ, высокій, окутанный туманомъ, прозывается еще «Подзорная Труба», потому что съ него они вели наблюденіе, когда отстаивались въ бухтѣ. Здѣсь, сэръ, съ вашего позволенія, они приводили въ порядокъ свои корабли».

«Вотъ, у меня карта», сказалъ капитанъ Смолеттъ. «Взгляните-ка, это-ли будетъ это мѣсто».

У Длиннаго Джона глаза загорѣлись, когда онъ взялъ въ руки карту. Но уже по одному чистенькому виду новой бумаги я зналъ, что его ждетъ разочарованіе. Это не была та карта, которую мы нашли въ сундукѣ Билли Боунса, но точная копія, совершенно полная, со всѣми именами, высотами и измѣреніями — за исключеніемъ только красныхъ крестовъ и примѣчаній. Какъ ни велико было разочарованіе, Сильверъ сумѣлъ скрыть его.

«Да, сэръ», сказалъ онъ. «Это вотъ и есть это самое мѣсто, навѣрняка. И ловко

начерчено. Кто-бы это могъ сдѣлать? Пираты, думается мнѣ, были слишкомъ невѣжественны. А вотъ и надпись: «Стоянка капитана Кидда», точка въ точку, какъ называлъ ее мой товарищъ. Тутъ сильное теченіе проходитъ вдоль южнаго берега и поворачиваетъ къ сѣверу, вдоль западнаго побережья. Совершенно правильно, сэръ, вы легли подъ вѣтеръ. Если только намѣреніе ваше войти въ бухту и стать въ ней на якорь, а лучшаго мѣста для этого вы и не нашли бы».

«Спасибо, другъ», сказалъ капитанъ Смолеттъ. «Я позднѣе попрошу васъ помочь намъ. Можете теперь итти».

Я былъ пораженъ хладнокровіемъ, съ какимъ Джонъ сознался въ томъ, что знакомъ съ островомъ. И признаться я дрожалъ отъ страха, когда увидѣлъ, что онъ приближается ко мнѣ. Онъ, конечно, не зналъ, что я подслушалъ его совѣщаніе у яблочной бочки, и все-же я такъ страшился его жестокости, двуличія и могущества, что съ трудомъ подавилъ дрожь, когда онъ положилъ мнѣ руку на плечо.

«Да», сказалъ онъ, — «пріятное мѣстечко — этотъ островъ, пріятное для молодого человѣка. Ты сможешь тутъ купаться, лазать по деревьямъ и охотиться за козами. И самъ, какъ козочка, будешь взбираться на холмы. Эхъ, я чувствую, что самъ становлюсь опять молодымъ. Я чуть было не забылъ про мою деревяшку. Пріятно быть молодымъ, и имѣть всѣ десять пальцевъ на ногахъ, повѣрь мнѣ. Когда тебѣ придетъ охота пойти на прогулку, пораспроси старину Джона, а онъ приготовитъ тебѣ харчъ на дорогу».

И, похлопавъ меня самымъ дружескимъ образомъ по плечу, онъ заковылялъ и быстро скрылся въ трюмѣ.

Капитанъ Смолеттъ, кавалеръ и докторъ Ливсэй разговаривали на мостикѣ, и какъ ни хотѣлось мнѣ немедленно разсказать имъ обо всемъ слышанномъ, я не смѣлъ открыто вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Покуда я придумывалъ подходящій предлогъ, докторъ Ливсэй подозвалъ меня. Онъ позабылъ внизу трубку и, будучи страстнымъ курильщикомъ, онъ приказалъ мнѣ сбѣгать за ней. Но лишь только я подошелъ къ нему такъ близко, что могъ говорить, не будучи подслушаннымъ, я тотчасъ-же выпалилъ: «Докторъ, позвольте мнѣ сказать. Уведите капитана и кавалера въ каюту и пошлите за мной. У меня ужасныя новости».

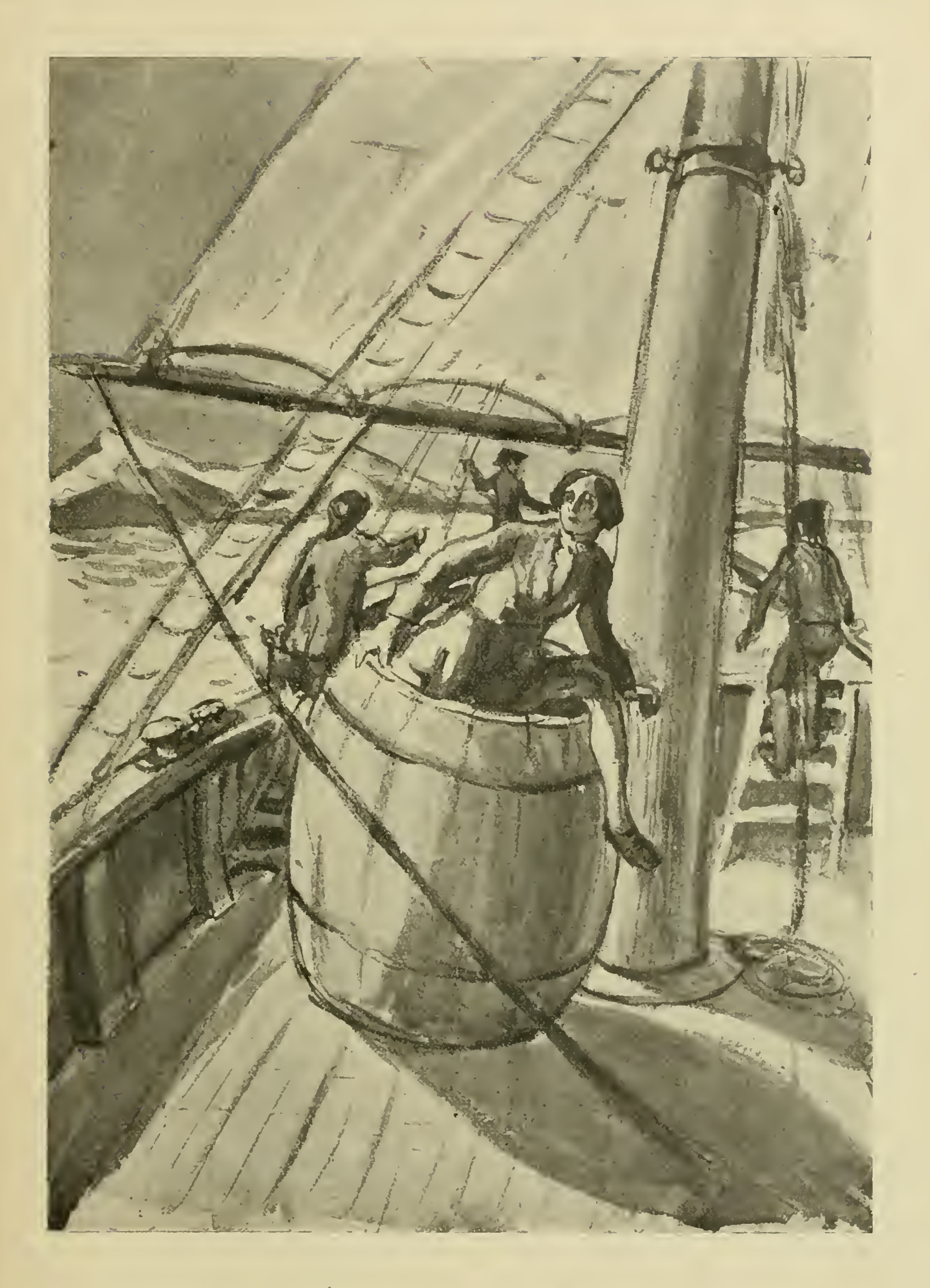
Докторъ слегка взволновался, но въ ближайшее мгновеніе онъ уже былъ совершенно спокоенъ.

«Спасибо, Джимъ», сказалъ онъ громко. «Мнѣ только это и нужно было знать», какъ будто-бы онъ спрашивалъ меня о чемъ-то.

Съ этими словами онъ круто повернулся и присоединился къ двумъ другимъ. Они нѣкоторое время потолковали, и хотя никто изъ нихъ не повысилъ голоса и не подалъ никакого вида, мнѣ было ясно, что докторъ сообщилъ имъ о моей просьбѣ; потому что тотчасъ-же я услышалъ, какъ капитанъ отдалъ приказъ Іову Андерсону: «Свистать всѣхъ наверхъ»!

«Ребята», сказалъ Смолеттъ собравшейся командѣ. «Я долженъ сказать вамъ коечто. Этотъ островъ, что лежитъ передъ нами, и есть мѣсто, къ которому мы направлялись. Мистеръ Трелонэй, человѣкъ, какъ всѣ мы знаемъ, очень щедрый, спросилъ меня, доволенъ-ли я командой, и такъ какъ я заявилъ ему, что не могъ-бы желать лучшей работы и лучшаго исполненія обязанностей, то онъ, я и докторъ рѣшили спуститься въ каюту и выпить за ваше здоровье и благополучіе, а вамъ будетъ выданъ грогъ, чтобы вы могли выпить за наше здоровье. Я думаю, что распоряженіе это — очень любезное. И если вы того-же мнѣнія, то вы крикнете громкое морское «ура» за джентльмена, который отдалъ его».

Раздалось «ура», само собой разумѣется;

...«И выскочивъ въ одно мгновеніе изъ моей бочки, я нырнулъ за парусъ»...

и прозвучало оно такъ дружно и громко, что, признаюсь, я съ трудомъ могъ повѣрить, что эти самые люди злоумышляютъ противъ насъ.

«Еще разъ «ура» за капитана Смолетта», крикнулъ Длинный Джонъ, когда смолкли первые клики.

И это ура раздалось дружно и сердечно.

Послѣ этого три джентльмена спустились внизъ, и вскорѣ послѣ этого прислали сказать, что Джима Хоукинса требуютъ въ каюту.

Я засталъ ихъ сидящими вокругъ стола, за бутылкой испанскаго вина и тарелкой съ изюмомъ. Докторъ курилъ, снявъ парикъ, что, какъ я зналъ, бывало у него признакомъ волненія. Иллюминаторъ, выходящій на корму, былъ открытъ, потому что была теплая ночь, и въ него видна была луна.

«Итакъ, Хоукинсъ», сказалъ кавалеръ, «ты собираешься сказать что-то. Говори-же»!

Я сдѣлалъ, какъ было приказано, и, насколько могъ коротко, разсказалъ весь разговоръ Сильвера. Никто не прерывалъ меня, пока я не кончилъ, никто не сдѣлалъ даже ни единаго жеста, но отъ перваго слова и до послѣдняго они не сводили съ меня глазъ.

«Джимъ», сказалъ докторъ, «садись»!

И они усадили меня за столъ рядомъ съ собой, налили мнѣ стаканъ вина, дали мнѣ изюма и всѣ трое, одинъ за другимъ, выпили съ поклономъ за мое здоровье, за мою удачу и отвагу.

«Да, капитанъ», сказалъ кавалеръ, «вы были правы, а я ошибался. Я признаю, что я — оселъ, и жду вашихъ распоряженій».

«Не больше оселъ, чѣмъ я самъ, сэръ», возразилъ капитанъ. «Я никогда не видалъ, чтобы команда, замышляющая мятежъ, не выказала-бы этого своевременно, что дало-бы возможность принять мѣры. Но эта команда обманула меня».

«Капитанъ», сказалъ докторъ. «Съ вашего позволенія — это заслуга Сильвера. Замѣчательный человѣкъ»!

«Онъ будетъ замѣчательно хорошъ на висѣлицѣ», возразилъ капитанъ. «Но все это — слова, не ведущія ни къ чему. Я вижу нѣсколько пунктовъ и, съ позволенія мистера Трелонэя, я назову ихъ».

«Вы, сэръ, — капитанъ. Вамъ принадлежитъ слово», сказалъ мистеръ Трелонэй великодушно.

«Первый пунктъ», началъ капитанъ. «Мы должны продолжать путь, потому что не можемъ вернуться. Если-бы я отдалъ приказъ повернуться, то они сразу возмутились-бы. Второй пунктъ: у насъ есть время, по меньшей мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда кладъ будетъ найденъ. Третій пунктъ: есть и вѣрные люди среди команды. До драки дѣло дойдетъ неизбѣжно, рано или поздно. Поэтому будемъ терпѣливо ждать и постараемся, чтобы до драки дошло тогда, когда они меньше всего будутъ этого ждать. Можемъ-ли мы разсчитывать на вашихъ домашнихъ слугъ, мистеръ Трелонэй»?

«Какъ на меня самого», заявилъ кавалеръ.

«Трое»! сосчиталъ капитанъ. «Вмѣстѣ съ нами — семеро, считая Хоукинса. Теперь, о вѣрныхъ людяхъ въ командѣ»?

«Вѣрнѣе всего это тѣ люди, которыхъ Трелонэй нанялъ самъ, прежде чѣмъ встрѣтиться съ Сильверомъ», сказалъ докторъ.

«Нѣтъ», отвѣтилъ кавалеръ. «Хендсъ, какъ разъ, былъ нанятъ мной».

«Я думалъ, что могу довѣрять Хендсу», сказалъ капитанъ.

«И подумать, что всѣ они — англичане»! вспылилъ кавалеръ. «Сэръ, я, кажется, готовъ взорвать корабль на воздухъ»!

«Итакъ, джентльмены», сказалъ капитанъ, «можно сказать—мало хорошаго. Надо держаться вмѣстѣ и слѣдить внимательно. Дѣло это — скучное. Пріятнѣе была-бы открытая драка. Но ничего нельзя

подѣлать, пока не разберемся въ людяхъ. Терпѣть и ждать попутнаго вѣтра, — таково мое мнѣніе».

«Джимъ можетъ намъ помочь больше, чѣмъ кто-бы то ни было. Команда его не стѣсняется, а Джимъ — примѣтливый малый».

«Хоукинсъ, я исключительно надѣюсь на тебя», прибавилъ кавалеръ.

При этихъ словахъ я почувствовалъ себя очень не важно, потому что считалъ себя безпомощнымъ; и все-же, по странному стеченію обстоятельствъ, спасеніе пришло, именно, черезъ меня. Тѣмъ временемъ, чтобы ни говорили, было всего семеро изъ двадцати-шести, на кого мы могли увѣренно положиться; и изъ этихъ семерыхъ одинъ былъ мальчикъ, такъ что взрослыхъ человѣкъ на нашей сторонѣ было шестеро противъ девятнадцати.

Часть третья.

ГЛАВА XIII.

Какъ начались мои береговыя приключенія.

Когда я на слѣдующее утро вышелъ на палубу, внѣшность острова казалась совершенно иной. Хотя вѣтеръ совершенно ослабъ, мы много прошли за ночь, и теперь стояли въ полумилѣ къ юго-востоку отъ низкаго восточнаго берега. Мрачные лѣса покрывали значительную часть пространства. Этотъ ровный, сѣроватый тонъ мѣстами прерывался желтыми полосами песку и отдѣльными высокими деревьями изъ породы хвойныхъ, которыя росли отдѣльно и небольшими группами; но общая окраска была однообразна и печальна. Холмы выдѣлялись надъ зеленью, голыми скалистыми пиками. Всѣ они были странной формы, а «Подзорная Труба», которая превышала на триста или четыреста футовъ всѣ остальные, казалась особенно странной: склоны ея круто поднимались со всѣхъ сторонъ, а сверху она была срѣзана, какъ цоколь, приготовленный для установки статуи.

«Испаніола» покачивалась на океанскомъ прибоѣ. Реи скрипѣли на блокахъ, руль поворачивался взадъ и впередъ, и весь корабль трещалъ, скрипѣлъ и вздрагивалъ, какъ мельница. Мнѣ приходилось крѣпко держаться за поручни, и все ныряло и кружилось передъ моими глазами. Хотя я довольно хорошо переносилъ море въ пути, но отъ этого стоянія на одномъ мѣстѣ и перекачиванія съ боку на бокъ у меня все-же кружилась голова, въ особенности-же утромъ, на пустой желудокъ.

Можетъ быть отъ этого, а можетъ быть и отъ внѣшняго вида острова, съ его сѣрыми, меланхолическими лѣсами и дикими грудами скалъ, — несмотря на то, что солнце ярко свѣтило и птицы громко кричали, ловя рыбу, сердце мое, какъ говорится, опустилось въ пятки; и съ перваго взгляда даже мысль объ Островѣ Сокровищъ стала мнѣ противной.

Но предстояла трудная работа, потому что не было и признака вѣтра, и приходилось спускать лодки, чтобы вести корабль на буксирѣ мили три или четыре, чтобы обогнуть островъ и войти въ узкій

каналъ, ведущій къ мѣсту стоянки за Островомъ Скелета. Я вызвался ѣхать въ одной изъ лодокъ, гдѣ, впрочемъ, для меня не было никакого дѣла. Жара все увеличивалась, и команда ворчала. Моей лодкой командовалъ Андерсонъ, и вмѣсто того, чтобы поддерживать порядокъ, онъ ворчалъ хуже другихъ.

«Ладно», воскликнулъ онъ съ проклятьемъ, «это не на долго»!

Мнѣ это показалось очень плохимъ признакомъ; потому что до этого дня команда усердно и охотно выполняла работу; но одинъ видъ острова ослабилъ всѣ нити дисциплины.

Всю дорогу Длинный Джонъ стоялъ рядомъ съ рулевымъ и направлялъ корабль. Онъ зналъ путь, какъ свои пять пальцевъ; и хотя лотъ показывалъ всюду больше глубины, чѣмъ было отмѣчено на картѣ, Джонъ ни на минуту не колебался.

Мы стали какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ на картѣ былъ помѣченъ якорь, приблизительно въ трети версты отъ обоихъ береговъ, материка и Острова Скелета. Дно было покрыто чистымъ пескомъ. Всплескъ якоря вспугнулъ цѣлыя тучи птицъ, которыя съ крикомъ стали кружиться надъ лѣсомъ. Но черезъ минуту онѣ сѣли, и вновь наступила тишина.

Мѣсто это было совершенно глухое, со всѣхъ сторонъ окруженное лѣсомъ, спускавшимся къ самой водѣ. А вершины холмовъ обступили лѣсъ амфитеатромъ. Двѣ маленькихъ рѣчки, или, точнѣе, два болота вливались въ этотъ прудъ, какъ можно было-бы назвать мѣсто нашей стоянки; и зелень около этой части берега была ядовито-зеленаго цвѣта. Съ корабля мы не могли видѣть дома и частокола, потому что они были закрыты деревьями; и если-бы не имѣвшаяся у насъ карта, то можно было бы думать, что мы — первые, кинувшіе здѣсь якорь съ тѣхъ поръ, какъ островъ этотъ поднялся надъ водами.

Воздухъ былъ неподвиженъ, и не было никакихъ звуковъ, кромѣ шума прибоя, ударявшагося въ берегъ. Странный затхлый запахъ стоялъ надъ мѣстомъ — запахъ перегноя и прѣлыхъ листьевъ. Я видѣлъ, что докторъ морщится и принюхивается, какъ будто пробуя несвѣжее яйцо.

«Не знаю, какъ на счетъ сокровищъ», сказалъ онъ. «Но я готовъ прозаложить мой парикъ, что здѣсь водится лихорадка».

Если поведеніе команды было способно вызывать тревогу, когда они были въ лодкахъ то оно стало явно угрожающимъ, когда они вернулись на бортъ корабля. Они валялись на палубѣ, перекидываясь ворчливыми замѣчаніями. Малѣйшій приказъ встрѣчался зловѣщими взглядами и выполнялся съ ропотомъ и спустя рукава. Даже честные люди очевидно поддавались заразѣ. Мятежъ очевидно нависалъ надъ нами, какъ грозовая туча.

И не только мы въ каютъ-компаніи замѣчали опасность. Длинный Джонъ выбивался изъ силъ, переходя отъ одной группы къ другой и расточая совѣты и уговоры. Онъ старался показать примѣръ вѣжливости и послушанія. Если отдавался приказъ, Джонъ тотчасъ-же поспѣвалъ на своемъ костылѣ, съ самымъ почтительнымъ «Слушаю, сэръ»! А когда не было работы, онъ затягивалъ одну пѣсню за другой, какъ-бы для того, чтобы скрыть недовольство остальныхъ.

Изъ всѣхъ тревожныхъ признаковъ этого тревожнаго дня, это явное безпокойство длиннаго Джона казалось самымъ зловѣщимъ.

Мы стали держать совѣтъ къ каютѣ.

«Сэръ»! сказалъ капитанъ. «Если я рискну отдать еще одинъ приказъ, весь корабль набросится на насъ, какъ одинъ человѣкъ. Вотъ оно, началось. Если я прикажу, мнѣ отвѣтятъ грубостью. Если я отвѣчу, какъ надо, оружіе пойдетъ въ ходъ; если-же не отвѣчу, Сильверъ сразу пойметъ, что дѣло неладно, и игра тогда проиграна.

Теперь мы можемъ надѣяться только на одного человѣка».

«И кто-же это»? спросилъ кавалеръ.

«Сильверъ, сэръ»! отвѣтилъ капитанъ. «Онъ не меньше насъ съ вами хочетъ, чтобы все прошло гладко. Ему быстро удалось-бы уговорить команду, если-бы представился только удобный случай. Я предлагаю дать ему эту возможность. Разрѣшимъ командѣ съѣхать на берегъ. Если они всѣ отправятся, мы захватимъ корабль. Если никто изъ нихъ не поѣдетъ, что-же, мы будемъ отстаивать каюту, и да поможетъ Богъ правымъ. Если-же они поѣдутъ, то запомните мои слова, сэръ, Сильверъ привезетъ ихъ обратно послушными, какъ овцы».

Такъ и было рѣшено; заряженные пистолеты были розданы всѣмъ вѣрнымъ людямъ; Гентеръ, Джойсъ и Редрусъ были посвящены въ положеніе дѣлъ, и приняли эти извѣстія съ меньшимъ разочарованіемъ и съ лучшимъ настроеніемъ, чѣмъ мы ожидали, а капитанъ вышелъ на палубу и обратился къ командѣ.

«Ребята», сказалъ онъ, «выдался трудный денекъ, и всѣ устали и намучились. Прогулка на берегъ никому не повредитъ, — лодки еще на водѣ; вы можете взять ялики и всѣ, кто пожелаетъ, могутъ высадиться на берегъ. За полчаса до захода солнца я дамъ выстрѣлъ изъ пушки».

Я увѣренъ, что эти дураки надѣялись, что наткнутся сразу на сокровища, лишь только сойдутъ на берегъ; потому что всѣ они сразу повеселѣли и крикнули ура такъ, что эхо отозвалось въ далекихъ холмахъ и птицы снова съ крикомъ закружились надъ стоянкой.

Капитанъ тотчасъ-же скрылся, предоставивъ Сильверу устраивать поѣздку; и, думается, онъ поступилъ правильно. Если-бы онъ оставался на палубѣ, онъ не могъ-бы дальше дѣлать видъ, что не понимаетъ положенія. Все стало яснымъ, какъ день. Сильверъ былъ капитаномъ и ему приходилось держать въ рукахъ мятежную команду. Честные матросы, — а я вскорѣ убѣдился, что таковые есть среди команды, — были должно быть очень глупые ребята. Вѣрнѣе, всѣ они въ большей или меньшей степени поддавались вліянію зачинщиковъ. Но одно дѣло отказываться работать и работать, а другое — захватить корабль и перерѣзать нѣсколько невинныхъ человѣкъ.

...«Въ одно мгновеніе я спустился черезъ бортъ и спрыгнулъ на носъ ближайшей лодки»...

Наконецъ, партія собралась. Шесть человѣкъ должны были остаться на борту, а остальные тринадцать, въ томъ числѣ и Сильверъ, стали сажаться въ лодки.

Тутъ мнѣ пришелъ въ голову первый изъ глупыхъ замысловъ, которые такъ много содѣйствовали спасенію нашихъ жизней. Если Сильверъ оставилъ шесть человѣкъ, то ясно было, что наша группа не могла пытаться захватить корабль; а такъ какъ этихъ людей было всего шестеро, то, конечно, помощь моя была излишня. И мнѣ пришло въ голову спуститься на берегъ. Въ одно мгновеніе я спустился черезъ бортъ и спрыгнулъ на носъ ближайшей лодки въ тотъ самый моментъ, когда она отчаливала.

Никто не обратилъ на меня вниманія, только загребной спросилъ: «Это ты, Джимъ? Опусти-ка голову»!

Но Сильверъ съ другой лодки пристально поглядѣлъ въ мою сторону и спросилъ, дѣйствительно-ли это я. И съ той минуты я сталъ жалѣть, о томъ, что сдѣлалъ.

Команда на перегонки устремилась къ берегу, но лодка, въ которой находился я, была легче и раньше вышла, и поэтому носъ ее вскорѣ ударился въ прибрежныя заросли. Я ухватился за вѣтвь, выскочилъ и нырнулъ въ самую гущу зарослей, въ то время какъ Сильверъ и остальные были еще въ ста ярдахъ отъ берега.

Я слышалъ, какъ онъ кричалъ: «Джимъ, Джимъ»!

Но вы, конечно, понимаете, что я не обратилъ вниманія на этотъ зовъ. Карабкаясь, прыгая и пробираясь сквозь чащу, я бѣжалъ все впередъ, до тѣхъ поръ пока могъ бѣжать.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Переводъ съ англійскаго Ал. КОЙРАНСКАГО.

НАУКА И ЖИЗНЬ

НИТКИ ИЗЪ БУМАГИ.

Это — не новинка. Въ концѣ 18-го столѣтія японцы уже умѣли выдѣлывать нитки изъ бумаги, и изъ такихъ нитокъ ткать матеріи. Но затѣмъ появились нитки и ткани изъ хлопка (хлопчато-бумажныя, или, какъ у насъ часто называютъ, просто «бумажныя» ткани). Японское искусство пришло въ упадокъ.

Война заставила вспомнить много старыхъ забытыхъ способовъ изготовленія нужныхъ предметовъ, заставила придумать и много новыхъ. Во всѣхъ странахъ чувствовалась нехватка хлопка для изготовленія нитокъ и тканей. Особенно большой «хлопковый голодъ» испытывали нѣмцы. Своего хлопка у нихъ никогда не было. Они пользовались только привознымъ. Во время войны привозъ прекратился. Тогда обратились къ бумагѣ. Быстро были придуманы различныя машины и приспособленія для производства нитокъ изъ бумаги, и за время войны въ Германіи и Австро-Венгріи было устроено 600 спеціальныхъ фабрикъ, изготовлявшихъ такія ткани.

Машины эти должны быть очень точными. Вы знаете, какъ легко рвется бумага. Между тѣмъ, нитка скручивается изъ бумажной ленты, ширина которой равна 1 1/4 миллиметра, а иной разъ дѣлается даже только въ 1/3 миллиметра шириной. Попробуйте-ка вырѣзать бумажную ленту такой ширины.

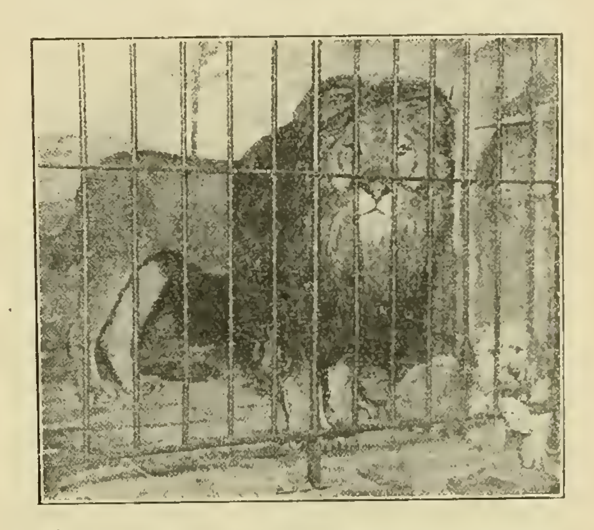
Несмотря на окончаніе войны, нитки изъ бумаги все больше и больше примѣняются для разныхъ подѣлокъ. Очень хорошо распространены бичевки и веревки крученыя изъ бумажныхъ лентъ. Иногда, для крѣпости, въ сердцевину такой бичевки вкладывается желѣзная проволока. Затѣмъ нитки изъ бумаги примѣняются для изготовленія толстыхъ матерій, какъ мебельныя ткани, занавѣси, половики, ковры и т. п.

Обыкновенно, бумага, если ее намочить въ водѣ, рвется съ большой легкостью. Но нитки изъ бумаги обрабатываютъ разными составами, чтобы онѣ не боялись сырости. И ткани изъ такихъ нитокъ можно мыть, какъ обыкновенныя матеріи. Поэтому въ Германіи изъ бумажныхъ (настоящихъ бумажныхъ, а не хлопчато-бумажныхъ) тканей дѣлаютъ салфетки, нижнее бѣлье, подкладки для верхней одежды, передники, платки и т. п. Но когда хотятъ сдѣлать матерію особенно прочной, все-же нитки изъ бумаги переплетаютъ съ нитями хлопчато-бумажными.

ЧЕРНЫЙ ЛЕВЪ — СТАРЫЙ ЛЕВЪ.

Естествоиспытатели часто классифицировали Африканскихъ львовъ по окраскѣ гривы, но новѣйшія наблюденія доказали, что окраска львиной гривы мѣняется независимо отъ страны или мѣстности, независимо отъ родовыхъ особенностей, а зависитъ только отъ возраста льва.

Старѣя — левъ чернѣетъ. Сначала появляются темныя пряди и только постепенно,— съ годами, — чернѣетъ вся грива — пышное украшеніе царя звѣрей.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО БЕЗПРОВОЛОЧНОМУ ТЕЛЕФОНУ МЕЖДУ ЖЕНЕВОЙ И ЛОНДОНОМЪ.

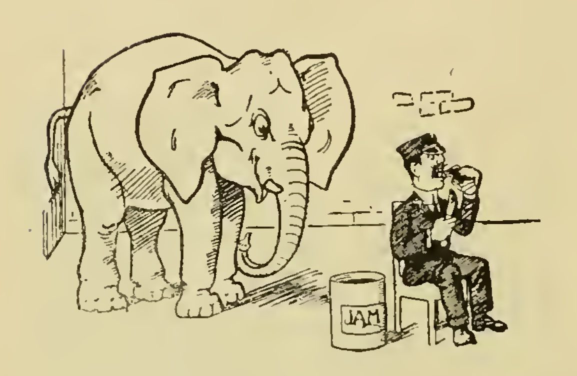
Можно считать безусловнымъ, что *безпроволочный* телефонъ скоро станетъ всеобщимъ достояніемъ. Въ началѣ декабря 1920 года были произведены опыты предъ многочисленной публикой въ Женевѣ. Собравшіеся могли слушать рѣчи, произнесенныя предъ трубкой телефона въ Лондонѣ.

Но самымъ поразительнымъ, конечно, было услышать по *безпроволочному* телефону нѣсколько словъ привѣтствія, сказанныхъ *самимъ Бэлемъ*, изобрѣтателемъ *проволочнаго* телефона.

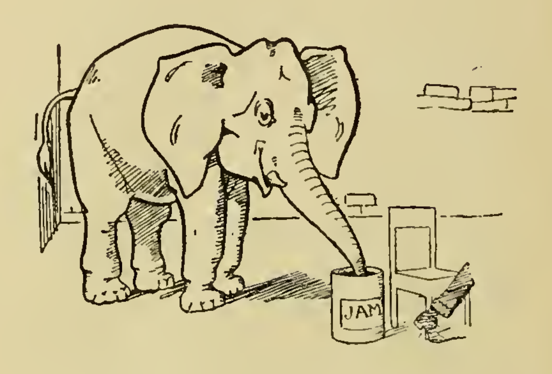
Но не прошло и 50 лѣтъ со времени появленія этого важнаго изобрѣтенія, какъ оно вытѣсняется новымъ, еще болѣе удивительнымъ, телефономъ, передающимъ живой человѣческій голосъ на громадное разстояніе и безъ всякихъ проводовъ, *безъ проволокъ*. Надъ изобрѣтеніемъ безпроволочнаго телефона трудилось *много* людей. Особенно выдающимся изъ этихъ изобрѣтателей является Маркони.

ПОТѢХѢ ЧАСЪ

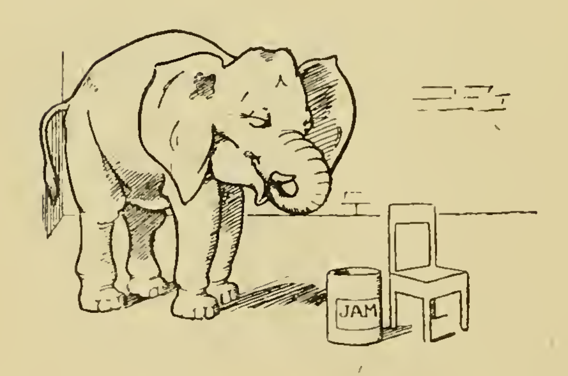
НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

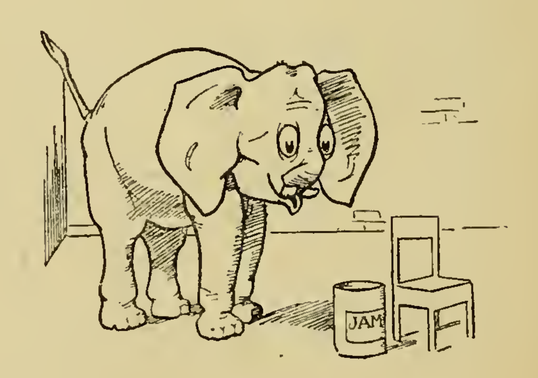
У слона былъ длинный хоботъ
И ужасный аппетитъ.
Еспи-жъ слонъ бывалъ голоденъ,
Онъ былъ страшенъ и сердитъ.

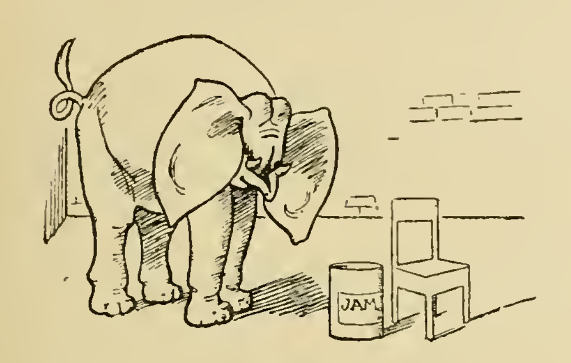
Какъ-то утромъ мистеръ Джэксонъ
Съѣлъ свой завтракъ и ушелъ.
Въ это время слонъ домашній
Въ ту-же комнату вошелъ.

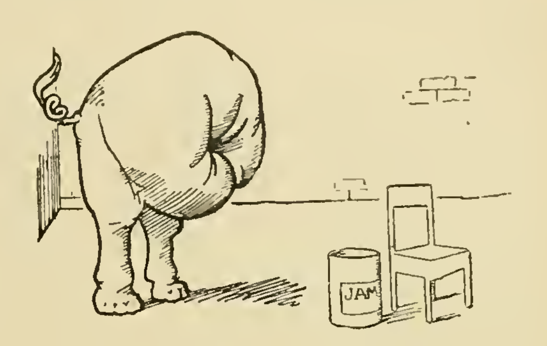
О, варенье! — и въ мгновенье
Все вареніе слизнулъ
И въ себя въ большомъ волненьи
Хоботъ собственный втянулъ.

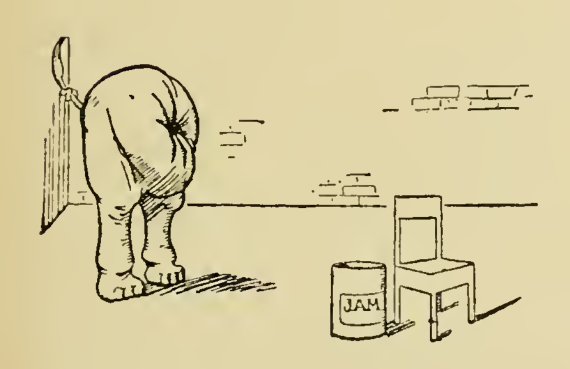
Ахъ, обжорство!.. Ты — причина
Непріятныхъ въ жизни дѣлъ!..
Слонъ держался, какъ мужчина,
Но замѣтно поблѣднѣлъ.

Онъ терялъ уже разсудокъ,
Да и какъ не потерять,
Когда хоботъ влѣзъ въ желудокъ —
Глубиною метровъ въ пять!..

Сталъ онъ бѣлымъ, какъ бумага,
И, всю жизнь свою губя,
Потянулъ въ себя, бѣдняга,
Половину отъ себя.

Трахъ!.. и что-то разорвалось,
Точно лопнула струна.
Трахъ!.. — и кляксы не осталось
Отъ несчастнаго слона.

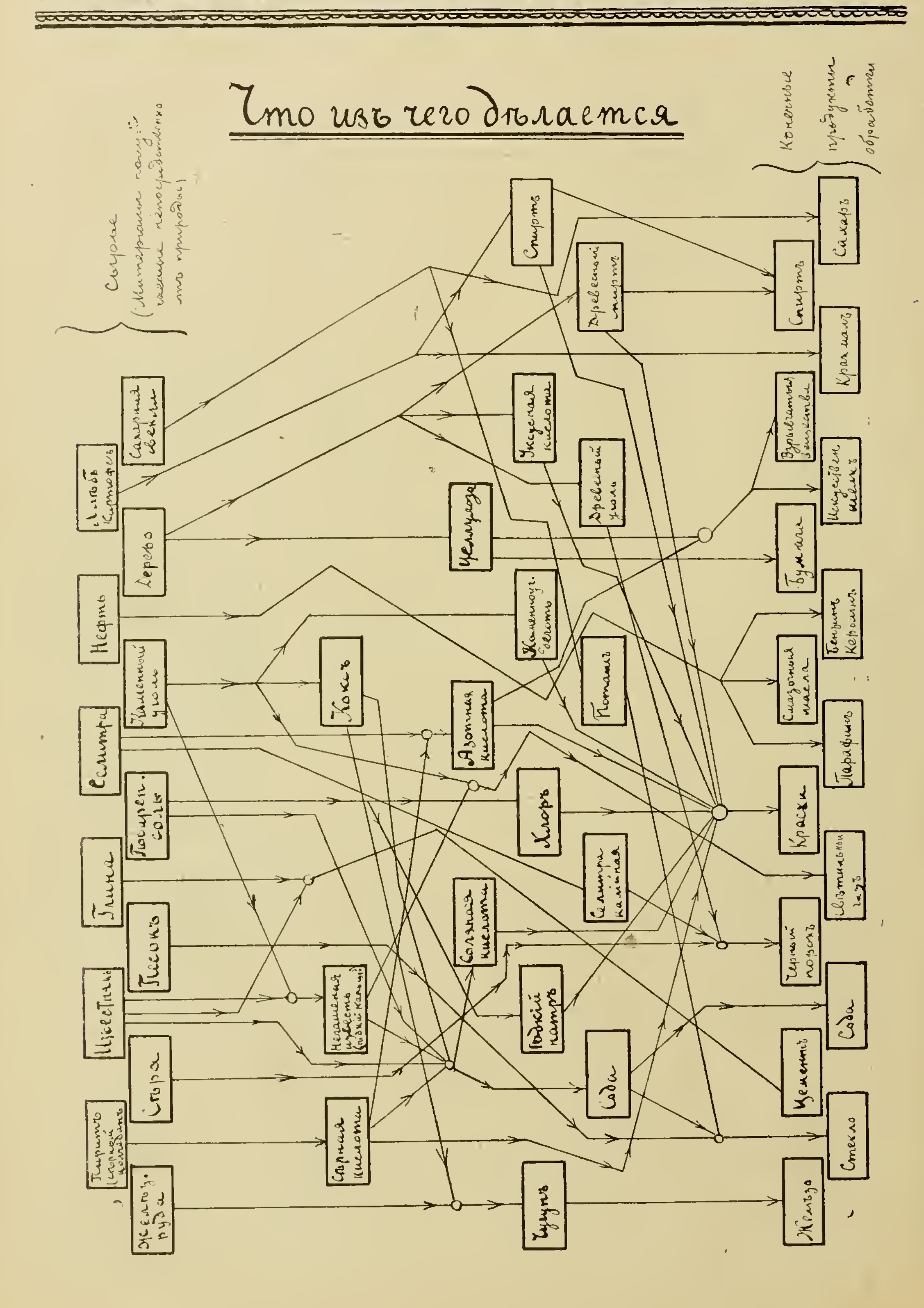
И когда вернулся Джэксонъ,
Онъ былъ очень удивленъ,
Ибо сгинулъ, какъ букашка,
Молодой и честный слонъ.

Вы не вѣрите?! — Спросите!
Я могу вамъ адресъ дать:
— Мистеръ Джэксонъ. Лондонъ — Сити.
Пудль-Вудль. Номеръ пять.

Донъ-Аминадо.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

Что изъ чего дѣлается

Въ помощь русскимъ дѣтямъ.

Редакція журнала «Зеленая Палочка» считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ «Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ», въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ*.
Александръ Ивановичъ *Купринъ*.
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ*.

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи:

31, Rue de Richelieu, PARIS (Ier)
(Métro : Palais-Royal)

а также почтовыми переводами.

До настоящаго времени поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ (полный списокъ опубликованъ въ «Зеленой Палочкѣ» за 1920 г.) — всего: 1.015 франковъ.

Запаздываніе въ выходѣ предшествующихъ номеровъ журнала происходило исключительно по винѣ прежней типографіи.

Въ настоящее время журналъ „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА“ печатается въ новой типографіи (Типографія „Земгора“).

Редакторъ: А. П. Шполянскій (Донъ-Аминадо). *Издатель:* Русское Книгоиздательство въ Парижѣ «Сѣверъ».

Le gérant : HAMBOURG. Imprimerie «ZEMGOR», 216, boulevard Raspail.

ПРОДАЖА ОТДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРОВЪ

ЖУРНАЛА

„ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА"

И ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ:

ПАРИЖЪ: *Контора журнала*. 31, rue de Richelieu. Paris (1-er). Tel. Louvre 13-36.
Metro: Palais-Royal.
Контора газеты «Послѣднія Новости» Place du Palais-Bourbon, 5.
Контора газеты «Общее Дѣло», 142, rue Montmartre.
Книжный магазинъ Поволоцкаго. Rue Bonaparte, 13.
БОЛЬЕ: Librairie de la Riviera.
МАРСЕЛЬ: G. Esmansky, Rue Paradis, 29.
НИЦЦА: Книжный магазинъ Розанова. Rue Longchamps, 7.
АВСТРІЯ: J. Persky. Waehringerstr: 33. Wien IX.
АМЕРИКА: Tchernoff. 136, Liberty Street, 136, New-York N. 7.
АНГЛІЯ: London E. C. 2. Press Agency. 36, Finsbury Pavement.
БЕЛЬГІЯ: Bruxelles. R. Fichbein, 30. rue du Monastere.
БЕССАРАБІЯ: Кишиневъ. Н. Авербухъ, Ул. Гоголя, 20.
БОЛГАРІЯ: Sofia. A. Lewenson, Rue Rossiza, 7.
ВЕНГРІЯ: Budapest. A. Chariton, Teretz Kornt. 34.
ГЕРМАНІЯ: Berlin S. W. 48. Russische Buchhandlung H. Sachs. Wilhelmstr., 20.
Berlin. Scharlottenburg Kantstrasse, 24. Книж. магаз. «Родина».
ГРЕЦІЯ: Athenes. Librairie Internationale Eleftherudakis et Bareth.
ИТАЛІЯ: *Римъ*: Libreria russo «Slovo». Piazza del Popolo, 18.
Генуя: Agenzia giornalistica.
Миланъ: Cooperativa giornalai. Via Sala, 10.
Тріестъ: Agenzia internationale di gazzette. Via del Teatro, 1.
ЛАТВІЯ: Riga. Ed. Petzholtz. Schkuhnu eela, 16. (Сарайная 16.)
РУМЫНІЯ: *Букарестъ:* Averbuch. Strada. Vasili Lascar N. 57.
Галацъ: Averbuch. Hotel Metropol.
Черновицы: Averbuch. Romania Strada. Sterengasse N 6.
СКАНДИНАВІЯ (Швеція, Норвегія, Данія): M. Laapchitz, Westen 25, III.
Copenhagen.
ТУРЦІЯ: Constantinople. J. Polonsky. Galata, Hovaghimian Han. «Центросоюзъ».
ФИНЛЯНДІЯ: *Гельсингфорсъ*, Almanna Pressbiran. N. Esplanadg., 27.
Выборгъ, Librairie Russe. Ekateringatte, 23.
Келломяки, A. Reiche.
ЧЕХО-СЛОВАКІЯ: Praha II. «Nasa rjec.» Katerinska, 40.
ШВЕЙЦАРІЯ: Geneve. Librairie Menkes. Rue de Carouge, 3.
ЮГО-СЛАВІЯ: Belgrade. B. Gerchoune. Sviatosavska. 18.
ЭСТОНІЯ: Reval. A. Poumpiansky. Pessotchnaja, 14.

Книгоиздательство «СЪВЕРЪ» выполняетъ заказы по высылкѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ.

PRIX : 3 FRANCS

№ 2

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

ПАРИЖЪ
1921

«LA BAGUETTE VERTE»
Revue bi-mensuelle.

II-ой ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Зеленая Палочка

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 2 (8) 16-31 Января 1921 г. — Годъ изданія второй. № 2 (8)
Редакція и контора: 31, rue de Richelieu, Paris (Ier)
ПАРИЖЪ.

Алексѣй Θеоθилактовичъ Писемскій.

Алексѣй Θеоѳилактовичъ Писемскій, извѣстный русскій писатель, родился 10 марта 1820 года въ небогатой дворянской семьѣ.

Писемскій уже смолоду былъ человѣкомъ смѣлыхъ и независимыхъ взглядовъ. Въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ онъ постоянно утверждалъ, что жизнь всякаго человѣка и всякаго народа течетъ «сама собой», — такъ, какъ ей предуказано ея счастливой или горькой судьбой.

Свою литературную дѣятельность Писемскій посвятилъ живописанію простыхъ, захолустныхъ и нехитрыхъ нравовъ людей будничныхъ и обыкновенныхъ.

Герои его романовъ «Тюфякъ», «Тысяча душъ», «Мѣщане», по большей части, — люди практическіе, смѣтливые, простодушные. Они мало вѣрятъ въ то, что жизнь можно передѣлать «по щучьему велѣнію». Какъ иногда ни уродлива и отвратительна бываетъ обстановка, въ которой имъ приходится коротать свой вѣкъ, они не тратятъ попусту усилій и словъ, постепенно примиряясь со своей судьбой и со своимъ долгомъ.

При жизни Писемскаго за это не любили. Его романы читали съ интересомъ, такъ какъ они всегда были занятны по содержанію и хорошо написаны. Но его взгляды считали бездушными, а идеи — вредными.

Въ настоящее же время многіе оцѣнили ихъ правдивость и искренность.

На-дняхъ исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти А. Θ. Писемскаго.

КОТЫ - МОРЯКИ.

Рис. Альб. Бенуа.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

Въ Марсели и въ декабрѣ бываетъ хорошо, какъ лѣтомъ: воздухъ ласковый, а вода въ морѣ хоть и не такая теплая, но похожа на безконечную, шелковую синюю матерію.

И особенно хорошо чувствуется на русскихъ пароходахъ передъ рождественскими праздниками: вспоминаютъ прошлое, надѣются на лучшее будущее, меньше ссорятся и къ звѣрямъ относятся ласково.

А на каждомъ суднѣ всегда есть и собаки, и коты, и кошки и ихъ всѣ любятъ.

На нашемъ огромномъ пароходѣ было два кота: большой бѣлый — Спиридонъ и черный Минька. Жила еще кошка Машка, но у нея только что родились дѣтки и она рѣдко показывалась на палубѣ.

Спиридонъ и Минька терпѣть не могли другъ друга.

Дѣло въ томъ, что черный Минька родился на пароходѣ и совсѣмъ не зналъ, что такое берегъ, а бѣлаго Спиридона кочегары украли гдѣ-то на островѣ.

Спиридонъ часто скучалъ и ночью не ловилъ крысъ, а ходилъ взадъ и впередъ по длиннѣйшему корридору перваго класса, стоналъ и завывалъ, точно у него болѣли зубы.

Матросъ-турокъ Мемэтъ крѣпко вѣрилъ, что это кричитъ шейтанъ — злой духъ, который тоже есть на каждомъ пароходѣ.

Минька же былъ убѣжденъ, что никакой земли, вообще, на свѣтѣ не существуетъ, и что Спиридонъ кричитъ по ночамъ просто оттого, что у него дурной характеръ.

По звонку на завтракъ и на обѣдъ въ каютъ-компанію, гдѣ собирались помощники капитана и механики, первымъ всегда являлся Минька и получалъ вкусные кусочки. Глуховатый Спиридонъ иногда не слыхалъ звонковъ и опаздывалъ, — тогда онъ молча пробирался подъ столъ и, глядя оттуда огненно-зелеными глазами на Миньку, снова начиналъ, отъ зависти, кричать.

Лакей Гриша молча салфеткой выгонялъ его въ корридоръ.

Спиридону, хотя онъ питался еще и возлѣ кочегаровъ, — это казалось величайшей несправедливостью.

Тихими шагами онъ снова возвращался къ дверямъ столовой и думалъ:

«Я не виноватъ въ томъ, что Минька родился на пароходѣ и считается настоящимъ морякомъ; онъ моложе и быстрѣе меня... А у меня отъ пароходнаго электричества болятъ ноги и я плохо слышу, а противный Гришка вмѣсто того, чтобы заступиться, выбрасываетъ... О, я ему отомщу!»

И еще думалъ Спиридонъ: «Вѣдь они всѣ умные и знаютъ, что если я не родился на пароходѣ, то нужно только сдѣлать мнѣ ошейникъ изъ цинка и мѣди, и тогда проклятое электричество не будетъ меня мучить... Вотъ и кошка Машка тоже безъ заднихъ ногъ, стоитъ только надѣть ей такой ошейникъ, и она будетъ чувствовать себя лучше... И ни одинъ изъ механиковъ — не догадается»...

Минька не любилъ кричать, а, встрѣчаясь со Спиридономъ въ корридорѣ, молча давалъ ему пощечину и удиралъ. Но случалось, что Спиридонъ успѣвалъ его догнать и укусить за заднюю ногу.

Минька особенно презиралъ Спиридона за трусость: когда отдавали якорь, и стальной канатъ начиналъ стучать и гремѣть, точно цѣлый рядъ пушечныхъ выстрѣловъ — Спиридонъ подымалъ хвостъ и какъ сумасшедшій бросался бѣжать въ кочегарскій кубрикъ*)... Спиридонъ также боялся и крысъ, и это всѣхъ удивляло, но никто не зналъ, что когда Спиридонъ былъ еще котенкомъ и жилъ на землѣ, то однажды большая крыса впилась ему въ горло, и дѣло могло кончиться плохо...

Вообще Спиридонъ страдалъ на своемъ вѣку больше и потому характеръ у него былъ мрачный.

Но не только Минька, а даже и нѣкоторые люди, какъ напримѣръ лакей Гриша — этого не понимали.

Капитанъ обѣдалъ на верху въ своей каютѣ и тамъ тоже можно было получить вкусный кусочекъ, но вмѣстѣ съ капитаномъ жилъ фоксъ-терьеръ Бутсъ — такой, который бросался не только на кошекъ, но и на людей.

Въ декабрѣ рано темнѣетъ, и обѣдать садятся въ пять часовъ уже при электричествѣ. Такъ было и въ этотъ разъ. Погода стояла безвѣтреная. Настоящая ночь не наступила, и виднѣлась еще вдали на горѣ фигура Notre Dame de la Gare. Но уже зажегся зеленый огонь маяка при выходѣ изъ порта и мигалъ, точно кошачій глазъ.

Въ каютъ-компаніи тоже сіяли лампочки.

Спиридонъ осторожно вошелъ и оглядѣлся: людей не было, и даже Гриша не принесъ еще суповую чашку и не звонилъ.

«Теперь я пришелъ первый», подумалъ Спиридонъ, «не опоздалъ, значитъ мнѣ должны и первому дать что-нибудь вкусное», и молча полѣзъ подъ столъ.

Когда зазвонилъ колокольчикъ и собрались помощники капитана и механики — явился и Минька, но сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Спиридона, и прыгнулъ прямо на диванъ, поближе къ старшему помощнику.

Послѣ борща подали вкусныя свиныя отбивныя котлеты, и кто-то далъ Минькѣ косточку съ остатками жира, но бросилъ эту косточку подъ столъ. За ней прыгнулъ Минька и, не обращая вниманія на Спиридона, началъ ее грызть.

Спиридону это показалось величайшей несправедливостью и онъ горько завылъ.

— «И чего онъ оретъ?» произнесъ кто-то за столомъ

Тогда Гриша молча нагнулся и началъ тащить Спиридона за хвостъ.

Спиридонъ окончательно обозлился и забылъ, гдѣ онъ и, уже не когтями, а всѣми зубами впился въ человѣческіе пальцы, такъ что изъ руки брызнула кровь.

Отъ боли и злости Гриша тоже забылъ все на свѣтѣ: не выпуская изъ рукъ Спиридона, онъ выбѣжалъ на верхнюю палубу и бросилъ кота за бортъ въ темно-синюю бездну, а самъ спрятался въ одной изъ каютъ перваго класса.

Все это видѣлъ боцманъ-сербъ, огромный, плохо говорящій по-русски человѣкъ. Онъ сейчасъ же явился въ каютъ-компанію и сказалъ старшему помощнику:

— «Спиридонъ леталъ за бортъ. Гришка бросалъ... Прикажете шлюпку?.. Еще плаваетъ...»

— Да!.. Спасти!

— Вотъ за такую штуку недурно бы Гришку разсчитать, — сказалъ докторъ Николаевскій и нервно, обѣими руками, погладилъ себя по лысинѣ.

— Не разсчитать, а побить — хриплымъ басомъ отозвался старшій механикъ.

---

*) Жилое помѣщеніе машинной команды.

Особенно возмутился второй помощникъ Иванъ Осиповичъ, — онъ много занимался теософiей и вѣрилъ и зналъ, что мучить и убивать животныхъ такой-же грѣхъ, какъ и мучить человѣка.

Отъ ужаса и отъ холода Спиридонъ на секунду потерялъ сознанiе, а затѣмъ началъ работать всѣми четырьмя лапами. На тихой, плотной водѣ было легко плыть. Шлюпка подошла только черезъ пять минутъ, но Спиридону показалось, что прошло больше времени, чѣмъ всѣ пять лѣтъ его жизни. Онъ даже не кричалъ. Кто-то схватилъ его крѣпко за шиворотъ, поднялъ и бросилъ на дно шлюпки, и Спиридонъ не почувствовалъ боли.

Затѣмъ все было какъ во снѣ, и прошло еще длинныхъ пять минутъ, пока Спиридонъ снова очутился на пароходѣ.

Здѣсь его сразу взяли въ кочегарскiй кубрикъ и положили на одѣяло, но котъ не лежалъ, а запрыгалъ и замоталъ головой... Соленая вода пошла у него изо рта и изъ носа...

Затѣмъ Спиридона насильно закутали въ мѣшокъ и понесли сушить, въ машину, гдѣ было тепло, тепло... Кто-то его гладилъ, кто-то чесалъ за ухомъ, и только одно было очень непрiятно: заставили выпить полъ-рюмки коньяку.

Черезъ часъ его, уже почти сухого, снова притащили въ кубрикъ и обтерли одеколономъ затѣмъ опять укутали и дали ему цѣлую котлету съ жиркомъ.

Кочегары знаютъ, что такое страданiе и умѣютъ жалѣть.

Гриша не показывался до слѣдующаго утра.. Днемъ за завтракомъ ему никто ничего не сказалъ, — простили.

За ночь онъ много передумалъ и понялъ, что котъ укусилъ его за руку, также не соображая что дѣлаетъ...

Послѣ этого Спиридону стало жить гораздо лучше. Праздники прошли совсѣмъ хорошо. Только въ столовую Спиридонъ больше не появлялся и часто думалъ:

«Кочегары тоже ѣдятъ не плохо, а Минька, хотя и настоящiй морякъ, но еще молодъ и глупъ и прiйдетъ время, покупается и онъ... Тогда узнаетъ какой вкусъ въ соленой водѣ и коньякѣ!»..

Но все на свѣтѣ забывается. Забылъ и Спиридонъ про свое купанье и снова укусилъ кого-то изъ команды.

Но на этотъ разъ его не выбросили за бортъ, а по распоряженiю высшаго начальства — «для пользы службы» — перевели на паро-

«...Онъ выбѣжалъ на верхнюю палубу и бросилъ кота за бортъ».

ходъ «Посадникъ»... И здѣсь Спиридонъ уже началъ ловить крысъ...

Пришлось: — хочешь не хочешь, — потому что это такой пароходъ, что ни отопленія, ни освѣщенія и на счетъ питанія — слабина... Были случаи, что здѣсь не только коты, а и люди съ ума сходили...

И смирился Спиридонъ и крысятинку сталъ кушать...

Борисъ Лазаревскій.

Приключенія Миши Шишмарева.

Повѣсть Александра Яблоновскаго.

Посвящается дочери моей Т. А. Фогтъ.

(*Продолженіе*).

Миша родился въ первый годъ великой войны. Но такъ какъ за всю его жизнь никогда не было такого времени,когда люди жили бы между собой въ мирѣ и не говорили про войну, то еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, лѣтъ четырехъ или пяти, Миша пришелъ къ окончательному выводу, что никакого мира, вообще говоря, нѣтъ и не бываетъ.

Война бываетъ всегда. Всѣ папы,если они не очень стары, уѣзжаютъ въ полкъ и оттуда пишутъ письма. А всѣ мамы остаются дома и очень безпокоятся и часто плачутъ и всегда ждутъ писемъ. Когда писемъ долго нѣтъ, мамы ходятъ въ церковь, стоятъ на колѣняхъ передъ иконами и смотрятъ на Божью Матерь глазами,полными слезъ.Потомъ съ войны приходитъ телеграмма, что папу убили,и тогда всѣ въ домѣ страшно плачутъ, даже кричатъ, въ особенности мамы. И никто тогда не обѣдаетъ, не пьетъ чаю, не смѣется и кругомъ бываетъ такъ скучно и такъ горько,что и самому хочется плакать. Сѣсть въ уголокъ и плакать. Но потомъ это постепенно проходитъ. Мамы опять ходятъ въ церковь,дѣлаютъ себѣ черныя платья съ длиннымъ-длиннымъ крепомъ и понемногу начинаютъ обѣдать... Такъ было, когда убили дядю Нику, дядю Володю и папу Сережи Иконникова. Такъ было и въ послѣдній разъ, когда убили Мишинаго папу...

Всѣ эти мысли о войнѣ и мирѣ остались у Миши почти безъ перемѣнъ и теперь, когда ему уже исполнилось семь лѣтъ. Теперь шла другая война: воевали большевики и буржуа, и папы, у кого они еще оставались,опять уѣзжали въ полкъ и опять писали письма. Но въ этой второй войнѣ всѣ симпатіи Миши были на сторонѣ большевиковъ, и онъ часто думалъ:

— Какъ это жаль, что мама — буржуйка и какая это досада, что дядя Кости, единственный дядя, котораго еще не убили на войнѣ, тоже буржуй.

Смыслъ этой второй войны Миша объяснялъ себѣ очень просто:

— Большевики страшно любятъ драться и воевать, а буржуи не любятъ и совсѣмъ не хотятъ драться и оттого постоянно убѣгаютъ. У большевиковъ — пушки, лошади, солдаты, пулеметы, а у буржуевъ только узлы съ бѣльемъ и чайники. И это ужасно неинтересно быть буржуемъ и ѣхать съ чайниками на вокзалъ, или садиться на пароходъ, гдѣ бываетъ такъ много людей, что негдѣ и повернуться.

Вотъ и теперь они пріѣхали на англійскій пароходъ, чтобы куда то уѣхать, убѣжать, и мама сама даже не знаетъ, куда они теперь побѣгутъ: можетъ быть, въ какую то Грецію, а можетъ быть, въ какой то Египетъ, гдѣ — мама говоритъ — очень жарко и растутъ финики. Но навѣрное, когда пріѣдемъ въ этотъ паршивый Египетъ, то окажется, что финики еще зеленые и ѣсть нельзя.

— Ужъ я знаю!

Мишѣ очень не хотѣлось уѣзжать, и на пароходѣ, когда они еще стояли на рейдѣ, онъ былъ очень мраченъ и ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить. Тамъ, въ городѣ, еще шла стрѣльба и очень отчетливо было слышно, какъ трещатъ ружья и «пьютъ» пулеметы. Тамъ дворниковъ мальчикъ Титъ, навѣрное, теперь все видитъ и собираетъ на улицѣ патроны, а можетъ быть, и сраженіе уже видѣлъ. А здѣсь,

на пароходѣ... Боже, сколько здѣсь людей и какая тѣснота и скука! И какъ только не надоѣстъ мамѣ всегда убѣгать съ мѣста на мѣсто! Это такъ противно и всегда одно и то же: люди здѣсь,какъ раки въ ведрѣ. Всѣ кричатъ, суетятся, чего то плачутъ. кругомъ узлы, чайники и масса «ручныхъ» дѣтей (такъ Миша на своемъ языкѣ называлъ дѣтей, которыхъ еще носили на рукахъ и которыя не умѣли ходить).

— Шесть или семь «ручныхъ» дѣтей. и всѣ кричатъ... Боже, до чего противно кричатъ!... Даже ѣсть не хочется отъ ихъ крику. А тутъ еще какой-то «толстый чортъ», какой-то пассажиръ, наступилъ Бойчику на лапу, да такъ, что кровь брызнула и пришлось лапу перевязать маминымъ носовымъ платкомъ. Отъ боли бѣдный Бойчикъ завизжалъ не хуже «ручныхъ» дѣтей. И теперь еще онъ все скулитъ. все дрожитъ и хромаетъ.

И Мишѣ такъ жалко было смотрѣть на эту перевязанную лапу Бойчика и на его преданные, любящіе, но заплаканные глаза. что. прижавшись къ матери, Миша почти со слезами сказалъ:

— Какъ это жалко. мамочка. что ты—буржуйка... Были бы мы теперь въ городѣ, никуда бы не убѣгали... На чорта намъ этотъ вонючій Египетъ.

Мама обняла Мишу за плечи. прижала къ себѣ и такъ грустно-грустно улыбнулась.

— Какой ты еще дурачокъ,мой мальчикъ... Какой глупышъ...

И чтобы отвлечь Мишу отъ грустныхъ мыслей, мама предложила пойти въ буфетъ чай пить, а если будетъ не очень дорого. то и шоколаду поѣсть.

Но въ буфетѣ было еще тѣснѣе. чѣмъ на палубѣ, и Миша сразу замѣтилъ двухъ «ручныхъ» дѣтей. которыя сидѣли на рукахъ у своихъ матерей. Эти дѣти. правда, еще не кричали и сидѣли совсѣмъ тихо и даже улыбались. Но развѣ можно на нихъ положиться: сейчасъ они тихенькія и смирно сосутъ свою черную соску, но черезъ минуту они начнутъ кареживться, выпинаться животомъ впередъ, запрокидывать голову и такъ заорутъ, что не захочется и чай пить. Миша не любилъ «ручныхъ» дѣтей. Онъ даже готовъ былъ отпроситься у мамы и пойти снова на палубу, когда одно, совершенно неожиданное обстоятельство, сразу отвлекло его вниманіе.

Имъ подали чай, и лакей, который принесъ чайники. оказался негромъ. Высокій, плечистый, съ волосами, похожими на свалявшуюся шерсть, онъ разставилъ своими черными руками чашки, подалъ печенiе и, оскаливъ бѣлые, какъ у собаки, зубы, улыбнулся Мишѣ и сказалъ по-англійски:

— Быть можетъ, молодой джентльменъ предпочитаетъ молоко?

Миша понималъ немножко по-англійски, но не могъ ничего отвѣтить, потому что былъ слишкомъ пораженъ. Онъ смотрѣлъ на широкій, расплюснутый, какъ у льва. носъ негра съ такими глубокими, какъ норы ноздрями, смотрѣлъ на эти вывороченныя, толстыя губы и на нѣжно-розовый языкъ и десны, которыя были видны при улыбкѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не надо молока, но дайте мальчику шоколаду.

Это говорила мама, и негръ опять своими черными руками съ такими странными, розовато-темными ладонями принесъ на тарелкѣ плитку шоколаду и снова улыбнулся Мишѣ:

— Джентльменъ предпочитаетъ сладкое?

Но Миша опять не отвѣтилъ. потому что былъ страшно, безмѣрно удивленъ. Его удивляла въ особенности приличная внѣшность негра и англійскій языкъ его.

— Мамочка! Откуда онъ здѣсь? — зашепталъ Миша. — Развѣ дикіе лакеи бываютъ? И посмотри. посмотри. мама: такой дикій, черный. какъ уголь, а такой вѣжливый и такіе на немъ воротнички и галстукъ и костюмъ... Я думалъ, они голые всегда...

Мама громко засмѣялась.

— Только этого и не доставало, чтобы голые негры намъ чай подавали... Вотъ видишь глупенькій, ты все куксился, все дулся тамъ на палубѣ, а здѣсь такъ много интереснаго: тутъ вся прислуга цвѣтная.

— Какъ «цвѣтная», мама?

— То-есть, не бѣлые люди,не европейцы... Матросы здѣсь — малайцы, лакеи — негры, а денщикъ у капитана — индусъ, шоколаднаго цвѣта. Вонъ, посмотри, буфетчикъ за стойкой стоитъ — тоже негръ.

Миша взглянулъ и опять отъ удивленія раскрылъ ротъ. За стойкой черными руками рѣзалъ булку старый, толстый негръ, съ сѣдѣющими волосами и съ бѣлой коротенькой бородкой.

— Сѣдой... Развѣ и они бываютъ сѣдые, мама?

Мама снова разсмѣялась.

— Господи, какой смѣшной мальчикъ! Они — негры, но воспитаны, какъ европейцы, а ты — европеецъ и совсѣмъ дикарь.

Миша замолчалъ и задумался. Эти послѣднія слова мамы ему тоже было очень странно слышать. Онъ какъ-то никогда объ томъ не думалъ и въ сущности даже не зналъ, что онъ— европеецъ, Онъ зналъ, что онъ родился въ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, но что онъ — «бѣлый» и «европеецъ» — это онъ въ первый разъ слышалъ. А между тѣмъ оказывается, что это такъ: люди бываютъ «цвѣтные» и «европейцы» и онъ. Миша Шишмаревъ — европеецъ. И нагнувшись къ матери, такъ чтобы не могли слышать сосѣди, онъ совсѣмъ тихонько спросилъ:

— А ты это навѣрное знаешь, мамочка, что мы — европейцы?

— Навѣрное.

— И я тоже?

— Боже, какой смѣшной мальчикъ! Да развѣ ты никогда не смотрѣлъ въ зеркало и не видѣлъ, что ты бѣлый? Но пей, однако, чай: твоя чашка совсѣмъ остыла.

Но Мишѣ было не до чаю. Все, что онъ тутъ видѣлъ, и все, что говорила мама, было такъ неожиданно и такъ необыкновенно, что все хотѣлось еще смотрѣть и еще разспрашивать. И мысли такъ и прыгали въ головѣ:

— Такъ, значитъ, это правда: мы — европейцы, а они — «цвѣтные». Но какого же цвѣта малайцы? И какъ это случилось, что я ихъ не видѣлъ? Всѣ матросы — малайцы, а я ни одного не замѣтилъ. Это потому, что тотъ «толстый чортъ» наступилъ Бойчику на ногу...

И не допивши чаю, Миша неожиданно заявилъ:

— Мама, смотри за Бойчикомъ, я пойду на палубу...

На палубѣ было такъ много чемодановъ, корзинъ, узловъ и картонокъ, что очень трудно было ходить, тѣмъ болѣе, что и на скамейкахъ, и на канатахъ и просто на узлахъ и на полу — вездѣ сидѣли, стояли и ходили люди. Тутъ были офицеры, дамы, барышни, кадеты, юнкера, дѣти, няньки, гувернантки и цѣлый женскій институтъ. Было и пять — шесть собакъ и одна красивая, бѣлая кошка съ пушистымъ огромнымъ хвостомъ. Кошка сидѣла въ корзинѣ, съ продѣланными для воздуха дырочками и возлѣ этихъ дырочекъ въ страстной истомѣ визжалъ и дрожалъ чей то бѣленькій, маленькій фоксъ-терріеръ и рядомъ съ нимъ солидный охотничій сеттеръ-гордонъ. Обѣ собаки чуяли кошку и, изогнувъ на бокъ головы, заглядывали въ дырочки и не могли оторвать глазъ отъ заклятаго врага. Но какъ только ихъ носы прижимались къ дырочкамъ, кошка била лапой, и собаки, отпрянувъ, начинали лаять, визжать и дрожать. Онѣ лаяли съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣли сказать:

— Она здѣсь... Честное слово, ей-Богу здѣсь. Спряталась въ корзинкѣ. Да посмотрите же, люди, посмотрите, неужели вы это оставите такъ...

Было смѣшно смотрѣть на эти взволнованныя собачьи лица, и Миша отъ души басомъ расхохотался. Улыбались, глядя на собакъ,

и взрослые пассажиры, и что всего удивительнѣе — улыбался и темнокожій матросъ, стоявшій тутъ же съ мокрой шваброй и съ засученными рукавами.

— Малаецъ, — какъ молнія, пронеслась въ головѣ Миши мысль, — такъ вотъ они какіе!..

Малаецъ былъ молодой парнишка, лѣтъ двадцати, съ некрасивымъ лицомъ темнооливковаго цвѣта и съ маленькими, глубоко сидящими глазками. Воротъ его рубахи былъ разстегнутъ и на черной, сухой груди виднѣлась голубая татуировка. Татуировка была и на рукахъ до самаго локтя и даже на кистяхъ рукъ. На правой рукѣ была изображена толстая, извивающаяся змѣя, а на лѣвой— большой якорь и цѣлая вереница какихъ-то непонятныхъ рисунковъ и знаковъ.

Мишѣ лицо малайца не очень понравилось, но змѣя и якорь заинтересовали его до чрезвычайности, въ особенности змѣя.

— А что, если попросить маму, чтобы и мнѣ на рукахъ такого змѣя нарисовали. Якоря не надо, но на каждой рукѣ по большой змѣѣ. И какъ это дѣлается, что она не отмывается.

Миша въ первый разъ видѣлъ татуировку, и она показалась ему образцомъ красоты, изящества и вкуса.

— Какъ странно, что мы европейцы этого не дѣлаемъ. На бѣлой кожѣ это было бы еще красивѣе. Если бы, напримѣръ, на маминыхъ рукахъ, такихъ бѣлыхъ и такихъ красивыхъ, да пустить бы такую голубую змѣю.

Матросъ-малаецъ не долго постоялъ возлѣ корзины съ кошкой. Поблизости показался англійскій офицеръ и матросъ трусливо оглянулся на него и юркнулъ внизъ по трапу на вторую палубу, гдѣ былъ, если можно такъ выразиться, черный дворъ парохода: кухни, прачечная, пекарня и маленькія каюты-норы, гдѣ спали лакеи-негры. Мишу потянуло вслѣдъ за матросомъ и онъ, какъ зачарованный, ходилъ въ этомъ ему еще невѣдомомъ царствѣ, гдѣ все было ново, неожиданно и совсѣмъ, совсѣмъ необыкновенно.

— Ты кто?

— Я — Сережа...

— А отчего ты такъ закутался?

— Мама велѣла.

— Это глупо. На дворѣ тепло, а ты въ башлыкѣ, въ шубѣ и въ валенкахъ.

Щекастый, румяный мальчикъ какъ-то виновато заморгалъ глазами и, потупившись, проговорилъ:

— Чтобъ не простудился...

— А ты малайцевъ видѣлъ? Тутъ всѣ матросы малайцы...

— Видѣлъ. И негровъ, и матросовъ.

— Тутъ вся прислуга цвѣтная. Они цвѣтные, а мы европейцы, то-есть, бѣлые.

— Они черные, эти марайцы.

— Не марайцы, а малайцы. Они бываютъ различные: черные, сѣрые, желтоватые... Они называются — цвѣтные, а мы — европейцы.

Мальчикъ Сережа былъ, видимо, подавленъ этими новыми свѣдѣніями и вполнѣ оцѣнилъ Мишино превосходство. Мишѣ это понравилось, и онъ значительнымъ тономъ прибавилъ:

— А у меня патроны есть. Цѣлая коробка. Я собиралъ, дѣлалъ коллекцію... Разные патроны съ пулями... Есть австрійскіе, нѣмецкіе, русскіе, есть отъ разныхъ револьверовъ: отъ браунинга, отъ нагана, отъ бульдога. Даже одна разрывная пуля есть, и кусочекъ шрапнели... Разрывная пуля, если попадетъ, напримѣръ, въ животъ, такъ такую дырку дѣлаетъ...

Миша показалъ, какую именно, и еще разъ убѣдился по лицу собесѣдника, что патроны и въ особенности разрывная пуля произвели большое впечатлѣніе.

— А если разрывная пуля попадетъ въ голову, или въ глазъ, такъ голова на мелкіе кусочки разлетится, какъ арбузъ, если его объ

землю ударить... У меня и сейчасъ два патрона въ карманѣ лежатъ. Показать? Одинъ австрійскій, винтовочный, а другой отъ браунинга...

Миша запустилъ руку въ карманъ и вмѣстѣ съ съ патронами вынулъ и кусокъ оставшагося шоколада.

— Вотъ они. Австрійская пуля — скверная, она, если попадаетъ въ кость, такъ расплющивается и ее трудно вынимать изъ раны, а русская не расплющивается и вынимается легко. Одинъ австрійскій офицеръ получилъ шесть пуль въ голову, и ничего, только у него глаза вылѣзли, какъ у рака... Хочешь шоколада кусочекъ.

Миша отломилъ и далъ половину шоколада Сережѣ, и, какъ только шоколадъ попалъ въ эти дѣтскіе рты, разговоръ самъ собой перемѣнился.

— Ты какой шоколадъ больше любишь: гала-петеръ или сюшаръ?

— Я всякій.

— А я гала-петеръ.

Челюсти работали на славу, и такъ какъ оба мальчика давно не ѣли сладкаго, то шоколадъ пришелся имъ очень по вкусу.

Особенно наслаждался Сережа. Онъ даже глаза полузакрылъ отъ удовольствія, и, засунувъ въ ротъ большой кусокъ и еле ворочая языкомъ, спросилъ:

— Ты какъ конфеты ѣшь: кусаешь или сосаешь? Я сосаю...

Черезъ пять минутъ, когда дѣти опять были на верхней палубѣ, Миша замѣтилъ, что на пароходѣ происходитъ какое-то движеніе. Всѣ матросы были здѣсь и всѣ работали. Одни собирали въ кружекъ толстые, мокрые канаты, другіе подтягивали спасательныя лодки, а третьи работали у паровой лебедки, готовясь поднимать якорь. Вверху, на капитанскомъ мостикѣ, тоже что-то происходило, и англійскій офицеръ, держа въ рукахъ маленькіе флажки, продѣлывалъ какія-то очень смѣшныя штуки. Онъ точно гимнастику дѣлалъ: выбрасывалъ руки впередъ, въ стороны, вверхъ и внизъ. Вотъ вытянулъ руку въ уровень съ плечомъ, вотъ поднялъ ее надъ головой, а вотъ быстро взмахнулъ обѣими руками и опустилъ ихъ внизъ.

— Что онъ дѣлаетъ?

Миша взглянулъ вдаль, куда смотрѣлъ англійскій офицеръ, и далеко на адмиральскомъ броненосцѣ увидѣлъ маленькую фигурку другого англійскаго офицера, который дѣлалъ такія же странныя, смѣшныя движенія руками.

— Это они разговариваютъ.

Миша не спускалъ глазъ съ офицера и, незамѣтно для самого себя, сталъ тоже выбрасывать вверхъ и внизъ то одну, то другую руку.

— Сережа, смотри, морскіе сигналы дѣлаютъ. Становись тамъ, на самомъ концѣ, и дѣлай мнѣ, а я тебѣ. Вотъ такъ, смотри.

Но игра не состоялась, потому что Миша услышалъ сзади женскій смѣхъ и затѣмъ голосъ мамы:

— Что это ты дѣлаешь, обезьяна?

Миша обернулся и едва повѣрилъ своимъ глазамъ. На скамейкѣ, укутавъ шею бѣлымъ мѣхомъ, сидѣла его мама, а рядомъ съ ней разговаривалъ, смѣялся и шутилъ тотъ самый «толстый чортъ», который наступилъ Бойчику на ногу. Мама была оживлена. Она улыбалась и ея свѣжее, молодое лицо, окутанное бѣлымъ мѣхомъ, было похоже на цвѣтокъ, упавшій на снѣгъ.

Миша сразу помрачнѣлъ, насупился и замолчалъ. Онъ терпѣть не могъ, когда мама вотъ такъ разговаривала и смѣялась съ чужими мужчинами. И добро бы еще съ какимъ-нибудь хорошимъ мужчиной, а то съ этимъ толстымъ, гадкимъ идіотомъ въ такихъ дурацкихъ очкахъ и въ такой глупой шапкѣ.

— Иди сюда, Миша.

Миша сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Но когда мама повторила еще разъ, онъ нехотя

и потупивъ голову, какъ волчонокъ, подошелъ и исподлобья взглянулъ на мать.

— Вотъ познакомься съ господиномъ.

«Толстый чортъ» дружелюбно протянулъ Мишѣ руку и ласково поглядѣлъ на него черезъ очки своими красивыми, добрыми, синими глазами.

— Я очень виноватъ передъ вами, молодой человѣкъ. Что подѣлаешь... Ужъ я такой косолапый медвѣдь, что всегда наступлю на ногу. Наступилъ нечаянно и вашей собачкѣ.

Миша молчалъ, смотрѣлъ въ сторону и крутилъ пуговицу своего пальто.

— Нѣтъ. Еще не простилъ. А Бойчикъ уже простилъ, съ Бойчикомъ мы уже пріятели...

«Толстый чортъ» засмѣялся и положилъ обѣ свои руки на Мишины плечи.

— Ну, если не сегодня, такъ завтра навѣрное помиримся. А то давайте сегодня, молодой человѣкъ.

Миша задвигалъ плечами, чтобы освободиться отъ чужихъ рукъ, и по-прежнему глядя въ сторону, пробурчалъ:

— Я уже пойду...

— Нѣтъ, не состоялось перемиріе.

«Толстый чортъ» всталъ, улыбнулся мамѣ и мама тоже ему улыбнулась. Потомъ «толстый чортъ» приподнялъ свою дурацкую круглую шапочку и сказалъ:

— Ну, пока всего хорошаго, сударыня. Кажется, скоро трогаемся. Говорятъ, сейчасъ молебенъ будетъ... И такъ, до завтрашняго перемирія, Миша...

Онъ ушелъ, а мама долго, молча смотрѣла на Мишу смѣющимися глазами и потомъ сказала:

— Хорошъ гусь.

— Ты тоже хороша.

— Совсѣмъ волченокъ... Дикій волченокъ, который на цѣпи сидитъ. Это знаменитый профессоръ и писатель, его вся Россія знаетъ...

— А мнѣ какое дѣло. Я къ нему не подлизываюсь, какъ другіе...

— А кто же подлизывается.

— Ты...

Миша отвернулъ лицо въ сторону и, насупивъ брови, смотрѣлъ далеко въ море. А мама все глядѣла на него смѣющимися глазами и молчала.

— Да, подлизываешься... Постоянно подлизываешься... смѣешься... разговариваешь... съ какой стати? Мнѣ даже стыдно, что ты такая подлиза...

Въ голосѣ Миши почти дрожали слезы. А мама по-прежнему смотрѣла на него смѣющимися глазами, потомъ притянула къ себѣ и посадила рядомъ.

— Опять заревновалъ маму, глупый мальчикъ...

Она приласкала Мишу, обняла его за плечи и тихонько стала выговаривать ему и объяснять неприличіе его поведенія.

Но Миша былъ непримиримъ. Онъ молчалъ, сопѣлъ носомъ и, нахмуривъ брови, смотрѣлъ далеко въ море... Между тѣмъ, на пароходѣ замѣтно увеличилась суета. Малайцы-матросы забѣгали еще больше, затрещала якорная цѣпь, закричалъ бритый боцманъ-англичанинъ и на мостикѣ засвисталъ въ свистокъ краснощекій, приземистый коренастый капитанъ.

И вдругъ сзади забурлилъ въ водѣ пароходный винтъ, разбрасывая по сторонамъ пѣну, и по всему огромному тѣлу парохода почувствовались содроганія — мѣрныя, плавныя, точно удары сердца. Еще, еще, и вотъ пароходъ тронулся... И сейчасъ же на кормѣ послышался голосъ институтскаго священника, и большой стройный женскій хоръ увѣренно запѣлъ:

— А-ми-инь...

Это начался напутственный молебенъ. Обнажились головы, замелькали въ воздухѣ руки, творя крестное знаменіе, и тысячная

толпа сгрудилась вокругъ высокаго, худого, какъ жердь, батюшки...

Высокимъ, бархатнымъ теноромъ читалъ священникъ ектенію, и казалось, что вокругъ его сильнаго голоса обвиваются и сплетаются, какъ плющъ вокругъ колонны, рыдающіе звуки женскаго хора. Это юное женское пѣніе точно рвануло всѣхъ за сердце и напомнило все. Глаза затуманились невольной слезой и, стоя на колѣняхъ, люди въ послѣдній разъ глядѣли на родную землю.

Низко-низко склонялись эти старыя, сѣдыя и эти юныя кудрявыя головы и какъ будто изъ одной общей груди вырывался этотъ глубокій, этотъ тяжкій вздохъ... Тамъ въ городѣ, на крутомъ берегу, все еще трещали ружья и «шили» пулеметы,а здѣсь разрывалась грудь отъ тоски и тряслись въ рыданіяхъ сильныя мужскія плечи...

Тамъ была родина, тамъ была Россія, а здѣсь, среди малайцевъ и негровъ, выгнанныя дѣти Россіи плакали о родной землѣ. Миша стоялъ возлѣ мамы на колѣняхъ и не понималъ, отчего она такъ горько, такъ неутѣшно плачетъ.

Безпомощно и растерянно онъ оглянулся назадъ, посмотрѣлъ на всѣ эти склоненныя головы и увидѣлъ, что и тотъ «толстый» тоже плачетъ и что изъ подъ его золотыхъ очковъ бѣгутъ по щекамъ крупныя, бѣлыя слезы. И самъ не зная отчего, Миша тоже вдругъ горько-горько заплакалъ.

Александръ Яблоновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ЦИКЛОНАХЪ.

ОЧЕРКЪ ВАС. ПАВЛОВА.

I.

Нѣкогда страною чудесъ и неожиданностей считалась Азія. Тамъ былъ Рай. Оттуда пришелъ всемірный потопъ, при Ноѣ. Тамъ жила Шехерезада. И вообще дѣйствіе самыхъ занимательныхъ и волшебныхъ сказокъ происходитъ обыкновенно въ Азіи.

Но съ нѣкоторыхъ поръ слава азіатскихъ чудесъ стала меркнуть и, мало-по-малу, уступила свое мѣсто чудесамъ американскимъ. Случилось это тогда, когда разные американскіе ученые стали изобрѣтать машины, которыя дѣлаютъ чудеса получше всякой феи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ телеграфъ, который изобрѣлъ американецъ Морзъ, не настоящее чудо? Или граммофонъ, который изобрѣлъ американецъ Эдисонъ? Конечно, съ точки зрѣнія науки всѣ эти вещи очень просты и понятны. Но если спросить: что, собственно, замѣчательнѣе, — поющій кустъ изъ сказокъ Шехерезады или та пластинка, которая на нашихъ глазахъ вертится и поетъ такія красивыя пѣсни на нашемъ домашнемъ граммофонѣ, — то многіе, вѣроятно, отвѣтятъ, что граммофонъ куда замѣчательнѣй!

Впрочемъ, это дѣло вкуса, того, что кому нравится. Американцы, которые любятъ все практичное, то, что полезно для жизни, предпочитаютъ, конечно, граммофонъ. Надо сказать, что американцы вообще очень гордятся своей страной, своими изобрѣтеніями и тѣмъ, какъ они устроились и обставили свою жизнь.

Въ Америкѣ, какъ извѣстно, все очень большое; или, какъ говорятъ, грандіозное. Дома тамъ строятъ въ двадцать и въ тридцать этажей. Тамъ есть магазины съ пятью тысячами приказчиковъ и пароходы длиною въ два порядочныхъ квартала. Въ Нью-Іоркѣ есть висячій мостъ, самый длинный въ мірѣ, переброшенный черезъ широкій Гудзоновъ заливъ.

Словомъ, Америка не только страна замѣчательныхъ изобрѣтеній, но и страна грандіознаго, или, какъ ее любятъ называть сами американцы, страна рекордовъ. А рекордомъ, какъ извѣстно, называется все самое большое, больше чего еще не было, — напримѣръ, рекордный домъ, т. е. домъ, выше котораго нѣтъ во всемъ свѣтѣ; или рекордная скорость автомобиля, т. е. такая, скорѣе которой никто на автомобилѣ еще не ѣздилъ.

Многіе у насъ въ Европѣ задавали и задаютъ себѣ вопросъ:

— Почему именно американцы такъ любятъ все огромное, быстрое, невиданное? Развѣ не гораздо пріятнѣе и уютнѣе жить въ небольшомъ домѣ, гдѣ нѣтъ шума и сутолоки? И кому нужны поѣзда, которые мчатся, точно угорѣлые, какъ будто всѣмъ пассажирамъ только и осталось полчаса жить на свѣтѣ?

Существуютъ разныя объясненія этой падкости американцевъ на все грандіозное, невиданное и неслыханное. Изъ этихъ объясненій особенно любопытнымъ намъ кажется то, которое даютъ путешественники и наблюдатели американской природы.

— Самая природа, — говорятъ они, — самое устройство этой страны, безграничныя ея равнины, два океана, которые ее омываютъ, ея рѣки, самыя длинныя и самыя широкія въ мірѣ, ея непроходимые лѣса, ея высочайшія горы, ея водопады, вродѣ

Ніагары, все развиваетъ въ американцахъ привычку и влеченіе къ огромному.

Этого мало. Проявленія и капризы американской природы и американскаго климата также непомѣрны. Въ Америкѣ, если ужъ бываетъ жара, то такая, что солнечный ударъ поражаетъ сотни людей. Если тамъ загорится степь, то выгораютъ сотни километровъ. Пожары городовъ тамъ, точно такъ же, принимаютъ фантастическіе размѣры. Но что тамъ совершенно поразительно по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ, такъ это циклоны.

Но циклоны заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться подробнѣе.

2.

Время отъ времени циклоны посѣщаютъ и наши, европейскія, страны. Но къ намъ въ Европу они доходятъ уже ослабѣвшими въ своей разрушительной силѣ. Кромѣ того, они уже здѣсь, на мѣстѣ, встрѣчаютъ рядъ мощныхъ препятствій въ видѣ высокихъ горныхъ цѣпей, которыя въ этомъ случаѣ играютъ роль заслона. Порывы циклона, который есть ни что иное, какъ движущаяся по опредѣленному направленію буря, разбиваются о склоны Альпъ, Пиреней, Аппенинъ. Все ограничивается тѣмъ, что нѣсколько крышъ или вывѣсокъ срываетъ съ мѣста, или вырываетъ нѣсколько молодыхъ деревьевъ или кустовъ.

Совсѣмъ не то происходитъ въ Америкѣ.

Для того, чтобы объяснить себѣ причины явленій, о которыхъ разсказано ниже и живое представленіе о которыхъ могутъ дать наши фотографіи, слѣдуетъ вспомнить нѣкоторыя географическія особенности Америки.

Достаточно бросить взглядъ на карту Америки, чтобы увидѣть гигантскій корридоръ, который образуетъ система ея горныхъ цѣпей. Въ самомъ дѣлѣ, во всю длину ея западнаго побережья тянутся скалистыя горы, а на ея восточномъ побережьи возвышается горный массивъ Аллегановъ, который на сѣверѣ переходитъ въ холмистыя цѣпи Восточной Канады.

Этотъ корридоръ, въ центрѣ котораго лежитъ долина рѣки Миссисипи, образуетъ нѣчто въ родѣ всасывающаго насоса. Его южной оконечностью является Мексиканскій заливъ, представляющій собой настоящую печь, огромное накаленное горнило. А его сѣверная частъ, въ видѣ воронки, глядитъ въ царство вѣчныхъ льдовъ и нечеловѣческаго холода — въ Сѣверный Ледовитый океанъ.

Итакъ, на востокѣ и на западѣ, во всю длину американскаго континента, — двѣ высокія стѣны. Посрединѣ — нескончаемая равнина, безъ сучка и задоринки. Отъ Мексиканскаго залива до самаго полярнаго моря можно пройти или проѣхать, не имѣя надобности подняться ни на одинъ, самый пустяшный, холмикъ. Что же можетъ остановить бурю, которая несется по Соединеннымъ Штатамъ, или по центральной Канадѣ? Крѣпчая и увеличаясь на своемъ пути, какъ снѣжный комъ, она достигаетъ ужасныхъ размѣровъ и порождаетъ невиданныя нами бѣдствія.

Но гдѣ именно и какъ, при какихъ обстоятельствахъ, зарождаются эти безумныя бури?

Вотъ что разсказываетъ на этотъ счетъ одинъ путешественникъ.

3.

— Мнѣ не одинъ разъ на моемъ вѣку пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ рождается циклонъ. Циклоны, какъ извѣстно, вырастаютъ большею частью гдѣ-то въ пучинахъ Антильскаго моря. А мнѣ довелось провести довольно много времени именно въ тѣхъ краяхъ.

— Однажды, часовъ этакъ въ три дня, я бродилъ по набережной Принцева Порта, въ Гаити. Былъ іюль мѣсяцъ. Жара стояла невообразимая. Совершенно нечѣмъ было дышать.

— Вдругъ, впереди себя, я увидѣлъ маленькій столбикъ пыли, который поднялся съ троттуара. Онъ былъ не больше самой обыкновенной палки отъ метлы. Онъ повертѣлся съ полминуты и разсѣялся. Но черезъ секунду я увидѣлъ, что, немного дальше, точно изъ подъ асфальта, выросъ новый, такой же невзрачный, столбикъ пыли.

— Что меня больше всего, и въ ту же минуту, поразило, это то, что воздухъ былъ совершенно недвижимъ. Надо вамъ сказать, что во всѣхъ этихъ антильскихъ городахъ пыли — хоть отбавляй! Достаточно малѣйшаго вѣтерка, чтобы поднять цѣлыя тучи. Между тѣмъ, сколько я ни смотрѣлъ, я не могъ разглядѣть ничего, кромѣ моего одинокаго движущагося столбика. Это было необыкновенно странно!

— Но черезъ нѣкоторое время, на извѣстномъ разстояніи отъ столбика, за которымъ я неотступно слѣдилъ, возникъ другой, точно такого же вида. За нимъ еще одинъ, и еще нѣсколько. Непрерывно вертясь и точно повинуяся какому-то приказу, они всѣ вмѣстѣ двигались къ берегу. Дойдя до него, они скользнули на вдоу и — исчезли!

— Не прошло, однако, и трехъ минутъ, какъ, повернувъ голову въ сторону острова Гонавы, который пересѣкаетъ бухту Принцева Порта, я увидѣлъ въ морѣ, въ разстояніи болѣе километра отъ берега, огромный водяной столбъ. Онъ подымался все выше и выше, буквально карабкаясь на небо! Это былъ смерчъ, который возникъ у меня на глазахъ, почти у моихъ ногъ.

— Вотъ все, что я увидалъ въ тотъ знойный день. А черезъ два дня мы получили извѣстіе, что островъ Куба буквально опустошенъ пронесшимся надъ нимъ циклономъ. И еще черезъ нѣсколько дней прочли въ газетахъ подробности бѣдствій, которыя тотъ же циклонъ причинилъ въ цѣломъ рядѣ городовъ Южныхъ Штатовъ.

4.

Такъ, при такихъ незначущихъ обстоятельствахъ, возникаютъ циклоны. Но какъ, при какихъ обстоятельствахъ они разражаются, что происходитъ въ томъ мѣстѣ, куда они приходятъ во всей своей «красѣ и силѣ»?

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу тотъ же путешественникъ:

— Циклоны посѣщаютъ всегда одни и тѣ же пункты долины Миссисипи.

— Населеніе этихъ мѣстъ настолько свыклось съ неизбѣжностью этого бѣдствія, что заботится лишь объ одномъ: какъ бы спасти свою собственную жизнь.

— Во всѣхъ поселеніяхъ, лежащихъ на обычномъ пути циклоновъ, а въ особенности — въ одиноко расположенныхъ фермахъ, жители сооружаютъ, въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ дома, глубокій погребъ. Входъ въ погребъ закрывается тяжелымъ, массивнымъ траппомъ, т. е. деревяннымъ щитомъ.

— Но какъ знать, когда именно надлежитъ бѣжать къ спасательному погребу, чтобы укрыться въ немъ отъ циклона? Жители этой страны, по преимуществу земледѣльческой находятся вѣдь, по большей части, внѣ дома, на полевыхъ работахъ.

— Оказывается, что многіе мѣстные люди, въ особенности — женщины, обладаютъ замѣчательной способностью чувствовать приближеніе циклона.

— Ученые, которые наблюдали это явленіе, не сумѣли еще объяснить себѣ происхожденіе этой поразительной способности предчувствія, предсказыванія того, что должно произойти въ сравнитель отдаленномъ будущемъ. Но никто изъ нихъ не отрицаетъ того, что такая способность, въ дѣйствительности, существуетъ. При этомъ указываютъ, что подобное же явленіе наблюдается и у насъ въ Европѣ, гдѣ нѣкоторые, обладающіе особенной чувствительностью, люди умѣютъ, за нѣсколько дней и совершенно безошибочно, предска-

...Послѣ того, какъ циклонъ пронесся, жители начинаютъ бродить среди своихъ разрушенныхъ жилищъ, собирая остатки своего домашняго скарба .

зать выпаденіе снѣга. Въ Африкѣ,точно также, женщины изъ племени туареговъ чувствуютъ приближеніе симуна, т. е. тамошняго циклона, за недѣлю, и больше, впередъ.

— Американскіе циклоны отличаются, однако, своей исключительной, «рекордной», быстротой. Они проходятъ по 70 - 80 километровъ въ часъ, такъ что самые чувствительные предсказатели, или, какъ ихъ называютъ, живые барометры, могутъ поднять тревогу, въ лучшемъ случаѣ, за 8 - 10 часовъ.

— И вотъ, какъ только извѣстіе о томъ, что «циклонъ — идетъ!» распространяется по селенію, начинается невообразимый трезвонъ колоколовъ и стрѣльба изъ ружей и револьверовъ.

— Крестьяне со всѣхъ ногъ бѣгутъ съ поля домой, поспѣшно раскрываютъ стойла и конюшни и гонятъ скотъ и лошадей на открытую равнину, стараясь разсыпать ихъ по ней. Они уменьшаютъ такимъ образомъ шансы гибели своихъ стадъ и табуновъ

— Затѣмъ они сами, отъ мала до велика, скрываются въ погребѣ и на-глухо захлопываютъ тяжелую крышку.

— Но что станется съ ихъ домомъ, съ ихъ мебелью и домашними вещами?

— О, съ этимъ они, все равно, ничего не могутъ подѣлать! Если циклонъ ужъ пройдетъ надъ ними, то ихъ дому не бывать! Остается заботиться лишь о спасеніи собственной жизни.

— Но каковы, все-таки, дѣйствительные результаты циклона? Каковъ размѣръ опустошеній, производимыхъ имъ?

5.

— Мнѣ, какъ и многимъ, приходилось, нерѣдко читать въ газетахъ описанія тѣхъ ужасовъ, которые производятъ циклоны. Но я не придавалъ имъ вѣры, считая, что газеты преувеличиваютъ, или просто выдумываютъ, чтобы заинтересовать читателей необыкновенными исторіями.

— Когда я попалъ въ Миссури, мнѣ пришлось, однако, убѣдиться въ томъ, что я совершенно напрасно подозрѣвалъ газеты въ лжи. Вотъ что мнѣ пришлось увидѣть при первой же моей встрѣчѣ съ циклономъ, въ окрестностяхъ Луизтоуна, поселенія въ тысячу съ лишнимъ человѣкъ.

— Я мирно прогуливался и, вдругъ, почувствовалъ, что воздухъ сталъ необыкновенно тяжелымъ, или, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ въ Миссури, липкимъ, клейкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сталъ точно приклеивать меня къ землѣ.

— Я невольно остановился. Мимо меня неслись совершенно обезумѣвшіе крестьяне. Но одинъ изъ нихъ, повидимому, сохранилъ еще достаточный запасъ юмора и бросилъ мнѣ на ходу:

— «Послушайте, голубчикъ, вы, вѣроятно, стоите и ждете *вѣтряного экспресса*, чтобы отправиться прямо въ Чикаго?

— А другой, болѣе мрачный и серьезный, воскликнулъ: — «Тазвѣ вы не видите, что идетъ смерть? Прячьтесь, ради Бога!»

— Такъ какъ мнѣ впервые въ жизни пришлось присутствовать при подобномъ зрѣлищѣ, то я, естественно, рѣшилъ, что мрачный крестьянинъ просто струсилъ. Мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало увидѣть все, что должно было разыграться. Не каждый же день, въ самомъ дѣлѣ, приходится быть свидѣтелемъ столь захватывающихъ событій.

— Я поэтому не спѣшилъ спуститься со скалистаго холмика, на которомъ расположился и откуда, въ пятистахъ метрахъ, по ту сторону болотистой равнины, мнѣ, какъ на ладони, видна была вся деревня.

— Небо, тѣмъ временемъ, особенно съ южной стороны, стало быстро темнѣть, принимая необыкновенно мрачный, мѣднаго оттѣнка, видъ. Стаи дикихъ птицъ съ крикомъ неслись къ сѣверу.

— Общая тревога передалась, наконецъ, и мнѣ. Я рѣшилъ покинуть свой наблюдательный пунктъ и укрыться въ ближайшемъ погребѣ. Не тутъ-то было!..

— Я опоздалъ. Циклонъ уже несся. Свистя и гикая, оглушая и точно вергясь въ сумасшедшей пляскѣ, онъ сталъ на моихъ глазахъ вырывать изъ земли огромныя, столѣтнія деревья. Я понялъ, что тутъ шутки плохи и что будетъ вполнѣ своевременно и благоразумно хоть какъ-нибудь укрыться отъ этого чудовища. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ лечь на брюхо между двухъ близко другъ къ другу придвинувшихся скалъ.

— Едва я успѣлъ занять это положеніе, какъ циклонъ подошелъ и охватилъ весь Луизтоунъ. И мнѣ представилась жуткая, незабываемая картина!

— Я увидѣлъ, какъ цѣлые дома срывало съ ихъ основаній, подымало на нѣсколько метровъ надъ землей и уносило, точно осенніе листья.

— Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ вертѣлись волчкомъ, сталкивались съ другими домами и разсыпались тучей обломковъ.

— Огромное дерево, вырванное съ корнемъ, описало въ воздухѣ полный кругъ и затѣмъ, на разстояніи цѣлыхъ 30 метровъ, хлопнулось о домъ и раздавило его.

— Всѣ эти ужасы, которые, казалось, длились вѣчность, окончились черезъ какія-нибудь 3 минуты 45 секундъ. Я въ этомъ убѣдился, когда взглянулъ на свои часы. Но что циклонъ надѣлалъ за этотъ короткій промежутокъ времени!

— Крышки погребовъ пооткрывались, и жители отправились «считать раны». Циклонъ провелъ по селенію борозду, точно

гигантскимъ плугомъ или точно паровымъ каткомъ, какимъ укатываютъ дороги.

— Борозда эта имѣла 60 метровъ ширины. И на всемъ этомъ протяженіи, всѣ, до одного дома, и всѣ, до одного, деревья были разрушены, свалены и вырваны!

— По моимъ вычисленіямъ, циклонъ прошелъ всего въ 300 метрахъ отъ того мѣста, гдѣ я укрылся. Что меня совершенно поразило, это полное спокойствіе воздуха въ моемъ убѣжищѣ. Правда, скалы по бокамъ послужили мнѣ чѣмъ-то въ родѣ ширмъ. Но все-же это было невѣроятно странно!

— Жители стали, тѣмъ временемъ, подсчитывать количество разрушенныхъ домовъ. Ихъ оказалось 26 на 244. По ихъ представленіямъ, это было не такъ ужъ страшно. Многіе стали уже даже поздравлять себя съ благополучнымъ минованіемъ опасности. Въ самомъ дѣлѣ, за разрушенные дома имъ должны были заплатить страховыя общества. А такъ какъ никто лично, видимо, не пострадалъ, то и нечего было особенно горевать.

— Но въ это время прибѣжала одна старая женщина и надѣлала тревогу. Она разсказала, что въ самую послѣднюю минуту, передъ тѣмъ, какъ она закрыла свой погребъ и когда уже стало вырывать и носить по воздуху деревья, она увидѣла своего молодую сосѣдку, красавицу Клару Бекманъ. Клара бѣжала со всѣхъ ногъ. Но

«...Такъ какъ повсюду имѣются любители пограбить, то вокругъ мѣстъ, по которымъ прошелъ циклонъ, ставятъ обыкновенно военную стражу».

успѣла-ли она во-время укрыться? Или, быть можетъ, она оказалась внѣ смертоносной борозды?

— Никто этого не зналъ. Ни въ одномъ изъ-уцѣлѣвшихъ домовъ ея не было. Ее не находили нигдѣ.

— И лишь черезъ десять дней ея тѣло нашли въ 500 метрахъ отъ послѣднихъ домовъ селенія, подъ грудой вырванныхъ деревьевъ. Циклонъ подхватилъ ее и ударилъ ее, бѣдняжку, о землю въ цѣлой полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ ее подняло на воздухъ.

6.

— Я не стану описывать всѣ другія свои наблюденія циклоновъ. Упомяну лишь о томъ, который мнѣ довелось увидѣть въ дѣвственномъ южно-американскомъ лѣсу.

— Циклонъ, въ видѣ гигантскаго конуса, несся, вертясь вокругъ своей оси, слѣва направо, какъ двигаются часовыя стрѣлки.

— Онъ подымался до самыхъ облаковъ, почернѣвшихъ и, вслѣдъ за тѣмъ, пролившихся проливнымъ дождемъ.

— На другой день я пошелъ въ лѣсъ посмотрѣть на работу циклона. Это было любопытное зрѣлище! Было похоже на то, какъ будто по лѣсу прошелъ пьяный великанъ и затопталъ и срѣзалъ все, что попалось на его извилистомъ пути.

— Въ лѣсу былъ буквально выбритъ лабиринтъ въ три километра длиной. По бокамъ этого корридора возвышались стѣны изъ расщепленныхъ гигантскихъ деревьевъ. Все живое, что попалось циклону на пути, было, конечно, сметено безъ слѣда.

— Когда я дошелъ до конца этого корридора, на каждомъ шагу изумляясь картинѣ чудовищнаго разрушенія, я подумалъ о томъ, что газеты были правы, описывая ужасы, производимые циклономъ.

— И я могу теперь сказать, что люди, привыкшіе къ подобнымъ зрѣлищамъ, не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, не любить все грандіозное, колоссальное, рекордное.

Вас. Павловъ.

КРѢПКО ПОМНИ О РОССІИ

Рис. барона К. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ. Очеркъ Михаила Струве.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Если вы были въ Петербургѣ весной, то я постараюсь вамъ объ этомъ напомнить. Если вы не были, можетъ быть мнѣ удастся дать хоть частью схожія картины лучшаго для меня города въ лучшее для него время года.

———

Заснувши зимнимъ парижскимъ вечеромъ, проснемся майскимъ петербургскимъ утромъ. Комната наша на Фурштадтской залита уже высокимъ солнцемъ. Пройдемъ солнечную и немного сонную улицу съ важной и вмѣстѣ съ тѣмъ легкой киркой Св. Анны. Минуемъ Литейную съ Арсеналомъ и пушками и выйдемъ на Набережную.

———

Ладожскій ледъ только что прошелъ. Въ такую погоду рѣка изумительно окрашена — словно ее какъ слѣдуетъ подсинили. Вздымая отъ вѣтра частые бѣлые барашки, она быстро плещется о толстыя стѣны каменныхъ парапетовъ. Пузатые черные буксиры медленно тащатъ вереницы барокъ съ дровами, сгибая подъ мосты свои длинныя трубы. Со всѣхъ сторонъ ее перерѣзаютъ бойкіе финляндскіе пароходы.

———

Налѣво невысокіе и парадные особняки сіяютъ зеркальными окнами. Направо — подъ низкой стѣной и золотымъ соборнымъ куполомъ возносится высоко въ небо золотой шпицъ. Это Петропавловская крѣпость. Здѣсь надо остановиться, присѣсть на широкую каменную скамью парапета и слушать крѣпостные часы съ курантами. Пусть прозвенятъ послѣдніе такты торжественнаго и грустнаго марша, — и дальше въ дорогу.

———

Впрочемъ, пройдя Лѣтній Садъ, надо оглянуться еще налѣво. Нѣсколько дней осталось до «Майскаго парада», и славные полки царской гвардіи одни — маршируютъ, крѣпко отбивая ногу, другіе проносятся на быстрыхъ коняхъ, вздымая клубы мутной пыли.

———

Поровнявшись съ Зимнимъ дворцомъ, какъ не засмотрѣться на это прекраснѣйшее созданье итальянскаго зодчаго Растрелли. Нарочито вычурный и пожалуй чуждый для сѣверянина стиль «барокко» онъ нѣсколько упростилъ и поэтому постройки его, радуя глазъ изяществомъ деталей и украшеній, поражаютъ своей благородной величественностью. Зимній дворецъ очень длиненъ, и, уже привыкнувъ къ его ровной высокой линіи, мы каждый разъ поражаемся открывающейся за поворотомъ безмѣрной Дворцовой площади.

Идемъ еще дальше по Набережной. Полюбуемся Адмиралтействомъ, цѣлымъ особымъ городомъ надъ водой — прекраснымъ памятникомъ русскаго артиста Захарова. Пройдемъ Сенатскую площадь съ огромнымъ Исакіемъ и Мѣднымъ Всадникомъ (вспомните Пушкина!) и выйдемъ на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Бывали ли вы здѣсь на Вербной недѣлѣ? Если жили въ Петербургѣ, навѣрное бывали. Вспомнимъ и объ этомъ. Какъ преображался холодный и строгій бульваръ въ эти дни. Пусть гололедица, пусть ранняя весенняя слякоть — въ нѣсколько часовъ бульваръ обросталъ легкими балаганами и парусиновыми ларьками. Тутъ всего много. Въ воздухѣ кружатся гроздья цвѣтныхъ шаровъ; пищатъ надувные звѣри; ларьки завалены подозрительными, но исключительно вкусными сластями. Заморскія птицы — едва-ли не крашеныя вороны. А главное — «американскіе жители» — эти стеклянные черти въ баночкахъ съ водой. Продаютъ ихъ съ необыкновенными прибаутками:

— А вотъ американскій житель,
Прехрабрый воитель!
За то что нахалъ
Въ неволю попалъ!
Вмѣсто рубля — за пять копеекъ!

Вотъ мы и на Невскомъ. Какъ разсказать объ этой чудной улицѣ. Невскій широкъ и очень длиненъ. Великія тѣни встаютъ передъ нашими глазами. Въ этомъ домѣ на углу была когда-то модная кондитерская; въ широкой боливаровой шляпѣ, въ длинномъ сюртукѣ въ талію, какъ у всѣхъ статскихъ господъ, сюда заходилъ зачастую небольшой ростомъ господинъ, но быстрый движеніями и рѣчью, — Пушкинъ. Здѣсь Гоголь часами бродилъ по улицѣ, обдумывая «Невскій проспектъ» — книгу, ставшую священной для каждаго петербуржца. Здѣсь мчался на рысакѣ Печоринъ-Лермонтовъ, распустивъ по вѣтру капюшонъ своей гвардейской шинели.

Если исключительно живописны главныя части города, то зачастую не менѣе милы нашимъ петербургскимъ сердцамъ и зарѣчныя. Петербургская и Выборгская стороны, гдѣ наряду съ улицами, застроенными новыми высокими домами, вдругъ открывается перспектива одноэтажныхъ деревянныхъ построекъ, помнящихъ начало прошлаго столѣтія, а иногда и позапрошлое. Васильевскій островъ, весь расчерченный безконечно длинными и ровными улицами-линіями. Онъ какъ бы живой при-

мѣръ и олицетвореніе европейской Петровской культуры, удачно привившейся къ дикому русскому дереву. Здѣсь — Академіи.

А вечеромъ пойдемъ въ Александро-Невскую Лавру — на кладбище. Бѣлыя ворота, бѣлый храмъ и памятники, и высокія деревья шелестятъ и шумятъ надъ головой.

Здѣсь лежатъ тѣ, кто строилъ и творилъ милую жизнь, теперь безжалостно разрушенную.

Вечеромъ, передъ нашимъ сномъ, вспомнимъ о нихъ, заснувшихъ сномъ вѣчнымъ, вспомнимъ съ благодарностью и теплой любовью.

Мих. Струве.

СКАУТЫ

Редакція «Зеленой Палочки», желая, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать развитію организаціи русскихъ скаутовъ на чужбинѣ, открываетъ спеціальный отдѣлъ, посвященный вопросамъ скаутизма. Желая сдѣлать этотъ отдѣлъ полезнымъ и интереснымъ, Редакція проситъ всѣ русскія скаутскія организаціи сообщать свѣдѣнія о численности отрядовъ и о всѣхъ подробностяхъ скаутской жизни.

Скауты и тѣ, которые хотятъ стать ими, если у васъ возникнетъ какой-либо вопросъ въ области скаутизма, обращайтесь къ намъ, и мы съ удовольствіемъ дадимъ вамъ совѣтъ на страницахъ журнала.

Письма нужно адресовать въ редакцію «Зеленой Палочки», съ помѣткой — въ отдѣлъ «Скауты».

ЧТО ТАКОЕ СКАУТИЗМЪ.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который не слыхалъ бы о скаутизмѣ, о существованіи скаутскихъ организацій, но увы! почти также рѣдко встрѣчаются лица, вполнѣ знакомыя съ тѣмъ, что такое скаутизмъ, каковы его цѣли и задачи, какова его программа. Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся вкратцѣ освѣтить этотъ вопросъ.

Родина скаутизма — Англія, гдѣ это движеніе зародилось въ 1908 году по иниціативѣ ген. Роберта Баденъ-Пауля, до сихъ поръ вдохновляющаго своей энергіей и знаніемъ дѣтской души скаутскія организаціи всего міра. Насколько идеи, положенныя въ основу скаутизма, отвѣчаютъ запросамъ времени, можно судить хотя бы по тому, что за первыя 10 лѣтъ число скаутовъ достигло 1.500.000 мальчиковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ націямъ міра. Съ тѣхъ поръ число скаутовъ снова сильно возросло.

У насъ въ Россіи первый отрядъ скаутовъ былъ образованъ въ 1910 году въ Царскомъ Селѣ О. И. Пантюховымъ, носящимъ нынѣ почетное званіе «Старшаго Русскаго Скаута». Несмотря на всѣ переживаемыя нами невзгоды, организаціи русскихъ скаутовъ продолжаютъ существовать и развиваться какъ среди дѣтей, покинувшихъ Россію, такъ и въ самой Россіи, но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Чѣмъ же объясняется успѣхъ скаутизма?

Современная жизнь, особенно въ большихъ городахъ, ведетъ неизмѣнно къ физическому и моральному вырожденію, и грозныя послѣдствія этого сказываются какъ въ частной жизни, такъ и въ жизни цѣлыхъ націй. Баденъ-Пауль предлагаетъ бороться съ этой опасностью, являющейся неизмѣннымъ спутникомъ цивилизаціи, путемъ естественнаго противоядія.

«Scout» на англійскомъ языкѣ означаетъ развѣдчикъ, піонеръ, изслѣдователь, человѣкъ, живущій среди природы, знающій ея тайны и умѣющій быть господиномъ ея, благодаря своему мужеству и испытанному духу. «Скауты» прокладывали во всемъ мірѣ дорогу цивилизаціи. По стопамъ «скаутовъ» шли люди, создавшіе Британскую Имперію. «Скауты», скажемъ мы, способствовали созданію и могуществу Россіи, ибо и Ермакъ, положившій начало завоеванію Сибири, и новгородскіе «ушкуйники», и всѣ тѣ безсчисленные изслѣдователи, усиліями, лишеніями и настойчивостью которыхъ Россія достигла своихъ естественныхъ границъ, были такими же «скаутами», но, разумѣется, въ своеобразной русской обстановкѣ.

Привлекая мальчиковъ въ свободное отъ занятій время къ жизни, напоминающей жизнь «скаутовъ», можно успѣшно бороться противъ причинъ, вызывающихъ и физическое и моральное измельчаніе людей.

Баденъ-Пауль подмѣтилъ склонность дѣтей собираться для игръ въ небольшія группы подъ предводительствомъ либо старшаго, либо самаго бойкаго изъ нихъ (система «звеньевъ» въ скаутизмѣ), увлеченіе дѣтей книгами съ описаніемъ приключеній изъ жизни индѣйцевъ, трапперовъ, «скаутовъ», самая жизнь которыхъ есть непрерывная борьба съ природой, съ опасностями и лишеніями. Описанія ихъ подвиговъ и рыцарскіе поступки заставляютъ учащенно биться дѣтское сердце, а дѣтская фантазія переноситъ ихъ жизнь въ любую обстановку, создавая игры въ «бѣлыхъ и индѣйцевъ», «русскихъ и японцевъ», «разбойниковъ» и. т. п.,—игры, нигдѣ не записанныя, но такъ увлекающія дѣтей. И то, что въ современномъ скаутизмѣ (нѣкоторые рыцарскіе обряды, ключи «звеньевъ», подражающіе крикамъ животныхъ, эмблемы которыхъ носятъ звенья, украшенія на формѣ и т. п.) у взрослыхъ вызываетъ улыбку и кажется намъ лишнимъ, — въ томъ для дѣтей есть нѣчто волшебное и заманчивое.

«Вернемся къ природѣ!» такъ опредѣляетъ Баденъ-Пауль эти потребности дѣтской души, и нѣтъ ничего лучше, какъ откликнуться на призывъ. Дѣти, помѣщенныя въ здоровую симпатичную среду своихъ сверстниковъ, въ организаціяхъ, отвѣчающихъ ихъ стремленіямъ, проникаются духомъ подлиннаго товарищества, стремленія къ добру, къ оказанію помощи нуждающимся въ ней, особенно женщинамъ и дѣтямъ (рыцарство), любовью къ Родинѣ, пріучаются къ самостоятельности, настойчивости, трудолюбію, бережливости, скромности, выносливости, услужливости, наблюдательности, любви къ животнымъ.

Вступая въ отрядъ, скаутъ даетъ торжественное обѣщаніе: исполнять свой долгъ передъ Богомъ и Родиной, ежедневно оказывать добрыя услуги людямъ и исполнять законы скаутовъ.

Всѣ эти стремленія и качества живутъ въ глубинѣ дѣтской души, нужно только ихъ вызвать наружу, и это достигается путемъ скаутскихъ игръ и упражненій, а лѣтомъ еще и лагерной обстановкой.

Скаутизмъ стремится сдѣлать мальчиковъ здоровыми, живыми, смѣтливыми и расторопными, весело встрѣчающими всякія невзгоды жизни и могущими выйти изъ всякаго затрудненія.

Девизъ скаута *«будь готовъ»*, а для того, чтобы быть *«всегда готовымъ»*, нужно пріучить себя заранѣе ко всему, чему учитъ скаутская программа.

Вотъ бѣглый взглядъ на нее.

Умѣть найти мѣсто для лагеря, поставить палатку, разложить костеръ, приготовить пищу, испечь хлѣбъ. Построить мостъ изъ жердей, шалашъ, плотъ.

Знать практически топографію, умѣть оріентироваться по компасу, солнцу, звѣздамъ, лунѣ, деревьямъ. Различать породы деревьевъ и др. растеній.

Умѣть обнаружить слѣды пребыванія или прохожденія человѣка, или животныхъ, идти

Парижская группа русскихъ скаутовъ.

по слѣдамъ, подкрадываться, не будучи обнаруженнымъ.

Умѣть оказать помощь утопающему: при пожарѣ, при обморокѣ, солнечномъ ударѣ, перевязать и перенести раненаго, остановить непослушную лошадь, знать какъ поступить при паникѣ.

Умѣть плавать, грести, управлять парусомъ.

Изучать всякаго рода ручной трудъ, полезный въ повседневной жизни: столярничество, устройство звонковъ, плетеніе сѣтокъ, лесы для удочекъ, правильные узлы, огородничество, пчеловодство.

И, наконецъ, путемъ бесѣдъ, разсказовъ и примѣровъ развивается въ скаутахъ любовь къ родной исторіи, сознаніе гражданственности и долга передъ Богомъ и Родиной.

По достиженіи основной программы скаутъ совершенствуется въ отдѣльныхъ отрасляхъ, сдавая испытанія на спеціальности санитара, проводника, пожарнаго, переплетчика, столяра, стекольщика, сапожника, мастера на всѣ руки, повара, электротехника, натуралиста, астронома и т. п. и т. п. — предѣловъ совершенствованію нѣтъ.

Для насъ, русскихъ, испытавшихъ всѣ лишенія бѣженства, не приходится сомнѣваться въ практической полезности всѣхъ этихъ простыхъ знаній и мы можемъ только пожалѣть, что среди насъ такъ немного скаутовъ.

Конечно, не въ одинъ день постигаются всѣ программы, а путемъ настойчивой работы. И еще больше терпѣнія и настойчивости требуется для выработки того характера, качества котораго, составляющія цѣль скаутизма, мы указали ранѣе. Скаутизмъ является именно той «школой для жизни», отсутствіе которой было замѣтнымъ пробѣломъ въ системѣ современнаго воспитанія.

Въ основу работы положена «система звеньевъ». 6 - 8 мальчиковъ составляютъ «звено», звенья соединяются въ отряды, отряды въ дружины.

Но не массу, подогнанную подъ одинъ образецъ, стремится создать скаутизмъ, наоборотъ, онъ помогаетъ каждому мальчику выработаться въ самостоятельнаго человѣка и гражданина, чѣмъ скаутизмъ коренным образомъ отличается отъ организаціи «потѣшныхъ», съ которыми его такъ часто смѣшиваютъ.

А чтобы смѣло смотрѣть въ глаза будущему, мы русскіе сейчасъ, какъ никогда, нуждаемся въ гражданахъ твердаго характера и воли, которые встрѣчали бы всѣ испытанія, выпавшія на долю нашей Родины, со смѣлостью, хладнокровіемъ и полнымъ сознаніемъ своего долга.

А. Козловскій.

Какъ стать скаутомъ.

Если у васъ въ городѣ есть отрядъ русскихъ скаутовъ, не откладывая вступите въ него. Если такого отряда нѣтъ, то вы можете образовать свое собственное звено, собравъ вмѣстѣ еще пять мальчиковъ. Послѣ этого одинъ изъ мальчиковъ избирается вожатымъ, и остальные обязаны его слушаться. Затѣмъ вожатый выбираетъ другого мальчика себѣ въ помощники.

Купивъ книгу Баденъ-Пауля для скаутовъ, вожатый сможетъ самъ вести занятія, а обо всѣхъ возникающихъ вопросахъ всегда можетъ написать въ «Зеленую Палочку» и въ отдѣлѣ «Скауты» найти отвѣтъ на свой вопросъ.

Какъ стать несчастнымъ.

Вотъ, интересная выдержка изъ записной книжки одного почтеннаго англійскаго скаута: «Если хочешь быть несчастнымъ, углубись въ мысли о томъ, что-бы ты хотѣлъ имѣть и что ты не можешь себѣ доставить, о всемъ томъ, въ чемъ ты нуждаешься и чего не можешь имѣть, объ уваженіи, которымъ люди должны были-бы окружить тебя и котораго они тебѣ не выказываютъ, о всемъ томъ счастьи, которое ты заслужилъ и которое приходитъ къ другимъ, его не заслуживающимъ, подходи ко всему съ чувствомъ раздраженія, пребывай постоянно въ зависти, относись съ недовѣріемъ ко всему свѣту и не люби никого... И ты будешь также несчастенъ, какъ былъ-бы несчастенъ, работая спеціально долго и упорно для достиженія этой цѣли».

Предоставляемъ самому читателю сдѣлать выводъ, будетъ-ли онъ также несчастенъ, если будетъ исполнять 8-й законъ скаутовъ. «Скаутъ веселъ и никогда не падаетъ духомъ».

Игра Кима.

Эта игра считается классической для скаутовъ.

Кимомъ звали мальчика-англичанина, оказавшаго своей наблюдательностью много услугъ родинѣ. Наблюдательность въ себѣ Кимъ развилъ, постоянно упражняясь въ запоминаніи большого количества предметовъ въ малый срокъ времени.

— Попросите всѣхъ играющихъ выйти на нѣсколько минутъ въ другую комнату. А сами положите на столъ или подносъ 20 - 30 разныхъ небольшихъ предметовъ въ родѣ различныхъ сортовъ пуговицъ, карандашей, пробокъ, орѣховъ, кошельковъ, ножиковъ, карточекъ, все что попадется подъ руку — и накройте столъ покрываломъ. Составьте списокъ предметовъ и оставьте графы для отвѣтовъ каждаго играющаго.

Позовите вашихъ товарищей, снимите покрывало и ровно минуту дайте имъ смотрѣть на разложенныя вещи. Затѣмъ покройте снова столъ покрываломъ. Предложите въ теченіе трехъ минутъ составить каждому, не совѣщаясь съ товарищами, списокъ удержанныхъ памятью вещей. Отмѣтьте результаты на вашемъ спискѣ.

Выигралъ тотъ, кто перечислилъ наибольшее количество предметовъ. При равномъ числѣ преимущество отдается наиболѣе точно обозначившему названія. Игра эта никогда не надоѣдаетъ и въ нее можно играть каждый разъ, когда собирается нѣсколько юныхъ друзей.

„Бѣлый медвѣдь“.

Въ Константинополѣ въ октябрѣ минувшаго года сталъ выходить скаутскій журналъ «Бѣлый Медвѣдь», издаваемый константинопольской организаціей русскихъ скаутовъ одновременно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Привѣтствуя появленіе этого перваго печатнаго журнала русскихъ скаутовъ на чужбинѣ, пожелаемъ ему полнаго успѣха.

Островъ сокровищъ

Рис. А. Койранскаго. Романъ Р. Стивенсона.

ГЛАВА XIV.

Первый ударъ.

Я былъ такъ доволенъ, что мнѣ удалось улизнуть отъ Длиннаго Джона, что чувствовалъ себя очень хорошо и сталъ осматриваться съ большимъ интересомъ въ этой новой и странной обстановкѣ.

Я пересѣкъ топкую полосу, поросшую ивнякомъ, кустарникомъ и странными, болотными деревьями; и теперь я вышелъ къ открытому песчаному пространству, по которому было разбросано нѣсколько сосенъ и большое множество искривленныхъ деревьевъ, нѣсколько похожихъ на дубъ, но съ блѣдной листвой, какъ у ветлы. Пространство вдали замыкалось однимъ изъ холмовъ, увѣнчаннымъ двумя вершинами, сверкавшими въ солнцѣ.

Я чувствовалъ теперь впервые радость изслѣдователя невѣдомыхъ странъ. Островъ былъ необитаемъ; мои спутники оставались гдѣ-то позади, и ничего живого не было впереди меня, кромѣ глухарей и болотныхъ птицъ. Я бродилъ взадъ и впередъ между деревьями. Мѣстами росли невѣдомыя мнѣ цвѣтущія растенія; порой я видѣлъ змѣй, и одна изъ нихъ подняла голову съ глыбы камня и уставилась на меня съ шипѣніемъ, похожимъ на жужжаніе волчка. Я и не подозрѣвалъ, что это — смертельный врагъ и что этотъ шумъ — столь извѣстный признакъ гремучей змѣи.

Потомъ я попалъ въ чащу деревьевъ, похожихъ на дубъ, — вѣчно-зеленыхъ дубовъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, — которые росли вдоль песка, какъ бахрома, съ курьезно переплетенными вѣтвями, съ страшно густой листвой. Заросли спускались съ одного изъ песчаныхъ откосовъ, подымаясь все выше и становясь все гуще, доходя, наконецъ, до заросшаго камышами болота, сквозь которое просачивалась къ бухтѣ ближайшая ихъ маленькихъ рѣкъ. Болото дымилось подъ солнцемъ, и очертанія «Подзорной Трубы» дрожали сквозь паръ.

Мало-по-малу въ кустарникахъ начался оживленный шумъ; дикая утка поднялась съ крикомъ, за ней послѣдовала другая, и вскорѣ надъ всѣмъ болотомъ повисла большая туча шумныхъ птицъ, кружившихся въ воздухѣ. Я сразу догадался, что, очевидно, кто-то изъ моихъ спутниковъ приблизился къ болоту. Я не ошибся: вскорѣ я услышалъ отдаленные звуки тихаго человѣческаго голоса, которые росли и крѣпли, по мѣрѣ того какъ я прислушивался къ нимъ.

Это меня очень напугало, и я спрятался подъ ближайшимъ деревомъ и прикорнулъ, тихохонько, какъ мышенокъ.

Другой голосъ отвѣчалъ; и тогда первый голосъ, въ которомъ я теперь призналъ Сильвера, опять сталъ разсказывать что-то долго и обстоятельно, только изрѣдка перерываемый собесѣдникомъ. Судя по звуку,

они разговаривали серьезно, даже спорили; но я не могъ расслышать отчетливо ни одного слова.

Наконецъ собесѣдники, очевидно, прекратили разговоръ и, должно быть, сѣли; потому что не только перестали приближаться звуки ихъ передвиженія, но даже и птицы успокоились и снова стали опускаться на свои насиженныя мѣста.

Тогда мнѣ пришло въ голову, что я недобросовѣстно отношусь къ своимъ обязанностямъ; что разъ я уже позволилъ себѣ легкомысленно сойти на берегъ съ этими разбойниками, то долженъ былъ бы по меньшей мѣрѣ стараться подслушать ихъ совѣщаніе; и что долгомъ моимъ было подобраться къ нимъ такъ близко, какъ только позволяло прикрытіе заросли.

Я могъ бы довольно точно опредѣлить направленіе, въ которомъ находились собесѣдники, не только по звуку голосовъ, но и по немногимъ птицамъ, которыя еще кружились безпокойно въ воздухѣ надъ головами вторгнувшихся въ ихъ области чужеземцевъ.

Ползя на четверинкахъ, я медленно, но неуклонно приближался къ нимъ; пока, наконецъ, поднявши голову въ уровень съ отверстіемъ въ чащѣ листвы, я ни увидѣлъ маленькую зеленую прогалинку, окруженную тѣсно деревьями, на которой Длинный Джонъ и одинъ изъ команды стояли и разговаривали.

Солнце освѣщало ихъ прямо въ лицо. Сильверъ сбросилъ шляпу рядомъ съ собой на землю, и его большое гладкое свѣтловолосое лицо, пышущее отъ жара, было обращено къ другому съ вызовомъ.

«Пріятель», говорилъ онъ: «вѣдь все это только потому, что я тебя цѣню, какъ золото, повѣрь мнѣ! Если я не льнулъ бы къ тебѣ, какъ смола, то развѣ я сталъ бы съ тобой разговаривать? Все уже готово, — ты ничего не можешь измѣнить. Я предупреждаю тебя, чтобы спасти твою шею, Томъ!»

«Сильверъ», отвѣтилъ другой, и голосъ его былъ хриплый, какъ воронье карканье, «Сильверъ, вы уже не молоды и честны или, во всякомъ случаѣ, у васъ доброе имя; и у васъ есть деньги, какихъ нѣтъ у всякаго матроса; и вы храбры, если я только не ошибаюсь. И вы хотите связаться съ этой шайкой мерзавцевъ? Видитъ Богъ, я скорѣе лишусь руки, чѣмъ пойду противъ моего долга».

Тутъ его вдругъ прервалъ неожиданный шумъ. Я, очевидно, натолкнулся на одного изъ честныхъ людей команды, а тутъ вдругъ донеслось свѣдѣніе и о другомъ. Далеко за болотомъ раздался внезапно крикъ гнѣва, потомъ другой, отвѣтный; и потомъ одинъ длинный вопль ужаса. Скалы «Подзорной Трубы» отвѣтили многократнымъ эхо; вся стая болотныхъ птицъ вновь поднялась, затѣняя небо, съ громкими криками; и еще долго послѣ этого смертный вопль стоялъ у меня въ ушахъ. Наконецъ вновь воцарилась тишина и только шелестъ птицъ, спускавшихся на свои мѣста, нарушалъ тишину томительнаго дня.

Томъ подскочилъ при этомъ звукѣ, какъ конь отъ удара шпорами; но Сильверъ даже не моргнулъ глазомъ. Онъ остался стоять на мѣстѣ, легко опираясь на свой костыль и уставившись на своего собесѣдника, какъ змѣя, готовая прыгнуть.

«Джонъ!» проговорилъ матросъ, протягивая руку.

«Руки прочь!» воскликнулъ Сильверъ, отскакивая назадъ на ярдъ, съ ловкостью опытнаго гимнаста.

«Что-жъ, прочь такъ прочь!» отвѣчалъ матросъ. «Только черная совѣсть можетъ заставить васъ опасаться меня. Но ради Бога, скажите мнѣ, что это было?»

«Это?» отвѣтилъ Сильверъ, криво улыбаясь, но злобно сверкая глазами изъ узкихъ щелокъ. «Это? Думаю, что это былъ Аланъ».

Бѣдный Томъ гордо выпрямился, какъ герой.

«Аланъ!» вскричалъ онъ. «Упокой, Господи, душу его. Онъ былъ честнымъ морякомъ! Что же касается васъ, Джонъ Сильверъ, вы долго были моимъ пріятелемъ, но теперь вы мнѣ больше не пріятель. Если я умру, какъ песъ, я умру вѣрный своему долгу. Вы убили Алана? Такъ убейте и меня, если можете. Но я не боюсь васъ!»

И съ этими словами честный-малый повернулъ спину повару и пошелъ къ бухтѣ. Но ему не суждено было пройти далеко. Съ крикомъ Джонъ уцѣпился за древесный сукъ, выхватилъ изъ подъ мышки костыль и швырнулъ его въ Тома. Костыль вонзился остріемъ прямо между лопатокъ. Руки его взлетѣли кверху, онъ издалъ стонъ и упалъ.

Былъ-ли онъ раненъ тяжело или легко, нельзя было сказать. Хотя, судя по звуку, ударъ сразу проломилъ ему спину. Но ему не было дано время оправиться. Сильверъ, проворный, какъ обезьяна, въ слѣдующее мгновеніе уже насѣлъ на него и дважды погрузилъ ножъ по самую рукоятку въ беззащитное тѣло. Изъ моей засады я слышалъ, какъ онъ громко кряхтѣлъ, нанося удары.

Я не знаю, что такое обморокъ, но знаю только, что въ слѣдующія затѣмъ мгновенія все поплыло мимо меня въ какомъ-то туманномъ вихрѣ; Сильверъ и птицы и вершина « Подзорной Трубы », все завертѣлось у меня въ глазахъ и въ ушахъ зазвенѣли колокола и далекіе голоса.

Когда я опять пришелъ въ себя, чудовище уже поднялось, опираясь на костыль и нахлобучивъ шляпу. Прямо передъ нимъ лежалъ неподвижный Томъ. Но убійца не обращалъ на него никакого вниманія, онъ вытиралъ ножъ пучкомъ травы. Все остальное было такъ же неизмѣнно, солнце безпощадно жгло дымящееся болото и сверкало на высокомъ остріѣ горы, и я съ трудомъ могъ убѣдить себя въ томъ, что убійство, дѣйствительно, имѣло мѣсто, и человѣческая жизнь была жестоко прервана на моихъ глазахъ.

Но, вотъ, Джонъ опустилъ руку въ карманъ, досталъ свистокъ и свистнулъ. Свистъ раздался звонкими переливами и далеко разнесся по горячему воздуху. Я, конечно, не зналъ значенія сигнала; но всѣ мои страхи сразу пробудились. Сбѣгутся люди. Меня могутъ открыть. Они уже убили двухъ порядочныхъ людей; послѣ Тома и Алана не была-ли теперь моя очередь?

Я немедленно поползъ обратно, такъ скоро и беззвучно, какъ только могъ, направляясь на опушку лѣса. Я слышалъ оклики пиратовъ, и эти опасные звуки окрыляли мои движенія. Лишь только я выбрался изъ чащи, я побѣжалъ, какъ мнѣ никогда до того не приходилось бѣжать, не выбирая направленія, лишь бы быть подальше отъ убійцъ; и, пока я бѣжалъ, мой страхъ все росъ, пока не сталъ какимъ-то безуміемъ.

Дѣйствительно, можно-ли было быть болѣе потеряннымъ, чѣмъ былъ я въ эту минуту? Какъ посмѣлъ бы я, когда раздастся пушечный выстрѣлъ, сѣсть въ лодку съ этими негодяями, еще окровавленными преступленіями? Развѣ первый же изъ нихъ не свернулъ бы мнѣ шею? Развѣ мое отсутствіе само по себѣ не выдало бы имъ меня съ головой? Мнѣ казалось, что все кончено. Прощай, Испаніола! Прощайте, докторъ, кавалеръ, капитанъ! Мнѣ не оставалось ничего, кромѣ голодной смерти, или же конца отъ руки мятежниковъ.

Тѣмъ временемъ я продолжалъ бѣжать и, самъ того не замѣчая, приблизился къ подошвѣ маленькаго холма съ двумя вершинами и попалъ въ часть острова, гдѣ вѣчнозеленые дубы росли болѣе разбросано и больше походили на лѣсныя деревья ростомъ и прямизной. Между ними росло нѣсколько сосенъ, футовъ отъ пятидесяти до семидесяти вышиной. И воздухъ былъ свѣжѣе, чѣмъ внизу, у болота.

И тутъ новая тревога остановила меня, какъ вкопаннаго, съ громко бьющимся сердцемъ.

ГЛАВА XV.

Житель острова.

Со стороны холма, который сюда спускался крутымъ каменистымъ откосомъ, покатилась груда щебня, громыхая среди древесныхъ стволовъ. Глаза мои инстинктивно повернулись въ этомъ паправленіи, и я увидѣлъ, какъ какая-то фигура быстро спряталась за сосной. Я не могъ угадать, что это было: медвѣдь, обезьяна или человѣкъ. Фигура казалась темной и мохнатой, больше я ничего не могъ сказать. Но страхъ передъ этимъ новымъ явленіемъ заставилъ меня остановиться.

Теперь я былъ отрѣзанъ съ двухъ сторонъ; позади меня убійцы, спереди меня это неописуемое «нѣчто». И тотчасъ же я почувствовалъ, что предпочитаю вѣдомую мнѣ опасность невѣдомой. Самъ Сильверъ казался мнѣ менѣе ужаснымъ въ сравненіи съ этимъ лѣснымъ существомъ, и я круто повернулъ и, осторожно оглядываясь черезъ плечо, побрелъ къ лодкамъ.

Фигура снова появилась и, сдѣлавъ большой обходъ, опять показалась передо мной. Я, конечно, чувствовалъ сильную усталость. Но если бы я былъ даже совершенно свѣжимъ, для меня было бы не по силамъ состязаться съ такимъ быстрымъ противникомъ. Это существо мчалось отъ ствола къ стволу, какъ лань, на двухъ ногахъ, какъ человѣкъ, но нагибаясь впередъ и такъ, какъ никогда не нагибаются люди. И все-же это былъ человѣкъ, я не могъ больше въ этомъ сомнѣваться.

Я сталъ припоминать все, что слышалъ о людоѣдахъ. Я уже готовъ былъ звать на помощь. Но тотъ фактъ, что это былъ все-же человѣкъ, хотя и дикій, успокоилъ меня до нѣкоторой степени и вмѣстѣ съ этимъ сталъ воскресать мой страхъ передъ Сильверомъ. Поэтому я остановился и сталъ искать возможности высвободиться; и когда я такъ обдумывалъ свое положеніе, я вспомнилъ о томъ, что у меня есть пистолетъ. Лишь только я вспомнилъ, что я не беззащитенъ, храбрость опять вспыхнула въ моемъ сердцѣ; и я повернулся лицомъ къ обитателю острова и рѣшительно пошелъ ему навстрѣчу.

Онъ тѣмъ временемъ спрятался за стволомъ дерева; но должно быть онъ слѣдилъ за мной пристально, потому что, лишь только я направился въ его сторону, онъ появился и двинулся навстрѣчу мнѣ. Потомъ онъ заколебался, отступилъ, опять показался, и наконецъ, къ моему удивленію и смущенію, упалъ на колѣни и умоляюще протянулъ руки.

Видя это, я опять остановился.

«Кто ты?» спросилъ я.

«Бэнъ Ганнъ», отвѣтилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ хрипло и немощно, какъ заржавленный замокъ. «Я бѣдный Бэнъ Ганнъ; и я цѣлыхъ три года не говорилъ съ крещеной душой».

Теперь я могъ разглядѣть, что онъ былъ такой-же бѣлый человѣкъ, какъ и я, и что черты лица его были даже привлекательны. Кожа его была покрыта загаромъ; даже губы его почернѣли; и его голубые глаза производили странное впечатлѣніе на такомъ темномъ лицѣ. Изъ всѣхъ нищихъ, какихъ мнѣ когда-либо пришлось видѣть, онъ былъ самымъ оборваннымъ. Онъ былъ одѣтъ въ обрывки старой парусины и въ лохмотья матросской одежды; и эти отрепья были скрѣплены самымъ невообразимымъ способомъ, мѣдными пуговицами, кусочкомъ дерева и смоленой бичевки. Онъ былъ опоясанъ кожанымъ поясомъ, украшеннымъ мѣдными пряжками, кото-

рый былъ единственнымъ крѣпкимъ предметомъ въ его одѣяніи.

«Три года!» воскликнулъ я. «Ты потерпѣлъ кораблекрушеніе?»

«Нѣтъ, пріятель», сказалъ онъ, «я былъ заточенъ».

Я и раньше слышалъ это слово, и я зналъ, что оно обозначаетъ ужасный видъ наказанія, довольно часто примѣнявшійся у пиратовъ. Подвергнутаго заточенію высаживали на пустынномъ островѣ съ небольшимъ количествомъ пороха и пуль.

«Заточенъ три года тому назадъ», продолжалъ онъ, «и съ тѣхъ поръ питался одной козлятиной, ягодами да устрицами. Гдѣ-бы человѣкъ ни былъ, говорю я, онъ всюду сможетъ просуществовать. Но, пріятель, душа моя стосковалась по христіанской пищѣ. Нѣтъ-ли у тебя случайно кусочка сыра? Нѣтъ? Сколько долгихъ ночей я во снѣ видѣлъ сыръ, — по большей части, на сухарѣ, — и просыпался, и нѣтъ ничего!»

«Если мнѣ только удастся вернуться на корабль, ты получишь сколько угодно, хоть пудами», сказалъ я.

Все это время онъ ощупывалъ сукно моей одежды, гладилъ мои руки, разсматривалъ башмаки и, вообще, выказывалъ дѣтскую радость по поводу встрѣчи съ человѣкомъ. Но при послѣднихъ моихъ словахъ на лицѣ его изобразилось лукавство и онъ спросилъ:

«Если тебѣ удастся вернуться на корабль, говоришь ты? Такъ кто-же тебѣ мѣшаетъ?»

«Конечно, не ты», отвѣтилъ я.

«Ты совершенно правъ!» воскликнулъ онъ. «Ну, а какъ тебя звать, пріятель?»

«Джимъ», сказалъ я.

«Джимъ, Джимъ», повторилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ. «Такъ вотъ, Джимъ, я жилъ такъ гнусно, что тебѣ было-бы стыдно и слушать. Вѣдь, глядя на меня, ты не повѣрилъ бы, что у меня была набожная мать?» спросилъ онъ.

«Почему-же нѣтъ», отвѣтилъ я.

«Ну, ужъ что тамъ», возразилъ онъ. «Но мать моя была, дѣйствительно, необычайно набожна. И я былъ вѣжливый, набожный юноша, и могъ такъ быстро сказать символъ вѣры, что ты слова отъ слова не разобралъ-бы. И вотъ до чего дошло! Началось, конечно, съ пустяковъ; но мать моя все предсказала мнѣ, набожная женщина. Но, значитъ, Промыслу угодно было заточить меня сюда. Я все это тысячу разъ передумалъ на этомъ одинокомъ островѣ и рѣшилъ вернуться на путь истинный. Ты ужъ не поймаешь меня на пьянствѣ. Развѣ, наперсточекъ рома на счастье, при первомъ случаѣ. Я рѣшилъ стать хорошимъ и знаю дорогу. И кромѣ того, Джимъ!» — онъ осмотрѣлся вокругъ и понизилъ голосъ до шопота, — я богатъ!»

Я былъ убѣжденъ, что бѣдный малый сошелъ съ ума въ одиночествѣ, и боюсь, что я не сумѣлъ скрыть своего смущенія, потому что онъ горячо и торопливо подтвердилъ:

«Богатъ, богатъ, говорю я. И вотъ что: я сдѣлаю тебя человѣкомъ, Джимъ. Да, Джимъ, ты будешь благословлять свою звѣзду за то, что ты первый нашелъ меня!»

Но тутъ лицо его внезапно омрачилось, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку и угрожающе поднялъ палецъ:

«Теперь, Джимъ, скажи мнѣ правду: это — не корабль Флинта?» спросилъ онъ.

Тутъ меня осѣнило радостное соображеніе. Я начиналъ вѣрить, что нашелъ союзника, и я тотчасъ-же ему отвѣтилъ.

«Это не Флинтовъ корабль, и самъ Флинтъ умеръ; но говорю тебѣ правду, какъ ты самъ просилъ: есть нѣсколько людей изъ команды Флинта на кораблѣ, и это — бѣда для всѣхъ насъ, остальныхъ».

«А нѣтъ человѣка объ одной ногѣ?» спросилъ онъ.

«Сильверъ?» воскликнулъ я.

«Да, Сильверъ!» отвѣтилъ онъ. «Такъ его звали».

«Онъ — поваръ и главный коноводъ!»

«... Съ крикомъ Джонъ уцѣпился за древесный сукъ, выхватилъ изъ подъ мышки костыль и швырнулъ его въ Тома».

Онъ все еще держалъ меня за руку и при этихъ словахъ крѣпко сжалъ ее.

«Если тебя послалъ Длинный Джонъ, то я пропалъ, какъ убойная свинья».

Я сразу рѣшился и тутъ-же разсказалъ ему всю исторію моего путешествія и о томъ положеніи, въ которомъ мы теперь находились. Онъ выслушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, онъ погладилъ меня по головѣ.

«Ты славный малый, Джимъ», сказалъ онъ, «и всѣ вы въ здоровой западнѣ, не такъ-ли? Ладно, положитесь на Бэнъ Ганна, онъ ужъ устроитъ это. Какъ ты думаешь, въ случаѣ моей помощи, окажется-ли кавалеръ достаточно великодушнымъ?»

Я сказалъ ему, что кавалеръ былъ самымъ великодушнымъ изъ людей.

«Да, но видишь-ли», возразилъ Бэнъ Ганнъ, «я не имѣю въ виду получить мѣсто привратника да ливрейную одежду; это мнѣ не улыбается, Джимъ. Я хотѣлъ-бы знать, согласится-ли онъ выдать мнѣ тысячу фунтовъ изъ тѣхъ денегъ, которыя, въ сущности, уже моя собственность?»

«Я увѣренъ, что онъ согласится», сказалъ я. «Было условлено, что каждый изъ команды получитъ свою часть».

«И проѣздъ до дому?» прибавилъ онъ съ лукавымъ взглядомъ.

«Помилуй», воскликнулъ я. «Кавалеръ — настоящій джентльменъ. Да, кромѣ того, если мы избавимся отъ негодяевъ, ты будешь намъ необходимъ, чтобы довести корабль до дому».

«Ага, вотъ какъ», сказалъ онъ съ видимымъ облегченіемъ.

«Теперь, послушай, что я скажу тебѣ», продолжалъ онъ. «Я былъ на кораблѣ Флинта, когда онъ закопалъ кладъ; онъ и шестеро здоровыхъ моряковъ. Они были на берегу около недѣли, а мы стояли на рейдѣ на «Моржѣ». Въ одинъ прекрасный день подается сигналъ, и Флинтъ возвращается въ маленькой лодкѣ съ головой, обвязанной синимъ платкомъ. Солнце вставало, и былъ онъ смертельно блѣденъ. Но, вотъ, онъ одинъ вернулся, а всѣ шестеро были убиты и похоронены. Какъ онъ это устроилъ, никто на кораблѣ не могъ сказать. Значитъ былъ бой и смертоубійство, — и онъ одинъ, противъ шестерыхъ. Билли Боунсъ — былъ боцманомъ; Длинный Джонъ квартирмейстеромъ; и они спросили его, гдѣ сокровище. «Можете отправиться на берегъ», отвѣтилъ онъ, «и оставаться тамъ. Но корабль, клянусь громомъ, отправится дальше!» Вотъ, что онъ сказалъ.

«Ладно! Былъ я на другомъ кораблѣ, три года тому назадъ, и мы увидѣли этотъ островъ. Ребята, сказалъ я, здѣсь сокровища Флинта; сойдемъ на берегъ и отыщемъ ихъ. Капитану это не понравилось; но товарищи мои всѣ согласились, и мы сошли на берегъ. Двѣнадцать дней они искали, и съ каждымъ днемъ они все больше злились на меня, пока однажды утромъ вся команда не вернулась на корабль. «А ты, Бэнъ Ганнъ», сказали они, «вотъ тебѣ ружье, лопата и кирка. Ты можешь оставаться здѣсь и искать для себя сокровища Флинта».

«И вотъ, Джимъ, три года я прожилъ здѣсь, и ни кусочка христіанской пищи не съѣлъ съ того самаго дня. Но погляди-ка на меня, какъ слѣдуетъ. Развѣ похожъ я на простого матроса. Нѣтъ, и не былъ я простымъ матросомъ».

Онъ подмигнулъ и крѣпко ущипнулъ меня.

«Передай-ка эти слова въ точности вашему кавалеру», продолжалъ онъ. «Три года онъ былъ единственнымъ человѣкомъ на этомъ островѣ днемъ и ночью, въ ведро и въ непогоду; и порой, скажи ему, онъ припоминалъ молитву, и порой думалъ о своей старухѣ матери, но большую часть времени, такъ ты и скажешь, онъ затратилъ на другое. И тутъ ты его ущипнешь вотъ такъ».

И онъ опять ущипнулъ меня, съ выраженіемъ глубочайшаго лукавства.

«Потомъ», продолжалъ онъ, «ты скажешь:

Ганнъ хорошій человѣкъ и онъ значительно больше довѣряетъ природному джентльмену, чѣмъ рыцарю фортуны, каковымъ былъ самъ».

«Хорошо», сказалъ я, «я передалъ бы все, что ты сказалъ. Но не въ этомъ дѣло. Ибо, какъ попаду я на корабль?»

«Да», сказалъ онъ, «вотъ, за чѣмъ дѣло стало. Ладно, вотъ моя лодка, которую я сдѣлалъ собственными руками. Я ее спряталъ подъ бѣлой скалой. Если дойдетъ до худшаго, то мы можемъ попытаться, когда наступитъ ночь. Ого!» воскликнулъ онъ. «Что это такое!»

Въ это самое мгновеніе, хотя до заката солнца еще оставалось часа два, всѣ скалы острова задрожали дружнымъ эхо въ отвѣтъ пушечному выстрѣлу.

«Они начали бой!» воскликнулъ я. «Слѣдуй за мной!»

И я пустился бѣжать къ бухтѣ, забывъ о всѣхъ страхахъ; рядомъ со мной обитатель острова бѣжалъ легкой походкой въ своей козьей шкурѣ.

«Налѣво, налѣво, пріятель Джимъ! Сюда, подъ дерево! Здѣсь я убилъ своего перваго козла. Теперь они сюда больше не спускаются отъ страха передъ Бэнъ Ганномъ. А вотъ погостъ. Сюда я приходилъ молиться, когда думалъ, что насталъ воскресный день. Это, правда, не совсѣмъ часовня, но, все-же, здѣсь поторжественнѣе.

Такъ онъ болталъ на-ходу, не ожидая отвѣтовъ и не получая ихъ.

На пушечный выстрѣлъ отвѣтилъ черезъ нѣкоторое время ружейный залпъ.

Опять пауза, и потомъ, на разстояніи четверти мили, я увидѣлъ англійскій флагъ, развѣвающійся надъ верхушкой дерева.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Переводъ съ англійскаго Ал. КОЙРАНСКАГО.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

ФОКУСЪ СЪ ЦИФРАМИ.

Возьмите листокъ бумаги и предложите кому-нибудь изъ присутствующихъ написать многозначное число. Запомните это число и напишите сами на другомъ листкѣ другое число, равное суммѣ еще не написанныхъ участниками игры чиселъ. Этотъ второй листокъ долженъ быть тщательно сложенъ и переданъ на храненіе одному изъ присутствующихъ.

Затѣмъ, вы предлагаете другому участнику написать на первомъ листкѣ, подъ уже имѣющимся числомъ, составленное изъ одинаковаго количества знаковъ число, послѣ чего вы сами пишете третье число и передаете листокъ третьему участнику, съ просьбой написать какое угодно число, равное по количеству знаковъ.

Теперь опять ваша очередь написать число.

Тутъ уже предложите кому-нибудь изъ желающихъ подвести итогъ и вслухъ прочесть полученную сумму. Къ общему удивленію окажется, что заранѣе написанное вами число на сложенномъ и спрятанномъ листочкѣ точно совпадаетъ съ полученной суммой.

Для примѣра возьмемъ слѣдующій случай.

А написалъ число 27563 и показалъ вамъ написанное. Принявъ озабоченный видъ, — это всегда заинтересовываетъ публику, — вы пишете на другомъ листкѣ число — будущую сумму.

Для этого надо изъ написаннаго *А* числа вычесть *2* и ту-же цифру *2* прибавить съ лѣвой стороны числа. Въ данномъ случаѣ получится 227561. Бумажку съ написаннымъ таинственно числомъ сложите и довѣрьте «надежному» лицу, по выбору присутствующихъ. Затѣмъ предложите *B* написать число. Онъ напишетъ, предположимъ, 41235. Тогда на листкѣ получится

27563
41235

Теперь вы сами должны написать третье число. Ваше число должно быть таково, чтобы оно вмѣстѣ съ предыдущимъ составляло 99999, т. е.

41235
58764

99999

Конечно, никто изъ присутствующихъ не долженъ объ этомъ знать, и вы должны написать свое число, какъ будто случайно и безразлично. Теперь на вашемъ листкѣ уже будутъ 3 числа:

27563
41235
58764

Листокъ передается *C*, который пишетъ свое число, скажемъ, — 32141. Опять листокъ возвращается къ вамъ, и вы пишете свое число, помня, что оно должно составлять число 99999 вмѣстѣ съ предыдущимъ. Получится слѣдовательно:

27563
41235
58764
32141
67858

Вы просите подвести итогъ. Получается — 227561, т. е., точно столько-же, сколько вы предсказали въ своемъ листкѣ.

КАКЪ УЗНАТЬ ЗАДУМАННЫЯ ЧИСЛА.

Вы предлагаете двоимъ задумать по однозначному числу. Одному изъ нихъ вы предлагаете помножить свое число на 5, прибавить къ полученному произведенію 7 и затѣмъ удвоить полученное число, сообщить его 2-му участнику, который къ сообщенному числу прибавляетъ свое задуманное число. Сумму эту вамъ называютъ, и вы съ легкостью устанавливаете задуманныя числа.

Вотъ, примѣръ. Одно лицо задумало 9, другое 3. Первый долженъ произвести слѣдующее дѣйствіе:

$$9 \times 5 = 45 + 7 = 52 \times 2 = 104.$$

Это число онъ сообщаетъ второму, который прибавляетъ свое число 3 и получаетъ 107.

Изъ 107 вы отнимаете 14. Получается 93. *Первая* цифра 9 задумана тѣмъ, которому вы предложили помножить свое число на 5 и пр. *Вторая* цифра задумана вторымъ. Если-бы вы предложили второму необходимыя дѣйствія, то получилось-бы

$$3 \times 5 = 15 + 7 = 22 \times 2 = 44 + 9 = 53;$$

$$53 - 14 = 39.$$

Въ помощь русскимъ дѣтямъ.

Редакція журнала «Зеленая Палочка» считаетъ долгомъ отозваться на нужду, которую терпятъ русскія дѣти въ тяжкихъ условіяхъ, порожденныхъ минувшей войной и непрекращающейся распрей въ Россіи.

Съ этой цѣлью при редакціи открытъ сборъ пожертвованій, а для общественнаго контроля надъ этимъ сборомъ и для наиболѣе правильнаго распредѣленія собранныхъ суммъ образованъ «Комитетъ помощи русскимъ дѣтямъ», въ который вошли:

Князь Георгій Евгеньевичъ *Львовъ.*
Александръ Ивановичъ *Купринъ.*
Тихонъ Ивановичъ *Полнеръ.*

Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 3 до 6 у секретаря редакціи:

31, Rue de Richelieu, PARIS (Ier)
(Métro: Palais-Royal)

а также почтовыми переводами.

До настоящаго времени поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ (полный списокъ опубликованъ въ «Зеленой Палочкѣ» за 1920 г.) — всего: 1.015 франковъ.

Редакторъ: **А. П. Шполянскій** (Донъ-Аминадо). *Издатель:* **Русское Книгоиздательство въ Парижѣ «Сѣверъ».**

Le gérant : HAMBOURG. Imprimerie «ZEMGOR», 216, boulevard Raspail.

Принимается подписка

на 1921-й годъ

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА

Подписная плата (съ пересылкой и доставкой):

	На 3 мѣс. (6 книжекъ)	На 6 мѣс. (12 книжекъ)	На 1 годъ (24 книжки)
Во Франціи	18 фр.	33 фр.	60 фр.
Въ другихъ странахъ Европы	20 фр.	36 фр.	65 фр.

Подписка принимается *почтовыми переводами* или *банковскими переводами* (въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ адресовать переводы на имя: EDITIONS "SEVER," 31, rue de Richelieu, Paris. Ier) или въ конторѣ журнала: 31, rue de Richelieu (Métro: Palais-Royal).

Подписной купонъ.

Заполнить, вырѣзать и отправить въ конвертѣ по адресу:

ÉDITIONS "SEVER", 31, rue de Richelieu, Paris (Ier).

линія отрѣза.

Въ контору журнала "ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА".

Прошу высылать мнѣ журналъ „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА" въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, шести мѣсяцевъ, одного года (вычеркните лишнее) *по нижеслѣдующему адресу:*

Пишите ЧЕТКО вашъ адресъ!

Фамилія и имя ____

Улица ____

Номеръ дома ____

Городъ ____

Страна ____

Слѣдуемую подписную плату въ размѣрѣ ____ *высылаю: почтовымъ переводомъ* (или) *банковскимъ чекомъ* (или) *прилагаю при семъ наличными деньгами.*

(Подпись

PRIX : 3 FRANCS